

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ФГБУ НМИЦ
ПСИХИАТРИИ
И НАРКОЛОГИИ
ИМ. В.П. СЕРБСКОГО

МГППУ

СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ

Психология и право в современной России

УК Коченовские чтения 2024

Всероссийская конференция по юридической психологии
с международным участием
в смешанном формате (очно и онлайн)

06–08 ноября

Создаем вместе историю, развиваем науку,
продвигаем практики

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»**

**«Психология и право в современной России.
Коченовские чтения».**

**Сборник
тезисов участников Всероссийской конференции по
юридической психологии с международным участием**

**Москва
2024**

УДК 159.9
ББК 88.47
П86

П86 **«Психология и право в современной России. Коченовские чтения».**
Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием / под ред. А.А. Марголиса, Н.В. Дворянчикова, Н.В. Богданович, В.В. Делибалт, М.Г. Дебольского, Е.Г. Дозорцевой, Л.М. Карнозовой, И.Н. Коноплевой, Ф.С. Сафуанова, Р.В. Чиркиной; сост. О.Р. Бусарова, О.Д. Гурина. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – 325 с.
ISBN 978-5-94051-306-3

УДК 159.9
ББК 88.47

ISBN 978-5-94051-306-3

© ФГБОУ ВО МГППУ, 2024.

Уважаемые участники и гости конференции!

Мы рады приветствовать Вас на Всероссийской научно-практической конференции по юридической психологии с международным участием «Психология и право в современной России. Коченовские чтения», которая проводится 06-08 ноября 2024 года на площадке ФГБОУ ВО МГППУ при участии Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России.

Научное мероприятие посвящено памяти выдающегося ученого М.М. Коченова (1935 – 1999), внесшего большой вклад в становление российской юридической психологии. В продолжение развития его идей мы видим в качестве важнейших целей конференции объединение профессионалов из различных областей криминальной, судебной, пенитенциарной и правовой психологии, знакомство с современными научными трендами, обсуждение и обобщение опыта практических разработок как ведущих ученых и практиков из различных областей юридической психологии, так и будущих специалистов – студентов, магистрантов, аспирантов, а также определение перспектив развития этой отрасли психологической науки.

В 2020 и 2022 годах Конференция проходила в онлайн-формате, что позволило собрать более 2000 участников. В 2024 году Конференция впервые проходит в гибридном режиме. Для нас это волнительно и ответственно, но мы хотим, чтобы профессиональное сообщество имело возможность поддерживать научно-практическую коммуникацию в различных форматах.

В данном сборнике представлены материалы конференции, охватывающие широкий спектр актуальных проблем юридической психологии. В целях обеспечения эффективной работы участников тезисы выступлений систематизированы в следующих разделах: Криминальная психология и психические расстройства; Юридическая психология детства; Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний; Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности; Юридическая психология и риски цифрового общества; Современные тенденции в подготовке специалистов по юридической психологии; Практики профилактики социальных рисков детства: доказательный подход и оценка эффективности; Примирительные процедуры и восстановительное правосудие.

Желаем Вам вдохновения, продуктивной и интересной работы!

Оргкомитет конференции

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ	
ОРГКОМИТЕТА	3
КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА	14
Абрахова О.А., Ким К.В. Привязанность к родителям как фактор виктимизации девушек.....	14
Алексеева Н.В. Некоторые индивидуально - психологические особенности жертв телефонного мошенничества (качественный анализ по результатам КСППЭ) ...	15
Алигаева А.Н. Психические расстройства и суицидальное поведение: зарубежный подход к проблеме	17
Андрианов М.С. Социально-психологическое значение перехода проблемы роста мошенничеств из правового в политико-правовое пространство	18
Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н. Обыденный садизм в общей популяции и у лиц, совершивших уголовные преступления	20
Беликова А.А., Русаковская О.А. Результаты исследования проспективной памяти у лиц с психическими расстройствами, претендующих на повышение гражданско-правового статуса	21
Богаченкова Д.С., Власова Н.В. Личностные особенности подростков с расстройствами пищевого поведения	23
Вартанян Г.А., Сургутский Е.Д. О возможностях судебной схема-терапии	25
Васкэ Е.В. «Склонность к фантазированию»: констатация экспертом, трактовка следователем, понимание судом – актуальность и значимость проблемы, пути решения	26
Вахнина В.В. Психологическая безопасность личности в условиях негативного информационного влияния	28
Воложанина В.В., Власова Н.В. Саморегуляции у подростков с расстройствами пищевого поведения.	29
Воробьева А.А. Отношение к смерти и экзистенциальная исполненность у молодых взрослых.....	31
Воронова Ю.В., Мартынова Д.А. Эмоциональные реакции косвенных жертв теракта (на примере террористического акта в Крокус Сити Холле)	32
Воронова Ю.В., Чмыхало А.Д. Особенности представления сообщений в СМИ о терактах, совершённых в московском метро в 2010 году и в Крокус Сити Холле в 2024 году	34
Ганузин В.М. Анализ исследований по применению оружия в сфере образования: school shooting	35
Гомелля Ю.И., Луковцева З.В. Психологическая реабилитация потерпевших как инструмент предотвращения их повторной виктимизации.....	37

Денисов Е.В., Ноздрачёв Д.И., Вечерин А.В., Reid S. Триада Макдональда: алгоритмы формирования патопсихологических проявлений у серийных и массовых убийц	39
Диденко Е.Д., Пимонов В.А. Сталкинг как вид криминального посягательства: психолого-правовая характеристика	40
Дягилев А.В., Сафуанов Ф.С. Особенности принятия решения у заемщиков финансовых средств.	42
Емелин Г.Д., Ениколопов С.Н. Враждебное искажение как медиатор связи между диспозиционной враждебностью и приписыванием сообщению в соцсетях скрытого негативного посыла	44
Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Олейчик М.И., Бичевина Д.С., Плакунова В.В., Бойко О.М. Легитимизированная агрессия и ценностные ориентации в норме и при психических заболеваниях	45
Ермилова А.А., Чернышева Е.В. Особенности отношения молодежи к татуировкам	47
Железнякова С.А., Воронова Ю.В. Гендерные аспекты формирования образа серийного преступника посредством кинематографа	48
Жукова-Валиковская С.В. Криминогенность личностных особенностей при аномалиях влечения в форме садизма.	50
Заика В.В., Пимонов В.А. Феномен лжи в контексте криминального поведения ...	52
Зейгер М.В. Патопсихологические механизмы нарушения произвольной регуляции при совершении ООД.....	53
Зейгер М.В., Пилечев Д.А. Нейропсихологическое обследование в диагностике нарушений саморегуляции.....	55
Ильина В.А. К вопросу о понятии «общественная опасность личности»	56
Калашникова А.С. К вопросу клинико-психопатологических характеристик детей, участвующих в КСППЭ по семейным спорам	58
Ким Л.Е., Шаталова А.А. Сопровождаемое проживание как одна из перспективных форм стационарного социального обслуживания.....	60
Колпаков Я.В., Ялтонская А.В., Ялтонский В.М., Абросимов И.Н. Фетальный алкогольный спектр нарушений в генезе криминального поведения и меры совершенствования системы юстиции: международный опыт.....	61
Смирнова С.В., Круглова Е.А., Антышева Е.Н., Егорова П.Л. Социализированное расстройство личности подростков с делинквентным поведением (по материалам судебных психологических экспертиз)	63
Кузнецов И.В. Психологические предикторы симуляции психических расстройств на примере бредаподобных построений	65
Кулешова И.Н., Минников В.К. «Отношение» как предмет исследования в судебных экспертизах по определению места жительства детей и порядка их общения с родителями.	67

Лысенко М.Р., Гриценко Т.В. Этические проблемы деятельности психолога в уголовном процессе	68
Макарова Т.Е. Возможности исследования особенностей ассоциативной сферы в целях верификации половозрастной идентичности у лиц, совершивших сексуальные преступления	70
Малинина А.П., Пимонов В.А. Треш-стрим: понятие, типология и ответственность (сравнительно-правовой подход)	71
Мальцева В.С., Гриценко Т.В. О направлениях использования специальных психологических знаний в уголовном судопроизводстве	73
Морозова М.В. Актуальные проблемы постановки и решения экспертных заданий	74
Назарова А.С. Роль судебного психолога-эксперта в современной экспертизе	76
Небытов К.В. Религиозный фанатизм и его влияние на юридически значимые социальные способности человека	77
Никитина Л.М. Учет когнитивного искажения у лиц с посттравматическим стрессовым расстройством	79
Орлова Е.А., Гребенников Ю.Л. Болезненное любопытство: определение, специфические особенности проявления, теоретические модели	81
Пахмутова У.А., Дворянчиков Н.В. Особенности социальных представлений о серийных сексуальных преступлениях в группе молодых женщин	83
Переpravина Ю.О. Уязвимость к мошенничеству у лиц пожилого и старческого возрастов в рамках судебно-психологической экспертной оценки	84
Погорелова А.Н., Власова Н.В. Переживание одиночества и удовлетворенность жизнью у молодых взрослых, склонных к созависимости	86
Пустахайлова Н.В., Воронова Ю.В. Психологические аспекты формирования образа террориста посредством кинематографа	88
Руженская Е.В. Психологические возможности работы с виктимностью	89
Руженская Е.В., Вавилова А.И. Виктимность как психологическая и социальная проблема	90
Русаковская О.А., Харитонова Н.К., Васянина В.И. Современное состояние и перспективы развития комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании	92
Савина О.Ф. Оценка лояльности ребенка в КСПЭ по судебным спорам родителей о воспитании ребенка	94
Савостьянов И.В., Самигуллин Р.Р. Субклинические и патологические черты характера как предикторы антисоциального поведения	95
Сакович А.А. Особенности восприятия городской среды у юношей и молодых взрослых, склонных к виктимному поведению	97
Сафуанов Ф.С., Хасанов Р.Р. Когнитивное интервью при расследовании преступлений	98

Сборщик А.О. Специфика нарушений пищевого поведения как нехимической аддикции, клинико-психологические аспекты расстройств пищевого поведения.	100
Свободный Ф.К. Повышение эффективности использования результатов исследования с применением полиграфа	102
Секераж Т.Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: основы методологии	104
Смирнова С.В., Обоснование и содержание программы психологической профилактики криминального поведения	105
Солдатова К.М. Всегда ли суд соглашается с судебно-психологическим экспертным определением аффекта	107
Тимофеева С.Е., Смирнова А.О., Батраков А.В. Психология тактики допроса	109
Толмачева В.А., Киселева М.Г. Индивидуально-психологические факторы социальной дезадаптации и криминализации у лиц, употребляющих ПАВ	110
Труевцев Д.В., Сагалакова О.А., Жирнова О.В. Опосредующая роль диссоциации при травматических переживаниях как фактор суицидального поведения.	112
Тихонова С.С., Васильева И.В. Психосемантическое исследование представлений об опасном человеке у молодых людей	114
Туйчиева М.Д. Особенности эмоционального интеллекта у лиц с шизотипическим и пограничным расстройствами личности.	115
Федорова А.В. Индивидуально-типологические особенности и психопатологическая симптоматика у подростков с разным типом криминальной зараженности.	117
Шаронина В.В., Бусарова О.Р. К вопросу о личностных особенностях шоплифтеров	118
Шипитько О.Ю., Жердева А.А. Сравнительный анализ социально-психологических представлений об образе террориста в молодежной среде	120
Шипшин С.С. Экспертная оценка способности давать показания: к вопросу об алгоритмах	121
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА	124
Асланова В.С. Патриотизм как ценность: анализ ценностных ориентаций членов движения «Юнармия»	124
Березьянская Ю.В. Отношение родителей и ксенофобские установки у подростков и молодых взрослых	125
Волик А.С. Исследование правового воспитания личности.	127
Гирфатова А.Р. Предупреждение девиантного поведения подростков	129
Ермакова В.В. Проблема влияния бедности на психофизическое состояние детей	130
Кондаурова О.П. Особенности социально-психологической адаптации и копинг-стратегий у подростков, состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних.	131

Косенко Е.Ю., Рынгач Е.В. Социальный интеллект как способ профилактики девиантного поведения у подростков.....	133
Кудренко Н.Н. Региональный мониторинг психологической безопасности образовательной среды как инструмент повышения качества психолого-педагогического сопровождения.....	134
Кулькова Ж.Г. Организационно-методические вопросы судебно-психологической экспертизы в семейных спорах, затрагивающих интересы несовершеннолетних.	136
Макаревская Ю.Э., Фролов С.Ю. Признаки отчуждающего поведения родителя-индуктора как предмет психологического анализа в рамках исполнительного производства	138
Мамедова И.О. Психологические рекомендации по реализации запланированной защиты для одаренных детей «группы риска».....	139
Медведева А.С., Дозорцева Е.Г. Онлайн-груминг несовершеннолетних как транснациональная угроза	141
Морозов А.А. Предупреждение экологических правонарушений по отношению к несовершеннолетним в контексте реализации права на экологическую безопасность	142
Новикова Е.Р. Роль психолога в исполнении решений по порядку общения отдельно проживающего родителя с ребенком	144
Пешкова Н.В., Гольцова Н.А. Специфика судебных психологических экспертиз в спорах о детях между кровными и приемными родителями	146
Плахина А.А. Использование следователем специальных психологических знаний при работе с несовершеннолетними.....	147
Семина Е.В., Позняк О.Ю., Посыпанова О.С. Ресоциализация вернувшихся из СИЗО воспитанников учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....	149
Терехина С.А. Противоправная сексуальная активность несовершеннолетних с использованием интернет-технологий.....	151
Тудупова Т.Ц. К вопросу о первичной психолого-педагогической реабилитации несовершеннолетних потерпевших	153
Ульянина О.А., Александрова Л.А. Психологические последствия в поведенческой сфере у подростков, пострадавших в результате боевых действий	155
Ульянина О.А., Файзуллина К.А. Безопасность образовательной среды: возможности и вызовы.....	156
Устинов Д.В. Компоненты мотивации совершения несовершеннолетними имущественных правонарушений	158
Федонкина А.А. Проблемы психологической экспертной оценки отставания в психическом развитии у правонарушителей	160
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	162

Ажимов В.В. Личностные особенности наркозависимых осужденных как основа для коррекционной работы.....	162
Бондаренко М.И., Бусыгина Н.П. Концепция возможных и невозможных Я: потенциал применения в работе с осужденными	163
Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В., Барцева К.В. Взаимосвязь ностальгии с субъективным благополучием и личностными особенностями женщин, содержащихся в следственном изоляторе	165
Дебольский М.Г. О состоянии функционирования психологической службы уголовно-исполнительной системы и возможностях её дальнейшего развития...167	167
Иртегова М.М., Власова Н.В. Эмоционально-личностные особенности мужчин, страдающих алкогольной зависимостью	168
Кадочникова И.В. Методические рекомендации для проведения психодиагностики волевого компонента контроля поведения сотрудников исправительных колоний (на примере сотрудников отделов безопасности и охраны).....	170
Кузнецов М.И. Цифровая постпенитенциарная пробация: особенности применения.....	172
Левин Л.М., Бокова Н.В. Социально-криминологическая характеристика несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.....	173
Письменная Л.В., Кадочникова И.В. Внедрение программы, направленной на повышение уровня самоконтроля у осужденных женщин с рецидивом преступления.....	175
Ральникова И.А., Степанова П.Е. Ценностно-смысловое содержание жизненных перспектив осужденных женщин	176
Тарасова В.А., Дебольский М.Г. Особенности психических состояний осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселении на различных этапах отбывания наказания.....	178
Телегина Е.Г. Психологические особенности осужденных женщин, содержащихся в пенитенциарных учреждениях	180
Туманова Е.П. Личностные особенности осужденных женщин, имеющих детей, и их учёт при разработке и проведении социально-психологического тренинга в исправительной колонии.....	182
Чеботарев И.В. Социально-демографическая характеристика лиц, совершивших членовредительство в условиях следственного изолятора	184
Штефан Е.Ф., Сучкова Е.Л. Образ своего будущего у осужденных условно	185
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	188
Арефинкина Е.Г. Криминалистический профайлинг в расследовании преступлений.....	188
Белых С.Л. Формирование предварительной схемы когнитивного интервью с очевидцем при расследовании пожара	189

Борисова С.Е. Возможности использования новостного видеоконтента массмедиа в психологической работе с сотрудниками госавтоинспекции	191
Голенков А.А. Основные направления психологической работы с подростками, склонными к аддиктивному поведению.....	192
Карбачева Д.А., Коноплева И.Н. Копинг-стратегии у курсантов вузов МВД России с разной выраженностью эмоционального интеллекта	194
Клепцов Н.Н., Клепцова Е.Ю. Психологический портрет студентов-юристов	196
Ковальчишина Н.И., Рядинская Е.Н. Правоохранительная деятельность в условиях геополитических рисков	197
Коноплева Е.А., Ларионова С.В. Деонтологический профиль личности как инструмент изучения надежности сотрудников силовых структур	199
Косыгина С.В., Федюкина Е.И. Тревожность как фактор продуктивности деятельности личности	201
Макаров С.Ю. Психологические аспекты наследственного планирования	202
Мартынова А.Д., Коноплева И.Н. Девиантное поведение в сфере профессионального спорта.....	204
Мешкова Н.В., Бочкова М.Н. К вопросу об особенностях антисоциальной креативности в профессиональном и социально-политическом контекстах ...	205
Молотова В.В., Молотов А.В. Исследование значимости конституционных прав и свобод студентов юридических специальностей.....	207
Николаева Н.В. Современные тенденции психологического обеспечения профессий особого риска	209
Никонова О.Е., Воронова Ю.В. Психологические особенности восприятия личности потерпевшего	210
Обиначная Т.В. Телесные модификации (татуировки) как маркер фактора риска девиантного поведения при профессиональном психологическом отборе на службу в органы внутренних дел.....	211
Реутова В.И. Психологические аспекты прокурорской деятельности.....	213
Русецкая Д.В. Технологии виртуальной реальности в психотерапии.....	214
Свободный Б.Ф. Обстоятельства получения лицом первой информации о преступлении.....	216
Семенина М.В. Актуальность психологической службы для адвокатов и её практическое значение.....	217
Сиворонова М.С. Креативность и профессиональное выгорание психологов ОВД РФ	219
Соловьева А.В. К вопросу о способах преодоления последствий травматических переживаний в условиях повышенных рисков	220
Стародумова А.Б. К вопросу об анализе цифрового следа в рамках психологического профилирования личностей с девиантным поведением в социальных сетях	222

Сучкова Е.Л., Бурцев А.О. Актуальные направления работы по совершенствованию психологии правосознания руководителей территориальных органов МВД России	223
Федорова Е.М. Профессиональная идентичность судей	225
Чебуренков А.А. Основные приемы разрешения конфликтных ситуаций с участием следователя и защитника при производстве допроса	226
Янкович З.И., Войтко О.К. Социальная коммуникативная компетентность в профессиональной деятельности работников аэропорта	227
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И РИСКИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА	230
Богданович Н.В., Делибалт В.В. К проблеме классификации онлайн девиантного поведения	230
Васильева И.В. Представления об опасном человеке у педагогов	232
Гребень Н.Ф. Пути профилактики цифровой зависимости в подростковом возрасте	234
Деулин Д.В. Психологические и правовые аспекты пропаганды идеологии чайлдфри как экстремистской деятельности	236
Ефимова И.В. Деструктивные технологии влияния, применяемые в преступных мошеннических действиях	237
Кастальская-Бороздина А.А. Цифровое самоповреждающее поведение в подростковом возрасте	239
Котова У.М., Варфоломеева Е.А. Террористический акт как фактор виктимизации личности (на примере террористического акта в Крокус Сити Холле)	240
Кочеткова Т.Н. Психологические последствия травли для жертвы гонения	242
Мялицина Д.Ю. Кибербезопасность: основы разработки программ профилактики в среде несовершеннолетних	243
Натурина Д.А. Binge-watching и проблема зависимости от просмотра потокового контента	245
Пономарева Е.С. Возможности использования видеоигр как инструмента психокоррекции (на примере исследования буллинга)	246
Семёнов В.Н., Поляк С.А. Направления профилактики преступлений и правонарушений экстремистской направленности в Республике Беларусь через призму экспертной практики	248
Симакова Т.А. Ресурсы психодрамы в работе с родителями киберзависимых подростков на основе опыта деятельности родительского клуба «Оковы и крылья материнской любви»	249
Фролова С.В. Эмоционально-личностные особенности интернет-зависимых подростков, склонных к суицидальному поведению	251
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	253

Великодворская Е.В., Дукорский В.В. Травма-информированный подход в работе кризисного консультанта и юридического психолога, оказывающего помощь женщинам, пострадавшим от насилия – участникам уголовного процесса	253
Ряшина В.В., Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Традиционная игра в работе с семьями участников СВО	254
Чернушевич В.А. Методология традиционной игры	256
ПРАКТИКИ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДЕТСТВА: ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ	258
Анисимова Н.А. Некоторые особенности взаимодействия сотрудников органов внутренних дел и субъектов системы профилактики по предупреждению проявлений буллинга в школах	258
Анфилова О.Р., Власова Н.В. Психофизиологические аспекты адаптации студентов первого курса	259
Бажанова И.С., Лаврешкин Н.В. Личностные особенности, определяющие сексуальное поведение юношей.....	261
Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А. Диагностическая модель личностных факторов социальных рисков в учреждениях системы профилактики для подростков с деструктивным и антисоциальным поведением	263
Горина А.Л., Сидоренко З.М., Чиркина Р.В. Апробация модели профессионально-личностного сопровождения несовершеннолетних, совершивших правонарушения и находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях	264
Куливар И.С., Бойкин И.Р. Новые вызовы для воспитательных программ закрытых учебно-воспитательных учреждений Российской Федерации.....	267
Майорова Е.В., Жукова Г.Н. Нетрудные дети: участие членов психолого-педагогических консилиумов образовательных организаций в региональном проекте Уполномоченного по правам ребёнка в Челябинской области на базе Подросткового центра «РОСТ» Миасского городского округа.....	268
Малыхина Т.П., Малыхина О.А. Характеристика социальных рисков в новых субъектах Российской Федерации.....	270
Маштакова С.В., Рынгач Е.В. Родительские установки в профилактике социальных рисков детства	271
Рубин М.Х. Редакторские практики в условиях заключения: журнал <i>Desatadas</i>	273
Rubin M.J. <i>Prácticas editoriales en contextos de encierro: la revista Desatadas</i>	275
Камарда А. Практика создания образов/фотографий на занятиях в местах лишения свободы	276
Camarda A.L. <i>Reflexiones en torno a la toma y producción de fotografías en contextos de encierro punitivo</i>	278
ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ	281

Афанасьев Е.П. Отношение сотрудников школ к использованию в работе восстановительных практик	281
Белоногова Е.В. Рефлексия восстановительного практика: исследовательские вопросы и актуальные темы исследований.....	282
Бойкина Е.Э., Путинцева Н.В. Восстановительные практики как инструмент преодоления негативных последствий социального ostracism	284
Карнозова Л.М. Зачем восстановительное правосудие юридической психологии	285
Коваль А.С., Катренко Е.А. Механизмы возникновения конфликтогенов в межличностной коммуникации	287
Коновалов А.Ю., Иванова А.А. Форма мониторинга служб примирения Москвы как способ анализа деятельности и постановки исследовательских вопросов	289
Майорова Е.В., Соболева Н.А., Буслаева Е.Л. К проблеме разрешения конфликтов бывших супругов с использованием медиативных технологий	291
Меньшикова Т.В. О дефицитности исследований личностных характеристик медиатора.....	292
Мусатова И.Б., Дворянчикова К.Н. Восстановительные практики и медиативные технологии как инструменты сохранения психологической безопасности детей в дошкольных организациях	294
Пастухова Е.Г. Качественная стратегия исследований реализации восстановительного подхода.....	296
Усманова Е.Ф. Юрико-коммуникативная компетентность медиатора и его роль в процессе внесудебного разрешения споров	297
Хованская Т.В. Исцеление потерпевшего и ответственность правонарушителя при участии в восстановительных программах по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних	299
Шестопалова В.В., Дебольский М.Г. Восстановительные технологии в профилактике деструктивных семейных отношений осужденных женщин	301
СПИСОК АВТОРОВ.....	303

Привязанность к родителям как фактор виктимизации девушек

Абрахова О. А., Ким К.В.

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный университет

им. М.К. Аммосова»

(г. Якутск, Россия)

Под виктимностью понимают повышенную способность человека и определенной группы людей становиться при определенных ситуациях жертвами преступлений. О. О. Андронникова рассматривает виктимность как совокупность свойств человека, обусловленных комплексом социальных, психологических и биофизических условий, способствующих дезадаптивному стилю реагирования субъекта, приводящему к ущербу для его физического или эмоционально-психического здоровья, а виктимизацию – как динамическую категорию, процесс реализации вовне присущей личности виктимности (Андронникова О.О., 2006).

Данная работа направлена на изучение связи между типом привязанности к родителям и уровнем склонности к виктимному поведению у девушек.

В исследовании использовались «Методика исследования склонности к виктимному поведению» О.О. Андронниковой (Андронникова О.О., 2004) и «Опросник на привязанность к родителям» М.В. Яремчук (Яремчук М.В., 2005). В исследовании приняли участие 35 девушек от 21 до 25 лет.

Данные были обработаны с использованием методов математической статистики в программе SPSS. Сначала методом кластерного анализа участники исследования были разделены на две группы на основе их результатов по методике О.О. Андронниковой. Затем для анализа связи между типами привязанности и виктимным поведением была применена таблица сопряженности, которая позволила выявить и оценить статистически значимые зависимости между переменными.

В результате было выявлено, что виктимное поведение у девушек позднего юношеского возраста имеет статистически значимую связь с типом привязанности к матери ($p < 0,05$), тогда как аналогичной связи с привязанностью к отцу не выявлено ($p > 0,05$): у 95% девушек, не имеющих ни одного показателя выше нормы по методике Андронниковой, выявлен надежный тип привязанности к матери, в то время как повышенная склонность к виктимизации чаще наблюдается у девушек с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери, что подтверждается тем, что 85% респондентов, имеющих показатели виктимности выше нормы, демонстрируют именно этот тип привязанности. В отношении же привязанности к отцу распределение выборки равномерно, что подтверждает отсутствие статистически значимой связи.

Результаты исследования согласуются с выводами, сделанными в похожих исследованиях, проведенных за последние пять лет (Андронникова О.О., 2019; Яценко Т.Е., 2021; Bagos, P., Carvalhais, L., 2020).

Литература

1. Андронникова О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2005. 22 с.
2. Андронникова О.О. Факторный анализ различных параметров материнского отношения к детям раннего возраста, детерминирующего виктимизацию // Смальта. 2019. No 2. С. 25–33.
3. Яремчук М.В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков // Психологическая наука и образование. 2005. Том 10. No 3. С. 86–94.
4. Яценко Т.Е. Особенности эмоциональной привязанности к родителям у девушек, склонных к виктимному поведению // Вестник БарГУ. Серия: Педагогические науки. Психологические науки, Филологические науки (литературоведение). 2021. No 2(10). С. 96–103.
5. Bagos P., Carvalhais L. The Impact of Adolescents' Attachment to Peers and Parents on Aggressive and Prosocial Behavior: A Short-Term Longitudinal Study // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Article ID 592144. P. 1–8. doi: 10.3389/fpsyg.2020.592144.

Некоторые индивидуально - психологические особенности жертв телефонного мошенничества (качественный анализ по результатам КСППЭ)

Алексеева Н.В.

ГБКУЗ ЯО «Ярославская областная клиническая психиатрическая больница»

(г. Ярославль, Россия)

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет

им. П.Г. Демидова»

(г. Ярославль, Россия)

За период с января по сентябрь 2024 года в производстве отделения амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы ГБКУЗ ЯО «ЯОПБ» находилось 10 комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по уголовным делам (ст.159 УК РФ) и 1 экспертиза по гражданскому делу о признании сделки недействительной. Попытаемся обобщить первые наблюдения.

Криминальной ситуации часто предшествовали аврал, психотравмирующие ситуации и состояние хронического психического напряжения, одиночество, неудовлетворительное психофизиологическое состояние. Большинство потерпевших,

движимых страхом потерять финансы (Мешкова Н.В., Кудрявцева В.Т., Ениколопов С.Н., 2022), отмечают «шокирующий» характер первого звонка посягателей. На следующем этапе уверенный голос представителя либо сотрудником Центробанка, либо силовых структур, успокаивал, внушал доверие и уверенность в поправимости ситуации. После этапа установления контакта и присоединения следовал этап ведения жертвы путем ее систематического инструктирования. Общение с жертвой носило интенсивный, практически непрерывный характер как посредством телефонных звонков, так и в мессенджерах. Достаточно быстро создавалось информационное поле выполнения специального задания с обязательным условием неразглашения информации. Весомый и конкурирующий мотив – содействие спецслужбам. Уверенность в выполняемой миссии была столь высока, что работники банка, службы безопасности, риэлторы, пытающиеся разубедить их, расценивались как мошенники. По результатам проведения МОРДПС (Шипшин С.С., 2000) на протяжении развития криминальной ситуации отмечалось эмоциональное напряжение с нестабильным уровнем, широкий диапазон переживаний – от тревожности, активности до страха и отчаяния. У потерпевших с мотивом инвестировать – потребность действовать, интерес, активность, азарт сменяются страхом и отчаянием. Описывается также нагнетание напряжения, требующего разрядки, и последующее облегчение на этапе совершения требуемых действий. Полноценное критическое осмысление произошедшего происходило только под влиянием активного переубеждения родственников, представителей правоохранительных органов. Часть испытуемых описывает плавающий уровень критического осмысления – периодически возникающие сомнения оперативно нивелировались посягателями.

Среди основных ИПО, которые прослеживаются у большинства обследованных, можно выделить: 1. Относительно сохранная когнитивная сфера и интеллект. 2. Средний и выше среднего уровень внушаемости. 3. Просоциальная направленность личности. 4. По методике ИТО: в акцентах часто тревожность, сензитивность, ригидность и лабильность. 5. Импульсивность в способах действия в сочетании с аффективной ригидностью. 6. В субъективно сложных, нестандартных и фрустрирующих ситуациях склонность к реакциям растерянности, запаздыванию ориентировки и принятия решений. Проявляют податливость в случае директивности или неопределенности. 7. Чувство одиночества, избирательность в общении, внутренняя форма переживания эмоций, неумение отказывать. 8. Наивность и признаки субъективизма суждений, элементы магического мышления. 9. При выполнении методики куб Линка – импульсивный способ выполнения, неполный охват ситуации с превышением времени сборки (от 12 до 20 мин.), допущением большого количества ошибок на начальном уровне построения.

Обнаруженные нами в ходе качественного анализа особенности требуют дальнейшего рассмотрения и исследования.

Литература

1. Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Ениколопов С.Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 138–157. doi: 10.11621/vsp.2022.01.06.
2. Шипшин С.С. Ретроспективная диагностика психического состояния в судебно-психологической экспертизе. Ростов-на-Дону, 2000. 40 с.

Психические расстройства и суицидальное поведение: зарубежный подход к проблеме

Алигаева Н.Н.

ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
(г. Калуга, Россия)

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, самыми распространенными заболеваниями в 2023 г. являлись психические и неврологические. Как следует из отчета Wang L., уровень психических расстройств среди осужденных в США по состоянию на 2023 г. являлся исключительно высоким, но тюрьмы были не в состоянии удовлетворить спрос на профессиональную помощь в области психического здоровья.

Как отмечают отечественные исследователи, при расстройствах психики суицидальное поведение обусловлено сложным взаимодействием биологических, семейно-средовых и индивидуально-психологических факторов. Важно отметить, что соотношение факторов может существенно варьироваться у разных пациентов, но наличие в анамнезе суицидальной попытки должно рассматриваться как критический фактор риска повторной попытки самоубийства (Бутома Б.Г. и др., 2018).

Канадские ученые из Университета Торонто провели масштабное исследование с использованием записей из баз данных учреждений здравоохранения Онтарио для идентификации лиц в возрасте от 16 до 45 лет, которым были поставлены диагнозы шизофрении, шизоаффективное расстройство в период с января 1993 по декабрь 2010 и которых в дальнейшем наблюдали в течение 10 лет. В среднем через 4,32 года после диагноза люди совершали суицид. Исследователями были выявлены факторы, коррелирующие с повышенной вероятностью суицидального поведения: мужской пол, возраст на момент постановки диагноза от 26 до 35 лет или 36–45 лет, наличие расстройства, связанного с употреблением наркотиков, диагноза аффективного расстройства или госпитализация в связи с психическим здоровьем в течение 2 лет до постановки расстройства шизофренического спектра (Zaheer J. et al., 2020).

Испанские ученые провели масштабное исследование с использованием метаанализа и выявили, что наличие любого психического расстройства ассоциируется с более высоким риском суицидальной смерти. При рассмотрении суицидальных попыток в качестве исхода значимыми были только аффективные расстройства. Психические расстройства и психиатрическая коморбидность являются

сильными предикторами суицидального поведения у молодых людей (Gili M. et al., 2019).

Таким образом, суицид представляет одну из основных причин смерти у лиц, страдающих психическими расстройствами. Выявление факторов риска суицидального поведения на стадии диагностики позволит медицинским специалистам идентифицировать пациентов с повышенной степенью риска и принять соответствующие меры. Лечение аффективных расстройств, а также их сопутствующих психических заболеваний может стать важнейшей стратегией для предотвращения суицидальности среди осужденных в исправительных учреждениях, т.к. ситуация изоляции способна оказывать негативное воздействие на состояние человека, усугубляя его психический статус.

Литература

1. Бутома Б.Г., Гусева О.В., Коцюбинский А.П. Суицидальное поведение психически больных: биопсихосоциальный подход // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Том 28. No 2. С. 5–11.
2. Mental disorders as risk factors for suicidal behavior in young people: A meta-analysis and systematic review of longitudinal studies / M. Gili [et al.] // Journal of Affective Disorders. 2019. Vol. 245. P. 152–162. doi: 10.1016/j.jad.2018.10.115.
3. Predictors of suicide at time of diagnosis in schizophrenia spectrum disorder: A 20-year total population study in Ontario, Canada / J. Zaheer [et al.] // Schizophrenia Research. 2020. Vol. 222. P. 382–388. doi: 10.1016/j.schres.2020.04.025.
4. Wang L. Chronic Punishment: The Unmet Health Needs of People in State Prisons [Электронный ресурс] // Prison Legal News. 2023. June 1. URL: <https://www.prisonlegalnews.org/news/2023/jun/1/chronic-punishment-unmet-health-needs-people-state-prisons/> (дата обращения: 01.11.2024).

Социально-психологическое значение перехода проблемы роста мошенничеств из правового в политико-правовое пространство

Андрианов М.С.

НИИ Университета прокуратуры РФ (Москва, Россия)

В последние годы в России наблюдается настоящий всплеск мошеннических преступлений. И это отмечают не только правоохранители и банковские служащие, но и рядовые граждане, поскольку практически каждый сталкивался с деятельностью мошенников или даже становился объектом их атаки. Социологические исследования (ФОМ, март 2023 г.) показывают, что примерно две трети опрошенных (61%) считают, что за последние годы вероятность стать жертвой мошенников резко выросла. Не случайно таким образом, что респонденты опасаются стать жертвой мошенников в 2-3 раза чаще, чем потерпевшими от других видов преступлений –

вымогательства, хулиганства, кражи в общественных местах, принуждения к даче взятки, грабежа, угона автотранспортных средств и др.

Причины роста подобных преступлений исследованы и описаны в современной литературе. С одной стороны, это увеличение объемов различных электронных платежей и расчетов на фоне недостаточной финансовой грамотности пользователей и их слабой информационной защищенности, а с другой – излишняя доверчивость, другие человеческие чувства – любопытство, невнимательность, растерянность, страх, а также желание быстро разбогатеть, жадность и т.д. Именно это и способствует тому, что люди становятся жертвой мошеннических преступлений (Андрянов М.С., 2022).

Правоохранителям известно, что истоки многих мошенничеств ведут в соседнее государство, где существует разветвленная сеть специальных колл-центров. Конечно, «своих» мошенников и аферистов всех мастей хватает и в нашей стране, однако их подготовка и обучение методам социальной инженерии (Андрянов М.С., 2023) осуществляется только на Украине.

С начала российской СВО в нашей стране участились случаи, когда кураторы из-за границы стали психологически обрабатывать и подталкивать россиян к совершению разных преступлений и террористических актов (поджогу военкоматов, машин чиновников, железнодорожных релейных ящиков и др.). Как выяснилось, такие действия осуществляются из тех же украинских мошеннических колл-центров и теми же людьми, да и методы воздействия на жертвы, как правило, те же самые.

Таким образом, в российском массовом сознании созрело понимание, что большинство мошенничеств обусловлено не «стихийными» обстоятельствами, а четко скоординированы из-за рубежа, в частности, с Украины. И этот факт имеет важное социально-психологическое значение. А проблема роста мошенничеств приобрела выраженный международный характер.

Переход данного вида преступлений из сугубо правового пространства в политико-правовое и сферу межгосударственных отношений не дестабилизировал обстановку в стране, как планировали мошенники, а, на наш взгляд, привел к прямо противоположному результату. Вместо роста социального раздражения и недовольства деятельностью правоохранителей и органов власти, россияне с пониманием отнеслись к этой проблеме, сплотились вокруг президента и высказывают доверие госорганам. В то же время растет негативное отношение к украинским организаторам и кураторам мошеннических преступлений, ведущих атаку на Россию.

Литература

1. Андрянов М.С. Активизация деятельности кибермошенников и актуализация проблемы информационной защиты граждан в условиях пандемии // Коченовские чтения–2022. Психология и право в современной России: сборник тезисов участников: Всероссийская онлайн-конференция по юридической

психологии с международным участием: Москва 2022 ноябрь 09–11. М.: МГППУ, 2022. С. 190–192.

2. Андрианов М.С. Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности: анализ социально-психологических особенностей действий современных мошенников и преступлений, совершаемых с использованием IT // Наука на службе Закону (к 60-летию НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации): сборник материалов Международной научно-практической конференции: г. Москва, 30 мая 2023 г. / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора И.М. Мацкевича. М., 2023. С. 235–244.

Обыденный садизм в общей популяции и у лиц, совершивших уголовные преступления

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья»

(г. Москва, Россия)

Исследование субклинического садизма как континуально распределенной черты берет начало в работах Э. Бакельс и др., где она была обозначена как «обыденный садизм» и определена как характеристика личности, связанная со склонностью получать удовольствие от наблюдения за страданиями или дистрессом других людей в повседневных ситуациях (Buckels, 2014). Исследования подтвердили самостоятельность фактора обыденного садизма наравне с другими факторами Темной триады личностных черт (Johnson et al., 2019). Обыденный садизм как самостоятельный феномен имеет и практическую значимость, т.к. является эффективным предиктором ряда поведенческих паттернов, в т.ч. «троллинга» в интернете и др. (Buckels et al., 2019). В текущем году новейший инструмент Всесторонней оценки садистических черт (ВОСТ) был переведен на русский язык и апробирован (Кузнецова С.О. и др., 2024). Психометрический анализ русскоязычной версии ВОСТ подтвердил оригинальную факторную структуру опросника, высокую внутреннюю согласованность шкалы и входящих в нее факторов (вербальный, викарный и физический садизм), а также умеренные значимые связи с факторами модели Темной тетрады, агрессией и эмпатией.

В настоящем исследовании было обнаружено, что черта обыденного садизма распределена нормальным образом как в общей популяции (N=183, ср. возраст 26,6 лет), так и среди осужденных за совершение преступлений различных видов (N=278, ср. возраст 36,3 года). Значимых различий в выраженности черты обыденного садизма в общем, а также входящих в него факторов у испытуемых общей популяции и у заключенных обнаружено не было. Однако были обнаружены статистически значимые различия по шкале физического садизма (ВОСТ) ($p=0,013$) и общей выраженности степени агрессивности (BPQA) ($p=0,021$) в зависимости от характера совершенного преступления. У заключенных, совершивших преступления

сексуального характера, показатели по указанным шкалам значимо выше по сравнению с теми, кто совершал преступления несексуального характера. В результате кластерного анализа выборка лиц, совершивших преступления, была поделена на три кластера в зависимости от выраженности агрессивности и психопатии (группы с низкой, средней и выраженной агрессивностью, доли которых составили 52,2%, 34,5%, и 13,3%, соответственно). В них вошли факторы обыденного садизма в целом и физического садизма как значимо более характерные для испытуемых с большей выраженностью указанных черт.

Черта обыденного садизма впервые исследуется на русскоязычной выборке, в т.ч. у осужденных за уголовные преступления. Континуальное распределение этой черты, а также отсутствие значимых различий между ее выраженностью в общей популяции и в популяции заключенных колонии соответствует теоретическому пониманию концепции обыденного садизма (Buckels E.E. et al., 2014). Развитие инструментов измерения обыденного садизма на русском языке открывает возможности для дальнейших исследований этой черты в различных популяциях, а также ее связи с социально значимыми конструктами, такими, как агрессия, психопатия, антисоциальное поведение и др.

Литература

1. Психометрическая адаптация опросника на всестороннюю оценку садистических тенденций (ВОСТ) на русскоязычной выборке / С.О. Кузнецова [и др.] // Психическое здоровье. 2024. Том 19. No 2. С. 19–33. doi: 10.25557/2074-014X.2024.02.19-33.
2. Buckels E.E., Trapnell P.D., Paulhus D.L. Trolls just want to have fun // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 67. P. 97–102. doi: 10.1016/j.paid.2014.01.016.
3. Internet Trolling and Everyday Sadism: Parallel Effects on Pain Perception and Moral Judgment / E.E. Buckels [et al.] // Journal of Personality. 2019. Vol. 87. No 2. P. 328–340. doi:10.1111/jopy.12393.
4. Johnson L.K., Plouffe R.A., Saklofske D.H. Subclinical sadism and the dark triad: Should there be a dark tetrad? // Journal of Individual Differences. 2019. Vol. 40. No 3. P. 127–133. doi: 10.1027/1614-0001/a000284.

Результаты исследования проспективной памяти у лиц с психическими расстройствами, претендующих на повышение гражданско-правового статуса

Беликова А.А.¹, Русаковская О.А.^{1,2}

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва, Россия)

² ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме: «Интегративные модели судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз в гражданском процессе, проводимых в интересах наиболее уязвимых групп населения», номер в ЕГИСУ НИОКТР: 124020800063-2.

Одним из ключевых критериев при проведении судебно-психиатрической экспертизы по делам об изменении гражданско-правового статуса лиц с хроническими психическими расстройствами является адаптированность человека в его повседневной жизни (Харитоновна Н.К., 2023), которая, по результатам зарубежных исследований, зависит, в том числе от эффективности проспективной памяти – способности в требуемый момент вспоминать о ранее запланированных действиях (Kliegel M., 2010; Харитоновна Н.К., 2020). При этом при различных психических расстройствах данная способность, вследствие различных механизмов, нарушается в большей или меньшей степени (Zhou F. C. et al, 2019). Лица, проживающие в стационарных организациях социального обслуживания, составляют основную часть подэкспертных, в отношении которых назначаются судебно-психиатрические экспертизы в связи с решением вопроса о повышении гражданско-правового статуса. В то же время, исследований проспективной памяти у них ранее не проводилось, что определяет актуальность настоящего исследования.

Материал исследования: 20 получателей стационарных социальных услуг с шизофренией (N=9), с органическими психическими расстройствами (N=4), легкими и умеренными расстройствами интеллектуального развития (N=7), претендующих на повышения гражданско-правового статуса.

Методы исследования: лабораторные, натуралистические, «естественные» (Schnitzspahn K., 2018; Харитоновна Н.К., 2020).

Результаты. Применение лабораторных методов выявило нарушения проспективной памяти у всех испытуемых. Хуже всех справились с заданиями лица с органическими расстройствами, лучше – лица с шизофренией.

Натуралистический эксперимент подтвердил наибольшую выраженность нарушений проспективной памяти у лиц с органическими психическими расстройствами. Они чаще других забывали о запланированных делах или не выполняли их вовремя.

В то же время в естественном эксперименте выраженных нарушений проспективной памяти у получателей стационарных социальных услуг выявлено не было. Испытуемые помнили о делах, о которых сообщали экспериментатору как о запланированных (взять свитер, скачать музыку другим и др.). Сообщали или о выполнении дел, запланированных ранее, или о причинах, по которым дела не были выполнены: изменение планов или появление не зависящих обстоятельств («не ездил в магазин из-за сильного снегопада»).

Вывод: Выраженность психических нарушений у получателей стационарных социальных услуг, длительное время страдающих хроническими психическими

расстройствами, ограничивает возможность применения лабораторных методов исследования для оценки проспективной памяти. В то же время, исследование проспективной памяти в натуралистических и естественных экспериментах представляется перспективным для комплексной оценки уровня адаптированности в повседневной жизни, в том числе при подготовке получателей стационарных социальных услуг к повышению гражданско-правового статуса.

Литература

1. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А., Высянина В.И. Применение стандартизированного протокола экспертного исследования в делах по заявлениям об изменении гражданско-правового статуса: практическое пособие. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2023. 54 с.
2. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Новые подходы к оценке социального функционирования (зарубежные исследования проспективной памяти) // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы: сборник статей № 17 / Под редакцией профессора В.В. Вандыша-Бубко. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. С. 188–201.

Личностные особенности подростков с расстройствами пищевого поведения

Богаченкова Д.С., Власова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

По данным официальной статистики в России от анорексии страдают около 4% подростков, и в 25% случаев заболевание приводит к летальному исходу. Современные исследования показывают, что наиболее уязвимым к возникновению нарушений пищевого поведения считается подростковый возраст (Медведев В.П., Лоскучерявая Т.Д., 2013).

Данный период характеризуется кардинальными изменениями в физическом, психическом и социальном плане. Неизбежные изменения внешности, характерная эмоциональная нестабильность, потребность занимать значимую ролевую позицию среди сверстников, стремление к идеалу в сочетании с неудовлетворением данной потребности приводит подростка к неприятию себя, отвержению своего тела и внешности, невозможностью справиться со стрессом (Власова Н.В., Буслаева Е.Л., 2020).

Теоретический анализ показывает, что подобные психологические факторы могут оказывать существенное влияние на возникновение и развитие расстройств пищевого поведения, а также на отношение к своему состоянию и процессу лечения.

Цель исследования: выявление личностных особенностей подростков с расстройствами пищевого поведения.

В исследовании приняли участие 20 подростков в возрасте от 11 до 15 лет. Подростки с расстройствами пищевого поведения находились на лечении в ГБУЗ «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой» Департамента здравоохранения г. Москвы. Контрольную группу составили подростки с нормативным пищевым поведением – учащиеся среднеобразовательных школ г. Москвы.

В рамках исследования были использованы следующие методики: тест отношения к приему пищи (ЕАТ-26), методика многофакторного исследования личности Р.Б. Кеттелла (подростковый вариант), шкала тревожности Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю.Л. Ханина), опросник уровня агрессивности Басса-Перри (ВРАQ).

В результате проведенного анализа у подростков с расстройствами пищевого поведения выявлены более высокие показатели по шкалам ситуативной (47,75) и личностной (52,62) тревожности, агрессивности (61,62), в том числе физической агрессии (20,5), гнева (19,37) и враждебности (21,75).

По результатам многофакторного исследования личности Р.Б. Кеттелла было выявлено, что у подростков с расстройствами пищевого поведения более высокие значения обнаружены по шкалам «степень эмоциональной устойчивости», «подчиненность-доминирование», «степень принятия моральных норм», «реализм-сензитивность», «степень самоконтроля». Можно сделать вывод, что подростки данной группы более эмоционально сдержаны, склонны к самоутверждению, требовательны к себе, обладают более высоким контролем поведения, упрямы и ригидны. Это может проявляться и в пищевом поведении как соблюдение диеты, постоянных изнуряющих физических нагрузках.

Статистически значимые различия были обнаружены по шкалам «личностная тревожность» ($U_{эмп}=22,5$, $p=0,047$), «гнев» ($U_{эмп}=21$, $p=0,039$). Показатели по данным шкалам выше у подростков с расстройством пищевого поведения. Также были обнаружены статистически значимые различия по шкале «подчиненность-доминирование» ($U_{эмп}=15,5$, $p=0,010$). Показатель по данной шкале выше у подростков с расстройством пищевого поведения.

Полученные результаты позволяют рекомендовать включить в программы профилактики и реабилитации технологии и методики, которые позволяют корректировать выявленные личностные особенности подростков для организации более эффективного воздействия.

Литература

1. Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Особенности поведения в конфликте подростков с разной гендерной идентичностью // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2020. No 4(837). С. 225–239.
2. Медведев В.П., Лоскучерявая Т.Д. Нервная анорексия и нервная булимия у детей и подростков: диагностика и лечение // Российский семейный врач. 2013. Том 17. No 1. С. 4–15.

О возможностях судебной схема-терапии

Вартанян Г.А., Сургутский Е.Д.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект №23-78-01263.

Введение. Профилактика совершения повторных общественно опасных деяний (ООД) пациентами, признанными невменяемыми, является одной из актуальных государственных задач. Далеко не последняя роль в этом вопросе отводится психотерапии. Однако согласно метаанализу 129 исследований, психотерапия не эффективна для людей, склонных к совершению повторных ООД при принудительном лечении (Parhar K.K. et.al., 2008). Альтернативой может быть судебная схема-терапия (СТ), предложенная Д. Бернштейном и коллегами в 2007 г. Трехлетний курс судебной СТ значительно снижает риск рецидива ООД (Bernstein D.P. et.al., 2023).

Использование классической модели СТ: 1. На русскоязычной выборке: со степенью общественной опасности лиц, признанных невменяемыми (N=58), достоверно слабо взаимосвязана дезадаптивная схема «Недостаточность самоконтроля» (Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., 2022). 2. Похожий результат на голландской выборке (N=70) (Keulen-de Vos M.E. et.al., 2017). 3. Заслуживает внимания высокая степень выраженности здоровых режимов в русскоязычной (N=58) и англоговорящей (N=59) выборках (там же; Lewis D. et.al., 2021). Вышесказанное дает основания предполагать возможность использования судебной адаптации СТ на русскоязычной выборке, а, согласно проведенному нами ранее исследованию, одноименная шкала Схемного опросника Янга может использоваться для отбора пациентов в психотерапевтические группы.

Судебная адаптация теоретической модели СТ. Основное дополнение: четыре дисфункциональных режима: хищника, манипулятора, подозрительного гиперконтролера, гневного защитника (Bernstein D.P. et.al., 2012).

Эмпирическое подтверждение. Согласно трехлетнему рандомизированному клиническому исследованию (N=103), судебная СТ превосходит другие подходы, снижая симптоматику, степень общественной опасности, ослабляя выраженность дезадаптивных схем и дисфункциональных режимов (Bernstein D.P. et.al., 2023).

Заключение. Судебная СТ – многообещающий подход к лечению лиц с расстройствами личности, совершивших ООД. Диагностика схем и режимов может дать полезную для прогнозирования риска насилия информацию на индивидуальном уровне. Эффективность психотерапевтических вмешательств на российской выборке требует эмпирического подтверждения.

Литература

1. Сургутский Е.Д., Вартамян Г.А. Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и дисфункциональных режимов их функционирования со степенью общественной опасности лиц, признанных невменяемыми // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Том 13. No 4. С. 586–601. doi: 10.21638/spbu16.2023.410.
2. Assessing Schema Modes Using Self- and Observer-Rated Instruments: Associations with Aggression / D. Lewis [et al.] // Journal of Interpersonal Violence. 2019. Vol. 36. No 17–18. 22 p. doi: 10.1177/0886260519860088.
3. Offender coercion in treatment: A meta-analysis of effectiveness / K.K. Parhar [et al.] // Criminal Justice and Behavior. 2008. Vol. 35. No 9. P. 1109–1135. doi: 10.1177/0093854808320169.
4. Schema Therapy for Forensic Patients with Personality Disorders: Design and Preliminary Findings of a Multicenter Randomized Clinical Trial in the Netherlands / D.P. Bernstein [et al.] // International Journal of Forensic Mental Health. 2012. Vol. 11. No 4. P. 312–324. doi: 10.1080/14999013.2012.746757.
5. Schema therapy for violent PD offenders: a randomized clinical trial / D.P. Bernstein [et al.] // Psychological Medicine. 2023. Vol. 53. No 1. P. 88–102. doi: 10.1017/S0033291721001161.

«Склонность к фантазированию»: констатация экспертом, трактовка следователем, понимание судом – актуальность и значимость проблемы, пути решения

Васкэ Е.В.

ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России,

ГБУ «МИЦ» (г. Москва, Россия),

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия),

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)

Вопрос о «повышенной склонности к фантазированию», которая как психологическая экспертная категория имеет четкое определение (ГОСТ...), ставится на разрешение эксперта-психолога в рамках назначения однородной судебно-психологической или комплексной с ней экспертиз при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, в том числе, потерпевших от сексуальных посягательств. При этом, констатация экспертом «признаков повышенного фантазирования» у несовершеннолетнего потерпевшего (или свидетеля) не имеет причинно-следственной связи с достоверностью и правдивостью показаний как юридической категорией.

Проведенные нами исследования за период с марта 2021 по октябрь 2024 года показали, что ответ эксперта на этот вопрос трактуется следователем как достоверность/недостоверность показаний ребенка (подростка). Так, из 800 опрошенных следователей Следственного Комитета России (64% со стажем работы более пяти лет и 36% - менее года), 95% «опытных следователей» и 99% «молодых следователей», считают, что ответ эксперта-психолога об отсутствие у несовершеннолетней потерпевшей от сексуального насилия повышенной склонности к фантазированию означает правдивость ее показаний («значит, она говорит правду», «это значит, что событие преступление было», «это и есть достоверность показаний», «он говорит правду, основывается на том, что видел в реальности» и т.д.).

Кроме того, 79% «опытных» и 95% «молодых» следователей считают необходимым в ходе допроса эксперта-психолога задать ему вопрос о наличии/отсутствии самого факта криминального события, исходя из оценки «фантазирования» несовершеннолетнего потерпевшего («нужно узнать у эксперта, было ли преступление», «было ли преступление с психологической точки зрения» и т.п.), а 82 % «опытных» и 98% «молодых» следователей – задать вопрос о правдивости/ложности показаний несовершеннолетнего в контексте наличия/отсутствия у него склонности к фантазированию («спросить у эксперта врет или не врет потерпевший», «была ли она откровенна» и т.п.).

Анализ приговоров суда субъектов Российской Федерации за период 2021-2024 года при рассмотрении в суде данного вида преступлений показал, что в 13-ти из 48-ми из них вывод экспертов об отсутствии у несовершеннолетнего потерпевшего «повышенной склонности к фантазированию» понимается судом как достоверность его показаний («поскольку у несовершеннолетней Н. экспертным путем не выявлено признаков повышенного фантазирования, её показания являются достоверными»).

Поиск опоры для придания доказательственного значения показаниям несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия побуждает следствие использовать предлагаемые средства и способы оптимизации процесса расследования, нередко позиционируемые как «новые, современные и нестандартные методы», но оказывающиеся той самой пресловутой «волшебной таблеткой», манящей простотой употребления (Васкэ Е.В. и др., 2023). С учетом стремительного разрастания порочной практики неверной трактовки/понимания экспертных выводов с вложением их в алгоритм действий следователя, считаем необходимым осуществления комплекса мер, направленных на обеспечение информационными ресурсами сотрудников правоохранительных органов через разработку научно-методических и практических пособий, организацию обучающих семинаров, а также подготовку методических пособий (писем), адресованных экспертам по данной проблематике.

Литература

1. ГОСТ Р 57344-2016. Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения. Введ. 01.04.2017 [Электронный ресурс] // Федеральное агентство

по техническому регулированию и метрологии. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=205980&ysclid=m31t4ve8vw173386224> (дата обращения: 01.11.2024).

2. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних: допрос несовершеннолетнего, назначение судебно-психологической экспертизы: практическое пособие / Е.В. Васкэ [и др.]. СПб: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2023. 132 с.

Психологическая безопасность личности в условиях негативного информационного влияния

Вахнина В.В.

НИИ ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время информационно-психологическая безопасность является основой национальной безопасности. Актуально развивать систему обеспечения информационно-психологической безопасности, которая состоит из комплекса мер, основу которых составляют социально-психологические, информационные и правовые. Своевременное уточнение уровня риска и эффективной прогноз угроз информационно-психологической безопасности позволит определить эффективные методы и приемы по профилактике, преодолению информационных угроз, формированию компетентности в области информационной безопасности.

Информационную-психологическую безопасность целесообразно рассматривать как один из основных компонентов системы информационной безопасности, который характеризуется особым состоянием психологической защищенности личности (Вахнина В.В., 2024). Система позволяет эффективно реализовывать профессиональную деятельность, используя правовые нормы, регулирующие общественные отношения в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности.

В целях дестабилизации ситуации может распространяться недостоверная информация, заведомо ложные сообщения и использоваться технологии, сочетающие различные информационно-психологические компоненты. В частности, сваттинг – ложные звонки о минировании, поджоги зданий; технология массовой рассылки ложных сообщений о минировании.

Важно отметить, что с целью дезинформации используется ресурс, который содержат психотехнологии искусственного интеллекта, что позволяет создавать высококачественные фальсификации изображения и голоса определенного индивида (deepfakes), в целях конструирования ложной реальности.

В настоящее время активно используются технологии, которые намеренно искажают историю, дискредитируют достижения российской культуры, формируют

очаги межнациональных конфликтов. «Образ врага» используется при искажении исторических фактов, при создании различных игровых технологий.

Значимым фактором деструктивного информационно - психологического влияния является незначительный уровень медийной и цифровой грамотности, культуры информационной безопасности (Вахнина В.В., 2023). В настоящее время применяется технология симулякров, т.е. объект-медиаобраз, несуществующий в реальности, но оказывающий определенное воздействие на массовое сознание. Актуализирована технология фреймирования, т.е. осуществление психологического воздействия на массовое сознание посредством сообщения полуправды, рамочного представления действительности.

В современных условиях выражен запрос общества на активизацию информационно-просветительской и образовательной деятельности, особенно среди несовершеннолетних и других уязвимых слоев населения.

Идеологическое и психологическое воздействие ведет к разрушению базовых для российского общества системы целей и ценностей. Важно не допустить переформатирование мировоззрения, идентичности социальных стереотипов и установок. Важно укреплять традиционные ценности, являющиеся основой гражданской идентичности, проявляющиеся в духовном развитии общества.

Литература

1. Вахнина В.В. Информационно-психологическое воздействие в контексте информационного противоборства // Актуальные проблемы психологического обеспечения деятельности прокуратуры и правоохранительных органов: сб. материалов круглого стола (Москва, 28 марта 2024 г.) / Под науч. ред. В.В. Вахниной; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2024. С. 54–58.
2. Вахнина В.В. Психологические особенности виктимологической профилактики мошенничества в финансовой сфере // Наука на службе Закону (к 60-летию НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации): сборник материалов Международной научно-практической конференции: г. Москва, 30 мая 2023 г. / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора И.М. Мацкевича. М., 2023. С. 181–186.

Саморегуляции у подростков с расстройствами пищевого поведения

Воложанина В.В., Власова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Актуальность расстройств пищевого поведения обусловлена их распространением среди молодёжи и большим риском летального исхода. По данным ВОЗ, показатели смертности составляют 15–20% в год.

Индивидуальный стиль саморегуляции представляет собой комплекс устойчивых индивидуальных особенностей реализации и управления внешней и внутренней целенаправленной активностью (Моросанова В.И., 2012). Нарушение саморегуляции как способности произвольно владеть эмоциями и поведением, соподчинять актуальные побуждения с имеющейся иерархией мотивов, приводит к их редукции и поведенческим нарушениям (Зейгарник Б.В. и др., 2007).

В нашем исследовании мы выдвинули предположение о том, что существуют значимые различия в уровне саморегуляции между подростками с РПП и их ровесниками, не страдающими данным расстройством.

В качестве методик были выбраны следующие: опросник пищевых предпочтений Eat-26, опросник стиля саморегуляции поведения – ССП-98 В. И. Моросановой, «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной и Л.М. Эткинды и опросник эмоциональной дисрегуляции Н.А. Польской и А.Ю. Разваляевой.

В исследовании приняли участие 54 подростка в возрасте от 14 до 17 лет. Первую группу составили 20 пациентов с диагнозом РПП, находящиеся на лечении в ГБУЗ «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой» Департамента здравоохранения г. Москвы. Во вторую группу вошли 22 подростка с нормативным пищевым поведением. Третью группу составили 12 подростков, склонных к РПП.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство подростков (63%) имеют средний уровень саморегуляции, но лишь малая часть (7%) показали интернальный локус контроля.

В результате сравнительного анализа было установлено, что общий уровень саморегуляции у подростков с РПП ($N=10,261$, $p<0,05$) и склонных к ним ($N=16,136$, $p<0,01$) существенно ниже, чем в группе нормы. Отличным оказался и уровень интернальности ($N=17,875$, $p<0,001$) в группе детей с РПП. Также респонденты данной группы показали более низкий уровень моделирования ($N=15,111$, $p<0,01$) и гибкости ($N=15,773$, $p\leq 0,001$), чем группа нормы, и более низкий уровень самостоятельности по сравнению с нормотипичными ($N=11,961$, $p<0,05$) и склонными к РПП ровесниками ($N=12,158$, $p<0,05$).

По результатам опросника «УСК» подростки с РПП продемонстрировали более низкий уровень интернальности в области семейных ($N=20,462$, $p<0,001$) и межличностных отношений ($N=11,530$, $p<0,05$). Кроме того, результаты данной группы выявили большую склонность к руминациям ($N=16,930$, $p<0,001$), избеганию ($N=22,389$, $p<0,001$) и трудностям ментализации ($N=16,305$, $p\leq 0,001$).

Таким образом, можно констатировать, что подростки с РПП отличаются сниженной сформированностью системы саморегуляции и представлений о значимых условиях деятельности, меньшей гибкостью и самостоятельностью. Также им характерно переносить ответственность за происходящее на других людей или внешние обстоятельства. Они чаще, чем подростки группы нормы, склонны к

руминациям, избеганию негативных эмоций и трудностям их дифференциации и идентификации.

Следовательно, профилактика РПП в подростковой среде может быть направлена на обучение моделям поведения, которые помогут обрести устойчивость к воздействию повседневных стрессоров, будут способствовать повышению самоконтроля и принятия ответственности за свой выбор и поступки (Власова Н.В., Воложанина В.В., 2023).

Литература

1. Власова Н.В., Воложанина В.В. Особенности субъективной оценки качества жизни лиц юношеского возраста с расстройствами пищевого поведения // Наркология. 2023. № 10. С. 72–75. doi: 10.25557/1682-8313.2023.10.72-75.
2. Зейгарник Б.В., Холмогорова А.Б., Мазур Е.С. Саморегуляция поведения в норме и патологии // Психологический журнал. 1989. Том 10. № 2. С. 122–132.
3. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. 2-е изд. М: Наука, 2012. 518 с.

Отношение к смерти и экзистенциальная исполненность у молодых взрослых

Воробьева А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Осмысление конечности жизни существенно влияет на жизнь человека, а на отрицание ужаса смерти расходуется значительное количество жизненной энергии, что может приводить к психопатологии (Ялом И.Д., 1999). Несмотря на важность классических работ З. Фрейда, К.Г. Юнга, В. Франкла, И. Ялома, Д.А. Леонтьева, Р. Мэя, В.И. Шелеста и С. Грофа, влияние понимания человеком смерти на качество его жизни остается недостаточно изученным. Это объясняется, прежде всего, табуированностью темы и психологическими защитами, из-за которых переживания о смерти проявляются только при непосредственном столкновении с ней. Исследование, осуществленное Д. Рогозиным, показало, что люди, находящиеся в возрасте старше 45 лет, склонны задумываться о смерти, в то же время 48 % указали, что редко думают о ней, и 19 % – что думают часто (Рогозин Д.М., 2014).

Цель исследования: изучение взаимосвязи между экзистенциальной исполненностью и отношением к смерти у молодых взрослых.

В исследовании приняли участие 6 молодых взрослых в возрасте от 18 до 30 лет. Участники проходили индивидуальную экзистенциально-гуманистическую психотерапию с регулярностью 1 раз в неделю в течение года. Диагностические методы включали Шкалу экзистенции (Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К., 2009),

опросник отношения к смерти DAP-R. Диагностика проводилась при первичном интервью и спустя год психотерапии.

Результаты показали, что у 33% участников с низким уровнем экзистенциальной исполненности и выраженным страхом смерти наблюдался рост внутренней открытости миру, способности доверять своим чувствам, принимать решения и следовать им. При этом снижался страх смерти и формировалось нейтральное ее принятие.

У 66% участников наблюдались незначительные положительные изменения средних показателей и снижение страха смерти. У всех участников сформировалось нейтральное принятие в отношении смерти.

Линейный регрессионный анализ показал статистически значимую связь между повышением экзистенциальной исполненности и формированием нейтрального принятия смерти. Однако статистически значимая связь между повышением экзистенциальной исполненности и снижением страха смерти не была обнаружена, что может быть связано с небольшим размером выборки.

Вывод: при среднем и высоком уровнях экзистенциальной исполненности отношение к смерти характеризуется нейтральным принятием. Страх смерти снижается при повышении уровня экзистенциальной исполненности.

Литература

1. Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala) // Экзистенциальный анализ. 2009. № 1. С. 141–170.
2. Рогозин Д. М. Как возможен осмысленный разговор о смерти // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 1. С. 18–31.
3. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М.: Класс, 1999. 576 с.

Эмоциональные реакции косвенных жертв теракта (на примере террористического акта в Крокус Сити Холле)

Воронова Ю.В., Мартынова Д.А.

ФГКОУ «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Терроризм как явление плотно вошел в жизнь современного общества. Никого давно не удивляют сообщения о терактах в СМИ, но их травмирующий эффект от этого не становится меньше. Террористические атаки вызывают глубокие эмоциональные реакции у всех слоёв населения, независимо от их непосредственной связи с событием. Человеку не обязательно быть участником или свидетелем травмирующего события для того, чтобы испытать весь спектр эмоций и чувств в связи с ним. Для того, чтобы получить травматизацию достаточно оказаться в

соответствующем информационном поле. Традиционно в качестве цели террористических актов, подобных тому, что был совершен в Крокус Сити Холле, определяют создание атмосферы страха и ужаса. Целевой аудиторией выступают не те люди, в отношении которых непосредственно совершалось насилие (реальные жертвы), а те, кто являются косвенными жертвами (Макарова, Т.В., 2013).

Целью нашего исследования стало выявление спектра эмоций, которые информация о теракте вызывает у косвенных его жертв. Выборка испытуемых составила 61 человек (41 женского пола, 20 мужского) в возрасте от 20 до 23 лет, проживающих на территории Санкт-Петербурга. Для проведения эмпирического исследования за основу был взят метод опосредованной ретроспективной диагностики психологических состояний (ОРДПС), предложенный С.С. Шипшиным (Шипшин, С.С., 1988). Основным набором цветов теста Люшера в этой процедуре выполнял роль «посредника», что позволило выявить характер и степень взаимосвязи информации о теракте, воспринимаемой респондентами, и спектром предложенных эмоций.

В соответствии с полученными результатами восприятие информации о теракте сопровождается переживанием следующего спектра эмоций: страх, гнев, печаль, отвращение, презрение, стыд, вина – эти эмоции у исследуемой группы респондентов чаще положительно коррелируют с информацией о теракте. Такие эмоции как радость, интерес, удивление преимущественно отрицательно коррелируют с информацией о теракте.

Полученные результаты позволяют фиксировать достаточно сложную эмоциональную реакцию на информацию о теракте у косвенных жертв и не исчерпываются эмоцией страха, которая является наиболее ожидаемой. Сложность эмоционального реагирования на информацию о теракте свидетельствует, с одной стороны, о значимости этого события для испытуемых, с другой – о высокой степени психологической включенности респондентов, которые проживают на территории Санкт-Петербурга, в событие, происходящее в Москве (Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В., 2006).

Таким образом, для косвенных жертв теракта при восприятии информации о травмирующем событии характерна фрустрированность одной из базовых потребностей человека в безопасности, что сопровождается переживанием сложного спектра эмоций. Информационный ореол теракта формируется посредством средств массовой информации, в том числе неофициальных, которые могут способствовать достижению целей организаторов терактов и иных заинтересованных лиц. В этой связи, по нашему мнению, стоит уделять внимание как вопросам информационного сопровождения теракта в официальных источниках, делая акцент на снижение травмирующего эффекта сообщений, так и вопросам психологической помощи косвенным жертвам терактов.

Литература

1. Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Психологическая оценка переживания

- террористической угрозы: руководство. М.: Институт психологии РАН, 2010. 85 с.
2. Захарова Н.М., Баева А.С., Соболев Н.А. Социально-психологические последствия современного терроризма // Психология и право. 2018. Том 8. No 3. С. 190–205. doi: 10.17759/psylaw.2018080314.
 3. Макарова Т.В. Типология жертв терроризма [Электронный ресурс] // Юридические исследования. 2013. No 8. С. 213–226. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=9338 (дата обращения: 0.11.2024). doi: 10.7256/2305-9699.2013.8.9338.
 4. Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза психического состояния водителя по делам о дорожно-транспортных происшествиях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 28 с.

Особенности представления сообщений в СМИ о терактах, совершённых в московском метро в 2010 году и в Крокус Сити Холле в 2024 году

Воронова Ю.В., Чмыхало А.Д.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Террористические акты за последние десятилетия стали неотъемлемой частью нашей жизни. Ежегодно по всему миру происходит множество терактов, и мы оказываемся включенными в эти события благодаря работе СМИ, становясь их косвенными жертвами. Ситуация усугубляется тем, что современное информационное пространство стало доступным для всех и каждого, т.е. абсолютно каждый член общества, имеющий в своем распоряжении гаджеты, способен создавать новостной контент и распространять его посредством сети Интернет.

Информационное сопровождение терактов осуществляется как официальными, так и неофициальными СМИ, но подход к этому процессу безусловно меняется с учетом новых тенденций и возможностей. В нашем исследовании мы сравнили некоторые особенности информационного сопровождения терактов, произошедших с перерывом в 14 лет: двойной теракт в Московском метро в 2010 году и теракт в Крокус Сити Холле в 2024 году.

В обоих случаях анализировались сообщения о терактах на сайтах таких государственных структур, как МЧС, СК РФ, НАК. В связи с двойным терактом в московском метро анализировались сообщения о терактах, представленные на официальных сайтах новостных ресурсов «Интерфакс», «Коммерсант», «Lenta.ru», а также сообщения, представленные на порталах «Живой Журнал», «mail.ru», «ВКонтакте». В связи с терактом в Крокус Сити Холле изучались сообщения о теракте, представленные на официальных сайтах «Известия», «Коммерсант», «Первый канал», а также сообщения в таких сообществах Telegram, как «Москва

Live», «SHOT», «ТОПОР Live». И в первом, и во втором случае были взяты сообщения, которые появлялись в течение недели после события.

Анализ сообщений проводился по следующим параметрам: общее число сообщений по данной теме (в обоих случаях сообщения отслеживались в течение месяца); время публикации первого сообщения о теракте; число слов в заголовках, в текстах сообщений; наиболее часто встречающиеся слова (понятия) в текстах сообщений.

В предоставлении информации о терактах на сайтах государственных структур в 2010 и в 2024 году были отмечены следующие различия: общее число сообщений в 2024 году значительно увеличилось (с 6 до 53), скорость их размещения тоже (так, в 2010 году первое сообщение о теракте появилось на сайте одной из государственных структур спустя двое суток после события, в 2024 году информация поступала в первые же сутки, быстро обновлялась). Общим в представлении информации о терактах является безэмоциональность, краткость сообщений.

В предоставлении информации о терактах в официальных новостных источниках было также отмечено кратное увеличение их числа в 2024 году – с 342 до 1235. Сообщения в этих источниках характеризуются эмоциональностью, но, вместе с тем, официальные новостные источники не предоставляли фото и видео-контент, демонстрирующий насилие и жестокость.

Что касается неофициальных СМИ, то первое различие заключается в том, что изменились источники, из которых аудитория получала информацию о терактах. В 2010 году эту функцию преимущественно выполняли порталы «Живой Журнал», «mail.ru», «ВКонтакте», в 2024 году – сообщества в мессенджере Telegram. Общее число сообщений в 2024 году значительно снизилось по сравнению с 2010 годом – с 4707 до 971, но их качество существенно изменилось – если в 2010 году это были, преимущественно, текстовые сообщения, то в 2024 году кроме текстовых сообщений – фото и видео-контент с места события. Сообщениям из неофициальных источников по-прежнему свойственна высокая степень эмоциональности, преимущественно негативного характера.

Таким образом, освещение терактов в официальных и неофициальных СМИ, имея некоторые закономерности, развивается и трансформируется вместе с социумом. Сообщения, предоставляемые официальными источниками, менее эмоциональны и не содержат шок-контента по сравнению с теми, что размещаются в неофициальных СМИ, что делает их менее травмирующими.

Анализ исследований по применению оружия в сфере образования: school shooting

Ганузин В.М.

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет»

Минздрава России (г. Ярославль, Россия)

Проблема вооруженных нападений на учебные заведения является актуальной общегосударственной задачей и требует дальнейшего изучения (Ганузин В.М., 2023). Нами проанализированы 137 работ отечественных и зарубежных авторов по применению оружия в образовательных учреждениях.

По данным National Center for Education Statistics в 2021–2022 учебном году в американских государственных и частных школах зафиксировано 327 случаев применения огнестрельного оружия. В результате 188 случаев стрельбы были пострадавшие, а в 57 случаях были погибшие. За 9 месяцев 2023 года в школах США зафиксировано 30 случаев вооруженных нападений, в результате которых 32 человека были ранены, 16 человек, включая 12 учащихся, погибли (School shootings in the US, 2024). Согласно зарубежным исследованиям, более 80% лиц, совершивших нападения на школы, испытывали на себе давление, издевательства, травлю со стороны группы сверстников.

В монографии «Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка» Р. Langman выделяет три группы «школьных стрелков»: с психопатической, с психотической и с психологически травмированной личностью.

По данным Т.С. Волчецкой, чтобы понять болен или здоров стрелок, ему надо провести судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Выяснить, был ли он болен или просто у него не созрел мозг и он не осознавал последствий своих действий (Волчецкая Т.С., 2021).

С. Dumitriu отмечает, что скулшутеры не являются типичными массовыми убийцами, которые выбирают жертв наугад. У них всегда имеется hit list, расстрельный список потенциальных жертв (Dumitriu С., 2013).

Paria Stewart et al. считают, что насильственная смерть, связанная со школой (School-Associated Violent Death), имеет широкомасштабные последствия для безопасности школ, качества образования, общественного здравоохранения, политики и многого другого (Paria Stewart, 2022).

Е.Г. Дозорцева и соавт. считают, что необходим глубокий анализ динамики нападений несовершеннолетних на учебные заведения, характер отношений в школьном коллективе, в семье и интернет-среде (Дозорцева Е.Г., 2020).

Заключение. Проведенный анализ литературы позволяет судить о психологических факторах, повлиявших на совершение подростками нападения на образовательные учреждения.

Литература

1. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Том 15. No 5. С. 578–591. doi: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591.
2. Ганузин В.М. Обзор современных исследований по применению подростками оружия в образовательной среде [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: сетевой науч. журн. 2023. Том 15. No 3. URL: http://www.mprj.ru/archiv_global/2023_3_80/nomer06.php (дата обращения:

03.11.2024).

3. Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. Том 10. No 2. С. 97–110. doi: 10.17759/psylaw.2020100208.
4. Crisis Management in School Shootings Situations. The School—A Forgotten Factor in the Equation / С. Dumitriu // School Shootings: International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention / Eds. N. Böckler [et al.]. New York: Springer, 2013. P. 441–476. doi: 10.1007/978-1-4614-5526-4_20.
5. Number of victims of school shootings in the United States between 1982 and September 2024 [Электронный ресурс] // Statista. 2024. September 11. URL: <https://www.statista.com/statistics/476381/school-shootings-in-the-us-by-victim-count/> (дата обращения: 03.11.2024).
6. Pies R.W. (2020). Mass Shooters and the Psychopathology Spectrum [Электронный ресурс] // PsychiatricTimes. 2020. February 17. URL: <https://www.psychiatrictimes.com/view/mass-shooters-and-psychopathology-spectrum> (дата обращения: 03.11.2024).
7. Stewart I., Wertz J., Jen H. School-Associated Violent Deaths in the United States: A Comprehensive Review of the Literature // Journal of School Violence. 2022. Vol. 21. No 4. P. 355–380. doi: 10.1080/15388220.2022.2105855.

Психологическая реабилитация потерпевших как инструмент предотвращения их повторной виктимизации

Гомелля Ю.И., Луковцева З.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В профессиональной психологической литературе представлены различные определения виктимизации, суть которых сводится к идее приобретения человеком, пережившим преступное посягательство, психосоциального статуса и характеристик жертвы. Под повторной виктимизацией понимают дополнительную травматизацию потерпевшего вследствие некорректного отношения к нему окружающих (Малкина-Пых И.Г., 2018). Это явление может принимать разные формы (прямое обвинение, пренебрежение, давление, отказ в поддержке, предоставлении услуг или помощи и т. д.). К причинам повторной травматизации относят, в частности, негативное отношение со стороны близких, неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов, формальность правоприменительных процедур (Решетников М.М., 2024).

Сформулированы принципы работы психолога с потерпевшим, позволяющие предотвратить повторную виктимизацию, например: добровольность оказания помощи, конфиденциальность информации о состоянии потерпевшего и т. д.

(Захарова Н.М., Милехина А.В., 2017). Эти принципы в большинстве своем справедливы и для оказания психологической помощи лицам, не находящимся в какой-либо юридически значимой ситуации.

Особенно часто повторная виктимизация встречается в случаях, когда речь идет о насильственных преступлениях (Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Борисенко Е.В., 2017 и мн. др.). При работе с такими потерпевшими психологи (совместно с врачами-психиатрами, если это необходимо) реализуют особый комплекс мер, направленных на восстановление психического здоровья и эмоционального состояния. Работа может проводиться как в групповой форме (тренинги, группы поддержки), так и в индивидуальной (индивидуальная терапия и консультирование). Для формирования психологической устойчивости к возможной повторной виктимизации наиболее эффективна групповая работа. Она дает возможность встречи и общения с другими потерпевшими при поддержке со стороны специально подготовленных ведущих. Такой опыт позволяет каждому конкретному участнику почувствовать, что окружающие уважают и принимают его переживания, связанные с травмой, а также формирует чувство принадлежности. Это способствует снижению уровня стресса и тревожности, улучшает общее эмоциональное состояние. Поддержка других людей помогает осознать, что потерпевший не одинок в своей борьбе и повышает его уверенность в себе. Наконец, такая работа способствует переосмыслению травматического опыта и его интеграции в общую картину жизни, формированию навыков преодоления стрессовых ситуаций и адаптации к новым обстоятельствам.

Серьезным препятствием на пути к противодействию повторной виктимизации остается недостаточная обращаемость потерпевших за психологической помощью, обусловленная высоким уровнем стигматизации как самой психологической помощи, так и лиц, обращающихся к психологам (Клещина Е.Н., 2017). Решение задач психообразования населения и, в частности, повышения осведомленности о сущности психологической помощи при травматическом стрессе следует решать с учетом этого обстоятельства.

Литература

1. Захарова Н.М., Милехина А.В. Основные принципы оказания медико-психологической помощи жертвам насилия // Российский психиатрический журнал. 2017. No 6. P. 32–39.
2. Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Борисенко Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек // Психология и право. 2017. Том 7. No 3. С. 110–126. doi: 10.17759/psylaw.2017070309.
3. Клещина Е.Н. Защита жертв преступлений как актуальное направление криминальной виктимологии // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. No 4(44). С. 33–36.
4. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. 2-е изд. СПб.: Питер, 2018. 831 с.

5. Решетников М.М. Психическая травма: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2024. 200 с.

Триада Макдональда: алгоритмы формирования патопсихологических проявлений у серийных и массовых убийц

Денисов Е.В¹., Ноздрачев Д.И¹., Reid S²., Вечерин А.В¹.

¹ ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

² University of Calgary (г. Калгари, Канада)

Триада Макдональда (энурез, зоосадизм, пиромания) является одним из спорных концептов зарубежной и в некоторой степени российской криминальной психологии в силу неоднозначности его предиктивной силы и, в целом, полезности для криминологической науки и практики.

Феномен был описан Д.М. Макдональдом в 1963 г. (MacDonald J.M., 1963), при этом о его “предиктивности” для оценки вероятности последующего совершения убийств субъектом с элементами Триады до 1997 г. (Douglas J.E. & Olshaker M., 1998) не заявлялось.

При этом, согласно последним исследованиям (Parfitt C.H. & Alleyne E., 2020) возникновение элементов Триады связано не со склонностью к совершению насильственных преступлений, а с воспитанием в дисфункциональной семье, запущенностью и психотравматизацией.

Для компонентов Триады хорошо изучено их нейropsychиатрическое значение. Так, показана связь зоосадизма с диссоциальностью, расторможенностью и агрессией (Mota-Rojas D. et al., 2022). При пиромании наблюдается снижение контроля импульсов и обсессивное влечение (Billieux J. et al., 2024). Вовлечение обсессивно-компульсивного механизма связано с аномалиями кортико-лимбических структур (Matzeu A. et al., 2023).

В целях изучения предпосылок формирования элементов Триады на фоне ряда социально-демографических параметров, касающихся условий развития, методами машинного обучения в среде R было проведено исследование выборки из 802 серийных и массовых убийц.

Из указанной выборки, с учётом особенностей построения деревьев решений, было отобрано 227 серийных убийц – 182 в тренировочной и 182 и 45 в тестовой выборке, для которых была собрана информация о проявлениях Триады.

В результате исследования не обнаружено значимых предикторов возникновения энуреза. При этом, были получены результаты, в виде деревьев решений, обуславливающих **зоосадизм**:

Буллинг в школе + жестокое обращение + наличие стабильной работы у отца субъекта + поступление субъектом на военную службу + (опционально) наличие единственного близкого друга в окружении.

Буллинг в школе + прохождение отцом субъекта военной службы + субъект был свидетелем домашнего насилия.

Показатели качества модели: AUC =0.718, accuracy =0.76, F1 Score =0.79.

Для пиромании вычислены следующие показатели:

Буллинг в школе + травмы головы до 18 лет + стабильность работы у отца;

Буллинг в школе + злоупотребление отцом субъекта психоактивными веществами и алкоголем + сексуальное насилие над субъектом.

Показатели качества модели: accuracy, sensitivity, F1 Score >0.8, Specificity и AUC <0.7.

Исходя из результатов можно сделать вывод о наличии связи элементов Триады (зоосадизма и пиромании), нейроонтогенетических механизмов и психотравматизации субъекта в детстве. При этом указанные элементы не опосредуют совершение противоправных деяний, а являются лишь проявлением дезадаптивных защитных механизмов – маркеров снижения контроля поведения.

Литература

1. Animal abuse as an indicator of domestic violence: One health, one welfare approach / Mota-Rojas D. [et al.] // *Animals*. 2022. Vol. 12. No 8. Article ID 977. 19 p. doi: 10.3390/ani12080977.
2. Disorders due to addictive behaviors and impulse control disorders / J. Billieux [et al.] // *A psychological approach to diagnosis: Using the ICD-11 as a framework* / Eds. G.M. Reed [et al.]. Washington, D.C.: APA, 2024. P. 289–309. doi: 10.1037/0000392-016.
3. Douglas J.E., Olshaker M. *Mindhunter: Inside the FBI's elite serial crime unit*. New York: Simon and Schuster, 1998. 384 p.
4. Matzeu A., Flores-Ramirez F. J., Martin-Fardon R. Thalamic circuits // *Neurocircuitry of Addiction* / Ed. N.W. Gilpin. New York: Academic Press, 2023. P. 209–246. doi: 10.1016/B978-0-12-823453-2.00012-6.
5. Macdonald J.M. The threat to kill // *American Journal of Psychiatry*. 1963. Vol. 120. No 2. P. 125–130. doi: 10.1176/ajp.120.2.125.
6. Parfitt C.H., Alleyne E. Not the sum of its parts: A critical review of the MacDonald triad // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2018. Vol. 21. No 2. P. 300–310. doi: 10.1177/1524838018764164.

Сталкинг как вид криминального посягательства: психолого-правовая характеристика

Пимонов В.А., Диденко Е.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Современные правовые тенденции все больше уделяют внимания неприкосновенности частной жизни человека. Число стран Евросоюза, включивших stalking в качестве уголовного преступления в свое законодательство, за последние годы увеличилось до 21 (Ортис-Мюллер В., Зипельмайер О., Фридланд И., 2019). Научные деятели, как зарубежные (Э. Линдо, Дж. Кэтсмайерс и др.), так и отечественные (А.В. Куликов, Е.А. Егорычева и др.) неоднократно затрагивали в своих работах данную проблему, становящуюся глобальной.

Термин «сталкинг» заимствован и в переводе с английского означает «преследовать», что точно раскрывает сущность этого деяния.

По классификации на основе обобщения мотивов stalkеров – одной из целей таких нарушителей является стремление к установлению отношений, жажда завоевать внимание и расположение. Вторую группу преследователей объединяет стремление «воздать по заслугам». Обычно это просто отвергнутые, обиженные люди, потерпевшие неудачу в любви. Третья категория stalkеров – садисты, которым нужно получить полную власть над своей жертвой.

Невольные жертвы, также, как и само преступление, не обладают набором определенных характеристик, обрекающих их на незавидную участь. Однако возможно отследить некоторые «предрасположенности» объектов преследования, заключающиеся в их социально-нравственных особенностях.

Данные, представленные консультативным центром «Стоп-Сталкинг» в Германии, демонстрируют всю серьезность возможных психологических последствий для объекта преследования. Среди них: обостренное чувство вины, повышенное переживание стресса, постоянные кошмары и проблемы со сном, а также риск развития посттравматического стрессового расстройства (Ортис-Мюллер В., Зипельмайер О., Фридланд И., 2019).

На основании УК РФ жертва stalkingа может найти справедливость через длительные попытки привлечь преследователя по смежным статьям, затрагивающим механизм поведения stalkера. Например, по ст. 111, 137, 167 УК РФ. В России нет уголовного или административного наказания за stalking. До сих пор его не ввели по ряду причин, среди которых: сложность объективной оценки нанесенного морального вреда жертве, принцип невмешательства государства в частную жизнь, а также отсутствие эффективных мер по борьбе со stalkерами и др. (Куликов, А.В., Егорычева, Е.А., 2022).

Однако проблема криминализации stalkingа уже давно поднимается не только отечественными научными деятелями, но и политиками, что позволяет предполагать о возможных нововведениях в законы нашего государства относительно stalkingа. Стоит обратить внимание на предложение, озвученное Е.Г. Цукановой и А.М. Мясниковой в статье журнала «Виктимология»: классифицировать stalking как преступление против личности, закрепить за этим деянием статус противоправного деяния в уголовном и административном кодексах России, ввести меры, обеспечивающие безопасность жертвы преследования, а также средства

предотвращения и профилактики таких преступлений (Цуканова, Е.Г., Мясникова А.М., 2016).

Столкнувшись со stalkingом, как и с любым противоправным деянием, необходимо обладать базовой теоретической информацией, чтобы иметь возможность распознать это деяние как преступное и иметь возможность с ним справиться.

Литература

1. Куликов А.В., Егорычева Е.А. Проблемы и перспективы криминализации stalkingа в России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. No 3. С. 29–35. doi: 10.24412/2071-6184-2022-3-29-35.
2. Цуканова Е.Г., Мясникова А.М. Криминализация stalkingа // Виктимология. 2016. No 3(9). С. 53–56.
3. Ortiz-Müller W., Siepelmeyer, O., Friedland I. Stalking – eine Herausforderung für Strafjustiz und Zivilgesellschaft // Public Health Forum. 2019. Vol. 27. No 1. P. 27–29. doi: 10.1515/pubhef-2018-0129.

Особенности принятия решения у заемщиков финансовых средств

Дягилев А.В., Сафуанов Ф.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Одним из ключевых элементов, влияющих на процесс принятия финансовых решений, является ограниченная рациональность. Заёмщики не всегда обладают полной информацией для принятия оптимальных решений и не всегда способны обработать даже ту информацию, которая у них имеется. Это приводит к принятию решений на основе упрощенных моделей мышления или интуитивных суждений. Особенно ярко это проявляется в долговом поведении, когда заёмщики не могут адекватно оценивать риски задолженности или учитывать последствия будущих выплат. В условиях ограниченной рациональности человек склонен руководствоваться не только экономическими расчетами, но социальными нормами и эмоциональными факторами (Гагарина М.А., 2014).

Восприятие и отношение к долгу играет важную роль в процессе принятия решений, так заёмщики, для которых долг является серьезным моральным и экономическим обязательством, оценивают свои возможности и вероятность возврата долга рационально, и принимают более взвешенные решения о заимствовании (Гагарина М.А., Павлова О.Е., 2013). Они склонны систематически управлять своими долгами, снижая риск финансового банкротства и неплатежеспособности. С другой стороны, люди с менее строгим отношением к долгам могут легко соглашаться на них, не задумываясь о том, как это повлияет на их финансовое положение в будущем. Заёмщики, испытывающие сильные эмоциональные переживания или находящиеся в состоянии стресса, могут принимать импульсивные решения без должного анализа

или расчета. В таких ситуациях они склонны ориентироваться на краткосрочную выгоду, например, на немедленное получение денег в ущерб долгосрочной финансовой стабильности. Это особенно характерно для людей с кредитной зависимостью, для которых заёмные средства становятся способом снятия стресса и удовлетворения эмоциональных потребностей (Гагарина М. А., Сулейманова С.С., 2017).

Нами было проведено исследование особенностей принятия финансовых решений заёмщиками целевых кредитов и микрозаймов, в котором участвовали 23 респондента в возрасте от 18 до 59 лет – участники интернет-форума заёмщиков финансовых средств. Респонденты имели опыт взятия целевых кредитов – 5 респондентов и микрозаймов – 18 респондентов. В ходе исследования использовалась авторская биографическая анкета для изучения опыта займа финансовых средств, а также экспресс-опросник долгового поведения.

В исследовании было выдвинуто две гипотезы:

1. У большего количества заёмщиков МФО будет высокий уровень долговой толерантности, чем у заёмщиков, которые пользуются целевыми кредитами.
2. В личностном профиле заёмщиков финансовых средств, которые пользуются микрозаймами, будет преобладать долговая иррациональность.

Результаты проведенного исследования показали, что 89% заёмщиков микрозаймов продемонстрировали терпимое отношение к кредитованию, в то время как у заёмщиков целевых кредитов этот показатель достиг 60%. Также было подтверждено преобладание долговой иррациональности у заёмщиков микрозаймов: у 61% заёмщиков МФО диагностирована низкая готовность задумываться о возврате долгов, что свидетельствует об отсутствии желания прилагать усилия по сбору документов и поиску выгодных предложений, а также о безразличии к наличию задолженности.

Литература

1. Гагарина М.А. Влияние представлений о долговом поведении на принятие решений // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. No 4. С. 58–65.
2. Гагарина М.А., Павлова О.Е. Ограниченная рациональность и долговое поведение работающих и неработающих россиян // Социальная психология и биология. 2013. Том 2. No 3. С. 251–265.
3. Гагарина М.А., Сулейманова С.С. Финансовая грамотность и экономическое поведение лиц с различным соотношением мотивов сбережения и потребления // Мир науки: научный интернет-журнал. 2017. Том 5. No 3. 20 с.

Враждебное искажение как медиатор связи между диспозиционной враждебностью и приписыванием сообщению в соцсетях скрытого негативного посыла

Емелин Г.Д.^{1,2}, Ениколопов С.Н.³

¹ ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,

² НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (г. Москва, Россия)

³ ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

В ряде эмпирических исследований показано, что диспозиционная враждебность (ДВ) ассоциирована с искажениями процессов социальной перцепции (Allred K.D & Smith T.W., 1991), приписыванием агрессивных или враждебных намерений при интерпретации неоднозначных ситуаций (Matthews B.A., Norris F.H., 2002), неправильным распознаванием эмоций (Larkin K.T. et al., 2002). Одно из объяснений этой связи – процессы враждебного кодирования информации, которые ведут к проявлениям так называемых враждебных искажений (ВИ) – априорной тенденции обрабатывать социальные сигналы как враждебные (Smeijers D., 2023).

Функционально ВИ направлены на снижение неопределенности. Общение в соцсетях – это наглядная модель ситуации неопределенности, так как оно лишено возможности наблюдения за вербальными и невербальными аспектами коммуникации. Такие условия создают плодотворную почву для проявления ВИ, особенно у враждебных людей.

Опираясь на модель вычисления враждебных искажений (Smeijers D., 2023), мы предположили, что ВИ будет медиатором связи между ДВ и частотой приписывания скрытого негативного посыла (СНП) сообщению.

Методы. В исследовании участвовали 356 человек от 18 до 30 лет. Тестирование включало в себя следующие методики: опросника Басса-Перри (в адаптации С.Н. Ениколопова) для измерения ДВ; шкалу склонности к враждебному искажению (Г.Д. Емелин, С.Н. Ениколопов) для измерения ВИ; оценка наличия скрытого позитивного/негативного посыла в сообщениях от четырех отправителей: знакомый мужчина, незнакомый мужчина, знакомая женщина, незнакомая женщина для измерения частоты приписывания (СНП).

Результаты. Корреляционный анализ показал наличие положительной корреляции частоты приписывания СНП с ДВ (от 0,19 до 0,33) и с ВИ (от 0,23 до 0,3). При подсчете частной корреляции между СНП и ДВ с контролем ВИ корреляции теряли свою значимость (исключение: условие знакомого отправителя – корреляция снижалась с 0,33 до 0,18). При смене контрольной переменной с ВИ на ДВ корреляции слабели, но оставались значимыми.

Регрессионный анализ показал, что модель со включением ВИ и ДВ предсказывает от 5% до 10% дисперсии частоты приписывания СНП, при этом ДВ не является самостоятельным значимым предиктором СНП вне зависимости от характеристики отправителя сообщения, если в модель включено ВИ, в то время как

ВИ является положительным значимым предиктором СНП вне зависимости от включенности ДВ.

Медиаторный анализ показал, что во всех случаях ДВ является значимым предиктором приписывания СНП вне зависимости от характеристик отправителя сообщения, однако во всех случаях ВИ обуславливает эту связь, что согласуется с нашими изначальными предположениями. В большинстве случаев (кроме условия со знакомым отправителем), ДВ оказывает незначимый прямой эффект на приписывания СНП. Иными словами, в большинстве случаев наблюдается полная медиация связи ДВ и СНП за счет ВИ. Наше изначальное предположение подтвердилось.

Судя по всему, более выраженная ДВ создает интенциональную готовность для враждебного искажения, в результате чего интерпретация социального сигнала (сообщения) идет по враждебному паттерну и ему приписывается скрытый негативный посыл.

Литература

1. Allred K.D., Smith T.W. Social cognition in cynical hostility // *Cognitive Therapy and Research*. 1991. Vol. 15. No 5. P. 399–412. doi: 10.1007/BF01173034.
2. Larkin K.T., Martin R.R., McClain S.E. Cynical hostility and the accuracy of decoding facial expressions of emotions // *Journal of Behavioral Medicine*. 2002. Vol. 25. No 3. С. 285–292. doi: 10.1023/A:1015384812283.
3. Matthews B.A., Norris F.H. When is believing «seeing»? Hostile attribution bias as a function of self-reported aggression // *Journal of Applied Social Psychology*. 2002. T. 32. No 1. С. 1–32. doi: 10.1111/j.1559-1816.2002.tb01418.x.
4. Smeijers D. Hostility Bias: A Key Characteristic of Aggressive Behavior // *Handbook of Anger, Aggression, and Violence* / Eds. C.R. Martin, V.R. Preedy, V.B. Patel. Cham: Springer, 2023. P. 559–578. doi: 10.1007/978-3-031-31547-3_34.

Легитимизированная агрессия и ценностные ориентации в норме и при психических заболеваниях

Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Олейчик М.И., Бичевина Д.С., Плакунова В.В., Бойко О.М.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Наряду с запрещенными агрессивными формами поведения существуют санкционированные и даже поощряемые разновидности насилия («легитимизированная агрессия»). Специалисты по девиантному и делинквентному агрессивному поведению отмечают, что с расширением диапазона легитимного насилия наблюдается рост нелегитимного насилия.

В исследовании использовалась методика оценки легитимизированной агрессии, которая позволяет косвенно оценить склонность к агрессивным формам поведения, и

включает в себя оценку пяти факторов: легитимизация агрессии в личном опыте; легитимизация агрессии в политической сфере; легитимизация агрессии в спорте; в сфере воспитания; в СМИ.

Целью исследования была оценка связи легитимизированной агрессии с реальной агрессивностью и ценностными ориентациями у людей с психическими заболеваниями и в норме.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 158 человек: 46 пациентов отделения эндогенных психических заболеваний (средний возраст $20,8 \pm 5,7$, из них мужчин 16%), 112 человек составили контрольную группу (средний возраст $19,8 \pm 3,7$, из них мужчин 23%), группы статистически не различались по социодемографическим показателям.

Использовались методики: опросник легитимизированной агрессии (ЛА) (Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П., 2008); Опросник диагностики агрессии Басса-Перри (BPAQ); SCL-90R; портретный ценностный вопросник Ш. Шварца; Опросник конструктивного мышления «ОКМ97» Эпштейн (Epstein S., 2001); клиническая группа дополнительно ответила на вопросы методики «Я-структурный тест Г. Аммона» («Ich Struktur Test Ammon», ISTA) (Аммон Г., 1995). Использовались методы корреляционного анализа, для сравнения групп – метод дисперсионного анализа.

Результаты и обсуждение. Клиническая группа не отличалась от контрольной по выраженности агрессии (физической агрессии, гнева, враждебности) в опроснике Басса-Перри, значимо отличалась по выраженности клинической симптоматики (SCL-90R), продемонстрировала менее выраженные проявления легитимизированной агрессии (в вопросах политики, личного опыта и воспитания), предпочтение ценностей «сохранения» (традиция) и «самоутверждения» (власть-богатство), а также снижение уровня конструктивного мышления за счет более низкого эмоционального и поведенческого совладания.

Корреляционный анализ показал, что и в клинической, и в контрольной группах общий показатель легитимизированной агрессии был связан с более высоким уровнем физической агрессии (Басс-Перри) ($r=,733$ $p<,001$ для клинической группы, $r=,699$ $p<,001$ для контрольной), с более высоким уровнем эзотерического и категорического мышления и с ценностью выхода за пределы своего Я (этот показатель отражает желание помогать окружающим, желание равноправия, учет мнения других, заботу об окружающей среде). В клинической группе показана связь легитимизированной агрессии с уровнем деструктивной агрессии (опросник Аммона), в контрольной группе с такой клинической симптоматикой, как враждебность, паранояльность и психотизм (SCL-90R).

Таким образом, в исследовании показан общий паттерн для клинической и контрольной группы, который связывает легитимизированную агрессию с более высоким уровнем физической агрессии, категоричностью и склонностью к эзотерике, при этом с декларируемой заботой об окружающих и ценностях равноправия.

Литература

1. Аммон Г. Динамическая психиатрия. СПб.: Изд-во Психоневрологического института, 1995. 200 с.
2. Ениколопов С.Н, Цибульский Н.П. Изучение взаимосвязи легитимизации насилия и склонности к агрессивным формам поведения // Психологическая наука и образование. 2008. Том 13. No 1. С. 90–98.
3. Epstein S. CTI: Constructive Thinking Inventory: professional manual. Lutz: Psychological Assessment Resources, 2001. 59 p.

Особенности отношения молодежи к татуировкам

Чернышева Е.В., Ермилова А.А.

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия)

Татуировки – распространенное явление среди молодежи, однако отношение к татуировкам в обществе неоднозначно: одни воспринимают их как форму самовыражения и искусства, а другие – как атрибут криминальной субкультуры.

Исследования авторов охватывают различные аспекты психологического анализа осмысления татуировок. Рассматривая стремление к изменению тела при помощи татуировок, М.В. Смирнова, М.И. Марьин, Ю.Г. Касперович, М.В. Пастухова отмечают, что в качестве основных психологических предикторов данного явления выступают: особенности смысложизненных ориентаций, расхождение идеальных представлений с реальной ситуацией, низкий уровень самооотношения, ориентированность на негативное отношение к себе окружающих, деструктивные стратегии в общении и др. (Смирнова М.В. и др., 2020).

Согласно Г.С. Кожухарь, стремление к нанесению татуировок на тело является свидетельством личностной деформации и искаженного самооотношения (Кожухарь Г.С., 2020). А.А. Костригин отмечает, что молодые люди с татуировками отличаются склонностью к девиантному поведению, криминальными наклонностями, отрицанием авторитетов и правил, раскованностью в отношениях (Костригин А.А., 2017).

Специфика современного общества – в трансформации отношения к татуировкам среди молодежи. На теле создают целые картины, отражающие внутренний мир и взгляды их обладателя.

С целью выявления особенностей отношения современной молодежи к татуировкам было проведено исследование, в котором приняли участие 50 юношей и девушек в возрасте 18-26 лет. Методы исследования: анкетирование с использованием Google Forms; Опросник образа собственного тела (ООСТ); Тест самооценки (М. Соренсен); Личностный опросник Г.Ю. Айзенка (EPQ-RS).

Следует отметить, что, несмотря на наличие или отсутствие татуировок, 62% испытуемых относятся к ним положительно и не видят в этом связи с уголовными традициями или асоциальным образом жизни, 8% высказывают крайне

отрицательные суждения. 32% испытуемых считают, что татуировки помогают представить себя особенной личностью, подчеркнуть свою уникальность, 44% юношей и девушек отмечают, что в современном мире татуировки выступают модным трендом. Для 24% испытуемых татуировка ассоциируется с обозначением принадлежности к субкультуре или криминальной среде. Комментарии к присланным фото своих татуировок свидетельствуют о наличии глубокого смысла, важных этапов жизни, привязанностях и др.

Имеются значимые корреляционные связи между отношением респондентов к татуировкам у себя и восприятием татуировок у других людей: молодые люди с татуировками склонны воспринимать положительно татуировки и у себя ($r = 0,289$), и у других ($r = 0,287$), тогда как испытуемые, не имеющие татуировок, демонстрируют нейтральное или негативное отношение к татуировкам.

Данные свидетельствуют о растущей популярности татуировок среди молодежи, при этом мотивы и значения татуировок варьируются в зависимости от индивидуального опыта и культурного контекста. Социальные медиа и влияние знаменитостей играют значительную роль в популяризации татуировок. Существуют предубеждения и дискриминация в отношении людей с татуировками в определенных социальных контекстах.

Литература

1. Исследование личностных предикторов самоповреждающего поведения в форме телесных модификаций / М.В. Смирнова [и др.] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Том 25. No 2(81). С. 188–196. doi: 10.24411/1999-6241-2020-12010.
2. Кожухарь Г.С. Социально-психологические феномены и факторы, связанные с модификациями тела у подростков и молодежи // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. No 4. С. 56–65. doi: 10.17759/jmfp.2020090405.
3. Костригин А.А. Вопросы психологии восприятия и самовосприятия людей с татуировками (по материалам зарубежных исследований с 2012 по 2017 гг.) // Перспективы психологической науки и практики: международная научно-практическая конференция: 16 июня 2017 г.: сборник статей. Москва: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2017. С. 486–489.

Гендерные аспекты формирования образа серийного преступника посредством кинематографа

Железнякова С.А., Воронова Ю.В.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург Россия)

В современной массовой культуре большую популярность набирает тема серийных преступников и серийных преступлений. О реальных преступлениях пишут

книги, снимают документальные и художественные фильмы. Для потребителей образ маньяков перестают быть устрашающим и отталкивающим, так как в кинофильмах существует тенденция очеловечивать образ серийных преступников и интерпретировать их поступки с психологической точки зрения. Целью нашего исследования стало выявление особенностей образа серийного преступника, формирующегося при просмотре художественных фильмов у юношей и девушек.

Исследование, в котором приняли участие 35 респондентов (юноши и девушки в возрасте от 19 до 23 лет), проводилось на базе Санкт-Петербургской академии Следственного комитета.

На первом этапе респонденты посмотрели ряд художественных фильмов и сериалов: «Фишер», «Чикатило», «Метод», «Красивый, плохой, злой», «Тень Чикатило», «Монстр: история Джеффри Дамера», «Монстр», «Оно», «Дом, который построил Джек», «Мерзлая земля», «Декстер». Затем участникам исследования было предложено оценить на основе двух сконструированных репертуарных решеток, содержащих в виде конструкторов черты личности и эмоции, наличие у серийных преступников художественных фильмов определенных черт личности и эмоции, которые их образы вызывают при просмотре. Кроме того, испытуемым для заполнения была предложена анкета, направленная на определение биометрических данных респондентов, степени осведомленности о жанре «true-crime», представлений о характерологических особенностях серийного преступника.

Согласно полученным результатам, юноши склонны наделять серийного преступника следующими характеристиками: сильный, умный, харизматичный, целеустремленный, беспомощный, глуповатый, гордый, дерзкий, импульсивный, интеллигентный, неуравновешенный. Эмоции, которые возникали по отношению к серийному преступнику при просмотре художественного фильма были следующие: страх, неприязнь, отвращение, гнев, ужас, брезгливость, презрение, раздражение. Девушки чаще всего отмечают следующие черты серийного преступника: сильный, умный, властный, целеустремленный, бесстрашный, импульсивный, интеллигентный, неуравновешенный. Стоит отметить, что респонденты данной группы определили преобладающие эмоции: страх, неприязнь, отвращение, гнев, ужас, беспокойство, тревога, презрение.

Стоит отметить, что девушкам свойственно отмечать пункты, связанные с агрессивным и угрожающим поведением, также девушки отмечают такие эмоции как страх, ужас, беспокойство и тревога – это можно объяснить неконтролируемыми мыслями. Юноши отмечают пункты, связанные с положением в обществе и физическим состоянием серийного преступника. Также мужской пол испытывает неприязнь и отвращение, так как они рассматривают их как правонарушителей, презирая их за совершаемые деяния. Большую роль для женского пола играет манера поведения серийного преступника в фильме, его отношения к окружающим и жертвам.

Кроме того, на основе анкетирования была выявлена следующая закономерность восприятия образа серийного преступника – если респонденты

владеют более подробной информацией о нем (из документальных источников), то спектр эмоций и чувств, которые вызывает его образ, гораздо шире, чем у тех, кто такой информацией не обладал.

Таким образом можно сделать вывод о том, что современный кинематограф оказывает влияние на формирование восприятия образа серийного преступника в общественном сознании. Вследствие этого, после просмотра художественных фильмов и сериалов, при описании серийного преступника зрители наделяют его не только негативными чертами, но и позитивными.

Литература

1. Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б. Судебно-психологическая экспертиза личности серийных сексуальных преступников. М.: Кредо, 2008. 254 с.

Криминогенность личностных особенностей при аномалиях влечения в форме садизма

Жукова-Валиковская С.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Актуальность исследования. Криминальная сексуальная агрессия, приобретая за последние несколько лет разные форматы и вариации своего проявления, имеет определенные стадии своего развития. Признаки повседневного (бытового) и сексуального садизма впервые проявляются в раннем подростковом и детском возрасте. Негативные тенденции криминогенности связаны с такими понятиями как «сексизм» и «мачизм», приобретшими за последнее время большую популярность. Это способствует объективизации женского тела, подмене адекватного восприятия образа женщины и эксплуатации женского тела в качестве сексуального объекта.

Автором исследования был создан диагностический инструмент – методика, включающая в себя не только взвешенные оценки по показателям повседневного и сексуализированного мачизма, но и результаты по нарушениям полового самосознания у респондентов, практикующих садомазохизм.

Объектом исследования выступили индивидуально-личностные компоненты и факторы, составляющие модель криминальной сексуальной агрессии.

Предметом исследования выступила криминогенность личностных особенностей у лиц с аномалиями влечения в форме садизма, которая вошла в основу формирования профилей авторской методики.

Методы исследования: методика МиФ (модификация Н.В. Дворянчикова) и авторская методика «Восприятие образа женщины».

Выборка исследования: в группу №1 «Норма» вошли 20 человек, в группу №2 «БДСМ» также 20 респондентов. Гендерный состав: в группе БДСМ – 17 мужчин

и 3 женщины; в группу нормы вошли – 18 мужчин и 2 женщины. Возраст респондентов: от 19-ти до 60-ти лет.

Методология исследования: корреляционный анализ, методы непараметрической и описательной статистики. Проверка внутренней согласованности шкал авторской методики (α -Кронбаха); одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова; критерий ANOVA с χ^2 -Фридмана и критерием Тьюки для неаддитивности; методы корреляционного анализа с критерием Тау-В Кендала, критерием Ро Спирмана и критерием Манна-Уитни.

Результаты исследования: автором было создано шесть профилей личности, в которые вошли взвешенные оценки и корреляции значений по каждому показателю из двух методик. Независимыми переменными выступили: показатели реактивной и проактивной агрессии (Adrian Raine, 2006); нарушения структуры полоролевого самосознания (Дворянчиков Н.В., 2011). Зависимыми переменными выступили показатели по шкалам авторской методики «Восприятие образа женщины» (Жукова-Валиковская С.В., 2024).

Выводы:

1) показатели нормативной группы вошли в те профили, где основополагающие оценки исходят из представлений повседневного (нормативного, социально приемлемого) типа мужского шовинизма (далее – м/ш), также они не были связаны с проявлениями проактивной агрессии;

2) показатели группы БДСМ в большей степени были связаны с профилями, в которых принудительный и скрытый типы м/ш (факторы формирования криминальной агрессии против женщин), – выступали как основополагающие;

3) респонденты в группе №2 (БДСМ) связывают женское (фемининное поведение и стереотипы) с проявлением реактивной агрессии, а мужское (маскулинное) – с проявлением факторов проактивной агрессии;

4) большинство нарушений в структуре полового самосознания в группе БДСМ обнаружили взаимосвязи с факторами проактивной агрессии.

Литература

1. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диагностики: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 207 с.
2. Жукова-Валиковская С.В. Восприятие образа женщины у лиц, практикующих БДСМ // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2024» / Отв. ред. И. Алешковский, А. Андриянов, Е. Антипов, Е.И. Зимакова. М.: МАКС Пресс, 2024. С. 1–3.
3. The Reactive-Proactive Aggression Questionnaire: Differential Correlates of Reactive and Proactive Aggression in Adolescent Boys / Adrian Raine [et al.] // Aggressive Behavior. 2006. Vol. 32. No 2. P. 159–171. doi: 10.1002/ab.20115.

Феномен лжи в контексте криминального поведения

Заика В.В., Пимонов В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема лжи всегда актуальна и интересна для исследования. Ложь – предмет изучения таких наук, как философия, логика и психология. Изучается социально-философская природа лжи и ее воздействие на человеческую деятельность (Анучина А.И., 2015). Ложь может быть причиной многих проблем и конфликтов. Криминальная ложь может принимать различные формы, такие как мошенничество (ст. 159 УК РФ), заведомо ложные доносы (ст. 306 УК РФ), клевета (ст. 128. 1. УК РФ) и т.д.

Говоря о феномене лжи в праве, следует отметить, что существующие на этот счет мнения в научной литературе можно разделить на две группы:

- 1) ложь, заложенная в правовой норме (Баранов В.М., 1990);
- 2) ложь в объективной действительности (Сырых В.М., 2000).

Криминальная ложь может использоваться как способ обмана, прикрытия следов, избежание наказания или достижения каких-то целей.

Действующее законодательство России не содержит правового запрета лжи. Меры юридической ответственности за ложь не предусмотрены. Если ложь остается за рамками прав и свобод другого лица, то она не видна для правового регулирования и может быть оценена с точки зрения, например, морали, религиозных догм и правил. В случае, если ложь затрагивает интересы иных лиц, нарушает права и законные интересы других лиц, она принимает форму противоправного деяния и должна быть сравнима с нормами действующего законодательства на предмет соответствия им.

Так, например, мошенничество – одна из наиболее распространенных форм криминальной лжи. Лжец создает ложные документы, фальшивые сделки или прочие искусственные ситуации, чтобы обмануть других ради получения выгоды.

Заведомо ложные доносы, или ложные обвинения, являются еще одной формой криминальной лжи. Лицо специально обвиняет другого человека в преступлении, зная, что это неправда. Целью таких действий может быть уклонение от ответственности или причинение вреда другой стороне.

Также клевета – это распространение недостоверной или оскорбительной информации о человеке с целью навредить ему или его репутации. Клевета может привести к судебному преследованию.

Как видно из приведенной классификации, обман или ложь могут быть выражены различными деяниями и приобретать разнообразные формы, что, однако, не меняет их сути. При расследовании и доказывании такого рода преступлений перед следствием стоит задача не только установить все обстоятельства дела, но и доказать наличие лжи или несоответствия действительности в субъективной стороне состава, что позволяет говорить о специфике расследования таких дел (Анучина А.И., 2015).

Для того чтобы бороться с криминальной ложью, необходимо уделить внимание не только выявлению фактов преступлений, но и изучению психологических аспектов и мотивов лжеца. Важно рассматривать социальные факторы или просто психологические особенности личности.

Таким образом, хотя ложь и относится к отрицательным, осуждаемым в обществе явлениям и принадлежит, прежде всего, к сфере морально- нравственного регулирования, право в рамках социальной и регулирующей функции не может обойти ее стороной. В связи с этим задачей нормативного регулирования является не только установление оптимального баланса между правом и моралью, но и пресечение наиболее опасных видов лжи, когда обман нарушает права и законные интересы других лиц (Анучина А.И., 2015).

Литература

1. Анучина А.И. Феномен лжи в отношениях, урегулированных нормами уголовно-процессуального и уголовного права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 3. С. 211–218.
2. Баранов В.М. Истинность норм советского права: Проблемы теории и практики: дисс. ... д-ра юрид. наук. Горький, 1990. 420 с.
3. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. В 2 т. Том 1. Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2000. 527 с.

Патопсихологические механизмы нарушения произвольной регуляции при совершении ООД

Зейгер М.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Согласно теории психологического поля (Левин К., 2003), в результате взаимодействия внешнего и внутреннего психического мира факторы среды «преломляются» через личность, вызывая реакции, совокупность которых представляет собой поведение. Субъектом произвольной регуляции (ПР) является индивид как источник осознаваемой целенаправленной активности, имеющей для него определенный смысл, в которой он выступает инициатором, определяющим цели своих действий и реализующим их доступными и приемлемыми для него средствами (Конопкин О.А., 2005). Поле ПР подразумевает объем осознания окружающего со способностью проследить связи между объектами, явлениями, событиями и пониманием своего места и роли в происходящем. При сохранной ПР поле включает актуальную ситуацию с чувством непрерывности между недавним прошлым и настоящим, активную способность к предвосхищению непосредственных последствий своих поступков и их отдаленных перспектив, а также чувство авторства

собственных психических процессов и действий (Ткаченко А.А. и соавт., 2020). Поле ПР предполагает наличие субъектных границ и личностных ресурсов. К ресурсам ПР относятся когнитивные и интеллектуальные; эмоциональные; волевые; мотивационные. Ресурсы ПР в норме гармонично сочетаются, дополняют и компенсируют друг друга, обладают гибкостью, пластичностью, избирательностью актуализации в зависимости от внешних условий, а также стабильностью в рамках выполнения конкретной деятельности (Сафуанов Ф.С., 2003). Границы поля ПР определяются мотивационным и эмоциональным состоянием субъекта и представляют собой актуальные потребности, доминирующие мотивы и актуальные переживания. При сохранной ПР субъект, реализуя доминирующий мотив, способен предполагать возможность нескольких вариантов действий, имеющих различные последствия для себя и других, извлекая из индивидуального опыта информацию и экстраполируя ее на текущую ситуацию и на будущее.

Произвольная регуляция (поле ПР) может нарушаться за счет изменений границ либо за счет изменений ресурсов. Исходя из вышеописанного, предлагается типология механизмов нарушения ПР:

1. Волатильность
2. Редукция
3. Сужение
4. Замещение
5. Дезинтеграция

Волатильность, редукция и сужение ПР подразумевают количественно-динамические изменения поля ПР (волатильность и редукция саморегуляции соответствуют изменениям объема и стабильности используемых ресурсов при достаточной сохранности границ поля; сужение, наряду с изменением объема и вариативности ресурсов, в первую очередь будет проявляться изменением границ поля ПР), при этом индивид, обладающий чувством субъектности, производит активность, направленную на достижение или предотвращение каких-либо последствий. Констатация нарушения ПР в рамках данных механизмов поведения при совершении ООД предположительно соответствует юридической категории «Ограниченная вменяемость». Замещение ПР и дезинтеграция ПР представляют собой качественные нарушения, когда утрачивается произвольность регуляции, то есть само чувство субъектности, либо при сохранном чувстве субъектности имеется смещение направленности ПР на иллюзорный (нереальный) объект деятельности. Замещение и дезинтеграция определяются изменением границ поля ПР. Констатация нарушений ПР в рамках данных механизмов поведения при совершении ООД предположительно соответствует категории «Невменяемость».

Литература

1. Конопкин О.А. Структурно-функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Том 2. № 1. С. 27–42.

2. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 364 с.
3. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
4. Ткаченко А.А., Демидова Л.Ю. Построение общей модели саморегуляции в судебной психиатрии. Сообщение 4. Ситуация: воспоминание о будущем // Российский психиатрический журнал. 2020. No 1. С. 27–41. doi: 10.24411/1560-957X-2020-12003.

Нейропсихологическое обследование в диагностике нарушений саморегуляции

Зейгер М.В., Пилечев Д.А.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

Современная нейронаука требует интегративного подхода к проведению СПЭ с применением междисциплинарных знаний для формирования более точных и объективизированных экспертных заключений.

С целью изучения взаимосвязи нейродисфункций со спецификой поражения уровня саморегуляции и юридическим критерием вменяемости обследовано 40 мужчин 19-70 лет, обвиняемых в агрессивных и имущественных правонарушениях, проходивших СПЭ в Центре Сербского. Группа обследованных включала лиц с диагнозами: органическое психическое расстройство (ОПР) – 15 человек, шизофрения – 12 человек, расстройство личности: эмоционально неустойчивое, истерическое (РЛ) – 13 человек. В клинической картине преобладали нарушения мышления (снижение целенаправленности, обстоятельность, конкретность, ригидность, замедление темпа), внимания и памяти, эмоциональной сферы (сужение спектра и нарушение динамики реагирования), патология воли (слабость удержания волевого усилия), личностные изменения (эгоцентризм, огрубленность, раздражительность, конфликтность, демонстративность). Согласно экспертным решениям 20 подэкспертных соответствовали юридической категории вменяемости, 9 подэкспертных – ограниченной вменяемости и 11 обследованных – невменяемости.

Применялись клинико-психопатологический метод, экспертный анализ уголовных дел и нейропсихологическое обследование с использованием набора Луриевских проб. Фиксировались количество и характер ошибок при выполнении нейропсихологических проб, количество самостоятельно обнаруженных и исправленных ошибок, количество ошибок, исправленных после указания экспериментатора. Полученные данные сопоставлялись с клиническим судебно-психиатрическим описанием психических феноменов, свидетельствующих о нарушениях разных уровней саморегуляции. Результаты обрабатывались методом корреляционного анализа с определением коэффициента корреляции Пирсона. Из

корреляционной таблицы отобраны значения (сила связи 0.3-0.7), позволяющие на уровне тенденций проследить отношения между изучаемыми параметрами.

Анализ результатов показал, что ошибки выполнения нейропсихологических проб группировались в 3 блока: пространственно-гностические/кинетические, регуляторные, ошибки контроля.

У лиц с ОПР чаще выявлялись регуляторные ошибки по сравнению с ошибками контроля и пространственно-гностическими/кинетическими ошибками, у лиц с РЛ ошибки контроля преобладали над представленными в равной степени регуляторными и пространственно-гностическими/кинетическими ошибками, у лиц с диагнозом шизофрения отмечалось заметно малое по сравнению с ОПР и РЛ количество ошибок выполнения нейропсихологических проб.

Пространственно-гностические ошибки свидетельствовали о более «низком» уровне «локализации» нейродисфункции, были ассоциированы с недостаточностью смыслового уровня саморегуляции, отражали нарушение означения и опредмечивания воспринимаемого и чаще коррелировали с нарушением способности осознавать фактический характер действий.

Регуляторные ошибки коррелировали с недостаточностью программирования, оценки и коррекции результатов, отражали нарушение планомерного выбора ситуационно адекватных содержаний, намерений, средств реализации и направления деятельности, в большей степени соотносились с нарушением способности руководить действиями.

Ошибки контроля преимущественно коррелировали с дефицитностью целеполагания и моделирования условий, отражали нарушение процесса сличения предвосхищаемого результата с требованиями среды, в большей степени соотносились с нарушением способности осознавать общественную опасность своих действий.

Наибольшую чувствительность к выявлению нейродисфункций относительно уровней саморегуляции и юридического критерия вменяемости по результатам исследования показали ТМТ, таблицы Шульте, арифметические задачи, реакция выбора, вербальная беглость, кулак-ребро-ладонь, пересказ рассказа.

К вопросу о понятии «общественная опасность личности»

Ильина В.А.

Иркутский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры
Российской Федерации»
(г. Иркутск, Россия)

Традиционно общественная опасность рассматривалась исключительно как объективный (материальный) признак преступления. Субъективный признак – опасность личности – исключался из преступного деяния. Со второй половины XX столетия, благодаря достижениям в области криминологии и психологии, научный

взгляд на феномен общественной опасности существенно изменился. Обострилась и дискуссия между представителями науки уголовного права и криминологии. Первые отрицали возможность выделения в личности качество общественной опасности, вторые, напротив, настаивали на необходимости разработки критериев оценки общественной опасности личности для решения вопросов о наказании.

В настоящее время на фоне того, что законодательного определения понятия «общественная опасность личности» не существует, научная полемика в части данного понятия не утихает. Возможно, в том числе, по этой причине не разработаны общепринятые критерии оценки общественной опасности личности, соответственно отсутствует единый подход к такой оценке. Последствием неопределенности в части понятия «общественная опасность личности» является отличающаяся друг от друга в разных регионах страны практика наказания за преступления одного и того же вида.

Центральное место в понятии «общественная опасность личности» занимают две категории: опасность и личность. Каждая из них имеет многообразие толкований в науках, что создает проблему раскрытия родовой по отношению к ним дефиниции.

Понятие опасности раскрывается в специальной науке ноксологии (греч. *ноксо* – опасность), которая под опасностью понимает «свойство человека и компонент окружающей среды, способные причинить ущерб живой и неживой материи» (Трунова И.Г., Елькин А.Б., 2015, с. 8). Основным признаком опасности является возможность наступления неблагоприятных обстоятельств (событий), угроза такого наступления. Недоступность восприятия признаков опасности отражает возможность ее предсказания лишь вероятностно.

Следующая категория – личность – является центральной в науках гуманитарного цикла. По мнению С.Л. Рубинштейна, личностью является человек, у которого есть свои позиции, свое лицо (Рубинштейн С.Л., 2004, с. 638). «Личностью является лишь человек, способный выделить себя из своего окружения для того, чтобы по-новому, сугубо избирательно связаться с ним» (Веракса Н. Е., 2006 с. 50–51). Личность, таким образом, связана с активностью, способностью противопоставить себя обществу. При этом не всякое противопоставление приносит вред, за который следует общественное порицание или наказание.

В юридической психологии признается связь личностных особенностей субъекта преступления и совершенного им общественно опасного деяния. В исследованиях отмечается, что общественная опасность личности преступника – это способность лица в будущем пренебречь общественными интересами и совершить преступление (Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А, 2019, с. 141). Возможность и действительность выступают здесь основными диалектическими категориями, поскольку речь идет о прогнозировании действий человека в будущем.

Исходя из теоретического анализа поставленного в настоящем исследовании вопроса, под понятием «общественная опасность личности» понимается *проявление свойств личности, обладающих возможностью причинения вреда живой и (или) неживой материи*. Данные свойства выражают не индивидуальные, а личностные характеристики человека.

Литература

1. Веракса Н.Е. Понятия нормативной ситуации в психологии личности (структурно-диалектический подход) // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. No 2(2). С. 39–59.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2022. 720 с.
3. Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А. Юридическая психология: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 360 с.
4. Трунова И.Г., Елькин А.Б. Основы ноксологии: учебное пособие. Нижний Новгород, 2015. 138 с.

К вопросу клинико-психопатологических характеристик детей, участвующих в КСППЭ по семейным спорам

Калашникова А.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ) по делам о семейных спорах является активно развивающимся предметным видом экспертных исследований в гражданском процессе. Помимо общего значительного роста числа КСППЭ по семейным спорам в последние несколько лет (Мониторинг..., 2023) отмечается и увеличение сложности подобных экспертиз, связанная с расширением круга вопросов, которые ставятся перед экспертами, и необходимостью совершенствования методологии экспертных исследований.

Опубликованные методические рекомендации производства КСППЭ по спорам о воспитании посвящены в большей мере организационным и методологическим аспектам производства судебной экспертизы в отношении психически здоровых детей и родителей (Сафуанов Ф.С. и др., 2020; 2021; 2023). Исследования, посвященные особенностям проведения КСППЭ по семейным спорам в отношении несовершеннолетних с нарушениями психического развития, на сегодняшний день остаются единичными (Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. 2012).

С целью выявить особенности проведения КСППЭ по семейным спорам в отношении детей с отклонениями в психическом развитии методом сплошного отбора был проведен анализ всех КСППЭ по спорам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей и порядка общения с отдельно проживающим родителем, проведенных амбулаторно в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России в период с 2022 по 2023 гг.

Из осмотренных 616 детей 9,1% (56 чел.) составили дети с нарушениями психического развития. У 46,4% из них были выявлены умственная отсталость

(преимущественно легкой степени), детский аутизм и атипичный аутизм. В 35,7% случаев обнаруживались нарушения поведения и эмоций и в 17,9% – невротические нарушения, чаще всего обусловленные ситуацией высококонфликтного развода. В 33% случаев в семье с двумя и более детьми психическое расстройство было установлено более, чем одному ребенку (в одних случаях вследствие наследственной предрасположенности, в других – как реакция детей на конфликт в семье и/или дисгармоничный стиль воспитания одного или обоих родителей).

Таким образом, можно заключить, что КСППЭ по делам о семейных спорах, где объектом исследования становится ребенок с нарушениями психического развития, занимают не более 10% от всех семейных экспертиз. Однако несмотря на небольшой удельный вес, такие экспертизы являются одними из самых трудоемких, сложных, а возможные экспертные ошибки могут усугубить и без того хрупкое психическое состояние детей с психическими отклонениями. Основной вектор работы судебных экспертов психиатра и психолога должен быть направлен на необходимость глубокого и всестороннего анализа причин возникновения психического заболевания (врожденных/органически обусловленных или вследствие семейного конфликта), а также степени выраженности нарушений психической деятельности ребенка для того, что оценить его ресурсы для совладания с ситуацией высококонфликтного развода.

Литература

1. Алгоритм проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по судебным спорам между родителями о воспитании ребенка: методические рекомендации / Ф.С. Сафуанов [и др.]. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2023. 36 с.
2. Метод исследования взаимодействия родителя с ребёнком в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе по семейным спорам между родителями о воспитании ребёнка / Ф.С. Сафуанов [и др.] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 4. С. 36–47.
3. Методологические основы диагностики психологического индуцирования ребенка при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о защите интересов детей / Ф.С. Сафуанов [и др.]. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. 40 с.
4. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. 2 изд., испр. М.: Генезис, 2012. 192 с.
5. Шпорт С.В., Макушкина О.А., Муганцева Л.А. Мониторинг показателей судебно-психиатрической экспертизы и профилактики в психиатрической службе Российской Федерации (2018–2022 гг.). М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2023. 201 с.

Сопровождаемое проживание как одна из перспективных форм стационарного социального обслуживания

Ким Л.Е.¹, Шаталова А.А.²

¹ ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

² ГБУ Дом сопровождаемого проживания «Гурьевский»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – О.А. Русаковская

В настоящее время отмечается рост количества учреждений социального обслуживания с различными формами оказания социальных услуг, различающихся по объему предоставляемой помощи и уровню автономии (Копылов А.А., 2012). Традиционные стационарные организации социального обслуживания для лиц, имеющих психические расстройства и расстройства интеллектуального развития, предусматривают круглосуточное сопровождение и возможность постоянного ухода. При этом многие граждане, проживающие в ПНИ, способны к большему уровню автономии. Альтернативой традиционной форме стационарного социального обслуживания являются центры сопровождаемого проживания, обладающие потенциалом в формировании у получателей социальных услуг бытовых и социальных навыков.

Знакомство с деятельностью такой организации социального обслуживания – Центром сопровождаемого проживания «Гурьевский» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы (далее – Центр) – является целью настоящего исследования.

Материалы и методы исследования. В Центре готовят молодых людей с интеллектуальными нарушениями, имевших опыт сиротства, к самостоятельному проживанию или проживанию с минимальным сопровождением. Одной из методик, применяемых для этого, является методика «Мультиформатное учебное сопровождаемое проживание молодых людей с ментальными особенностями, имеющих опыт сиротства», которая объединяет разные формы подготовки к самостоятельной жизни молодых людей с нарушениями интеллектуального развития. Единая система подготовки включает в себя квартиры в учебно-тренировочных общежитиях, тренировочные квартиры в многоквартирных жилых домах, а также поддержка в получении собственного жилья, в том числе квартиры специализированного жилищного фонда. Поддержка самостоятельности осуществляется в трех направлениях: повышение участия в решении вопросов, касающихся собственной жизни; снижение объема помощи, необходимой в ежедневных ситуациях; формирование и развитие самостоятельности, от проявления инициативы до контроля результата. Также в Центре ведется социально-реабилитационная работа, направленная на формирование компетенций проживающих, необходимых для их дальнейшего трудоустройства, путем участия в профессиональных мастерских, совместного обучения и т.д.

Результатом такой формы работы являются изменения в оценке проживающими своих жизненных перспектив, уход от категории «бесперспективных/безучастных», формирование установки на трудовую деятельность. Из 140 человек, осваивающих программу, 15 получают общее, а 43 – профессиональное образование по адаптированным программам, 64 человека осуществляют трудовую деятельность. В 2022 году 12 студентов начали проживать самостоятельно в квартирах специального жилого фонда, в 2023 году 18 человек прошли жилищную комиссию и начнут проживать самостоятельно в ближайшее время.

Заключение. Сопровождаемое проживание как одна из форм стационарного социального обслуживания в сравнении с проживанием в психоневрологическом интернате обладает большим реабилитационным потенциалом, позволяет сформировать недостающие бытовые навыки, пройти дополнительное обучение и начать трудовую деятельность, способствует формированию активных жизненных установок, чаще позволяет достичь необходимого для автономного проживания уровня социального функционирования.

Литература

1. Копылов А.В. Инновационные формы нестационарного социального обслуживания населения на примере г. Москвы // Ученые записки ЗабГГПУ. 2012. № 4(45). С. 158–165.

Фетальный алкогольный спектр нарушений в генезе криминального поведения и меры совершенствования системы юстиции: международный опыт

Колпаков Я.В.^{1,2,3,4}, Ялтонская А.В.^{2,5}, Ялтонский В.М.^{2,6}, Абросимов И.Н.^{2,7,8}

¹ НОЧУ ВО «Международный университет психолого-педагогических инноваций» (г. Москва, Россия)

² ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава России (г. Москва, Россия)

³ ОО «Российское общество психиатров» (г. Москва, Россия)

⁴ НКО «Союз специалистов в сфере охраны психического здоровья» (г. Москва, Россия),

⁵ ООО «Институт схема-терапии (г. Москва, Россия)»

⁶ ФГБОУ ВО «Российский университет медицины» Минздрава России (г. Москва, Россия)

⁷ ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» Минобрнауки России (г. Москва, Россия)

⁸ НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (г. Москва, Россия)

Фетальный алкогольный спектр нарушений (ФАСН) – термин, используемый для описания ряда нарушений нейроразвития, которые могут возникнуть в результате

пренатального воздействия алкоголя (Chudley A.E. et al., 2005). В глобальном масштабе распространенность ФАСН оценивается в 7,7 случаев на 1 000 человек, в России – 36,5 (Popova S. et al., 2017, 2023).

Люди с ФАСН демонстрируют нарушения в образовании, проблемы с употреблением психоактивных веществ, ненадлежащее поведение, проблемы с законом и тюремное заключение в количествах, намного превышающих обычное (Streissguth A.P. et al., 2004). K. Flannigan et al. (2018) считают, что правонарушители с ФАСН чрезмерно представлены в исправительных учреждениях. Так в исследовании A.P. Streissguth et al. (1996) из 415 человек с ФАСН от 6 лет до 51 года проблемы с законом были зарегистрированы у 14% детей и 60% подростков и взрослых. E.Y. Rojas и H.M. Gretton (2007) сообщили, что у 11% из 359 несовершеннолетних правонарушителей 12–18 лет, направленных судом на лечение, был подтвержден или подозревался ФАСН. S. Popova et al. (2011) по итогам систематического обзора приходят к заключению, что молодые люди с ФАСН в 19 раз чаще попадают в тюрьму.

K. Flannigan et al. (2018) считают, что критическая область, требующая рассмотрения, связана с профилактикой преступного поведения. I. Corrales-Gutierrez et al. (2020) утверждают, что ФАСН может рассматриваться как фактор риска совершения уголовного преступления, важно осуществлять меры поддержки. Важно гарантировать юридическую поддержку всем субъектам с ФАСН, вовлеченным в преступление. Нельзя игнорировать тот факт, что эти субъекты могут сталкиваться с неравенством на всех этапах системы правосудия, например, неспособностью полностью понять сложившуюся ситуацию.

По мнению F. Sessa et al. (2022) должны быть приняты следующие меры: внедрить специальную подготовку для сотрудников полиции, судов, юристов и других заинтересованных сторон с целью иллюстрации сложного феномена ФАСН; создать междисциплинарную группу для оперативного выявления субъектов с ФАСН с целью проведения справедливого судебного разбирательства; проводить исследования как для лучшего определения возможной заболеваемости ФАСН среди заключенных, так и для разработки целевых вспомогательных вмешательств в тюрьмах с целью предотвращения рецидивизма; активизировать последующее наблюдение за всеми заключенными, у которых диагностировано ФАСН.

Это согласуется со словами Ф.С. Сафуанова (2011) о научном наследии М.М. Коченова: *«Судебно-психологическая экспертная диагностика и оценка психических явлений, влекущая определенные правовые последствия, требует глубокого знания различных областей психологии»*.

Литература

1. Сафуанов Ф.С. М.М. Коченов – медицинский и юридический психолог. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2011. No 6(11). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_6_11/nomer/nomer02.php (дата обращения: 19.10.2024).

2. Estimation of national, regional, and global prevalence of alcohol use during pregnancy and fetal alcohol syndrome: a systematic review and meta-analysis / S. Popova [et al.] // *The Lancet Global Health*. 2017. Vol. 5. No 3. P. e290–e299. doi: /10.1016/S2214-109X(17)30021-9.
3. Fetal Alcohol Spectrum Disorder and the criminal justice system: A systematic literature review / K. Flannigan [et al.] // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2018. Vol. 57. P. 42–52. doi: 10.1016/j.ijlp.2017.12.008.
4. Fetal Alcohol Spectrum Disorder Prevalence Estimates in Correctional Systems: A Systematic Literature Review / S. Popova [et al.] // *Canadian Journal of Public Health*. 2011. Vol. 102. No 5. P. 336–340. doi: 10.1007/BF03404172.
5. Fetal alcohol spectrum disorder: Canadian guidelines for diagnosis / A.E. Chudley // *CMAJ*. 2005. Vol. 172. No 5. S1–S21. doi: 10.1503/cmaj.1040302.
6. Fetal alcohol spectrum disorders / S. Popova [et al.] // *Nature Reviews Disease Primers*. 2023. Vol. 9. Article ID 11. 20 p. doi: 10.1038/s41572-023-00420-x.
7. Understanding the occurrence of secondary disabilities in clients with fetal alcohol syndrome (FAS) and fetal alcohol effects (FAE): Final report: August 1996: Grant No. RO4/CCRO08515: September 30, 1992–September 29, 1996 / Centers for Disease Control and Prevention; A.P. Streissguth [et al.]. Seattle, 1996. 72 p.
8. Risk factors for adverse life outcomes in Fetal Alcohol Syndrome and fetal alcohol effects / A.P. Streissguth [et al.] // *Journal of Developmental and Behavioral Pediatrics*. 2004. Vol. 25. No 4. P. 228–238. doi: 10.1097/00004703-200408000-00002.
9. Rojas E.Y., Gretton H.M. Background, Offence Characteristics, and Criminal Outcomes of Aboriginal Youth Who Sexually Offend: A Closer Look at Aboriginal Youth Intervention Needs // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2007. Vol. 19. P. 257–283. doi: 10.1007/s11194-007-9048-1.
10. Understanding the Relationship between Fetal Alcohol Spectrum Disorder (FASD) and Criminal Justice: A Systematic Review / F. Sessa [et al.] // *Healthcare*. 2022. Vol. 10. No 1. Article ID 84. 14 p. doi: 10.3390/healthcare10010084.
11. Understanding the Relationship between Predictors of Alcohol Consumption in Pregnancy: Towards Effective Prevention of FASD / I. Corrales-Gutierrez [et al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No 4. Article ID 1388. 15 p. doi: 10.3390/ijerph17041388.

Социализированное расстройство личности подростков с делинквентным поведением (по материалам судебных психологических экспертиз)

Смирнова С.В., Круглова Е.А., Антышева Е.Н., Егорова П.Л.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский университет» Минздрава России, (г. Иваново, Россия)

По статистике большая часть преступлений совершается молодежью в составе преступных групп. В группе снижается страх наказания, резко усиливаются агрессия и жестокость, снижается критичность к происходящему и к себе. Возросший уровень девиантности, заметное «омоложение» диапазона девиаций, агрессивные проявления в молодежной среде, приводящие к совершению общественно опасных действий, являются одной из важнейших проблем в современном обществе.

По данным судебно-психологических экспертиз, для подростков были характерны неустойчивый темп работы, колебания продуктивности, отсутствие интереса к исследованию. Повышенная истощаемость психических функций в совокупности с нарушениями долговременной памяти свидетельствуют о выраженности у них органического радикала. Органические расстройства на клиническом уровне носили фоновый характер, не являясь ведущими в клинической картине и по своей выраженности уступали степени тяжести личностной патологии. Были обнаружены специфические особенности запоминания и воспроизведения ранее предъявленных стимулов в данной группе. При воспроизведении вербального материала отмечались парафазии и посторонние привнесения, несущие определенную эмоциональную окраску (как правило, депрессивную).

Мышление подростков носило конкретный характер, мыслительные операции выполнялись на уровне межпредметных отношений, примитивно, без каких-либо попыток установления логических и понятийных связей. Сравнение, обобщение, исключение проводились на бытовом, предметном уровне, с опорой на конкретно-наглядные признаки предметов. Работа с отвлеченными понятиями практически не была доступна многим подросткам с асоциальным расстройством личности. Для решения простейших арифметических задач они пользовались подручным материалом, часто рисовали предметы, не пользуясь их числовым обозначением. Однако ни в одном случае не было зафиксировано грубых нарушений мышления.

Личностные особенности подростков с асоциальным расстройством отличались выраженностью эгоистического, гедонистического радикалов, с внешнеобвиняющей позицией. Они были склонны настаивать на собственной правоте в ущерб интересам окружающих, отличались высоким уровнем агрессивности, лживостью, не признавали общепринятых моральных норм, не терпели обязательств, были склонны к силовым решениям конфликтов, открыто занимали вызывающую, антиобщественную позицию. Совершая правонарушения, подростки с асоциальной направленностью личности не испытывали чувства раскаяния, вины, бравировали своими поступками. Их отличали бесчувственность, эмоциональная ригидность, холодность, все их чувства были замкнуты на собственной личности. Им свойственна личностная деформация, а именно не развиты морально-этические, нравственные структуры личности. Прекрасно ориентировались в вопросах, связанных с извлечением выгоды, отличались корыстолюбием, крайне примитивными, утилитарными запросами. Выявлено преобладание физической и косвенной агрессии, негативизм, подозрительность, раздражительность. При оценке волевых особенностей обнаруживались

нарушения со стороны прогностической функции, параметров волевых действий и произвольной регуляции.

Некоторые подростки отличались лабильным аффектом с преобладанием субдепрессии, частым возникновением дисфорического компонента в рамках субдепрессивного состояния. На фоне дисфорического аффекта формировался своего рода "аффективный тоннель", все мысли и действия подростка носили агрессивный, brutальный характер, в этих состояниях совершались многие из преступлений против личности.

При оценке по нормированной шкале форм и проявлений агрессии Басса-Дарки в группе подростков с диссоциальным расстройством выявлены преобладание физической и косвенной агрессии, негативизм, подозрительность, раздражительность.

Психологические предикторы симуляции психических расстройств на примере бредоподобных построений

Кузнецов И.В.

ГБУЗ города Москвы «Психиатрическая клиническая больница №1
им Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы»
(г. Москва, Россия)

В психиатрической экспертной практике проблема дифференциации и разграничения бредовой и симулятивной бредоподобной симптоматики имеет особую важность. Наряду с изменениями законодательной базы, развитием научных взглядов и повышением общей, бытовой осведомленности в психиатрических аспектах, меняется и усложняется симуляция психопатологических и патопсихологических проявлений у лиц, направленных на судебно-психиатрическую экспертизу.

В целом, ряд значимых проблем и спектр симулятивных установок достаточно вариативен, связан с актуальным состоянием подэкспертных, мотивацией их деятельности, успешность которой определяется также наличием определенных личностных и когнитивных составляющих подэкспертного.

Целью исследования был анализ интеллектуальной деятельности, поведения подэкспертных как сложного процесса взаимодействия когнитивных, динамических, регуляторных, мотивационных и эмоциональных проявлений.

Задачи исследования:

1. Разработка (расширение) критериев для более точного распознавания симулятивных бредоподобных построений.
2. Сравнительный анализ интеллектуальной деятельности лиц, обнаруживавших симуляцию психических расстройств в виде бредоподобных построений и лиц, у которых психиатрами выявлялся бред различной нозологии.

Выборку составили лица, которых проходили судебно-психиатрическую экспертизу в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России. Первую группу

составили 18 человек, у которых экспертами обнаруживалась симуляция психических расстройств с бредаподобными построениями. Во вторую группу вошли 67 человек с бредом различной нозологии.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что наиболее разработанные и детальные симулятивные концепции отмечались у лиц, обнаруживавших средний или высокий уровень творческого потенциала, легкость принятия необычного для себя опыта, возможно, даже противоречащего их представлениям, нешаблонность мышления. Указанное сочеталось с присущей им склонностью руководствоваться, в первую очередь, собственными, а не общепринятыми критериями. Таких лиц отличали достаточно развитый интеллект, опосредованность поведения, контроль собственных решений, что способствовало формированию развитой защитной симулятивной концепции с наличием четкой структуры, приверженностью ей.

Формирование симулятивной бредаподобной фабулы у лиц, обнаруживавших помимо легкости принятия нереального для себя опыта, склонности руководствоваться собственными оценками, развитого творческого потенциала, импульсивности в мыслительной деятельности и поведении, отличалось спонтанностью возникновения.

Такие черты как неготовность к принятию маловероятного для себя опыта, негибкость, склонность к повышенному контролю продукции собственной интеллектуальной деятельности препятствуют созданию фантазий, симуляции, подвергаясь собственной критике.

Литература

1. Морозова М.В., Савина О.Ф., Кузнецов И.В. Психологические аспекты симуляции бредаподобной симптоматики в экспертной практике // Психология и право. 2014. Том 4. No 4. С. 68–78.
2. Морозова М.В., Савина О.Ф. Проблема дифференциации экспертных установок при КСППЭ юридически значимых эмоциональных состояний // Психология и право. 2017. Том 7. No 1. С. 169–181. doi: 10.17759/psylaw.2017070114.
3. Сафуанов Ф.С. Научное творчество С.Я. Рубинштейн в период работы в Институте судебной психиатрии. Сообщение 1. Проблемы симуляции обвиняемых с психическими расстройствами (1947–1948): аналитический обзор // Российский психиатрический журнал. 2016. No 5. С. 75–80.
4. Сафуанов Ф.С. Симуляция психического расстройства: социально-психологический аспект // Российский психиатрический журнал. 2018. No 4. С. 48–55.

«Отношение» как предмет исследования в судебных экспертизах по определению места жительства детей и порядка их общения с родителями

Кулешова И.Н., Минников В.К.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный политехнический университет»
(г.Иваново, Россия)

Введение. В судебных психологических экспертизах по судебным спорам о воспитании и определении места жительства детей суды в большинстве случаев используют в формулировках вопросов категорию «отношение», иногда – «эмоциональное отношение». В экспертной практике специалисты, отвечая на эти вопросы, используют широкий спектр методик: АСВ, ОРО и другие. Между тем, «отношение» выступает как самостоятельная психологическая категория, обоснование и методология исследования которой в экспертной практике не унифицированы, методы отличаются качественным своеобразием в зависимости от квалификации исследователя и научной парадигмы, на которую он опирается. Хотя зачастую специалист не опирается на какой-либо научный подход, а его работы представляют механическую компиляцию тестовых методик, дающих подчас противоречивый результат, который не подвергается качественному анализу.

Методологические основания. Мы исходим из того, что категория «отношение» выступает как феномен, возникающий при межличностном (межгрупповом) взаимодействии (Сушков И.Р., 2008). Взаимоотношения интерпретируются субъектом на основе социально-перцептивного образа другого субъекта как результата межсубъектного взаимодействия (Ситников В.Л., 2001). Взаимные отношения опосредуются реально существующими взаимообусловленными личностными отражениями людьми образов друг друга как субъектов жизнедеятельности и характеризуются частичной осознанностью, относительной динамичностью, формируясь и проявляясь в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах. В связи с этим, раскрывая содержание вопросов суда, мы используем принятую в отечественной психологии 3-компонентную структуру категории «отношения». Однако, в целях уточнения понятийного ряда, релевантного целям и задачам подобных судебных экспертиз, следует уточнить, что категория «отношение» имеет более широкие границы, поскольку отношение может формироваться по отношению к любому объекту, явлению, сфере жизнедеятельности, поэтому для более предметного ответа на эти вопросы целесообразно опираться на понятие «социально-психологической установки», поскольку, в отличие от отношения, они складываются только применительно к социально - значимым объектам, к которым, несомненно, относятся родители и дети. Формирование социальных установок личности отвечает на вопросы: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и как он может проявлять себя в действиях и поступках. Таким образом, исследуя трехкомпонентную структуру установки, можно описать ее целостность и

направленность, исходя из структурных компонентов (описательное знание, оценочное (эмоциональное) отношение, потенциал действий к объекту установки).

Выводы. Обобщая опыт проведения 96-ти судебных экспертиз и 84 внесудебных исследований, была разработана и апробирована методика незаконченных предложений, позволяющая исследовать у подэкспертных особенности установок, исходя из их трехкомпонентной структуры. Интерпретация проводится на основе взвешенных оценок, получаемых на основе контент-анализа. Проведенная кластеризация результатов позволяет более формализованно описать пространственные, временные, энергетические характеристики каждого из компонента установки, с учетом их модальности, выявить направленность, согласованность, сложность, компактность установки в целом, что с учетом критериального единства позволяет психологу проводить сравнительный анализ подэкспертных, исходя из целей и задач, поставленных судом в задании на производство экспертизы.

Литература

1. Ситников В.Л. Психология образа ребенка: В сознании субъектов педагогического процесса: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2001. 455 с.
2. Сушков И.Р. Психологические отношения человека в социальной системе. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. 410 с.

Этические проблемы деятельности психолога в уголовном процессе

Лысенко М.Р., Гриценко Т.В.

Ростовский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

В каждой деятельности возникают ситуации, в которых принципы противоречат друг другу для достижения общественно-полезной цели. Работа психолога, как и юриста, заключается в помощи людям, а в рамках уголовного судопроизводства – следствию (дознанию) в расследовании уголовных дел или суду для осуществления судебного следствия. Задача и роль психолога отличается от любого другого участника судопроизводства аморфностью результатов. Объектом исследования является не только право, документация, события, а в основе всего – разум человека. Психологу надлежит «проникнуть» в чужую личность и память для поиска истины. Из-за отсутствия четких границ деятельности психолога при совмещении с уголовным судопроизводством возникают проблемы с этическим пониманием методов, приемов и способов поиска истины. Некоторые исследователи выявили ряд таких проблем:

1. Формализм и неэффективность применения знаний и умений. Приглашённый психолог может выполнять номинальную роль, практически не реализуя цель своего участия (Шувалова М.А., 2019).

2. Низкий уровень профессиональной компетентности. Психолог должен соответствовать квалификационным требованиям и чётко соблюдать пределы своей профессиональной компетенции (Сафуанов Ф. С., 2014).

3. Игнорирование принципов независимости, объективности и конфиденциальности. Например, психологов, проводивших исследования за финансовое вознаграждение, часто просят дать комментарий в пользу стороны – заказчика услуг в прессе (Сафуанов Ф.С., 2014).

4. Потенциальная опасность перехода в психологическое насилие. Психологическая экспертиза и экспериментирование нуждаются в специальных этических ограничениях, чтобы избежать такого воздействия (Гусейнов А.А., 2020).

Конституционная норма, установившая, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, должна восприниматься не как декларация, а как общеобязательное руководство к действию. В первую очередь, это относится к людям, от деятельности, навыков и экспертного мнения которых зависят благополучие, здоровье, а зачастую и жизнь других людей. Приоритет прав и свобод человека неотделим от уважения и соблюдения человеческого достоинства. С сожалением приходится констатировать, что целый ряд правоохранительных методик и практик до сих пор находятся на грани или за гранью незаконного психологического насилия над личностью. Это относится, в частности, и к применению незаконного психологического давления на подозреваемых, обвиняемых и даже свидетелей с участием ведомственных психологов.

Существует немалое количество учебной и методической литературы, благодаря которой осуществляется деятельность психолога, так же, как и у юристов, но хорошего юриста отличает не столько знание закона, сколько понимание 3 столпов: обоснованность, необходимость и справедливость. Благодаря обоснованности психолог должен понимать причины, по которым он производит то или иное исследование, вторгаясь в личность человека. Необходимость дает осознание значения производимого им познания. А справедливость – насколько далеко можно зайти в этом познании (иными словами, гуманность). Все три столпа должны работать вместе, именно они позволяют каждому исследователю, правоприменителю, исполнителю, психологу увидеть «красные линии», за которые нельзя заступать при выполнении своей работы.

Литература

1. Шувалова М.А. Процессуальные действия психолога и педагога в уголовном судопроизводстве / М.А. Шувалова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 196–201.
2. Сафуанов Ф.С. Этические проблемы использования психологических знаний в судопроизводстве в непроцессуальных форма // Психология и право. 2014. Том 4. № 4. С. 79–87.

Возможности исследования особенностей ассоциативной сферы в целях верификации половозрастной идентичности у лиц, совершивших сексуальные преступления

Макарова Т.Е.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Анализ литературы показывает, что формирование половозрастной идентичности не ограничивается особенностями социальной ситуации развития, а связано также с целым рядом других психологических новообразований, образующих симптомокомплекс особенностей развития личности. Согласно теории деятельности, в процессе онтогенеза самосознания происходит формирование ценностных ориентаций, усложнение мотивов, их опосредование и иерархическое построение, которое является относительно константным и этим обуславливает относительную устойчивость всей личности, ее интересов, позиций, ценностей, а также выступает регулятором поведения. Наряду с этим, для успешного осуществления этой деятельности одна из ведущих ролей отводится развитию абстрактно-логического мышления, поскольку в процессе образования понятий происходит переход к обобщению самих понятий с отражением их внутренней логической связи. Таким образом, определение и изменение глубинных структур самосознания тесно переплетается с возможностью оперировать семантически сложными, абстрактными категориями, пониманием и интериоризацией существующих конвенциональных норм и правил, а также способностью к рефлексии их аффективно-смыслового содержания.

Согласно методическим рекомендациям, в экспертной практике при проведении патопсихологического эксперимента используется довольно обширный методический инструментарий, позволяющий всесторонне оценить основные сферы личности, при этом, в исследовании мышления отдельное внимание уделяется изучению особенностей структуры ассоциативной сферы, в частности, образного и вербального компонентов. Кроме того, для исследования контингента лиц, проходящих КСППЭ в рамках уголовного дела, связанного с преступлениями, совершенными в отношении половой неприкосновенности, проводится также дополнительное психологическое исследование, направленное на изучение специфики психосексуальной сферы, включающее в себя различные звенья.

Особый интерес представляет формирование половозрастной идентичности, входящей в структуру полового самосознания. Немногочисленные исследования на эту тему, проведенные на лицах, совершивших сексуальные преступления, свидетельствуют о наличии нарушений на этапах формирования всех структурно-содержательных и динамических характеристик половозрастной идентичности (Макарова Т.Е., 2013; Демидова Л.Ю. и др., 2020). Наряду с этим, практические наблюдения показывают, что у данной когорты лиц также выявляются нарушения

ассоциативных процессов, отражающих особенности их половозрастной идентичности. Выявленные ассоциативные проекции характеризуются недостаточной семантической четкостью с некоторыми трудностями дифференциации малозначимых и существенных признаков, в сочетании с поверхностным, случайным характером созданных связей, но в то же время наполнением их высокой субъективной и эмоциональной значимостью.

Таким образом, наиболее целесообразным и необходимым в исследовании лиц, совершивших сексуальные преступления, представляется возможность включения в ЭПИ методик, направленных на изучение, помимо мотивационного компонента мышления, оценку мотивационно-потребностной сферы, ценностных ориентаций, также и особенностей ассоциативной сферы личности через отражение в стимульном материале структурно-содержательных и динамических характеристик половозрастной идентичности и, выступающих релевантными аспектам ситуаций правонарушения.

Литература

1. Измененное восприятие возраста при педофилии/педофильном расстройстве / Л.Ю. Демидова [и др.] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 104–120.
2. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. Изд. 2-е, исп. и доп. М.: БИНОМ, 2015. 648 с.

Треш-стрим: понятие, типология и ответственность (сравнительно-правовой подход)

Малинина А.П., Пимонов В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Согласно Федеральному закону N 217-ФЗ от 08.08.2024 треш-стримы классифицируются как «информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений» (Федеральный закон..., 2024). Отечественные специалисты выделяют треш-стримы как форму киберрискованного поведения (Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2024). Исходя из характерных черт треш-стрима можно выделить следующее определение – интернет-трансляция, сопровождаемая аморальным, а порой и преступным поведением блогера за вознаграждение, с дистанционным общением со зрителями (Пимонов В.А., Малинина А.П., 2023). В контексте зарубежных исследований основной акцент смещен на другие формы кибернасилия. Среди популярной журналистики расходится мнение о том, что треш-стриминг – это

явление, возникшее в СНГ в 2010-х годах, которое не получило распространения за его пределы (Twisted Trend Inside...). Однако к проблеме мусорного потокового вещания привлечены многие специалисты из Польши. Они говорят о феномене «патостриминга» как трансляции контента, который противоречит этическому представлению общества (Старченко П.Р., Ботвин И.В., 2023). Подобный взгляд несколько разграничивает понятие с треш-стримингом, где контент может содержать признаки отдельных преступлений (Пимонов В.А., Малинина А.П., 2023).

Польскими исследователями принято делить патостримы по количеству потоков трансляции, присутствию гостя, степени активности зрителя, а также типу предлагаемого контента (Cyrek, V., & Popiołek, M., 2022). В качестве дополнительной классификации возможно предложить делить мусорные трансляции по цели: получение вознаграждения от зрителей или рекламного контента на прямой трансляции, а также популяризация стримера или его гостей.

Актуальным Федеральным законом мерой наказания назначается административный штраф, размер которого устанавливается в зависимости от лица, распространяющего соответствующие материалы. При предположении о высоком заработке с подобных трансляций, исключительно денежные санкции могут быть легко погашены стримером для продолжения своей деятельности. Постоянная смена страниц и платформ для вещания также затрудняет соблюдение новых законодательных норм. Ранее нами были изложены идеи о дополнении главы 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» (Пимонов В.А., Малинина А.П., 2023), что предполагает перенесение ответственности за треш-стримы в уголовное поле, на примере законопроекта 225b, уголовного Кодекса Польши (Rosiak L., 2024).

Литература

1. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации типов к анализу программ и технологий помощи // Психология и право. 2024. Том 14. No 2. С. 45–66. doi: 10.17759/psylaw.2024140204.
2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 08.08.2024 N 217-ФЗ // КонсультантПлюс: надежная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482412/?ysclid=m325wbi5re567935359 (дата обращения: 02.10.2024).
3. Пимонов В.А., Малинина А.П. Вопросы профилактики треш-стрима // Человек в условиях социальных изменений: материалы международной научно-практической конференции: 18 апреля 2023 г. Уфа: Издательство БГПУ, 2023. С. 538–541.
4. Старченко П.Р., Ботвин И.В. «Треш-стрим» новый объект криминологии // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сборник научных статей XV международной научной конференции обучающихся, адъюнктов и аспирантов, проводимой в рамках II Санкт-

- Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей», Санкт-Петербург, 31 мая 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 580–584.
5. Cyrek B., Popiołek M. Trash streaming: characteristics and methodological guidelines // *Przegląd kulturoznawczy*. 2022. Vol. 53. No 3. P. 445–458. doi: 10.4467/20843860PK.22.029.16618.
 6. Davis K. Twisted Trend. Inside horrific ‘death-streaming’ craze where viewers pay to watch torture, humiliation and death live on YouTube // *The Sun US*. 2021. March 30. URL: <https://www.the-sun.com/news/2605627/russias-disturbing-trash-streaming-trend/> (дата обращения: 03.10.2024).
 7. Rosiak Ł. Patostreaming – istota projektowanego art. 255b kodeksu karnego // *Prokuratura i Prawo*. 2024. No 3. P. 55–65.

О направлениях использования специальных психологических знаний в уголовном судопроизводстве

Мальцева В.С., Гриценко Т.В.

Ростовский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»

(г. Ростов-на-Дону, Россия)

В науке вопрос определения места психолога в уголовном судопроизводстве считается дискуссионным: анализируя нормы УПК РФ, находим упоминание психолога лишь в статьях, касающихся проведения допроса и иных следственных действий из этой серии в отношении несовершеннолетних лиц (УПК РФ, 2001). При этом в данных статьях зачастую указано, что участвовать может или обязан психолог или педагог, что также является спорным моментом при определении их компетенций и знаний (УПК РФ, 2001).

Следует сказать, что УПК РФ не закрепляет помимо положения психолога в системе участников уголовного процесса его права, обязанности и компетенции. Психолог не может в полной мере осознавать свой статус и пользоваться определёнными правами и гарантиями, выполнять установленные законом обязанности, потому что элементарно отсутствует их закрепление в УПК РФ. Отсюда возникают сложности, связанные с определением параметров, которым психолог должен соответствовать для участия в уголовном процессе.

Также возникает вопрос с уровнем образования психолога – как минимум, он обязан иметь диплом профильного образования по направлениям психологии, но высшее или среднее специальное – неизвестно (Ганага В.С., Стельмах В.Ю., 2023). Поэтому целесообразным видится внесение поправок в законодательство для определения статуса психолога.

Помимо указанных проблем, следует выделить ещё отличие педагога и психолога, так как в статьях УПК РФ зачастую написано «участие педагога или

психолога». Возникает вопрос разграничения профессиональных компетенций психолога и педагога, так как для несовершеннолетних необходимо участие специалиста, обладающего на уровне профессиональных навыков умением взаимодействовать с несовершеннолетними, так как для последних работа со следователями и иными представителями правоохранительных органов вызывает стрессовое состояние, а в отдельных случаях сопряжено с отсутствием доверия или понимания того, что от него требуют сотрудники (Морозова Ю.В., 2021).

На наш взгляд, необходимо определить отличия между педагогом и психологом с позиции их участия в уголовном судопроизводстве, установить разграничение компетенций между ними. Безусловно, педагог и психолог – специалисты совершенно разных профессий, у них разный уровень качества, длительности и опыта взаимодействия с несовершеннолетними и сравнивать их в русле взаимозаменяемости не представляется возможным. Следовательно, считаем, что необходимо закрепление статуса и полномочий как психолога, так и педагога, чтобы при разрешении конкретных уголовных дел в определённых условиях сотрудники понимали, кого лучше приглашать к участию в процессе.

Таким образом, чтобы качественно использовать специальные психологические знания в уголовном судопроизводстве, необходимо, во-первых, ввести в УПК РФ положения, устанавливающие статус и требования к компетенциям психолога, а также педагога. Во-вторых, определить на законодательном уровне, под какие критерии должен подпадать психолог для понимания возможности и целесообразности его участия в конкретном деле.

В-третьих, следует более детально проработать вопрос разграничения полномочий психолога и педагога – насколько они могут быть взаимозаменяемыми на практике.

Литература

1. Ганага В.С., Стельмах В.Ю. Особенности и проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 354-363.
2. Морозова Ю.В. Юридическая психология : учебное пособие для обучающихся по программам специалитета и магистратуры / Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 99 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Актуальные проблемы постановки и решения экспертных заданий

Морозова М.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ
(г. Москва, Россия)

С течением времени комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза заняла ведущее место среди экспертных исследований в судебной и медицинской психологии. При этом, несмотря на значительное количество научных, теоретических, методологических и методических разработок в экспертной практике возникают проблемы, которых, казалось бы, не должно уже и быть. Если вопросы целесообразности назначения комплексных психолого-психиатрических экспертиз приняты во внимание правоприменителем, и в тех случаях, когда юридически значимые обстоятельства могут быть решены психиатрами, психологов экспертов не привлекают, то вот постановка экспертного задания перед психологом до сих пор является проблематичной для правоприменителя, а в последующем и для эксперта, когда это задание надо решать.

Экспертная практика показывает несколько таких проблем, которые стали наиболее актуальны в последнее время.

1. Экспертные вопросы задаются без учета конкретных обстоятельств криминальной ситуации и предметного вида экспертизы. Например, вопрос о наличии аффекта в случае правонарушений сексуального характера и других составов преступлений, не имеющих отношения к реализации агрессивных действий. А наиболее распространенной в этом ключе в последнее время стала постановка вопроса практически в каждом третьем постановлении о назначении комплексной психолого-психиатрической экспертизы обвиняемого в форме, разработанной специально относительно юридически значимых обстоятельств, рассматриваемых в статье 106 УК РФ – убийство матерью новорожденного ребенка – находился ли подэкспертный в состоянии «повышенной эмоциональной напряженности, вызванной психотравмирующей ситуацией».

2. Вопрос задается без какого-либо юридически значимого смысла и правовых последствий – например, о соответствии психического развития возрастным нормам в отношении взрослого контингента подэкспертных.

3. Вопрос перед экспертом ставится без учета процессуального статуса подэкспертного лица – например, в отношении потерпевших (в том числе и окончивших жизнь самоубийством) нередко задаются вопросы в рамках формулы вменяемости-невменяемости о способности лица осознавать значение своих действий и руководить ими, в том числе с отсылкой к эмоциональному состоянию в тот период и индивидуально-психологическим особенностям.

4. Перед экспертом ставятся вопросы не только без учета процессуального статуса, но и судопроизводства, в котором рассматривается дело. Нередки стали случаи постановки вопроса о сделкоспособности в отношении лиц, экспертиза которым назначается в рамках уголовного процесса. Или о детско-родительских отношениях, если экспертиза назначается либо родителю, выступающему в роли обвиняемого, либо ребенку – в процессуальном статусе потерпевшего.

Остается актуальным и перегруженность постановлений вопросами к психологу-эксперту, витиеватость и нечеткость их формулировок, многочисленные

повторы одних и тех же юридически значимых фактов с добавлением различных контекстных обстоятельств, а также и гипотетические формы вопросов.

Все вышеизложенное значительно затрудняет работу эксперта. В каждом конкретном случае приходится выполнять задачи, не имеющие непосредственного правового значения, но требующие значительных трудозатрат эксперта, поскольку поставленные вопросы должны быть в той или иной мере решены или обоснованно отведены. На наш взгляд, требуется как разработка унифицированной системы экспертных заданий с четким определением их в соответствии с видами экспертиз по всем их классификационным характеристикам, так и более тесное взаимодействие с правоприменителями с возможным созданием межведомственных методологических и методических рекомендаций.

Роль судебного психолога-эксперта в современной экспертизе

Назарова А.С.

ОБУЗ «Областная клиническая психиатрическая больница «Богородское»
(г. Иваново, Россия)

Судебно-психологическая экспертиза является частью судебной психологии. Медицинские психологи выступают в качестве судебных экспертов при проведении комплексных судебно-психолого-психиатрических экспертиз и однородных судебно-психологических экспертиз. Психологом изучаются, исследуются психологические аспекты психической деятельности участников правовых отношений. Эксперт-психолог исследует психические явления под особым углом зрения, применительно к нормам уголовного, гражданского, семейного права, должен ясно представлять юридическое значение диагностируемых им психических явлений, понимать возможные правовые последствия исследования и экспертных выводов.

В результате совместного рассмотрения и интегративной оценки результатов скоординированного применения специальных знаний эксперта-психолога и эксперта-психиатра для исследования психической деятельности подэкспертного дается более полное и всесторонне общее (единое) экспертное решение, ответ на вопросы, составляющие предмет комплексного исследования и входящие в сферу совместной (совокупной) компетенции экспертов.

Высокий процент от общего количества экспертиз приходится на долю несовершеннолетних правонарушителей. Традиционно при принятии решения о применении мер наказания суд опирается на информацию о его личности, особенностях психического развития и состояния, о социальном окружении. Важную роль играет прогностическая оценка сфер личности подростка, перспективы формирования личности, оценка риска агрессивного поведения. Оценка риска агрессивного поведения опирается на представления о факторах риска такого поведения, теоретическую модель формирования агрессивной направленности действий у подростков. В ходе судебного экспертного исследования удается

проанализировать различные пласты информации о правонарушителе (медицинские сведения, историю развития, социальное окружение, результаты экспериментально-психологического исследования), что позволяет сделать выводы о факторах, имеющих важное значение для формирования направленности поведения подростка. К таким факторам относятся в том числе: наследственные, ранние пренатальные вредности, дефицит внимания и гиперактивность, импульсивность, трудности самоконтроля, внешний локус контроля, зависимость от внешних факторов, дефицитарность внутренних контролирующих механизмов, склонность к эмоциональному возбуждению, гневу, сниженный интеллект, незрелость мыслительных процессов, эгоцентризм, сниженный прогноз последствий собственного поведения, низкий уровень морально-нравственного сознания. Одной из ведущих predispositions к агрессивному поведению является акцентуации характера. В качестве ситуационного фактора выступает употребление психоактивных веществ, что приводит к дефицитарности «эмоциональной регуляции» поведения. Не менее важным аспектом формирования агрессивного поведения у подростков являются внешние (социальные) условия развития. Среди факторов риска выделяется раннюю депривацию, включенность в группы диссоциальных сверстников, отвержение социально-адаптированными сверстниками и неспособность устанавливать с ними контакты, что формирует неустойчивое и нереалистичное представление о себе, негативное влияние деструктивных видов информации. Прослеживается влияние семейных факторов на формирование агрессивного поведения, таких как недостаточный надзор и наблюдение родителей за детьми, супружеский конфликт, семейная изоляция и насилие дома, неадекватные родительские тактики воспитания, нарушение эмоциональных семейных связей. Наряду с факторами, способствующими формированию агрессивной направленности поведения, присутствуют «защитные факторы», такие как: включенность в социальную деятельность, проведение психотерапевтических мероприятий, эмоциональная поддержка со стороны значимых людей, положительный опыт освоения навыков и способностей (учебных, профессиональных, творческих).

Религиозный фанатизм и его влияние на юридически значимые социальные способности человека

Небытов К.В.

НП Центр правовой помощи и независимых экспертиз «Надежда»

(г. Ставрополь, Россия)

В настоящее время рост активности религиозных объединений в современном обществе констатируется множеством исследований. Взаимодействие с религиозными институтами требует от современного общества решения множества проблем, одной из которых является проблема религиозного фанатизма.

Высокая степень вовлеченности в деятельность нового религиозного движения и/или глубокая и быстрая конверсия способны привести к развитию патологической формы привязанности. Ряд исследований, в частности А. Дейкмана (West L.J., Langone M.D., 1986), позволяют утверждать, что степень социально-психологической тяжести культового обряда может напрямую влиять на качество психической деятельности в целом, а не только в момент самого ритуального действия.

Данная концепция базируется на результатах эксперимента Э. Аронсона и Д. Миллса, которые в конце 1950-х годов решили выяснить, почему в человеческих культурах существуют обряды инициации – жестокие и ресурсные. Они выдвинули гипотезу, что люди, прошедшие через тяжёлое испытание для вступления в группу, будут оценивать эту группу выше, чем те, кто вступил в неё без подобных испытаний. Их гипотеза была построена на теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера и сводилась к следующему предположению: у тех, кто хочет присоединиться к группе и при этом вынужден проходить неприятное испытание, возникает когнитивный диссонанс, а чтобы его разрешить, мозг увеличивает привлекательность группы, к которой человек хочет присоединиться. Результаты эксперимента Э. Аронсона и Д. Миллса показали, что участники, испытавшие сильный эмоциональный дискомфорт во время инициации, значительно выше оценивали как само членство в группе, так и её представителей по сравнению с участниками из контрольной группы и группы с лёгким испытанием. Другими словами, будущая группа была ценнее для тех, кто испытал стресс и дискомфорт во время испытания (Aronson, E., Mills, J., 1959).

В свете сказанного, можно утверждать, что относительно сильных противоречий между религиозным догматом и социальными нормами, возникающими в дальнейшем, разрешение диссонанса происходит согласно закону Фрейда-Фестингера: человек стремится к внутренней гармонии и согласованности своих убеждений. Когда в сознании возникает противоречие, то есть две идеи, которые не могут быть одновременно истинными, человек испытывает дискомфорт и стремится разрешить это противоречие.

На основании приведённых материалов можно с уверенностью говорить, что религиозный фанатизм (представляющий, согласно Г.В. Старшенбаум, крайнюю степень увлечения религиозной деятельностью с созданием из неё культа, поклонением и растворением в группе единомышленников) путём удаления противоречащей религиозному догмату информации из сознания адепта фактически может приводить к нивелированию высших уровней юридически значимых социальных способностей (Старшенбаум, Г.В., 2006).

Под юридически значимыми социальными субъектными способностями, имеющими правовое значение, подразумеваются способности, обеспечивающие в правовом контексте жизнедеятельности самоуправление человека (Алексеева Л.В., 2010).

Каждая социально значимая способность субъекта права состоит из нескольких уровней, и это определяет её системность. Если нарушается работа одного уровня, это влияет на функционирование последующих уровней.

Таким образом, нивелирование способности за счёт устранения социальных норм адептом религиозной доктрины из сознания приводит к нарушению самоуправления человека в правовом контексте.

Безусловно, описанная конструкция является на настоящий момент только теоретической моделью, которая требует своей практической проверки, но она имеет потенциал реализации в экспертной практике, в том числе в рамках разработки частных методик психологического экспертного исследования лиц из числа адептов религиозных объединений.

Литература

1. Алексеева Л.В. Юридическая психология: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. 312 с.
2. Как сознание избавляется от противоречий / В.М. Алахвердов [и др.] // Шаги/Steps. 2015. No 1. С. 165–181.
3. Марков А.В. Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? // Историческая психология и социология истории. 2009. Том 2. No 1. С. 45–56.
4. Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: Когито-Центр, 2006. 366 с.
5. Aronson E., Mills J. The effect of severity of initiation on liking for a group // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1959. No 59(2). P. 177–181. doi: 10.1037/h0047195.
6. West L.J., Langone M.D. Cultism: A conference for scholars and policy makers // Cultic Studies Journal. 1986. Vol. 3. No 1. P. 117–134.

Учет когнитивного искажения у лиц с посттравматическим стрессовым расстройством

Никитина Л.М.

ФГКВОУ ВО «Военный университет им. князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Любое преступление совершается в реальных условиях и отображается в материальной обстановке, оставляя разнообразные следы (материальные и идеальные), которые содержат информацию о преступном деянии и его участниках.

Идеальные следы преступления являются криминалистически значимой информацией, воспринятой и запечатленной человеком в виде мысленных образов (памяти) человека, образуют нейрональный след того или иного события в виде энграммы – следа памяти, сформированного в результате получения информации. На стадии допроса у лиц, получивших психические травмы и посттравматическое стрессовое расстройство (далее-ПТСР) во время проведения СВО, могут возникать

когнитивные искажения (ложные воспоминания), что существенно отражается на качестве и достоверности излагаемой информации.

Следует отметить, что ошибки и искажения обнаруживаются не только в мышлении, но и в других познавательных процессах – многие относят к ним перцептивные иллюзии, зрительные, слуховые, вкусовые и иные искажения восприятия у человека.

В допросе можно использовать модель когнитивного интервью (Зерин С.Н., 2013). Формулировка вопросов рекомендуется в мягкой форме. Прямое обвинение лица в совершении преступления возможно лишь после предъявления судебных экспертиз.

Для своевременного выявления лиц с ПТСР необходимо учитывать множество факторов, включая медицинские документы и заключения специалистов психологов и психиатров. Определение состояния психики должно проходить через тщательную оценку, основанную на профессиональной экспертизе и собранных данных:

данные о всех полученных травмах – как родовых, так и последующих (включая возраст пациента на момент их получения и продолжительность травматического опыта), факторах или мероприятиях, которые могли усилить или ослабить реакцию на травму (травмы);

природу самого события и как допрашиваемый отреагировал на травматическое событие;

время возникновения симптомов, схожих с посттравматическим стрессовым расстройством (время наступления такого состояния не менее чем через месяц);

лицо, находящее в посттравматическом стрессовом расстройстве, начнет описывать не саму картину происходящего, а нахлынувшие на него эмоции (Никитина Л.М., Докучаев О.В., 2023).

Понимание когнитивных искажений поможет следователю (дознавателю) ориентироваться на последствия ошибочных или необоснованных решений в рамках доследственной проверки. В то же время, у правоохранительных органов нет оснований игнорировать данные, предоставленные людьми с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) в процессе допроса. Эта информация может быть важной и полезной для расследования преступлений. Необходимо учитывать, что сведения, полученные от лиц с ПТСР, должны соответствовать имеющимся фактам и доказательствам по уголовному делу.

Изучая теоретические аспекты психологических травм, автор приходит к выводу о значимости привлечения клинических психологов или психиатров на стадии допроса, так как, несмотря на наличие у следователя достаточных знаний о признаках подобных заболеваний и типичных источниках информации о таких признаках, он не обладает компетенцией выявления расстройства психики.

Такая необходимость выступает предпосылкой правильного применения норм уголовно-процессуального закона и обоснованного выбора тактических приемов на доследственной проверке с целью получения правдивых показаний.

Литература

1. Зерин С.Н. Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших: методическое пособие. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2013. 96 с.
2. Никитина Л.М. Докучаев О.В. Участие специалиста-психолога в допросе лиц, получившие первые психические травмы (посттравматические стрессовые расстройства) // Криминалистика в международном измерении: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 21 апреля 2023 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С 221–227.

Болезненное любопытство: определение, специфические особенности проявления, теоретические модели

Орлова Е.А.¹, Гребенников Ю.Л.².

¹ НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (г. Москва, Россия)

Гребенников Ю.Л.

² ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

(г. Мытищи, Россия)

Наиболее известный на сегодняшний день исследователь феномена болезненного любопытства К. Скривнер считает, что болезненное любопытство стоит понимать как тенденцию искать информацию об угрожающих или опасных ситуациях, и она связана с интересом к развлечениям, связанным с угрозами, и повышенной тревогой (Scriver et al., 2024).

Ранее М. Цукерман представил первую концепцию проявления любопытства к сексуальным и болезненным событиям, которую назвал «Sensation seeking theory» – Теория поиска ощущений (Zuckerman M., 1979), а позже он же (Zuckerman M., 1986) изучал взаимосвязь стремления к сенсациям, экстраверсии, невротизма и психотизма с любопытством к освещению насильственных или болезненных событий сексуального характера в средствах массовой информации и в спортивных трансляциях. Однако в своей работе ученый не использовал термин болезненное любопытство, применяя такую формулировку как «любопытство к болезненным событиям» (curiosity about morbid events).

С. Оостервийк в своем обзоре исследований, посвященных болезненному любопытству, подчеркивает важность умения отличить истинное проявление болезненного любопытства и повышенного внимания к негативным стимулам. К примеру, им было доказано, что людям с генерализованным тревожным расстройством (ГТР) или фобическим расстройством трудно перенаправить свое внимание от стимулов, имеющих отношение к их расстройству (Oosterwijk S., 2017).

Говоря об отечественных исследованиях данного феномена, можно упомянуть лишь отдельные работы.

Так, Ц.П. Короленко в работе о влиянии интернета на суицидальное поведение упоминает феномен болезненного любопытства (Короленко Ц.П., 2014). Данное поведение, впрочем, нельзя отнести к болезненному любопытству (основываясь на проведенном нами теоретическом анализе), так как люди вступали в прямой контакт, были косвенно участниками самой «болезненной ситуации». Кроме того, данное происшествие можно отнести к сенсации и феномену любопытства к сенсациям, о которых говорил М. Цукерман (Zuckerman M., 1979; Zuckerman M., 1986).

Е.А. Иваненко в статье «Снафф в визуальном пространстве современных медиа: эстетика, этика или политика?» приводит цитату К.А. Райза (Reyes X. A., 2013), в которой упоминается болезненное любопытство именно в том значении, о котором мы писали выше. В контексте снафф видео (видео, содержащие сцены реальной смерти или убийства человека) болезненное любопытство имеет место быть (Иваненко Е.А., 2021).

Таким образом, перспективы изучения феномена болезненного любопытства дают определенные возможности для отечественных исследователей:

1. Уточнить сущность и содержание феномена «болезненное любопытство»;
2. Проверить ранее выдвинутые теоретические гипотезы о проявлении этого феномена (Сторожева Е.Е., Крестникова Ю.Н., 2016; Короленко Ц.П. и др., 2014; Иваненко Е.А., 2021 и др.);
3. Перейти от теоретических исследований к эмпирическим исследованиям болезненного любопытства на отечественной выборке.

Литература

1. Иваненко Е.А. Снафф в визуальном пространстве современных медиа: эстетика, этика или политика? // Terra Aestheticae. 2021. No 1(7). С. 51–74.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Левина Л.В. К вопросу о влиянии интернет на суицидальное поведение // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2014. том 22. No 2. С. 103–107.
3. Сторожева Е.Е., Крестникова Ю.Н. Психологическая характеристика личности каннибала // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы Третьей региональной молодежной конференции «Мой выбор – НАУКА!», XLIII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 13. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 335–338.
4. Choosing to view morbid information involves reward circuitry / S. Oosterwijk [et al.] // Scientific reports. 2020. Vol. 10. No 1. P. 1–13. doi: 10.1038/s41598-020-71662-y.
5. Reyes X.A. The Mediation of Death in Fictional Snuff: Reflexivity, Viewer Interpellation, and Ethical // Snuff: Real Death and Screen Media / Eds. N. Jackson [et al.]. New York: Bloomsbury Academic, 2016. P. 211–223. doi: 10.5040/9781501304590.ch-012.

6. Scrivner C., Stubbersfield J.M. Curious about threats: Morbid curiosity and interest in conspiracy theories in US adults // *British Journal of Psychology*. 2024. Vol. 115. No 1. С. 129–147. doi: 10.1111/bjop.12682.
7. Zuckerman M. *Sensation Seeking: Beyond the Optimum Level of Arousal*. New York: Erlbaum Associates, 1979. 449 p.
8. Zuckerman M., Litle P. Personality and curiosity about morbid and sexual events // *Personality and Individual Differences*. 1986. Vol. 7. No 1. P. 49–56. doi: 10.1016/0191-8869(86)90107-8.

Особенности социальных представлений о серийных сексуальных преступлениях в группе молодых женщин

Пахмутова У. А., Дворянчиков Н. В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время у молодых женщин интерес вызывает тема серийных сексуальных преступлений: тру-крайм контент, художественная литература о серийных убийствах, документальные сериалы. Получаемая таким образом информация оказывает влияние на их картину мира, установки о праве и отношениях, регулируемых им, то есть на правосознание.

Восприятие ситуации преступления можно исследовать в рамках теории социальных представлений. Как разновидность практического мышления, социальные представления направлены на обобщение, понимание и освоение социального окружения и могут рассматриваться как мысленное воспроизведение предмета, человека или события (Жодле Д., 2007).

Серийное сексуальное преступление определяется как совершение одним лицом двух и более убийств, сопряженных с изнасилованиями или удовлетворением полового влечения в иной форме (Образцов В.А., Богомолова С.Н., 2002). В рамках изучения обыденных представлений о ситуации серийного сексуального преступления интерес представляет описание образа преступника, жертвы и сотрудников правоохранительных органов.

В исследовании проверялись следующие гипотезы:

1. В социальных представлениях молодых женщин серийный сексуальный преступник имеет образ мужчины, жертва – женщины.
2. В образе представителя правоохранительных органов у молодых женщин преобладают негативные характеристики.

В качестве объекта исследования было принято правосознание в группе молодых женщин. Предметом исследования являются особенности социальных представлений о серийных сексуальных преступлениях в группе молодых женщин.

Целью исследования было изучение особенностей социальных представлений о серийных сексуальных преступлениях. Задачи исследования включали выявление и описание структуры социальных представлений о серийных сексуальных

преступниках, жертвах и сотрудниках правоохранительных органов в группе молодых женщин.

В исследовании использовался метод свободных ассоциаций: респондентам предлагалось назвать по пять ассоциаций к стимулам «Маньяк», «Жертва маньяка», «Сотрудник правоохранительных органов». Анализ данных производился методом прототипического анализа по Вержесу.

Выборка составила 50 женщин в возрасте от 18 до 25 лет ($M=22,14$; $SD=1,97$). 94% опрошенных указали, что получают информацию о серийных сексуальных преступлениях из СМИ, 78% – из тру-крайм контента, 80% – из художественных источников и 36% – из научных источников, то есть молодые женщины проявляют интерес к теме серийных убийств и имеют высокий уровень осведомленности в данной области.

В социальных представлениях молодых женщин преступник однозначно определяется как мужчина, жертва – как женщина или девушка, реже – ребенок обоих полов, сотрудник правоохранительных органов – мужчина, наделенный маскулинными характеристиками: сила, власть.

Содержание структуры представлений указывает на восприятие жертвы как неспособной сопротивляться (беспомощной, незащитной, слабой), пассивной. Преступление ассоциируется у молодых женщин с чувством страха, жалости, трагедией. Представления о сотруднике правоохранительных органов противоречивы, наблюдается противопоставление преступнику и олицетворяемой им опасности, преобладают ассоциации с положительной коннотацией.

Таким образом, в социальных представлениях молодых женщин о серийном сексуальном преступлении отчетливо проявляются гендерные стереотипы. Выявлено эмоциональное отношение к ситуации серийного сексуального насилия, выражаемое чувством страха.

Литература

1. Жодле Д. Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология / Под ред.: С. Московичи. СПб: Питер, 2007. С. 372–394.
2. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология: методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений. М. Юнити, 2002. 446 с.

Уязвимость к мошенничеству у лиц пожилого и старческого возрастов в рамках судебно-психологической экспертной оценки

Переправина Ю.О.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России

(г. Москва, Россия)

Лица пожилого и старческого возрастов уязвимы к различным вариантам финансового и имущественного мошенничества, что обусловлено рядом психологических факторов. В отечественных исследованиях данный вопрос в большей степени раскрывается в клинической психологии, в то время как в зарубежных исследованиях существует ряд устоявшихся терминов в юридической психологии, выделяются маркеры, которые можно учитывать как на момент совершения сделки (а также освидетельствования перед сделкой), так и при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

В зарубежных исследованиях существует термин «undue influence», обозначающий динамику взаимоотношений между двумя людьми, в которой более слабый человек эксплуатируется в финансовом отношении. Также отмечается использование термина «financial abuse», отражающего финансовое злоупотребление в отношении другого человека, чаще всего из наиболее уязвимой группы лиц – пожилых людей. Неправомерное влияние рассматривается в зарубежном законодательстве при оценке завещательной способности на момент составления договора, а также ретроспективно в ходе судебно-экспертной оценки лица, которого обманули или не учли его интересы. Чаще всего жертвами неправомерного влияния в финансовых вопросах оказываются лица с органическими психическими расстройствами, а не с такими заболеваниями как шизофрения, биполярное расстройство и т.д. (Bedard R.M., 2007). Можно выделить ряд факторов, которые указываются в исследованиях как маркеры ненадлежащего влияния: 1) уязвимость, оценка которой раскрывается через эмоциональное состояние лица, выявление психического заболевания и нарушений познавательной деятельности; 2) авторитет лица, оказывающего влияние; 3) стратегия лица, которое оказывает влияние, его осведомленность об уязвимости и типичных эмоциональных реакциях лица, совершающего сделку; 4) крайне невыгодные условия как результат сделки (Mart E.G., 2016); 5) социальные факторы в виде длительной изоляции или одиночества, семейных конфликтов или недавней утраты (Peisah C., 2009). Исследователи указывают этическую проблему при оценке неправомерного влияния при составлении завещания пожилым человеком: где грань между защитой человека от потери имущества (освидетельствование на момент сделки) и препятствием пожилому лицу выразить свое волеизъявление, свои индивидуальные пожелания? (Herrmann N., 2021).

Литература

1. Bedard R.M., Mart E.G. Practical assessment of testamentary capacity and undue influence in wills // American journal of forensic psychology. 2007. Vol. 25. No 4. P. 7–19.
2. Frolik LA. The strange interplay of testamentary capacity and the doctrine of undue influence. Are we protecting older testators or overriding individual preferences? //

- International Journal of Law and Psychiatry. 2001. Vol. 24. P. 253–266. doi: 10.1016/s0160-2527(00)00081-9.
3. Mart E.G. Neuropsychological Assessment of Testamentary Capacity and Undue Influence // Archives of Clinical Neuropsychology. 2016. Vol. 31. No 6. P. 554–561. doi: 10.1093/arclin/acw048.
 4. Plotkin D.A., Spar J.E., Horwitz H.L. Assessing Undue Influence // The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. 2016. Vol. 44. No 3. P. 344–351.
 5. Susceptibility to Undue Influence: The Role of the Medical Expert in Estate Litigation / N. Herrmann [et al.] // The Canadian Journal of Psychiatry. 2022. Vol. 67(1). P. 5–12. doi: 10.1177/07067437211020616.
 6. The wills of older people: risk factors for undue influence / C. Peisah // International Psychogeriatrics. 2009. Vol. 21. No 1. P. 7–15. doi: 10.1017/S1041610208008120.

Переживание одиночества и удовлетворенность жизнью у молодых взрослых, склонных к созависимости

Погорелова А.Н., Власова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Переживание одиночества и удовлетворенность жизнью у молодых взрослых, склонных к созависимости, является актуальной темой в изучении виктимного поведения молодых взрослых людей, так как представляет собой серьезную психологическую проблему, способную в существенной мере оказать негативное влияние на жизнь человека, а также на его отношения с социумом.

Созависимость – это психосоциальное состояние, проявляющееся через дисфункциональный паттерн отношений с другими. Созависимость может проявляться в различных сферах жизни, включая романтические отношения, семейные связи, дружбу или профессиональную деятельность (Spann, L., & Fischer, J.L., 1990).

Одиночество характеризуется отсутствием значимых связей с другими субъектами, а также внутренним ощущением отсутствия эмоциональной близости и поддержки со стороны других людей (Корчагина С.Г., 2008).

Удовлетворенность жизнью – когнитивный компонент личного благополучия, включающий наличие оценочного фактора (Галиахметова Л.И., 2015). Феномен подлежит измерению, раскрывается в совокупности ожиданий, требований и желаний личности, выступая мощным внутриличностным ресурсом (Андрееenkova, Н. В., 2010).

В исследовательской работе были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. Уровень удовлетворенности жизнью у молодых взрослых, склонных к созависимости, ниже по сравнению с теми, кто не имеет склонности к данному виду зависимости.

2. Переживание одиночества более выражено у молодых взрослых, склонных к созависимости, по сравнению с их сверстниками, не имеющих склонности к этой аддикции.

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие молодые взрослые в возрасте 18-30 лет, всего 34 респондента (11 мужчин и 23 женщины).

Методики:

- «Тест на созависимость по Уайнхолду».
- «Шкала субъективного ощущения одиночества» (UCLA Loneliness Scale).
- «Шкала удовлетворённости жизнью» (ШУДЖ, или SWLS).

Для изучения достоверности различий по личностным показателям были применены следующие математические методы статистики:

- Критерий Колмогорова-Смирнова.
- Критерий Манна-Уитни.
- Т-критерий Стьюдента.

Результаты исследования. Испытуемые были разделены на две группы, благодаря диагностике по методике «Тест на созависимость по Уайнхолду»: контрольная (16 респондентов), несклонных к созависимости; проблемная (18 человек), склонных к созависимости.

Молодые взрослые, склонные к созависимости, характеризуются высоким уровнем одиночества и социальной изоляции, средним уровнем удовлетворенности жизнью. Молодые взрослые, не имеющие склонности к созависимости, характеризуются средним уровнем одиночества и социальной изоляции, достаточным уровнем удовлетворенности жизнью.

Применение Т-критерия Стьюдента для независимых выборок указывает на отсутствие значимых различий между двумя группами по показателю «удовлетворенность жизнью» ($p = 0,168$). Применение критерия Манна-Уитни для независимых выборок позволило сделать вывод о том, что между контрольной и проблемной группой существуют различия по показателю «уровень одиночества» ($p = 0,004$).

Выводы. Гипотезы подтвердились частично. Уровень удовлетворенности жизнью не зависит от степени созависимых моделей. Уровень одиночества и социальной изоляции выше у лиц, склонных к созависимости.

Литература

1. Андрееenkova Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих её факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. No 5(99). С. 189–215.

2. Галиахметова Л.И. Благополучие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью: проблема взаимосвязи // Вестник Башкирского университета. 2015. Том 20. No 3. С. 1114–1118.
3. Корчагина С.Г. Психология одиночества: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. 228 с.
4. Spann L., Fischer J.L. Identifying codependency // The Counselor. 1990. Vol. 8. No 27. P. 27–31.

Психологические аспекты формирования образа террориста посредством кинематографа

Пустахайлова Н.В., Воронова Ю.В.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Проблема терроризма особо актуальна и остра на современном этапе развития мирового общества. Ежегодно по всему миру совершаются теракты, которые наносят огромный ущерб человеческим жизням, инфраструктуре и экономике. Безусловно, эти события находят свое отражение и в культурном пространстве. Одним из проявлений культуры, которое быстрее всего реагирует на данную проблематику является кинематограф, влияние которого на массовое сознание сложно переоценить. Целью нашего эмпирического исследования было выявление особенностей образа террористов, который сформировался у респондентов на основе просмотра художественных фильмов о них.

Респондентам было предложено посмотреть два художественных фильма: «Личный номер» (производство: Россия) и «Отель Мумбаи: Противостояние» (производство: США, Австралия). Затем в соответствии с двумя списками из 19 позиций оценить какие индивидуально-психологические черты свойственны персонажам (террористам) фильмов и какие эмоции эти персонажи (террористы) вызывают. С помощью контент-анализа были выявлены индивидуально-психологические особенности, которые наиболее часто приписывались персонажам (террористам) и эмоции, которые респонденты чаще всего испытывали в отношении них.

Террористам в художественном фильме отечественного производства чаще других приписывались такие черты как жестокий, властный, беспощадный. В художественном фильме зарубежного производства этот список был немного шире и включал в себя такие характеристики как жестокий, неуравновешенный, вспыльчивый, беспощадный, импульсивный, глупый.

Террористы в отечественном художественном фильме вызывали у зрителя такие эмоции как неприязнь, отвращение, беспокойство, тревогу, презрение. Террористы в зарубежном художественном фильме вызывали у зрителей презрение, неприязнь, ужас, тревогу, отвращение/омерзение, страх, гнев.

Таким образом, на основе анализа образов террористов, созданных в отечественном и зарубежном фильме, можем наблюдать общую тенденцию создания негативного образа террориста у зрителя. Однако при создании образа акцент делается на разные личностные характеристики и поведение террористов, что способствует формированию отличающихся между собой образов террористов и эмоциональных переживаний, которые они вызывают.

Психологические возможности работы с виктимностью

Руженская Е.В.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский университет» Минздрава
России (г. Иваново, Россия)

Виктимность определяется как склонность к тому, чтобы стать жертвой преступных действий или иных негативных ситуаций. Она может оказывать серьезное влияние на качество жизни, приводить к чувству беспомощности, страха, неуверенности в себе и депрессии. Виктимные личности могут испытывать трудности в установлении и поддержании здоровых отношений, испытывать проблемы на работе или учебе, а также испытывать финансовые трудности.

Стратегии защиты от виктимности включают непсихологические и психологические методы. К непсихологическим методам относятся повышение осведомленности, готовность к самообороне, поддержание здорового образа жизни и физической силы, создание сети поддержки, юридическая помощь и взаимодействие с обществом

Психологические методы включают когнитивно-поведенческую терапию (КПТ), диалектическую поведенческую терапию (ДПТ), терапию принятия и ответственности (АСТ), межличностную терапию (ИРТ).

При работе с виктимностью в рамках КПТ акцент делается на следующих аспектах:

-- Осознание и изменение дисфункциональных мыслей и убеждений, которые могут способствовать виктимному поведению.

- Обучение навыкам активного противостояния и защиты от потенциальных угроз.

- Развитие навыков принятия решений и планирования.

- Работа над улучшением коммуникационных навыков и развитием социальных связей

Для работы с виктимностью в рамках когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) используются техники: когнитивная реструктуризация, поведенческие эксперименты, ролевые игры, самомониторинг, тренировка навыков социального взаимодействия, релаксационные техники. Использование когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) помогает справиться с чувством беспомощности путем изменения негативных мыслей и убеждений, которые поддерживают это чувство.

Диалектическая поведенческая терапия (DBT) может помочь справиться с чувством беспомощности путем обучения навыкам управления эмоциями, улучшения межличностных отношений и способности справляться с кризисными ситуациями. DBT фокусируется на четырех основных областях: осознанности, эмоциональной регуляции, межличностной эффективности и способности справляться с кризисными ситуациями. Эти навыки помогают человеку стать более гибким и адаптивным в различных ситуациях, что может уменьшить чувство беспомощности.

Терапия принятия и ответственности (ACT) помогает принять свои эмоции и мысли, не пытаясь их изменить, и сосредоточиться на действиях, которые могут улучшить жизнь. ACT использует концепцию "психологического отстранения", которая учит клиентов воспринимать свои мысли и эмоции как нечто, что просто происходит внутри них, но не обязательно определяет их поведение. Это позволяет клиентам перестать бороться с неприятными мыслями и эмоциями и вместо этого сосредоточиться на том, что они могут делать, чтобы улучшить свою жизнь.

Межличностная терапия (IPT) фокусируется на улучшении межличностных отношений и решении проблем в отношениях, которые могут способствовать чувству беспомощности. IPT помогает клиентам определить и изменить неэффективные модели поведения в отношениях, улучшить коммуникационные навыки и разрешить конфликты. Это может помочь улучшить качество отношений и уменьшить чувство беспомощности, вызванное трудностями в межличностных взаимодействиях.

Кроме этого, важна социальная поддержка, она может оказывать значительное влияние на восприятие виктимности. Наличие друзей, семьи и специалистов, которые готовы поддержать и помочь в сложных ситуациях, может уменьшить чувство беспомощности и укрепить уверенность в себе. Это может помочь виктимной личности лучше справляться с возникающими трудностями и чувствовать себя более защищенной.

Все методы активно используются психологической службой для работы с людьми, ставшими жертвами правонарушений и с клиентами, склонными становиться жертвой преступных действий или иных негативных ситуаций.

Виктимность как психологическая и социальная проблема

Руженская Е.В., Вавилова А.И.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский университет» Минздрава
России (г. Иваново, Россия)

Виктимность – это склонность становиться жертвой преступления, вызываемая определенными особенностями личности или поведения. В психологии существует понятие «виктимогенный комплекс», который включает в себя характеристики жертвы, способствующие совершению преступления против нее. Среди них выделяют и психические заболевания. Исследования показывают (Аминодова А.С., Смирнова С.В., 2023; Руженская Е.В., 2013, 2016), что существует корреляция между

виктимностью и некоторыми психическими расстройствами, такими как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), тревожные расстройства и депрессия. Однако сама по себе виктимность не является диагнозом и не всегда связана с наличием психического расстройства, а наличие психического расстройства не обязательно приводит к виктимному поведению. Важно учитывать другие факторы, такие как общие психологические особенности, социальная среда, экономическое положение, образование и поддержка со стороны общества.

Виктимные личности обладают рядом психологических особенностей: низкая самооценка, высокий уровень тревожности, склонность к депрессии, слабая эмоциональная регуляция, низкий уровень социальной компетентности. Эти психологические особенности могут значительно увеличить риск виктимного поведения и способствовать тому, чтобы человек стал жертвой преступлений или других форм насилия.

На виктимное поведение могут влиять и другие факторы: социально-экономические условия, уровень образования, социальная изоляция, культурные и религиозные убеждения, семейные обстоятельства, личные истории и травмы.

Из социально-экономических условий важно выделить бедность, безработицу, плохие жилищные условия, доступ к образованию и здравоохранению.

Культурные и религиозные убеждения: покорность и смирение, прощение и терпимость, отношение к женщинам, воспитание детей. Эти убеждения могут существенно влиять на восприятие опасности, готовность к самозащите и общую оценку рисков, что может способствовать виктимному поведению.

Личная история и травмы оказывают влияние на виктимное поведение через чувство беспомощности, страх повторения, изменение образа жизни, снижение доверия к людям, проблемы с самооценкой, стресс и тревожность. Все эти факторы могут способствовать развитию виктимного поведения, поэтому важно уделять внимание психологической реабилитации и поддержке тех, кто пережил травматический опыт.

Люди, которые живут в социальной изоляции, испытывают трудности в приобретении необходимых знаний и навыков для защиты от потенциальных угроз, имеют ограниченный доступ к социальной поддержке и ресурсам, которые могли бы помочь им избежать виктимного поведения. Изоляция может также способствовать усилению негативного восприятия себя и окружающего мира, что ведет к пониженной самооценке и высокому уровню тревожности.

Сочетание этих факторов может усиливать друг друга, сделать человека более уязвимым для манипуляций и насилия и требует как психологической, так и социальной коррекции.

Литература

1. Аминодова А.С., Смирнова С.В. Взаимосвязь индивидуальных стратегий конфликтного поведения, копинг стратегий и механизмов психологической защиты // IX Всероссийская научная конференция студентов и молодых ученых

с международным участием «Медико-биологические, клинические и социальные вопросы здоровья и патологии человека», проведенная в рамках «Десятилетия науки и технологий»: 4 апреля 2023 г.: материалы. Иваново: ФГБОУ ВО ИвГМА Минздрава России, 2023. С. 163–164.

2. Руженская Е.В. Современные подходы к организации социореабилитации лиц с психическими расстройствами // Вестник Ивановской медицинской академии. 2016. Том 21. No 2. С. 10–15.
3. Руженская Е.В. Формирование правовой компетентности медицинского персонала психиатрической службы // Российская академия медицинских наук. Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2013. No 2. С. 253–257.

Современное состояние и перспективы развития комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании

Русаковская О.А.^{1,2}, Харитоновна Н.К.¹, Васянина В.И.¹

¹ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия),

²ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Исследование выполнено в рамках государственного задания № 124020800063-2

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (далее КСППЭ) по спорам о воспитании – активно развивающийся в последние два десятилетия предметный вид экспертизы, имеющий как общенаучные, так и правовые основания. В рамках разработки методологии их проведения определены и изучены экспертные понятия; особенности высококонфликтного развода, индивидуально-психологические особенности и особенности психического и психологического состояния детей и родителей; возрастные особенности реагирования на высококонфликтный развод; особенности родительского отношения. Проанализировано содержание и экспертное значение таких понятий, как «синдром отвержения родителя», «привязанность», «конфликт лояльности», «родительское отношение», «индукция», «воспитание», «достаточная и недостаточная родительская компетентность» (Сафуанов Ф.С., 2022, 2023; Русаковская О.А., 2020, 2021). Сотрудниками Центра опубликовано по тематике более 55 научных работ, защищена 1 диссертация, разработаны специальные методы экспертного исследования. С 2010 года лекция «КСППЭ по спорам о воспитании» включена в учебные программы циклов профессиональной подготовки врачей судебно-психиатрических экспертов и психологов. Это особенно важно в связи со ст. 11 Федерального закона N 73-ФЗ.

КСППЭ по спорам о воспитании востребованы судьями (Ильина О.Ю., 2019), в 2021 году в государственных судебно-экспертных учреждениях 59 регионов

Российской Федерации было проведено 2527 таких экспертиз (Макушкина О.А., 2023).

С учетом компетенции, остается актуальным уточнение методологии КСППЭ в отношении семей, в которых ребенок или родители страдают психическим расстройством, сопровождение таких семей; проведение лонгитюдных и катанестических исследований.

В качестве проблем отмечаем увеличение количества семей, решающих вопрос о воспитании в судебном порядке, отсутствие приверженности решать подобные вопросы в кругу семьи; недостаточную распространенность медиации, психологического консультирования, семейной психотерапии; недостаточность мер, обеспечивающих исполнение судебных решений; закрытость судебной практики; возможность применения специальных знаний с целью искажения истины; «моду» на понятия; выход за пределы компетенции, «натаскивание».

Литература

1. Актуальное состояние и проблемы комплексной психологопсихиатрической экспертизы по спорам о воспитании / О.А. Русаковская [и др.] // Российский психиатрический журнал. 2021. No 1. С. 24–36. doi: 10.47877/1560-957X-2021-10103.
2. Взаимодействие ребенка с родителем: судебно-психологические экспертные оценки / Ф. С. Сафуанов [и др.] // Психология и право. 2022. Том 12. No 1. С. 115–132. doi: 10.17759/psylaw.2022120110.
3. Ильина О.Ю., Русаковская О.А. Об использовании специальных знаний при рассмотрении судебных споров о воспитании детей родителями, проживающими раздельно // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2019. No 4(60). С. 127-136.
4. Макушкина О.А., Муганцева Л.А., Тарасов В.Г. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации (2011-2021 гг.): информационно-аналитический справочник. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, 2023. 180 с.
5. Русаковская О.А., Ильина О.Ю., Серова К.Н. Понятие «привязанность ребенка к родителю»: соотношение знаний психологии и юриспруденции при формировании профессиональных компетенций будущих экспертов // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2020. No 3. С. 48–54.
6. Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза детско-родительских отношений: компетенция экспертов // Российский психиатрический журнал. 2023. No 1. С. 14–22.

Оценка лояльности ребенка в КСППЭ по судебным спорам родителей о воспитании ребенка

Савина О.Ф.

ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Несмотря на разработанную методологию производства КСППЭ по судебным спорам родителей о воспитании ребенка (Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А., 2011), для повышения обоснованности заключений эксперта система психологических понятий данного предметного вида экспертизы нуждается в уточнении и унификации. Психологи для оценки психического состояния ребенка при длительном противостоянии родителей используют категорию «конфликт лояльности». Интуитивно понятная и успешно внедренная в экспертную практику (Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., 2011), она вместе с тем имеет несколько расплывчатое содержание, ассоциируется скорее с работами зарубежных авторов без учета отечественных представлений о феномене лояльности в структуре теории деятельности (Горностаев С.В., Поздняков В.М., 2020). Вследствие этого одними экспертами проявления конфликта лояльности излишне драматизируются, другими же – недооцениваются.

Квалификация конфликта лояльности допустима к широкому диапазону состояний лояльности ребенка, имеющих различные последствия для его психического развития. В семье формируется первая в жизни ребенка лояльность родителям, что является ответом на их заботу и даруемую безопасность; от сплоченности семьи, принятых в ней границ, той общесемейной деятельности, в которую вовлекаются дети, зависят качественные характеристики их общесемейной лояльности. И в дружной семье переживание лояльности может быть напряженным, например, если к ребенку слишком высок уровень требований, он испытывает опасения не оправдать надежды. Иногда дети сами выдвигают условия лояльности взрослым, ограничивая их свободу. При слабых связях в семейной группе у ребенка лояльность к родителям будет зависеть от их индивидуальных приоритетов, выступая в качестве адаптивного механизма выстраивания отношений с ними.

При завершеном разводе как нормативном кризисе семьи дифференциация лояльностей является естественным процессом – имея базовую стабильность, в силу гибкости и пластичности психики дети легко переключаются в разных ситуациях. Однако контингент КСППЭ составляют семьи, не способные достигнуть компромисса, для них единственной формой совместной деятельности является противоборство; им свойственны те или иные формы включения ребенка в родительский конфликт, стремление заручиться его поддержкой, склонить на свою сторону. Такие родители склонны к манипулированию лояльностью, что способствует формированию неустойчивой лояльности с разной системой правил к членам семьи. В дальнейшем у ребенка возможно сосуществование параллельных лояльностей с несовместимыми требованиями, которых можно придерживаться

только при отсутствии пересечения деятельностей. В зависимости от внешних условий, системы активностей можно говорить о становлении у детей со временем доминирующей лояльности и часто амбивалентного отношения к одному из родителей. Наиболее неблагоприятными последствиями для психического состояния и развития ребенка являются безальтернативная, а также индуцированная лояльность, сопровождаемые насилием над свободой выбора ребенка, провоцирующие нежелательные изменения и даже искажения в его ценностно-смысловой сфере.

Литература

1. Горностаев С.В., Поздняков В.М. Деятельностный подход как ресурс развития психологической теории лояльности группе принадлежности // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. No 4. С. 42–58. doi: 10.17759/sps.2020110404.
2. Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К. Психологическая адаптация детей после развода родителей в зарубежных исследованиях (аналитический обзор) // Российский психиатрический журнал. 2011. No 1. С. 36–45.
3. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.

Субклинические и патологические черты характера как предикторы антисоциального поведения

Савостьянов И.В., Самигуллин Р.Р.

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им.
М.Акмуллы» (г. Уфа, Россия)

Проведён обзор научной литературы на тему возможности диагностирования и прогнозирования антисоциальных тенденций на основании субклинических и патологических черт характера.

В 2002 году был введён термин «тёмная триада личности», обозначающий группу негативных черт характера, в которую входит: нарциссизм, макиавеллизм и психопатия (Paulhus D. L., 2002). В нарциссизм входят такие характеристики как грандиозность, право собственности, доминирование; психопатия характеризуется высокой импульсивностью, стремлением к острым ощущениям, низкому чувству ответственности; макиавеллизм представляет собой склонность к манипулированию и обману. Метаанализ американской психологической ассоциации показал, что руководители с чертами тёмной триады негативно воздействовали на рабочий коллектив, ухудшали продуктивность, а стиль их руководства отличался токсичностью и деспотичностью (O’Boyle E.H., 2012). Другое исследование, проводимое на студентах высших курсов IT специальностей, показала склонность к

незаконному хакерскому поведению у лиц с выраженностью тёмной триады (Gaia J., 2020). Так же люди с выраженными чертами тёмной триады в принципе чаще совершают преступления (Kaufman S.B., 2019).

Схожими характеристиками обладают черты психических расстройств из кластера В американского справочника психических расстройств (DSM). В «Cluster B» входят такие расстройства как: гистрионное, антисоциальное, нарциссическое и пограничное. Все они характеризуются общими чертами: импульсивность, нестабильное настроение, непредсказуемость. Научные данные также показывают их связь с преступными наклонностями, так например исследование, проведённое на заключённых, выявило связь между высоким уровнем насилия и расстройствами личности кластера В (Dellazizzo L., 2018). Также исследования указывают на склонность к алкоголизму (Guillot C., 2023) и азартным играм (Vaddiparti K., 2017) у лиц с расстройствами из кластера В.

Перечисленные выше исследования указывают на то, что определённые обострённые черты могут быть индикаторами отклонений в поведении, что, в конечном счете, может привести к антисоциальным и противоправным намерениям. Данная тема требует дальнейших исследований для обоснования прагматичности диагностики характера, для предвидения преступных и антисоциальных тенденций.

Литература

1. A meta-analysis of the Dark Triad and work behavior: A social exchange perspective / E.H. O'Boyle [et al.] // *Journal of Applied Psychology*. 2012. Vol. 97. No. 3. P. 557–579. doi: 10.1037/a0025679.
2. Cluster-b personality disorder traits and impulsivity: Indirect associations with alcohol use severity through positive alcohol expectancies / C. Guillot [et al.] // *Experimental and Clinical Psychopharmacology*. 2023. Vol. 31. No 2. P. 423–432. doi: 10.1037/pha0000598.
3. Distinct pathological profiles of inmates showcasing cluster B personality traits, mental disorders and substance use regarding violent behaviors / L. Dellazizzo [et al.] // *Psychiatry Research*. 2018. Vol. 260. P. 371–378. doi: /10.1016/j.psychres.2017.12.006.
4. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of Personality: Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy // *Journal of Research in Personality*. 2002. Vol. 36. No. 6. P. 556–563. doi: 10.1016/S0092-6566(02)00505-6.
5. Psychological Profiling of Hacking Potential [Электронный ресурс] / J. Gaia [et al.] // *Proceedings of the 53rd Hawaii International Conference on System Sciences*. 2020. P. 2230–2239. URL: <http://hdl.handle.net/10125/64014> (дата обращения: 02.11.2024). doi: 10.24251/HICSS.2020.273.
6. The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature / S.B. Kaufman [et al.] // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Article ID 467. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00467.

7. Vaddiparti K., Cottler L.B. Personality disorders and pathological gambling // Current Opinion in Psychiatry. 2017. Vol. 30. No. 1. P. 45–49. doi: 10.1097/YCO.0000000000000300.

**Особенности восприятия городской среды у юношей и молодых взрослых,
склонных к виктимному поведению**

Сакович А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Делибалт В. В.

Средовая психология изучает взаимодействие человека и городской среды как единую систему, в которой оба влияют друг на друга (Штейнбах Х.Э., 1987). С увеличением урбанизации актуальность изучения восприятия городской среды возрастает, особенно в юридической психологии и криминологии. Исследования показывают, что городские жители в два раза более уязвимы к преступлениям и подвергаются виктимизации в среднем раз в три года (Van Dijk J.J.M., Van Kesteren J., 1996). Как же городскую среду воспринимают жители, в зависимости от их склонности к виктимному поведению?

Целью нашего исследования было рассмотрение и описание особенностей восприятия городской среды, субъективного качества жизни и жизнестойкости у юношей и молодых взрослых со склонностью к виктимному поведению. Мы предположили, что восприятие городской среды может трактоваться как психологический ресурс, ввиду чего существуют значимые различия в показателях восприятия городской среды, жизнестойкости и субъективного качества жизни у лиц со склонностью к виктимному поведению и лиц, не имеющих такой склонности.

Для изучения данной проблемы мы использовали такие методики, как архитектурный семантический дифференциал «Город» (Шемелина О.С.), «Субъективное качество жизни» (Савченко Т.Н., Головина Г.М.), «Измерение склонности к виктимному поведению» и «Виктимная идентичность личности» (Андронникова О.О.). В демографическую анкету были включены вопросы из анкет по изучению «страха преступности» (fear of crime). При статистической обработке результатов использовались критерий Шапиро-Уилка и U-критерий Манна-Уитни (с применением программы SPSS Statistics, версия 26). Выборка исследования составила 45 человек (контрольная группа – 25 чел., группа сравнения – 20 чел.), проживающих в 11 различных городах.

В ходе исследования мы получили следующие результаты: во-первых, восприятие городской среды, по результатам проведенного семантического дифференциала у юношей и молодых взрослых, склонных к виктимному поведению, отличается по параметру «силы» ($p = 0,023$). Нормативная группа более ярко воспринимает городскую среду, тогда как виктимные респонденты менее вовлечены в

её восприятие, что может быть связано с десенсибилизацией из-за предыдущего опыта реализации виктимности. Также, они воспринимают среду как более жесткую, переменчивую и миниатюрную по сравнению с контрольной группой, заявляющей о мягкости, массивности и постоянности среды. Во-вторых, юноши и молодые взрослые с более высокой реализованной виктимностью или сформировавшимся к моменту становящейся взрослости виктимной идентичностью чаще переезжали ($p = 0,04$). Они меньше идентифицируют себя с городом проживания и оценивают уровень преступности в окрестностях дома выше, чем контрольная группа. В-третьих, сравнение субъективного качества жизни показало более низкие показатели в группе сравнения ($p = 0,002$), в отличие от параметра жизнестойкости – тут высоких значений не было ни в одной из групп.

Мы предполагаем, что эти результаты могут быть полезны для дальнейших исследований и практической работы, например, разработки методов девиктимизации, нацеленных на большее включение в городскую среду. В частности, включающих развитие навыков распознавания опасных ситуаций, повышение доверия к себе и уменьшение тревоги, связанных с городской средой, а также рекомендации для адаптации к новой среде при частой смене места жительства.

Литература

1. Штейнбах Х.Э. Восприятие и оценка городской среды: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ленинград, 1987. 17 с.
2. Van Dijk J.J.M., Van Kesteren J. Criminal victimization in European cities: Some Results of the International Crime Victims Survey // European Journal on Criminal Policy and Research. 1996. Vol. 4–1. – P. 9–21. doi: 10.1007/BF02736674.

Когнитивное интервью при расследовании преступлений

Сафуанов Ф.С.¹, Хасанов Р.Р.²

¹ ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

² Следственный комитет Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Актуальность. Несмотря на высокую раскрываемость преступлений в Российской Федерации, криминалисты, оперативные сотрудники нуждаются в новых, современных и эффективных способах раскрытия преступлений.

Для раскрытия преступления необходимо найти следы преступника. След – это любые материальные изменения в окружающей среде, а также запечатленные в памяти человека образы, неразрывно связанные с событием преступления, несущее в себе информацию о нем. В криминалистической науке все следы совершенного преступления делятся на материальные и идеальные.

Если материальные следы преступления отображаются в физических объектах, то идеальные следы недоступны для непосредственного восприятия, например,

допрос свидетелей, потерпевших и других участников процесса, которые познаются посредством их материализации.

Научно-технический прогресс, развитие современных технологий, расширение возможностей судебных экспертиз способствует совершенствованию работы с материальными носителями. Работа же с идеальными следами вызывает больше затруднений.

В силу того, что с момента совершения преступления зачастую проходит время, а порой и десятки лет, возникают проблемы, связанные с тем, что свидетелям преступления свойственно забывать обстоятельства его совершения.

При расследовании уголовных дел показания, получаемые при допросе различных участников уголовного судопроизводства, как правило, составляют основную часть доказательств по уголовному делу, а иногда являются единственным видом доказательств.

Среди разработок российских и зарубежных ученых имеется большое количество психологических методов активизации памяти свидетелей и потерпевших. Но наиболее подходящим для следственной практики, в том числе для использования непосредственно самим следователем без привлечения специалистов являются возможности метода когнитивного интервью.

Когнитивное интервью (от англ. cognitive interview) – метод активизации памяти очевидцев преступления, использующий систему специальных приемов, базирующихся на достижениях когнитивной психологии. Согласно В.А. Образцову (2002), когнитивное интервью – это метод получения достоверной, исчерпывающей личностной (субъективной) информации от потерпевших и свидетелей преступления о признаках внешности, поведении преступника (преступников) и обстоятельствах содеянного им (ими) на основе реализации системы приемов, базирующихся на достижениях когнитивной психологии.

Проблема исследования. В настоящее время данная проблема разработана и метод когнитивного интервью активно применяется в США, но в то же время недостаточно изучена отечественной наукой и широко не внедрена в практику. Проблема заключается и в том, что с данной методикой не знакомы и не применяют на практике сами сотрудники органов предварительного следствия и дознания, то есть следователи и оперативники.

Таким образом, в нашей работе мы хотим проанализировать метод применения когнитивного интервью при расследовании преступлений, в том числе особенности его применения с различными участниками судебного производства, а также с помощью эксперимента доказать его эффективность.

Эксперимент. Нами проведен эксперимент, в ходе которого мы сравнили результаты трех групп. Первой группе мы провели полицейский допрос, вторую группу допросили с использованием когнитивного интервью, с третьей группой провели когнитивное интервью после полицейского допроса.

Результаты группы, участникам которой проведено когнитивное интервью лучше на 34 %, чем результаты группы участников, которым был проведен полицейский допрос.

Участники группы, которой после полицейского допроса было проведено когнитивное интервью, превзошли свои результаты, полученные после полицейского допроса на 54 %, а по сравнению с группой, которой было проведено лишь когнитивное интервью, их результаты оказались выше на 15%.

По результатам опознания установлено, что в обеих группах, которым проведены были полицейский допрос и когнитивное интервью верно опознали мужчину 4 участника исследования. Таким образом, результаты опознания в экспериментальной и контрольной группах аналогичны.

9 участников исследования, которым было проведено когнитивное интервью после полицейского допроса, опознали мужчину верно, 4 из них изменили свой выбор в пользу верного, а 1 участник исследования выбрал верный вариант после отсутствия возможности его сделать

Для оценки результатов эксперимента мы использовали критерий Пирсона, который дает возможность проверить гипотезы об эффективности использования метода когнитивного интервью. В результате проведенного нами эксперимента установлено, что результаты метода когнитивного интервью превосходят метод полицейского допроса. Кроме того, в ходе эксперимента установлено, что результаты применения метода когнитивного интервью выше, если данный метод использовать после полицейского допроса.

Литература

1. Образцов В.А. Криминалистическая психология. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2002. 221 с.

Специфика нарушений пищевого поведения как нехимической аддикции, клиничко-психологические аспекты расстройств пищевого поведения

Сборщик А.О.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Современное общество оказывает огромное влияние на человека как субъекта и объекта социальной ситуации развития. В этом процессе немало факторов, которые негативно сказываются на его жизнедеятельности, вызывая изменения в психике и поведении. Особенно опасным воздействием становится нарушение пищевого поведения, которое является следствием всех этих негативных факторов. Оно мешает гармоничному и эффективному развитию личности на всех этапах возрастного развития, являясь препятствием для достижения полноценной самореализации

(Былим Т.А., 2014).

Нынешние представления о нарушениях пищевого поведения включают в себя биопсихосоциальный подход, учитывающий наследственные, биологические, психологические, семейные и социокультурные факторы.

Воздействие всех этих факторов на отношение к питанию способствует возникновению разнообразных расстройств и нарушений в сфере питания. Необходимо отметить, что генетические предпосылки и семейная история, взаимодействуя между собой, могут подорвать эмоциональное равновесие и чувство собственного достоинства у женщин.

Также можно отметить следующие факторы: нарушение взаимоотношений между матерью и ребенком в раннем детском возрасте, использование неподходящих методов питания для ребенка в раннем детском возрасте, стрессовые ситуации, личностные проблемы, семейные конфликты, проблемы в общении с другими людьми (Леонова Е.Н., 2017).

Факторы, приведенные выше, оказывают влияние на пищевое поведение, тем самым формируя привычки в еде. По мнению Р.В. Овчаровой, пищевые привычки представляют собой сложный механизм, сформированный в процессе развития человека, который характеризуется высокой степенью прочности и автоматизации. Эти привычки могут быть укоренены в нашем поведении настолько глубоко, что мы выполняем их практически бессознательно, как автоматические реакции на различные ситуации (Овчарова Р.В., 2017).

Нарушения пищевого поведения, такие как анорексия, булимия и пищевая зависимость, представляют собой сложную проблему, которую можно сравнить с нехимической аддикцией. Пищевая зависимость может быть вызвана потребностью в определенных продуктах питания или неконтролируемым, патологическим влечением к пище.

Одним из заметных аспектов нарушений пищевого поведения является потеря контроля над пищевыми привычками и поеданием пищи, что ведет к нездоровому образу жизни и негативному влиянию на физическое и психическое здоровье.

Нарушения пищевого поведения также сопровождаются специфическими физиологическими и психологическими реакциями. Неразумные желания и потребность в определенных продуктах питания часто выходят за пределы разумного контроля. Пищевая зависимость может привести к избыточному потреблению пищи, даже если физическая необходимость отсутствует. Кроме того, помимо переедания из-за эмоциональных причин, нередко пациенты обращаются за помощью, даже если строго следили за диетой, испытывая при этом чувство вины и угрызения совести из-за постоянных нарушений и переяданий (Сычева Т.Ю., 2020).

Сравнение нарушений пищевого поведения с нехимической аддикцией имеет свои основания. Неконтролируемое поедание пищи и нездоровые отношения к ней могут привести к сильной зависимости и тяжелым последствиям для здоровья. Кроме того, как и в случае с химическими аддикциями, борьба с нарушениями пищевого поведения требует комплексного подхода, включающего медицинскую,

психологическую и диетологическую помощь.

Однако, важно отметить, что в отличие от химической зависимости, нарушения пищевого поведения могут быть вызваны широким спектром факторов, включая психологические, социокультурные и генетические. В итоге, специфика нарушений пищевого поведения как нехимической аддикции заключается в их сложности и многообразии причин. Поэтому успешное лечение и преодоление этих нарушений требует индивидуального подхода и глубокого понимания причин и корневых проблем, лежащих в их основе.

Литература

1. Былим Т.А. Развитие личности с нарушением пищевого поведения // Акмеология. 2014. No 4. С. 35–39.
2. Клинико-психологические особенности лиц с нарушениями пищевого поведения / Т.Ю. Сычева [и др.] // Безопасность человека в экстремальных климато-экологических и социальных условиях: материалы XI международной научно-практической конференции (Новосибирск, 5–8 мая 2020 г.) / Под научной редакцией М.Г. Чухровой. Новосибирск: АНО ДПО «СИППИИСПР», 2020. С. 159–165. doi: 10.38163/978-5-6043858-6-9_2020_159.
3. Леонова Е.Н. Социально-психологические типы пищевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Том 27. No 2. С. 174–181.
4. Овчарова Р.В. Психологические особенности женщин с нарушениями пищевого поведения // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психология и медицина. 2016. No 2(41). С. 91–97.

Повышение эффективности использования результатов исследования с применением полиграфа

Свободный Ф.К.

ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева» (г. Москва, Россия)

Производство исследований с применением полиграфа (ИПП) уже прочно вошло в практику методов расследования преступлений (Свободный Б.Ф., 2024), но по-прежнему остается полем дискуссионной проблематики.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации по непризнанию психофизиологических исследований доказательствами (Обзор Верховного Суда России, 2013) заставляет воспринимать результаты ИПП только в качестве ориентирующей следствия информации (Белых-Силаев Д.В., 2019) и искать способы повышения эффективности применения результатов ИПП в практике расследования уголовных дел.

С целью определения путей повышения эффективности использования результатов ИПП в следственной деятельности нами было проведено анкетирование следователей, проходящих повышение квалификации в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

В результате анкетирования выяснилось, что результаты ИПП могут способствовать формированию новой следственной версии, помогают найти новые доказательства, а в отдельных случаях – «разговорить» допрашиваемого и даже получить признательные показания.

Действенным направлением повышения эффективности использования результатов ИПП является оптимизация взаимодействия следователя и специалиста, производящего ИПП. Так, по мнению следователей, эффективным способом, в рамках указанного направления, является допрос специалиста в целях разъяснения результатов ИПП и придания им процессуального статуса. Другим способом повышения эффективности использования результатов ИПП респонденты считают допрос испытуемого с акцентированием внимания на такие детали преступления, на которые были «получены реакции на полиграфе».

Также следователи считают достаточно целесообразным такой способ взаимодействия, при котором специалист оперативно озвучивает следователю результаты ИПП сразу после его завершения.

В качестве одного из действенных способов повышения эффективности использования результатов ИПП опрошенные следователи отмечают допрос испытуемого с привлечением специалиста, проводившего ИПП, с целью усиления правомерного психологического воздействия на допрашиваемого, дающего ложные показания.

Литература

1. Белых-Силаев Д.В., Свободный Ф.К. Эффективность полиграфа в расследовании преступлений: мнение следователей // Юридическая психология. 2019. № 3. С. 35–39.
2. Кассационная практика Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года [электронный ресурс]: обзор Верховного Суда России от 03 апреля 2013 г. // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70257680/> (Дата обращения: 14.09.2024).
3. Свободный Б.Ф. Выявление обстоятельств получения лицом первой информации о преступлении экстремистской и террористической направленности при помощи исследования с использованием полиграфа // Актуальные вопросы профилактики и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности: материалы Международной научно-практической конференции: Екатеринбург, 9 ноября

2023 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 143–147.

Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: основы методологии

Секераж Т.Н.

ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова Министерства юстиции Российской Федерации»

(г. Москва, Россия)

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Становление нового направления, нового рода (вида) судебной психологической экспертизы, имеющей дело с исследованием материалов публичной и непубличной коммуникации (так называемых информационных материалов), было связано с естественным процессом дифференциации психологических знаний и одновременной их интеграцией со знаниями других дисциплин, прикладных отраслей различных наук. Новое направление заняло свое место в системе судебных наук, в общей классификации судебной экспертизы. Сравнение объекта, предмета, задач и методов традиционной судебной психологической экспертизы (проводимой в отношении живых лиц и посмертной экспертизы) и судебной психологической экспертизы информационных материалов позволяет рассматривать их как родовые в рамках подкласса «Судебная психологическая экспертиза» в системе класса «Судебные медицинские и психологические экспертизы». Будучи методологически тесно связанным с судебной психологической экспертизой, новое направление имеет общий объект исследования и широкую междисциплинарную предметную область с судебной лингвистической экспертизой. Общий объект исследования – информационный материал – может представлять собой коммуникационный инструмент, а может отражать коммуникацию (действия и поведение людей, их взаимодействие – речевое (вербальное) и/или неречевое (невербальное)) – либо фиксировать коммуникацию. В первом случае информационный материал может представлять собой вещественное доказательство, в иных являться документом как видом доказательств, быть источником сведений о содержании и направленности требующих правовой оценки речевых и коммуникативных действий людей. В этом заключается процессуальная сущность информационных материалов как объектов исследования и экспертизы – сегодня уже не только психологической и лингвистической, но и политологической, религиоведческой и др. В целом междисциплинарные связи психологической экспертизы информационных материалов, а также ее взаимодействие с различными отраслями знаний в области психологической науки довольно обширны.

Методологической основой психологической экспертизы информационных материалов является методология судебной экспертологии, общая методология СПЭ как подкласса судебной экспертизы, а также методологические подходы и принципы, обусловленные особенностями объектов исследования и решаемых экспертных задач. Наряду с общенаучным (системно-структурным анализом) и частными методическими подходами (дискурсивным, коммуникативным, феноменологическим, герменевтическим и мотивационно-целевым видами анализа) при судебно-экспертном психологическом исследовании ИМ должны соблюдаться методологические принципы критериально-ориентированного мотивационно-целевого анализа и экспертные методики решения типовых задач. При психологическом исследовании информационных материалов разработка методологических принципов базируется на системно-структурном подходе, деятельностном подходе к исследованию общения и коммуникативного взаимодействия между людьми, феноменологическом и герменевтическом подходах и др. В условиях стремительного развития информационных технологий, опосредствующих общение, методы психологического исследования должны соответствовать общим правовым и научным требованиям законности, научности, объективности, валидности, надежности. Они должны быть адекватны современным средствам социальной коммуникации и информационно-коммуникативной и социальной среде общения, а также культурно-историческим реалиям.

Еще одной важной методологической проблемой является унификация языка судебного эксперта, который, с одной стороны, должен быть научным, а с другой – понятным участникам судопроизводства (главным образом – правоприменителю для возможности правильного восприятия доказательственного значения установленных экспертом фактов). К числу базовых категорий языка судебной экспертизы относятся общие термины и экспертные понятия, унификация и стандартизация которых включены в процесс повышения достоверности и качества заключения эксперта. Стандартизация судебно-экспертной деятельности сегодня представляет один из основных трендов развития доказательных исследований. В настоящее время наиболее актуальной задачей является разработка государственного стандарта «Судебная психологическая экспертиза информационных материалов. Термины и определения», термины которого нами разработаны и предлагаются для обсуждения.

Обоснование и содержание программы психологической профилактики криминального поведения

Смирнова С.В.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский университет» Минздрава
России (г. Иваново, Россия)

При организации профилактических мероприятий криминального поведения необходимо выделить значимые психосоциальные проблемы, которые должны быть личностно-ориентированными. Психологическая структура каждого человека уникальна и имеет свои сильные и слабые стороны. Слабые стороны обнаруживают себя, когда человек попадает в трудную жизненную ситуацию. Трудные жизненные ситуации у каждого свои, они имеют тенденцию время от времени повторяться до тех пор, пока человек сам не решит перестать переживать одну и ту же периодически повторяющуюся проблему и он начинает действовать – работать над собой или обращается за помощью к специалисту.

Основные реабилитационные «мишени»: несформированность «Я» со слабостью внутреннего контроля, импульсивностью поведения; низкий порог эмоционального реагирования с внутренним напряжением, тревогой, облегченным включением конфликтных психологических переживаний; ограниченный и стереотипный набор реакций на любую фрустрацию или конфликт; поведенческие нарушения.

С целью профилактики криминального поведения в психологической практике используются: когнитивное переконструирование, коррекция эмоциональных состояний. Агрессивное поведение сопровождается широким кругом негативных эмоций, особенно тревогой, страхом и агрессией. Существует два способа коррекции негативных эмоциональных состояний: уменьшение их силы (по методике систематической десенсибилизации) и выработка альтернативных реакций (в форме тренинга релаксации или уверенности). Методы саморегуляции – важная «мишень» психологического воздействия. Наиболее распространенным методом является тренинг релаксации. Упомянем также метод формирования стратегии самоконтроля – ему предшествует обучение самонаблюдению за собственным поведением, постановке личных целей, в планировании постепенных шагов к цели, в нахождении значимых подкреплений позитивного поведения. После развития навыков самонаблюдения переходят к формированию самоконтроля.

Методы формирования позитивного поведения – наиболее эффективным методом формирования желательного поведения является подкрепление. Позитивное подкрепление – главный метод изменения поведения.

Тренинг ассертивности имеет наибольшее значение при проведении репетиции поведения. Данный тренинг основан на выделении трех видов поведения: неассертивное, или заторможенное, поведение, при котором люди жертвуют своими интересами; агрессивное поведение, при котором люди «усиливаются» за счет других; ассертивное поведение, при котором выигрывают обе взаимодействующие стороны.

Психологическая помощь лицам с криминальным поведением – совокупность социально-профилактических, психокоррекционных и реабилитационных мер. Она должна быть обращена к механизмам психологической защиты, повышению форм позитивной личностной активности, к различным формам социально-психологической поддержки и направлена на формирование навыков разрешений

конфликтов неагрессивным путем, на расширение адаптивных возможностей личности.

В процессе психологического сопровождения групп риска, склонных к проявлению криминально - агрессивных действий, мы использовали типичные модели поведения личности в конфликте: конструктивную, деструктивную, конформистскую.

Определим направления психологического воздействия – индивидуальное и групповое воздействие; интеллектуальное воздействие, основанное на законах логики, с использованием важной для решения проблем информации; эмоциональное воздействие с применением техник эмоциональной поддержки, сочувствия, сопереживания, соучастия в психологических проблемах другого человека.

Литература

1. Смирнова С.В. Социально-психологические и личностные детерминанты, предрасполагающие к криминальной агрессивности в молодежной среде // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2005. Том 11. № 10. С. 64–66.

Всегда ли суд соглашается с судебнопсихологическим экспертным определением аффекта

Солдатова К.М.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Анализ показывает, что в последние 8 лет при квалификации аффективных преступлений суды первой инстанции практически всегда назначают КСППЭ или СПЭ (Сафуанов Ф.С., Исаева И.В., 2015). Однако привлечение психологов в судопроизводство в качестве экспертов не всегда влечет за собой эффективное взаимодействие. Судебная экспертиза назначается лицу, обладающему специальными знаниями, а оценивать заключение эксперта приходится лицу (следователю, прокурору, судье), не обладающему этими знаниями. Особенно значимой данная проблема выступает при экспертизе аффекта (Сафуанов Ф.С., 2011).

Нами проанализировано 1572 приговора по аффективным преступлениям, из них в 38 случаях суд не согласился с экспертными выводами о нахождении подсудимого в состоянии аффекта и квалифицировал деяние как умышленное и целенаправленное. Выделены следующие факторы таких решений:

- 1) подробное и последовательное изложение обвиняемым в явке с повинной обстоятельств преступления,
- 2) состояние алкогольного опьянения у обвиняемого в момент совершения правонарушения,

3) взаимно-конфликтная коммуникация между потерпевшим и обвиняемым перед правонарушением,

4) жизненно важные органы в качестве областей насильственного воздействия обвиняемого,

5) использование орудия, имеющего высокую поражающую способность\ способного нанести значительный ущерб человеку,

6) многократность насильственных воздействий,

7) выводы судебно-психиатрической экспертизы осужденного о том, что он был способен осознавать фактический характер своих действий и руководить ими.

Помимо вышеуказанного, в рассматриваемых приговорах обнаруживается преобладание ссылок правоприменителя на отсутствие аморального, противоправного поведения со стороны потерпевшего, а ровно и созданной им предшествующей психотравмирующей ситуации. В таких случаях, обычно, суд определяет правонарушение, как совершенное на почве «неприятных отношений».

Исследование позволяет выделить категорию решений, исключающих сильное душевное волнение за счет интерпретации причин правонарушения судом как детерминированных исключительно субъективным восприятием осужденного. Такие приговоры включали в себя, с одной стороны, описание индивидуально-психологических особенностей осужденного, обуславливающих его повышенную уязвимость к психотравмирующим воздействиям или способствующих кумуляции напряжения, а с другой – отсутствие в материалах дела доказательств проявлений открытой агрессии или эпизодов применения физического насилия со стороны потерпевших в адрес осужденных. Экспертно-психологические формулировки про присущие осужденному эмоционально-личностные черты и их вклад в переживание событий как острофрустрирующих противопоставлялись судом «объективно» возникающему аффекту. Такое прочтение экспертных выводов не только работает вопреки идее дифференцированного подхода к феноменам «издевательства», или «психотравмирующего воздействия», обладающих высокой степенью индивидуализированности в зависимости от личности индивида, но и преувеличивает ответственность осужденного за содеянное вследствие его «дисфункциональных» характерологических особенностей. Частным случаем описанной выше категории служат прецеденты, при которых суд трактует формулировку об «истощении личностных ресурсов адекватного реагирования» как изолированную почву развития экспертного аффекта.

Литература

1. Сафуанов Ф.С., Исаева И.В. Анализ решений верховных судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы // Российский судья. 2015. № 12. С. 37–40.
2. Сафуанов Ф.С. Определение аффекта у обвиняемого: проблемы правоприменительной практики и судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология. 2011. № 1. С. 11–14.

Психология тактики допроса

Тимофеева С.Е., Смирнова А.О., Батраков А.В.

ФГБОУ ВО «Сибирский Государственный Университет путей сообщения»
(г. Новосибирск, Россия)

Одним из важнейших следственных действий, от которого зависит быстрое и полное раскрытие преступлений является допрос. Допрос – это общение следователя с допрашиваемым, во время которого осуществляется регулируемое в рамках закона воздействие на мыслительную, эмоциональную и волевую сферу последнего с помощью психологических методов в целях получения от него полной и правильной информации об интересующих следствие событиях и фактах.

Психологические закономерности человеческого общения в процессе допроса имеют свои специфические черты. Допрос с самого начала предполагает неравенство в обмене информацией. Со стороны следователя она всегда предельно лимитирована. Чёткая регламентация допроса, его объёма, количества, качества, последовательности передачи информации следователем является неременным условием его эффективного проведения.

Одним из основных помощников следователя при проведении допроса является понимание психологии допрашиваемого. В связи с этим проблема использования психологических знаний следователями в целях повышения эффективности допроса актуализируется, на чем акцентируют внимание большинство ученых. Например, А.М. Буравцова считает, что «проведение допроса требует от следователя знаний положений психологии, что позволяет ему разобраться в поведении обвиняемого и подозреваемого, то есть лиц, могущих скрыть или скрывающих правду; выбрать тактические приёмы, которые помогут установить цели и мотивы преступления, устранить факторы, мешающие допрашиваемому рассказать правду; определить оптимальную линию поведения по отношению к допрашиваемому» (Буравцова А.М., 2023).

При допросах, благодаря грамотному пониманию психологии можно выявить достоверную информацию о совершенном деянии. Психология допроса – это область, сочетающая в себе знания о человеческом поведении, вербальной и невербальной коммуникации, а также принципы этики и правоповедения. Она направлена на максимально эффективное получение достоверной информации от человека, находящегося в ситуации допроса.

Стоит отметить, что психология допроса не всегда сможет «вытащить» правду из любого человека, а во многом эффективность допроса зависит от определенных факторов, включая опыт и профессионализм следователя или дознавателя, психологическое состояние допрашиваемого и т.д. (Александров И.В., 2016). Применение психологии допроса требует глубоких знаний, практических навыков и постоянного самосовершенствования.

Один из самых распространенных эмоциональных состояний перед допросом – страх. Подозреваемые могут опасаться за свою судьбу, возможные наказания и

последствия своих слов. Страх и тревога могут привести к учащенному дыханию, потливости, дрожи, а также к закрытой и оборонительной позе. Субъект может избегать зрительного контакта, говорить тихо или, наоборот, быть чрезмерно агрессивным в попытке защитить себя. Страх может заставить человека лгать или преувеличивать, чтобы избежать негативных последствий.

Психические состояния подозреваемых и обвиняемых могут оказывать значительное влияние на их поведение на допросе. Понимание этих состояний позволяет следователю подходить к допросу более внимательным и чутким образом. Это не только увеличивает шансы получить правдивую информацию, но и помогает избегать нарушения прав подозреваемых, что имеет особое значение для обеспечения справедливости и легитимности правосудия.

Литература

1. Александров И.В. Криминалистическая тактика: учебник для среднего профессионального образования. М.: Юрайт. 2024. 313 с.
2. Буравцова А.М., Буравцов М.Н. Психологические аспекты допроса // Юный ученый. 2023. №3(66). С. 67–72.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: надежная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=m30vfcmrwb564067060 (дата обращения: 03.11.2024).

Индивидуально-психологические факторы социальной дезадаптации и криминализации у лиц, употребляющих ПАВ

Толмачева В.А., Киселева М.Г.

ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова» Минздрава России (Сеченовский Университет), Психиатрическая клиника № 1 имени Н. А. Алексеева
(г. Москва, Россия)

Употребление психоактивных веществ (ПАВ) является серьезной проблемой, охватывающей как медицинские, так и социальные аспекты. Оно не только приводит к нарушению физического и психического здоровья индивида, но и способствует развитию социальной дезадаптации, а в ряде случаев – криминализации. Основными психологическими детерминантами, которые способствуют формированию девиантного поведения у таких лиц, являются следующие:

1. Личностные диспозиции и предрасположенность к девиантному поведению. Личностные особенности, такие как импульсивность и эмоциональная нестабильность увеличивают склонность к девиантному поведению у людей, употребляющих ПАВ.

2. Самооценка и когнитивные искажения. Низкая самооценка и когнитивные искажения усиливают чувство беспомощности. Зависимость от ПАВ становится способом избегания негативных эмоций, что увеличивает социальную дезадаптацию.

3. Психосоциальные аспекты. Неблагоприятные социальные условия, такие как дисфункциональные семьи, способствуют формированию девиантного поведения. Зависимость часто развивается в среде, где девиантное поведение становится нормой, что снижает адаптацию и усиливает криминализацию.

4. Психотравмы и зависимость. Травматический опыт, такой как насилие или утрата близкого человека, часто вызывает расстройства аффективной сферы и способствует развитию посттравматического стрессового расстройства (Соловьева И. Г., 2021).

5. Нарушение морально-нравственных ориентиров. Лица, употребляющие ПАВ, нередко застревают на более низких уровнях морального развития, где доминирует ориентация на избегание наказания или получение выгоды (Булыгина В. Г., 2018).

6. Психические расстройства. У таких лиц наблюдается повышенная уязвимость к социальным стрессорам, что еще больше усугубляет их социальную дезадаптацию. Коморбидность (депрессия и тревожные расстройства) затрудняет эффективную социализацию и способность справляться с повседневными жизненными вызовами, что делает этих людей склонными к девиантному и криминальному поведению.

7. Дефицит саморегуляции. Люди, злоупотребляющие ПАВ, не способны адекватно управлять своими эмоциями и эффективно взаимодействовать с другими людьми, что способствует возникновению конфликтов и социальной изоляции. Неспособность к эффективной саморегуляции усиливает процесс социальной дезадаптации (Скородько Ю. В., 2023).

Заключение. Индивидуально-психологические факторы социальной дезадаптации и криминализации у лиц, употребляющих ПАВ, включают широкий спектр психологических и социальных факторов. Личностные диспозиции, травматический опыт, когнитивные искажения, а также влияние социальной среды формируют устойчивые девиантные модели поведения, которые приводят к социальной изоляции и вовлечению в криминальную деятельность. Эффективное вмешательство должно учитывать комплексный характер этих факторов и направляться на психологическую поддержку, реабилитацию и ресоциализацию зависимых лиц.

Литература

1. Индивидуально-психологические факторы социальной дезадаптации и криминализации у лиц с доклиническим и клиническим уровнем психических расстройств / В.Г. Булыгина [и др.] // Психическое здоровье. – 2018. Том 16. No 12. С. 17–23. doi: 10.25557/2074-014X.2018.12.17-23.

2. Индивидуально-типологические особенности лиц юношеского возраста, употребляющих синтетические наркотики / И.Г. Соловьева [и др.] // Развитие человека в современном мире. 2021. No 1. С. 43–54.
3. Скородько Ю.В. Психологические особенности саморегуляции лиц, употребляющих ПАВ // Неделя науки–2023: [научная студенческая конференция]. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 2023. С. 393–396.

Опосредующая роль диссоциации при травматических переживаниях как фактор суицидального поведения

Труевцев Д.В., Сагалакова О.А., Жирнова О.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

При финансовой поддержке РНФ (№ 24-28-01847)

Диссоциация признается фактором суицидального поведения (СП) в контексте способности снижать чувствительность к физической боли и телесным ощущениям. При диссоциативных симптомах (ДС) сообщается о более высоких показателях попыток самоубийства и несуйцидального самоповреждения. Диссоциация может служить механизмом преодоления травмы, но представляет риск, позволяя действовать в соответствии с суицидальными мыслями (СМ) с пониженным осознанием наносимого телесного вреда.

В исследовании (Herzog S. et al., 2020) оценивались ДС в национальной репрезентативной выборке ветеранов вооруженных сил США, подвергшихся травмам, независимо от диагностического статуса ПТСР, что позволило оценить распространенность ДС в популяции ветеранов, а не только среди тех, кто имеет диагноз ПТСР. Для оценки ДС использовались два пункта из версии Клинической шкалы ПТСР для DSM-5 (CAPS-5): 1) деперсонализация: «Ощущение, будто вы отделены от себя, наблюдаете за собой или своими мыслями и чувствами, как если бы вы были другим человеком» и 2) дереализация: «Ощущение, что происходящее вокруг вас кажется нереальным или очень странным и незнакомым». Участников просили подумать о наиболее стрессовом опыте и оценить, насколько их беспокоили эти проблемы в течение месяца. Оценка производилась по шкале от 0 (совсем нет) до 4 (чрезвычайно сильно). Текущие СМ оценивались с помощью пункта опросника РНQ-9: «Мысли о том, что вам было бы лучше умереть, или о том, чтобы причинить себе какой-нибудь вред». История СП оценивалась с помощью вопроса: «Пытались ли вы когда-нибудь покончить с собой?» (ответ «Да/Нет»).

20,8% опрошенных сообщили, что их беспокоят ДС в виде дереализации и деперсонализации, что в 2 раза больше, чем в репрезентативных выборках ветеранов в США. Ветераны с ДС были моложе, не состояли в браке, имели более низкий

уровень образования и дохода, чаще участвовали в боевых действиях и использовали службу по делам ветеранов как источник медицинской помощи, имели сопутствующие психические расстройства, более низкий уровень качества жизни, в 5 раз более высокий риск СМ и в 4 раза более высокую вероятность попыток самоубийства.

Возможно, ДС и СП служат механизмом преодоления нарушения регуляции эмоций и существуют в континууме избегания переживаний (тенденция отстраняться от мыслей, воспоминаний, эмоций и телесных ощущений как способа саморегуляции). Трудности с концентрацией внимания и памятью у ветеранов с ДС согласуются с этим объяснением.

ДС наблюдаются и после острых травматических событий – в виде перитравматической диссоциации, регистрирующейся у переживающих угрозу жизни, что актуально при рассмотрении военной подготовки. Для солдат, совершивших попытку суицида, характерны высокие уровни ДС и аутоагрессии.

В 2020 году проведено исследование (Cooper S.A. et al., 2020), направленное на анализ связи между симптомами ПТСР и риском смерти в результате СП среди выборки ветеранов. Проанализированы данные, собранные в системе здравоохранения Министерства по делам ветеранов США (1552581 ветерана, которые прошли скрининг PC-PTSD, не имели диагностированного ПТСР за год до процедуры, в течение 3 лет отслеживались случаи смертности от СП). PC-PTSD – скрининговый тест, состоящий из 4 вопросов о симптомах ПТСР: 1. повторяющиеся навязчивые воспоминания или кошмары; 2. избегание ситуаций, напоминающих о травме; 3. настороженность; 4. чувство оцепенения или отстраненности (диссоциация).

Положительный результат скрининга PC-PTSD был связан с увеличением риска смерти в результате суицида. Такие ветераны имели на 58% выше риск суицида, сохранявшийся через год после тестирования. Ветераны с ДС имели на 70% выше риск суицида в течение первого дня после тестирования. ДС воплощают переживание социальной отстраненности, что, согласно интерперсональной теории суицида, выступает фактором риска.

Литература

1. Association Between Positive Results on the Primary Care–Posttraumatic Stress Disorder Screen and Suicide Mortality Among US Veterans / Cooper S.A. [et al.] // JAMA Network Open. 2020. Vol. 3. No. 9. Article ID e2015707. 13 p. doi: 0.1001/jamanetworkopen.2020.15707.
2. Dissociative Symptoms in a Nationally Representative Sample of Trauma-Exposed U.S. Military Veterans: Prevalence, Comorbidities, and Suicidality / S. Herzog [et al.] // Journal of Affective Disorders. 2020. Vol. 272. P. 138–145. doi: 10.1016/j.jad.2020.03.177.

Психосемантическое исследование представлений об опасном человеке у молодых людей

Тихонова С.С., Васильева И.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Человек, будучи открытой системой, нуждается в постоянном взаимодействии с окружающим миром, что увеличивает риск возникновения опасных ситуаций (Буренкова Е. В., 2021). Представления человека об опасности являются динамическим образованием психики и развиваются по мере познания мира, участия индивидуума в различных видах деятельности, его включения в различные социальные группы. Опасность окружающего мира и ее оценка – серьезная задача, способствующая организации личностной деятельности человека. Изучение представлений об опасном человеке у молодых людей позволит выявить содержание обыденного сознания относительно данного феномена (Бовина И.Б. и др., 2022) и в дальнейшем разработать ряд эффективных просветительских мероприятий, направленных против вовлечения молодых людей в потенциально опасные виды активностей.

Было проведено исследование представлений об опасном человеке среди молодежи, обучающейся в школах и вузах. В опросе приняли участие 67 человек (51 девушка, 16 юношей). Возраст: от 12 до 22 лет ($M=18$, $SD=2,1$). Метод сбора данных: метод свободных ассоциаций. Респондентам предлагали дать ассоциации на словосочетание «опасный человек»: по 3 прилагательных, существительных и глаголов. В результате опроса был получен список из 603 слов, который обработан частотным анализом. Далее отбирались группы ассоциаций не менее 6 слов (1% от всех ассоциаций), остальные не были включены в содержательный анализ.

Далее формировались группы ассоциаций, которые объединялись в укрупненные группы по смысловой близости. Были получены 8 укрупненных групп: преступные роли опасного человека: маньяк, преступник, убийца, алкоголик, насильник (97 семантических единиц); характеристики опасного человека: злой, опасный, агрессивный, непредсказуемый, угрожающий (67); действия опасного человека: бежит, бьет, вредит, кричит, прячется, нападает (63); эмоции, которые вызывает опасный человек: страх, ужас, испуг, боязнь, неприязнь (46); психические нарушения опасного человека: псих, социопат, невменяемый, неадекватный, поехавший, больной, сумасшедший, безумец (23); пол опасного человека: мужчина (13); предметы опасного человека: нож, пистолет, оружие (9); физические габариты опасного человека: большой, амбал, возвышающийся, высокий, крупный (8).

Результаты указывают на то, что молодые люди чаще всего распознают опасного человека по внешним элементам его поведения и характеристикам. Испытуемые чувствуют неприязнь и страх по отношению к опасному человеку, даже если он не контактирует с ними напрямую. Респонденты также описывают

ассоциации, связанные с непосредственным причинением им вреда (бьет, вредит, нападает). Возможно, молодые люди в соответствии со своей картиной мира выстраивают нежелательные варианты развития событий и учитывают также худшие исходы, которых стараются избегать при виде «опасного человека». Мужчины представляются намного более опасными, чем женщины.

Перспективы исследования: возможно дальнейшее развитие исследования и уточнение специфики представлений об опасном человеке у молодых людей разных возрастов и направлений образования. Это позволит проводить более точную просветительскую работу, направленную на предупреждение виктимности молодежи.

Литература

1. Буренкова Е.В. Представления современных подростков об опасности [Электронный ресурс] // Сборник научных трудов XI Всероссийской научной конференции «Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков» (Сочи, 1–2 октября 2021 г.): сборник трудов конференции. М.: Мир науки, 2021. С. 14 – 20. URL: <https://izd-mn.com/PDF/50MNNPK21.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
2. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны / И.Б. Бовина [и др.] // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. No 3. С. 8–25. doi: 10.17759/sps.2022130302.

Особенности эмоционального интеллекта у лиц с шизотипическим и пограничным расстройствами личности

Туйчиева М.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Значимость изучения психологических особенностей пациентов с шизотипическим (ШТРЛ) и пограничным (ПРЛ) расстройствами личности обуславливается повышенным риском самоповреждающего, суицидального и агрессивного поведения, коморбидностью с различными видами зависимостей и нарушениями социальной, учебной и трудовой адаптации у данных пациентов. Так, нам представляется особенно важным изучение тех особенностей, которые могут влиять на указанные проблемы.

В нашем исследовании мы предположили, что у лиц с ШТРЛ и ПРЛ уровень эмоционального интеллекта (ЭИ) ниже, чем у условно-здоровых людей, при этом у лиц с ШТРЛ ниже уровень межличностного ЭИ, а у лиц с ПРЛ – внутриличностного ЭИ. Для определения уровня эмоционального интеллекта использовался опросник «ЭМИн» Д.В. Люсина (Никулина И.В., 2022).

Выборку эмпирического исследования составили 127 человек в возрасте от 18 до 50 лет (средний возраст – 25,73 лет). Из них респондентов мужского пола – 54 чел., женского – 73 чел. Респонденты набирались на базе ПКБ №4 им. П.Б. Ганнушкина и в сети интернет. Выборка была разделена на 3 группы: лица без установленных психических расстройств (75 чел.), лица с установленным пограничным расстройством личности (30 чел.), лица с установленным шизотипическим расстройством личности (22 чел.).

Критерий Краскела-Уоллиса показал, что и у лиц с ШТРЛ, и у лиц с ПРЛ значимо ниже уровни таких компонентов ЭИ, как понимание собственных эмоций, управление собственными эмоциями, внутриличностный ЭИ, понимание эмоций, управление эмоциями и общий уровень ЭИ, чем у условно-здоровых. Также у лиц с ШТРЛ (по сравнению с условно-здоровыми) значимо ниже уровни управления чужими эмоциями и межличностного ЭИ, а у лиц с ПРЛ значимо ниже уровень контроля экспрессии.

При этом не было выявлено статистически значимых различий между группами с ШТРЛ и с ПРЛ ни по одной из шкал опросника. Однако, можно отметить, что для лиц с ШТРЛ характерны низкие уровни межличностного ЭИ и управления чужими эмоциями, что не характерно для лиц с ПРЛ, а для лиц с ПРЛ характерно снижение контроля экспрессии, чего нет у лиц с ШТРЛ. Кроме того, на уровне тенденций было выявлено, что в группе лиц с ШТРЛ ниже результаты по всем шкалам, относящимся к межличностному ЭИ, а в группе лиц с ПРЛ – по всем шкалам, относящимся к внутриличностному ЭИ.

Мы предполагаем, что низкие уровни внутриличностного и межличностного ЭИ у лиц с ШТРЛ могут объясняться влиянием таких симптомов расстройства, как эмоциональная холодность и отрешенность, социальная отгороженность и социальная тревожность. Возможно, у таких пациентов отсутствует интерес к самопознанию, пониманию других людей и к управлению как собственными, так и чужими эмоциями. Также сниженная интенсивность собственных эмоций может затруднять процесс их понимания и осознания, а социальная тревожность может влиять как на понимание, так и на управление эмоциями других. Низкие уровни внутриличностного ЭИ у лиц с ПРЛ предположительно можно объяснить такими характерными для данного расстройства симптомами, как нарушения идентичности и нестабильность образа «Я» (что мешает процессу самопознания), а также эмоциональная нестабильность и импульсивность (которые затрудняют процессы эмоциональной саморегуляции).

При этом особенности ЭИ в свою очередь могут усугублять проявления данных расстройств личности и негативно влиять на социальную, учебную и трудовую адаптацию, на межличностные отношения, а также повышать риск самоповреждающего и суицидального поведения. Данные особенности могут стать мишенями для психотерапевтического и психокоррекционного воздействия при работе с такими пациентами.

Литература

1. Никулина И.В. Эмоциональный интеллект: инструменты развития: учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2022. 82 с.

Индивидуально-типологические особенности и психопатологическая симптоматика у подростков с разным типом криминальной зараженности

Федорова А.В.

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

(г. Сочи, Россия)

Возрастающее количество вовлеченных подростков в криминальную субкультуру привлекает внимание исследователей. Современные исследования криминальной зараженности показывают, что подростки являются группой, наиболее предрасположенной к влиянию тюремной субкультуры, которая предполагает некоторые значимые традиции, в том числе правила, нормы, идеологию, в той или иной степени противоречащих законопослушному обществу (Рябков А.М., 2022).

Известно, что более 60% преступников страдают различными психическими заболеваниями (Бакин А.А., 2009). То есть, психические расстройства затрудняют усвоение социальных норм, регулирующих поведение людей, усложняют получение какой-либо квалификации и образования, выполнение определенных социальных ролей.

Поэтому мы изучали связь между психопатологическими симптомами, индивидуально-типологическими особенностями подростков с разным уровнем, типом их криминальной зараженности.

Эмпирическая база исследования: обучающиеся 1 курса учреждения среднего профессионального образования (колледж), объем выборки N=31 чел., средний возраст 16,97, 9,7% муж., 90,3% жен.

Методики исследования: индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик; опросник криминальной зараженности несовершеннолетних (ОКЗН, А.М. Рябков); симптоматический опросник SCL-90-R (Symptom Check List-90-Revised) (Тарабрина Н.В., 2001; Derogatis, Savitz, 2000). Для статистической проверки гипотезы о наличии взаимосвязи индивидуально-типологических характеристик и психопатологической симптоматики подростков с разным уровнем криминальной зараженности применялись Хи-квадрат Пирсона, критерий U Манна-Уитни.

Результаты показали, что уровень значимости связи между когнитивной криминальной зараженностью и депрессией ($p=0,046$) и эмоциональной когнитивной зараженностью с паранойей ($p=0,035$) респондентов близок к подтверждению гипотезы о том, что эти два явления значимо связаны. Выявлена значимая связь между когнитивной криминальной зараженностью и межличностной сензитивностью ($p=0,010$), между поведенческой криминальной зараженностью и спонтанностью ($p=0,002$).

Респонденты с уровнем ниже среднего по эмоциональной криминальной зараженности имеют ригидность намного выше ($p=0,024$), с низким уровнем имеют значимо выше ($p=0,035$), экстраверсия существенно выше у тех, чей уровень выше среднего эмоционального компонента криминальной зараженности ($p=0,031$). Тревожность значительно выше у подростков с уровнем ниже среднего общей криминальной зараженности (17,95), чем у подростков с низким (8,75), тревожность значительно выше с уровнем ниже среднего когнитивной криминальной зараженности (15,61), чем с низким (9,68).

Таким образом, возможны взаимосвязи между психопатологическими симптомами, особенностями характера и криминальной зараженностью. Ограничением данного исследования была небольшая выборка. Для дальнейших исследований следует расширить выборку, чтобы, возможно, увидеть больше значимых различий и взаимосвязей.

В целях профилактики, предупреждения девиантных и делинквентных форм поведения среди подрастающего поколения необходимо проанализировать особенности психики подростков, а также совокупность причин, лежащих в основе их отклоняющегося поведения.

Литература

1. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин. М.: Наука, 1987. 206 с.
2. Бакин А.А. Когнитивное звено в преступном поведении лиц, склонных к криминальному насилию // Российский следователь. 2009. № 14. С. 28–31.
3. Рябков А.М., Степанова Е.С., Муслумов Р.Р. Разработка и апробация методики оценки криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Прикладная юридическая психология. 2022. № 2(59). С. 77–86. doi: 10.33463/2072- 8336.2022.2(59).077-086.

К вопросу о личностных особенностях шоплифтеров

Шаронина В.В., Бусарова О.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Шоплифтинг является одной из разновидностей девиантного поведения – воровства. В основном он проявляется как магазинные кражи – бесконфликтное (тайное) хищение товаров из объектов розничной торговли. Шоплифтинг имеет широкое распространение. В России продавцы потеряли за 2020 год 1,21 % выручки (Мосина О.А., Матайс М.И., 2023а). По данным О.А.Мосиной и М.И. Матайс, опросивших 840 младших подростков в г. Краснодаре, на вопрос: «Вы когда-нибудь воровали в супермаркете?» положительно ответили 95,4 % респондентов (Мосина О.А., Матайс М.И., 2023б). При этом термин «шоплифтинг» почти не представлен в

отечественной криминологической, социологической и юридической литературе (Молчанов А.А., 2023).

Результаты проведенного нами пилотажного исследования (выборку составили 36 несовершеннолетних) показывают, что в экономически благополучных регионах основной мотив при совершении краж – азарт, в менее благополучных – нехватка денег на насущные нужды. Но многое зависит и от личностных характеристик человека (Шаронина В.В., 2022). Мы провели эмпирическое исследование с целью выявления личностных особенностей шоплифтеров. Исследование осуществлялось на базе канала одного из мессенджеров, посвященного шоплифтингу. Выборку составили лица, сообщившие о своих собственных случаях шоплифтинга: 88 человек, из них 28 несовершеннолетних (11 юношей и 17 девушек в возрасте 15-17 лет) и 60 взрослых (43 мужчины и 17 женщин), проживающих в разных регионах страны. В целом, социально-демографические характеристики выборки отражают шоплифтеров как социальную группу: по половой принадлежности здесь преобладают мужчины, по возрастной – молодые взрослые (Аблиязова Е.Б., Сухова И.И., 2023). Для изучения личностных особенностей применялся Пятифакторный опросник личности.

Результаты. Средние значения четырех факторов «Большой пятёрки» по выборке оказались на среднем уровне, по фактору «открытость опыту» обнаружено высокое значение, что в противоправной деятельности опрошенных проявляется, вероятно, в изобретательности, гибкости, готовности перенимать «опыт» других шоплифтеров. У несовершеннолетних значения фактора «добросердечие» оказались выше, чем у взрослых ($p < 0,05$), у женщин значения фактора «нейротизм» превосходят этот показатель у мужчин ($p < 0,01$), среднее значение женской подгруппы приближается к высокому уровню. В группе взрослых, рассматривающих шоплифтинг как постоянный источник дохода (11 человек), среднее арифметическое по фактору «экстраверсия» соответствует высокому уровню и выше, чем у их сверстников ($p < 0,01$), совершающих кражи время от времени.

В дальнейшем необходимо провести исследование с привлечением лиц, признанных правоохранительными органами виновными в магазинных кражах.

Литература

1. Аблиязова Е.Б., Сухова И.И. Мелкое хищение: криминологическая характеристика личности преступника // Вестник ВИПК МВД России. 2023. No 1(65). С. 134–138. doi: 10.29039/2312-7937-2023-1-134-138.
2. Молчанов А.А. Отношение современной молодёжи к шоплифтингу как к форме экстремального досуга // Социологический нарратив 2023: новая социальная реальность: жизнь на пороге киберпанка: сборник статей по материалам XXII Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов. М.: РГГУ, 2023. С. 76–84.
3. Мосина О.А., Матайс М.И. К проблеме шоплифтинга в современном обществе // Практическая психология образования XXI века: развивающийся человек в трансформирующемся мире: сборник научных статей и материалов XVIII

- Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Практическая психология образования XXI века: развивающийся человек в трансформирующемся мире», 16 февраля 2023 г., Коломна / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: ГСГУ, 2023а. С. 137–140.
4. Мосина О.А., Матайс М.И. Подростковый шоплифтинг: опыт социально-педагогического исследования // Сибирский педагогический журнал. – 2023б. № 1. С. 41–48. doi: 10.15293/1813-4718.2301.04.
 5. Шаронина В.В. Мотивация к шоплифтингу в подростково-юношеском возрасте // Коченовские чтения–2022. Психология и право в современной России: сборник тезисов участников: Всероссийская онлайн-конференция по юридической психологии с международным участием: Москва 2022 ноябрь 09–11. М.: МГППУ, 2022. С. 66–67.

Сравнительный анализ социально-психологических представлений об образе террориста в молодежной среде

Шипитько О.Ю., Жердева А.А.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

(г. Ростов-на-Дону, Россия)

Проблема предотвращения распространения экстремистской и террористической идеологии становится особенно актуальной в период активизации внешних угроз безопасности России и возрастания риска формирования искажённых представлений о ценностях среди российской молодёжи. Комплекс мер, предпринимаемых на федеральном и региональном уровне, даёт позитивные результаты, однако необходим междисциплинарный подход.

В России отмечается недостаток исследований, комплексно изучающих заявленную проблему. При этом отсутствуют исследования связи риска распространения экстремизма и терроризма с личностными характеристиками молодых людей, обучающихся на разных направлениях подготовки, а также практически отсутствуют исследования, посвящённые роли педагога в противодействии идеологии насилия (Никиташина Н.А., 2021).

В связи с этим необходимо создать профиль, характеризующий социально-психологические представления об образе террориста в молодежной среде (на примере курсантов военного учебного центра и студентов различных направлений подготовки Южного федерального университета) с целью последующей организации эффективной педагогической коммуникации в противодействии идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде, включая выявление её ключевых показателей и факторов.

Проведя эмпирическое исследование социально-психологических представлений об образе террориста, смысло-жизненных ориентаций и ряда личностных характеристик молодых людей, станет возможным изучить их взаимосвязь, проанализировать влияние данных факторов друг на друга и разработать

рекомендации для повышения эффективности педагогической коммуникации как инструмента профилактики и противодействия распространению идеологии насилия.

В ходе исследования будет продиагностирована молодежь в возрасте от 18 до 25 лет, обучающиеся в Южном федеральном университете на разных направлениях подготовки и в Военном учебном центре. С помощью ряда методик и анкеты (методика изучения межличностного доверия в группе (А.В. Сидоренков); методика изучения совладающего поведения (Н.В. Гришина); методика изучения смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева; методика изучения эмоционального интеллекта (Н. Холл); авторская анкета «Образ террориста в представлениях современной молодежи» (О.Ю. Шипитко, А.С. Ряснянский) станет возможным сформировать социально-психологический образ террориста в представлениях современной молодежи, а также проанализировать личностные и поведенческие характеристики, которые позволят уточнить восприимчивость молодых людей к информационным угрозам и рискам, а также выяснить, действительно ли социальные представления об образе террориста имеют ядро в виде социально-психологических и поведенческих характеристик и периферию, то есть внешний облик.

Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования инструментов и методов педагогической коммуникации в университете, в целях снижения риска распространения идеологии экстремизма среди обучающейся молодежи. Комплексное применение результатов проведенного исследования позволит гибко подходить к выбору стратегий и методов педагогической коммуникации с учётом особенностей субъектов и условий педагогического взаимодействия, что, в свою очередь, приведёт к существенному снижению риска распространения идеологии экстремизма среди обучающейся молодежи.

Литература

1. Никиташина Н.А. Социально-психологический профиль современного террориста // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Абакан, 21 октября 2021 г.) / Науч. редактор Н.А. Никиташина; Отв. ред. В.Н. Козлова. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2021. С. 96–99.

Экспертная оценка способности давать показания: к вопросу об алгоритмах

Шипшин С.С.

ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы

Министерства юстиции Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Экспертная задача установления способности давать показания вытекает из положений ч. 4 ст. 196 УПК РФ «Обязательное назначение судебной экспертизы». Способность давать показания является центральным концептом, поскольку показания представляют собой один из важнейших видов доказательств (ч. 2 ст. 72 УПК РФ) (Валеев А.Т., Лютынский А.С., 2022). Чтобы показания процессуального лица (потерпевшего/свидетеля) стали доказательством, они должны быть результатом адекватного отражения юридически значимой информации (ЮЗИ) посредством восприятия, запоминания, осмысления данной информации. При этом условием дачи показаний является необходимый уровень развития речи (показания представлены устно в вербальной форме).

Наличие способности правильно воспринимать ЮЗИ и способности давать показания традиционно устанавливается в процессе психологической экспертизы процессуального лица (Сафуанов Ф.С., 2023). Алгоритм решения экспертной задачи предполагает: а) психологический анализ ситуации восприятия ЮЗИ подэкспертным лицом; б) установление потенциальной способности правильно воспринимать и запоминать исследуемые обстоятельства; в) ретроспективная оценка актуальной способности/возможности правильного восприятия, запоминания информации в имевшей место ситуации; г) установление потенциальной способности сообщить ЮЗИ адекватно воспринятому (точно, полно, осмысленно). Осмысление информации обусловлено потенциальными возможностями субъекта (возрастными и индивидуальными) и ситуационными факторами (ситуация восприятия, эмоциональное состояние).

Однако потенциальная способность давать показания не обязательно совпадает с актуальной, т.е. имевшей место непосредственно в процессе дачи показаний. Это связано с тем, что, как способность/возможность правильно воспринимать необходимую информацию имеет ситуационную обусловленность, так и дача показаний также обусловлена ситуацией коммуникации допрашивающего и допрашиваемого.

Решение задачи по установлению способности потерпевшего/свидетеля давать показания, с учетом особенностей ситуации коммуникации, возможно в рамках психологической экспертизы информационных материалов (Секераж Т.Н., 2021). Алгоритм решения задачи: а) психологический анализ материалов дела; б) психологический анализ ситуации коммуникации участников следственного действия с учетом: процессуальной регламентированности коммуникации; пространственно-временного аспекта – нахождения в помещении (допрос)/перемещения в пространстве (проверка показаний на месте); непрерывность (допрос)/дискретность (проверка показаний на месте); «социального» аспекта взаимодействия – статуса допрашиваемого лица, наличие иных участников действия; событийного контекста (что/как произошло и т.д.); в) установление наличия вопросов, содержащих установку на ответ («наводящих вопросов); г) выявление наличия/отсутствия психологического воздействия, направленного на снижение сознательного контроля действий и поведения допрашиваемого лица; д) выявление

признаков эмоционального состояния допрашиваемого, влияющего на психическую деятельность и способность давать показания.

Заключения психологической экспертизы способности правильно воспринимать обстоятельства дела и давать показания и психологической экспертизы видеозаписи следственного действия дополняют друг друга в части установления способности давать показания как с опорой на ретроспективный анализ ситуации восприятия ЮЗИ, так и ситуации коммуникации в процессе дачи показаний, что в совокупности позволяет органам следствия и суду оценить показания в качестве достоверных и допустимых.

Литература

1. Валеев А.Т., Лютынский А.М. Показания в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Фонд развития филиала МГЮА им. О.Е. Кутафина в г. Вологда. Вологда, 2022. 140 с.
2. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 384 с.
3. Секераж Т.Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: монография. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. 406 с. doi: 10.30764/978-5-91133-231-0-2021-13.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА

Патриотизм как ценность: анализ ценностных ориентаций членов движения

«Юнармия»

Асланова В.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Булыгина В.Г.

Патриотическое воспитание населения – одна из ключевых задач любого государства. С целью формирования у молодежи чувства любви к Родине и готовности защищать ее интересы, в 2016 году было создано Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое движение "Юнармия". Сегодня оно объединяет более 1,75 млн. детей и подростков в 89 регионах России.

В рамках проверки ранее выдвинутой эмпирической гипотезы, направленной на выделение иерархии ценностей подростков, были обследованы подростки с просоциальным поведением (231 человека в возрасте 11–17 лет $\pm 1,2$).

Проведена проверка выдвинутой гипотезы в ходе эмпирического исследования. Был обследован 231 подросток в возрасте 11–17 лет ($\pm 1,2$) из Юнармии, из них 104 мальчика (юношей) и 127 девочек (девушек).

Диагностический комплекс включал анкету, выбор ценностей. Из 24 предложенных ценностей (включая как социальные позитивные, так и негативные, т.е. антиценности) участникам предлагалось выбрать 10, которых они придерживаются в жизни. Из выбранных 10 ценностей далее необходимо было выбрать 3, от которых они никогда не откажутся и 3 от которых смогут отказаться.

Частотное упорядочение результатов позволило выявить приоритетные базовые ценности респондентов (Жизнь, Личные цели, Достоинство, Забота о себе, Права и свободы человека, Служение Отечеству, Милосердие и справедливость) и арьергардные ценности (Отношения без обязательств, Созидательный труд, Гражданин мира, Преемственность поколений, Праздность, Исключительная роль своего народа).

Анализ ценностно-смыслового пространства подростков из Юнармии показывает, что независимо от пола и возраста респондентов ведущими ценностями являются базовые социальные ценности («Жизнь»; «Достоинство») и эгозащитные антиценности («Забота о себе»; «Личные цели»).

Выбор ценностей юношами и девушками практически идентичен. И у девушек, и у юношей доминируют базовые социальные ценности – «Жизнь», «Достоинство» и «Права и свободы человека». У юношей к перечисленным ценностям добавляется гражданско-патриотическая ценность «Служение Отечеству». При этом в обеих группах проявляются эгозащитные антиценности («Личные цели», «Забота о себе»).

Анализ ценностно-смыслового пространства подростков из Юнармии в зависимости от возраста показывает следующие тенденции. В 11–12 лет доминируют базовые социальные ценности («Служение Отечеству», «Милосердие», «Жизнь»); личностно-оберегающие тенденции (антиценности «Идти своим путем»; «Забота о себе»). Следует отметить, что в этом возрасте в равной степени частоты выбирают антиценность «Личные цели» и социальную ценность «Духовность». В 13 лет преобладают социальные ценности – «Достоинство», «Права» и «Жизнь»; а также антиценности – «Забота о себе» и «Личные цели». Для 14–15 лет характерен выбор социальных ценностей («Жизнь», «Достоинство», «Права») и антиценностей («Личные цели», «Забота о себе»). В 16–17 лет выбирают чаще всего социальные ценности «Милосердие», «Достоинство», «Отечество», «Жизнь», «Коллективизм», «Права», «Семья», «Единство народов» и антиценности – «Личные цели», «Власть и амбиции», «Независимость», «Идти своим путем». При этом важно отметить, что в равной степени по частоте выбирают «Личные цели» и «Достоинство»; «Семья», «Власть и амбиции», «Независимость», «Идти своим путем», «Единство народов».

Исследование подтверждает, что ценности подростков динамично меняются. Члены "Юнармии" в целом ориентированы на общественные ценности. Полученные результаты помогут улучшить программы патриотического воспитания, учитывая возрастные особенности подростков.

Отношение родителей и ксенофобские установки у подростков и молодых взрослых

Березьянская Ю.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

На фоне экономических, политических, эпидемиологических и других изменений проблема ксенофобии является актуальной для многонационального российского государства. Противодействие распространению ксенофобской идеологии и экстремистских настроений в России - одна из первоочередных задач в настоящее время (Шевченко О.М., 2014).

Причинами возникновения ксенофобии чаще всего является средовой фактор. В основе ксенофобии лежит страх, ощущение недоброжелательности со стороны других людей, прежде всего, чужих, незнакомых, что, в свою очередь, вызывает негативное отношение к ним. Боязнь чужих людей свойственна на раннем этапе развития всем детям, однако при благоприятных условиях она впоследствии преодолевается. Вместе с тем неправильное воспитание в семье может становиться толчком к развитию ксенофобских установок. Воспринимаемая подростком враждебность и негативное отношение со стороны родителей могут трансформироваться в ожидание аналогичного отношения окружающих, прежде

всего, чужих людей. Проблемное отношение родителей формирует общее недоверие и ощущение угрозы от мира вокруг (Сорокина Ю.С., 2019).

В связи с этим мы предположили существование связи между склонностью подростков и молодых взрослых к ксенофобии и характером воспринимаемого ими отношения к ним родителей.

Цель исследования: Определение связи между воспринимаемым отношением родителей и ксенофобскими установками у подростков и молодых взрослых.

Материалы и методы исследования. В исследовании приняли участие учащиеся Московского технического пожарно-спасательного колледжа им. Героя РФ В. М. Максимчука: 50 подростков в возрасте 17–18 лет (25 девушек и 25 юношей, средний возраст – 17,72 года). Все участники дали добровольное письменное согласие на предстоящее обследование.

Для реализации поставленной цели были использованы опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR — сокращенно «Подростки о родителях») и шкала оценки ксенофобских установок О.Д. Гуриной.

Статистическая обработка экспериментальных данных проводилась в программе «Statistica» 7.0 (Statsoft).

Результаты исследования. По результатам методики «Оценка ксенофобских установок» установлено, что уровень ксенофобских установок в общей выборке находится на среднем уровне ($54 \pm 15,08$), что соответствует сочетанию положительных и негативных установок к иностранцам. Однако в группе девушек обнаружено преобладание положительных установок к иностранцам ($49 \pm 9,23$), в то время как у юношей результаты статистически значимо отличаются от аналогичных показателей у девушек ($p=0,008$) за счет большей выраженности негативных установок в отношении иностранцев ($60 \pm 13,02$).

Корреляционный анализ связей между склонностью к ксенофобии и воспринимаемым отношением родителей методами непараметрической статистики (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) позволил выявить положительную статистически значимую ($p \leq 0,05$) связь между показателями шкалы «Оценка ксенофобских установок» и такими показателями методики «Подростки о родителях», как воспринимаемая враждебность (0,582) и автономность (0,046) матери. Значимых связей ксенофобских установок с отношением отца не обнаружено. Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась частично. Для формирования враждебного отношения к чужим, иностранцам, значим характер отношения к ребенку матери, а именно, ее собственная враждебность и отстраненность от подростка.

Выводы: Полученные результаты дополняют представления о генезисе ксенофобских установок у детей, подростков и молодых взрослых и свидетельствуют об их связи с отношением матери, враждебность и автономность которой вносит свой вклад в формирование негативного отношения к чужим, к иностранцам. Эти сведения могут быть использованы в профилактической работе с детьми, подростками и их семьями.

Литература

1. Сорокина Ю.С. Особенности ксенофобских установок у подростков при семейном и интернатном типах воспитания // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сборник материалов III Международной конференции, Москва, 19–20 июня 2019 года. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. С. 443–445.
2. Шевченко О.М., Данелюс Д.В., Серикова И.Б. Ксенофобия как угроза формирования гражданской идентичности в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 66–71.

Исследование правового воспитания личности

Волик А.С.

Филиал ГБУ Запорожской области «Областной центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» г. Бердянск
(г. Бердянск, Россия)

Правовое воспитание современных школьников является одним из обязательных структурных элементов в процессе воспитания и обучения подрастающего поколения. Связано это с тем, что современное общество развивается с невероятной скоростью во всевозможных направлениях. Казалось бы, что должна быть минимизация правовых нарушений, но так или иначе их становится только больше.

Актуальностью данной темы является исследование правового воспитания подрастающего поколения, а также определение основных факторов, способствующих правовому развитию личности.

Изучением правового воспитания личности занимаются во все времена психологи, педагоги, философы, политологи и другие исследователи, одними из которых являются: Саакян М.В., Науменкова К.В., Долгополов О.А., Стреляева В.В., Кваша А.А., Певцова Е.Л. и др.

По мнению К.В. Науменковой, «правовое воспитание – это целенаправленная деятельность государства, общественных организаций, отдельных граждан по передаче юридического опыта; систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях становления определенных позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентаций, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм» (Чугунов П.М., Гагина Е.А., 2021).

В своих исследованиях М.В. Саакян определяет «правовое воспитание» как целеустремленное и систематическое воздействие на сознание и культуру поведения членов общества, осуществляемое с целью выработки у них чувства уважения к праву и привычки соблюдения права на основе личного убеждения (Саакян М.В., 2009).

В.В. Стреляева под правовым воспитанием школьников понимает процедуру развития правосознания и правовой культуры у учащихся, которая позволяет им иметь ощущение юридической дееспособности (Стреляева В.В., 2016).

Таким образом, правовое воспитание представляет собой целенаправленное систематическое воздействие на развитие правосознания и правовой культуры поведения членов общества, которое позволяет выработать у них понимание и уважение к праву, привычку его соблюдения на основе личных убеждений и чувство юридической дееспособности.

На сегодняшний день современные дети развиваются гораздо быстрее, чему способствуют следующие факторы: моральные убеждения; психологическое, духовное, культурное, экономическое и политическое развитие; социальное благополучие семьи; развитие инновационных технологий и другие.

Одной из главных особенностей правового воспитания подрастающей личности является семейное воспитание, которое закладывает фундамент формирования у ребенка норм и стандартов правового поведения в социуме. Далее, к правовому воспитанию личности подключаются общеобразовательные школы, которые способствуют дальнейшему личностному и социальному развитию.

Для успешного правового воспитания ребенка эффективным считается алгоритм действий, включающий в себя рациональное применение методов профилактики и проработки нарушений права.

Таким образом, правовое воспитание, используя эти инструменты, позволяет выработать понимание и уважение к праву, привычку его соблюдения и чувство юридической дееспособности,.

Литература

1. Саакян М.В. Правовое воспитание и обучение как средство формирования правовой культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. № 3. С. 107–110.
2. Стреляева В.В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства: дис. канд. ... юрид. наук. М., 2016. 183 с.
3. Чугунов П.М., Гагина Е.А. Правовое воспитание подростков в условиях школы // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2021. №1 (58). С.110–113.

Предупреждение девиантного поведения подростков

Гирфатова А.Р.

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы»
(г. Уфа, Россия)

В настоящее время специалисты уделяют пристальное внимание предупреждению девиантного поведения подростков в связи с тем, что количество негативных факторов, влияющих на современное подрастающее поколение, возросло. Во-первых, это сосредоточение внимания педагогического сообщества в последние годы на проблемах предоставления услуг по обучению с урезанием большого объема воспитательного воздействия, во-вторых, социально-экономические трансформации всего общества. Поэтому рост девиантного поведения подростков не удивителен.

Современные подростки и молодежь сталкиваются с новыми условиями жизни и деятельности, новыми социальными трендами общественного развития, которые отличаются от тех, в которых жили предыдущие поколения (Клейберг Ю.А., Жильцов С.А., 2023). Именно в подростковом возрасте проходит процесс усвоения социальных норм и правил, и именно на данном возрастном этапе подростку требуется помощь в выборе социально приемлемых форм поведения.

Одним из фундаментальных оснований любого общества является законопослушность всех граждан, что выступает важнейшей детерминантой его успешного и безопасного функционирования (Филипенко Е.В., 2022).

В Российском государстве огромная роль в воспитании детей отводится образовательным учреждениям: воспитание признано первостепенной, наряду с обучением, составляющей образовательного процесса. Особую значимость эта функция образовательных учреждений обретает сегодня, когда налицо снижение воспитательного потенциала семьи (Кобзева Е.В., 2023).

Важно провести глубокий анализ и выявить проблемы, чтобы разработать эффективную стратегию психокоррекции. Подростки с девиантным поведением часто нуждаются в понимании, поддержке и доверии. Поддержка со стороны родителей, учителей и психологов играет ключевую роль в процессе коррекции поведения (Воронина Е.С., 2024). Важно создать доверительные отношения с подростком и помочь ему осознать последствия своих действий.

Особую значимость проблема подростковой девиации приобретает в связи с тем, что она является предпосылкой к формированию делинквентного поведения и дальнейшей криминализации личности (Косова Е.О., Кубарев В.С., Нелюбин Н.И., 2022). Это обстоятельство диктует представителям психолого-педагогического сообщества необходимость ряда приоритетных задач методологического характера: разработки теоретических моделей и концепций, позволяющих по-новому осмыслить феномен подростковой девиации, поиска средств профилактики и коррекции девиантного поведения, отвечающих требованиям эффективности и релевантности возрастнo-психологическим особенностям подростков.

Таким образом, предупреждение девиантного поведения подростков должно осуществляться в образовательной, воспитательной сфере и посредством более полной реализации воспитательного потенциала семьи.

Литература

1. Воронина Е.С. Психокоррекция девиантного поведения подростков // Новая наука: от идеи к результату. 2024. № 7. С. 51-57.
2. Заурова Э.В., Кевля Ф.И. Девиантное поведение подростков // Вопросы педагогики. 2020. № 1-1. С. 91-94.
3. Клейберг Ю.А., Жильцов С.А. Актуальная ситуация как предиктор девиантного поведения подростков и молодежи // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023. № 3 (47). С. 179-189.
4. Кобзева Е.В. Роль социального воспитания в предупреждении негативного девиантного поведения подростков // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4. С. 19-26.
5. Косова Е.О., Кубарев В.С., Нелюбин Н.И. Коррекция и профилактика девиантного поведения подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Том 27. № 2 (89). С. 189-198.
6. Филипенко Е.В. Профилактика девиантного поведения подростков в контексте духовно-нравственного воспитания // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2 (3). С. 308-316.

Проблема влияния бедности на психофизическое состояние детей

Ермакова В.В.

ГОУ ДПО ТО «Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области»
(г. Тула, Россия)

Проблема влияния бедности, т.е. низкого социально-экономического статуса семьи, на состояние психического развития ребенка является одним из актуальных направлений юридической психологии. К исследованию влияния на развитие ребенка низкого социально-экономического статуса его семьи необходимо подходить со стороны междисциплинарных исследований, включая нейробиологические, психогенетические данные.

Нейрогенетик Ахмад Харири из Университета Дьюка (США) отмечает долговременную эпигенетическую связь между внешним стрессом и уровнем серотонина. Его исследование показало, что у людей, чувствительных к угрозам, наблюдается более высокая активность в миндалевидном теле мозга, что чаще всего приводит к усилению симптомов депрессии у подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что трудные жизненные условия провоцируют изменения в работе мозга ребенка, увеличивая при этом активность миндалевидного тела. Отсюда начинает развиваться дистресс, т.е. организм ребенка демонстрирует долгосрочное стрессогенное состояние. Если мы обратимся к исследованиям эпигенетики, то увидим, что люди, которые перенесли жестокое обращение в детстве, чаще других, начиная с подросткового периода, страдают хронической депрессией, склонностью к суицидальному поведению и употреблению психоактивных веществ. При проведении исследований с помощью МРТ у таких людей отмечается усиление активности гипоталамо-гипофизарной системы. В ряде исследований можно увидеть данные о том, что среди людей, покончивших жизнь самоубийством, превалирует именно группа людей из семей с низким материально-экономическим статусом, т.е. те люди, которые испытывали сильнейший дистресс в раннем и дошкольном возрасте.

Результаты исследования Корнельского университета (США) показывают, что у детей из бедных семей часто формируется антисоциальное поведение в форме агрессии и буллинга, а также отмечаются ярко выраженные показатели хронического физиологического дистресса.

Итак, в современной юридической психологии важно уделять пристальное внимание исследованиям в области работы с детьми из семей, попавших в трудную жизненную ситуацию и имеющих низкий экономический статус.

Литература

1. Геномика поведения: детское развитие и образование / под ред. С.Б. Малых, Ю.В. Ковас, Д.А. Гайсиной. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 442 с.
2. Никол Р. Практическое руководство по детско-юношеской психиатрии. Британский подход. Екатеринбург: Издательство УралИНКО, 2021. 224 с.

Особенности социально-психологической адаптации и копинг-стратегий у подростков, состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних

Кондаурова О.П.

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

(г. Ижевск, Россия)

Одной из наиболее острых психолого-педагогических проблем является то, что число подростков, состоящих на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних, стремительно растёт. Проблема определения факторов риска совершения правонарушений несовершеннолетними неоднократно рассматривалась в различных исследованиях (Вахабова С.А., 2021; Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С., 2020; Обуховская Д.И., Коноплева И.Н., 2023). Однако, не менее важным остается вопрос изучения особенностей социально-психологической

адаптации и копинг-стратегий у подростков, состоящих на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних, так как наиболее эффективная профилактика девиантного поведения подростков возможна с учетом этих особенностей.

Исследование проводилось в г. Ижевске, выборку составили 40 подростков (14-15 лет), из них 20 подростков условной нормы и 20 подростков, состоящих на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних.

Методики исследования: «СПА» (Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд, адаптация А.К. Осницкий); методика «Индикатор копинг-стратегий» (адаптация Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский).

Результаты исследования. С помощью критерия Манна-Уитни выявлялись значимые различия показателей социально-психологической адаптации и копинг-стратегий у подростков, состоящих на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних, и подростков условной нормы. Получены следующие результаты: «Адаптация»: $U_{эмп}=156.5$ – находится в зоне незначимости; «Самопрятие»: $U_{эмп}=194.5$ – находится в зоне незначимости; «Прятие других»: $U_{эмп}=119.5$, $p \leq 0,05$; «Эмоциональная комфортность»: $U_{эмп}=175.5$ – находятся в зоне незначимости; «Интернальность»: $U_{эмп}=124$, $p \leq 0,05$; «Стремление к доминированию»: $U_{эмп}=97$, $p \leq 0,01$; «Стратегия разрешения проблем»: $U_{эмп}=186$ – находится в зоне незначимости; «Стратегия поиска социальной поддержки»: $U_{эмп}=129$, $p \leq 0,05$; «Стратегия избегания»: $U_{эмп}=117$, $p \leq 0,05$.

По результатам исследования можно отметить, что между подростками, состоящими на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних, и подростками условной нормы имеются значимые различия по показателям социально-психологической адаптации («Прятие других», «Интернальность», «Стремление к доминированию») и копинг-стратегиям («Стратегия поиска социальной поддержки», «Стратегия избегания»). Таким образом, подростки, состоящие на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних, имеют более высокий уровень стремления к доминированию над другими, при этом для них характерна низкая степень выраженности прятия других людей, внутреннего контроля, ответственности за свои поступки. На высоком уровне у них представлена копинг-стратегия «Стратегия избегания», а на низком уровне – «Стратегия поиска социальной поддержки».

Практическая значимость пилотажного исследования состоит в том, что выявленные особенности социально-психологической адаптации и копинг-стратегии, можно учитывать при разработке программ и проведении профилактических мероприятий с подростками.

Литература

1. Вахабова С.А. Факторы возникновения преступлений среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Вестник научной мысли. 2021. № 1. С. 178–180. doi:10.34983/DTIPB.2021.72.29.001
2. Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С. Выявление психических состояний несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как предпосылка

профилактики их деструктивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том. 10. № 2. С. 35–50. doi: 10.17759/psylaw.2020100204

3. Обуховская Д.И., Коноплева И.Н. Акцентуации характера, ценностные ориентации и агрессивность подростков как факторы риска совершения правонарушений несовершеннолетними [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том. 13. № 4. С. 115–131. doi: 10.17759/psylaw.2023130409

Социальный интеллект как способ профилактики девиантного поведения у подростков

Косенко Е.Ю., Рынгач Е.В.

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»
(г. Мариуполь, Россия)

Среди современных ученых актуальные проблемы профилактики девиантного поведения рассматривали Л.Б. Шнейдер, Д.И. Фельденштейн, В.Д. Менделевич, А.А. Реан и др. Вопрос влияния социального интеллекта на девиантное поведение подростков изучали И.И. Хасанова, С.С. Котова, О.Н. Егорова, А.В. Дегтярев и др.

С целью профилактики отклоняющегося поведения подростков, мы провели практическое исследование по выявлению уровня социального интеллекта подростков и аспектов его влияния на профилактику девиаций в поведении. В исследовании участвовало 50 подростков в возрасте 16-17 лет (ученики МБОУ «Средняя школа № 60 г.о. Мариуполя»). Эмпирическими методиками выступают «Склонность к девиантному поведению (СДП)» Э.В. Зеус, А.Г. Соловьев и «Социальный интеллект» Г.В. Резапкиной. Измерение показателей осуществлялось с помощью тестирования, которое было проведено до и после применения двухмесячной программы.

В программе по профилактике девиантного поведения мы задействовали:

- телесно-ориентированную терапию (дыхательные техники саморегуляции);
- арт-терапию (изотерапию, нарративную терапию);
- игровое моделирование (психодраму).

Программа длилась два месяца, занятия проходили каждые 14 дней (всего проведено 4 групповых сеанса). В начале программы (перед первым занятием) и после последнего (четвертого) занятия, опрошено 50 подростков по двум вышеназванным методикам.

По всем шкалам наблюдается положительная динамика по снижению уровня девиантного поведения. Считаем уместным продолжать исследование, чтобы опросить участников через 12-24 месяца с начала занятий. Так можно получить более точную картину в профилактике девиантного поведения.

Интересным для исследования является поиск взаимосвязей между уровнем социального интеллекта и стрессоустойчивостью подростков, которые были пассивными участниками боевых действий (Маштакова С.В., 2023). Ценным является

исследование на предмет поиска связей между эмоциональным и социальным интеллектом у подростков (Кустова Е.В., 2023).

Перспективой дальнейшего изучения вопроса связи между социальным интеллектом и девиантным поведением может быть расширение выборки, приглашение к участию в исследовании родителей подростков с целью повышения эффективности коррекционной и профилактической психологической программы. Лонгитюдное исследование может предоставить ценную информацию о том, каковы связи между социальным интеллектом и отклоняющимся поведением в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Кустова Е.В., Рынгач Е.В. Формирование эмоционального интеллекта у студентов вузов методами литературной педагогики / Литературная педагогика: технологии и формы развития эмоционального интеллекта обучающихся: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника и 125-летию со дня основания Елабужского института, Елабуга, 19 октября 2023 года. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2023. С. 90–94.
2. Маштакова С.В., Рынгач Е.В. Влияние телесно-ориентированной терапии на уровень стрессоустойчивости подростков г. Мариуполя / Психология личности в эпоху изменений: социализация, ценности, отношения: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Калуга, 30–31 мая 2024 года. Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2024. С. 300–308.

Региональный мониторинг психологической безопасности образовательной среды как инструмент повышения качества психолого-педагогического сопровождения

Кудренко Н.Н.

ГБУ Воронежской области «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей»

(г. Воронеж, Россия)

Обеспечение психологической безопасности в образовательной среде - ключевой аспект безопасности детей, поскольку оно способствует созданию комфортных условий и повышению эффективности образовательного процесса.

Развитие и поддержка психологической безопасности образовательной среды службой сопровождения требует постоянного мониторинга качества условий обучения и воспитания. Знание динамики показателей психологической безопасности также необходимо для оценки эффективности деятельности психологической службы сопровождения.

Результаты мониторинга позволяют разработать и реализовать меры по улучшению психологической безопасности образовательной среды. Это может включать в себя создание специальных условий для формирования личности и сохранения её психологического здоровья.

В соответствии с протоколом совместного заседания антитеррористической комиссии и оперативного штаба в Воронежской области в период с 22 марта по 25 мая 2024 года специалистами ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» был проведен мониторинг психологической безопасности общеобразовательных организаций в 34 муниципальных районах/городских округах Воронежской области. В исследовании использовалась методика «Психологическая безопасность образовательной среды школы» (автор И.А. Баева), приоритетной целью которой является оценка состояния психологической безопасности в образовательной среде.

Количество общеобразовательных организаций, принявших участие в мониторинге, составило – 100 % в 20 муниципальных районах/городских округах. В исследовании приняли участие 11851 педагогов общеобразовательных организаций (80 %), 54330 учащихся 6–8 и 10 классов (80 % от числа всех обучающихся данных параллелей) и 47997 родителей (законных представителей).

В ходе мониторинга было выявлено, что в общеобразовательных организациях в 34 муниципальных районах/городских округах преобладает высокий уровень защищённости учащихся, родителей, педагогов от психологического насилия.

На основании полученных результатов были разработаны рекомендации:

1. Продолжить мониторинг психологической безопасности образовательной среды среди обучающихся 6–8 и 10 классов общеобразовательных организаций, родителей (законных представителей), педагогов на постоянной основе во всех образовательных организациях (100%).

2. Педагогу-психологу общеобразовательных организаций в 34 муниципальных районах/городских округах с низкими показателями безопасности провести дополнительные профилактические мероприятия для достижения положительной оценки психологической безопасности через диагностику, индивидуальные и групповые формы работы, работу службы школьной медиации.

3. Общеобразовательным организациям уделить внимание созданию благоприятных условий для формирования эмоционального комфорта и защищенности всех участников образовательных отношений через профилактические мероприятия.

Таким образом, результаты мониторинга психологической безопасности в образовательной среде позволяют разработать и реализовать меры по улучшению благоприятного психологического климата в общеобразовательных организациях.

Литература

1. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: теоретические основы и технологии создания: автореф. дисс...д-ра психол. наук, СПб., 2002. 45 с.
2. Буслаева М.Ю. Психологическая безопасность образовательной среды: условия, механизмы, риски и угрозы. Челябинск: Изд. центр «Титул», 2021. 107 с.
3. Психологическая безопасность образовательной среды: Материалы II международной научной конференции, Нижний Новгород, 20 марта 2019 года. Н. Новгород: НГЛУ, 2019. 154 с.

Организационно-методические вопросы судебно-психологической экспертизы в семейных спорах, затрагивающих интересы несовершеннолетних

Кулькова Ж.Г.

«Центр психологической диагностики и консультирования»

(г. Челябинск, Россия)

Неутешительна динамика разводов в России: в 2023г. – 684 тысячи, в первом полугодии 2024г. – 318 тысяч. Среди лидеров по разводам – Магаданская область (86 к 100 бракам), самые низкие показатели разводов в Чечне (15). Бывшие супруги часто становятся инициаторами судебных тяжб. Среди судебных семейных споров практически половину занимают процессы по разводам родителей, имеющих совместных детей (в 2023г. 462 тысячи дел по разводам из общего количества 928 тысяч семейных споров). Как правило, в бракоразводном процессе при наличии детей рассматривается вопрос об определении места жительства ребенка с одним из родителей, об установлении порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем, и судом назначается судебно-психологическая экспертиза. Повышению качества осуществляемых судебно-психологических экспертиз способствует вхождение психолога в саморегулируемую организацию судебных экспертов, включение в соответствующий реестр экспертов, страхование профессиональной ответственности эксперта.

Актуальность совершенствования процедуры опытно-экспериментального исследования участников экспертизы как одного из этапов судебно-психологической экспертизы неоспорима. В «Центре психологической диагностики и консультирования» (г. Челябинск) за период с 2016 года проведено около 350 опытно-экспериментальных исследований родителей и несовершеннолетних в соответствии с определениями судов. Непосредственная исследовательская работа с участниками экспертизы – родителями и детьми, осуществляется по следующему алгоритму.

I блок опытно-экспериментального исследования – встреча с родителями (законными представителями), в ходе которой проводится установочно-

ознакомительная беседа с обоими родителями; индивидуальная беседа; ознакомление с медицинской и педагогической документацией; психологическое тестирование родителей; инструктаж родителей по процедуре обследования детей. Эксперт от родителей получает письменное согласие на проведение обследования себя лично и своего несовершеннолетнего ребенка. В ходе встречи с родителями аудио- и видеосъемка ни экспертом, ни родителями не ведется. Иные лица, не указанные в определении суда, на встречу не допускаются. Предъявляемые родителями психологу разного рода материалы (аудиозаписи, видеозаписи, скриншоты переписок, пр.) экспертом не принимаются.

II блок опытно-экспериментального исследования – обследование детей в присутствии и с участием обоих родителей. Сообразно возрастным и установленным в ходе встречи с родителями индивидуальным особенностям детей (относится к категории относительно здоровых детей или детей с ограниченными возможностями здоровья, обучается по общеобразовательной или адаптированной программе, пр.) подбирается соответствующий психодиагностический инструментарий. Обследование детей проводится по двум направлениям: психодиагностика познавательной (методики Е.А. Стребелевой, Н.Я. Семаго и М.М. Семаго, Л.А. Ясюковой), эмоционально-поведенческой (проективные рисуночные методики), личностной (опросник Р.Кеттелла) сферы и психодиагностика детско-родительских отношений («Семейная социограмма» И.М. Никольской, методика «Неоконченные предложения», рисуночные тесты, тест «Подростки о родителях» (ADOR), методика «Эмоциональные выборы» Э.Г. Эйдемиллера, тест САТ С. Баллок, пр.). Комбинирование стандартизированных методик с проективными позволяет снизить психологическое напряжение детей. Выполнение проб на совместную деятельность осуществляется в режиме невключенного наблюдения психолога с использованием онлайн видеонаблюдения. Принцип равноправия родителей – сторон процесса, соблюдается за счет идентичности предъявляемых заданий, одинакового количества времени пребывания с ребенком как наедине, так и в присутствии эксперта. Нейтральность, доброжелательность психолога, нацеленность всей работы на обеспечение наилучших интересов детей являются гарантией и качественной судебно-психологической экспертизы.

Литература

1. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
2. Практикум по семейной психотерапии: современные модели и методы. Учебное пособие для врачей и психологов / Под ред. Э.Г. Эйдемиллера. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Речь, 2010. 425 с.

Признаки отчуждающего поведения родителя-индуктора как предмет психологического анализа в рамках исполнительного производства

Макаревская Ю.Э., Фролов С.Ю.

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»,
СГОО «Центр психологической помощи «Форма жизни»
(г. Сочи, Россия)

В соответствии с ч.1 ст.109.3 ФЗ «Об исполнительном производстве» судебный пристав-исполнитель вправе привлечь для участия в исполнительных действиях, совершаемых в отношении несовершеннолетних, детского психолога с целью содействия приставу в принятии решений, определяющих ход совершения исполнительных действий, в соответствии с интересами ребенка путем оценки психологического состояния ребенка и выявления причин нежелания общаться или отказа перейти к взыскателю.

Исследования причин нежелания ребенка общаться с взыскателем показывают, что ребенок зачастую отвергает одного родителя под влиянием другого, проявляя «синдром отчуждения», эмоционально присоединяясь к родителю-индуктору в гневе и ненависти по отношению к другому родителю в результате целого комплекса психологических воздействий (умышленных и/или неосознаваемых). (Gardner, R., 1987) Обобщенно механизм отчуждения ребенка от родителя можно описать как разрушение родителем-индуктором веры несовершеннолетнего в то, что другой родитель его любит путем постоянного повторения ребенку определённой информации и совершения соответствующих действий. Таким образом предметом психологического анализа здесь становятся поведенческие признаки отчуждающих действий родителя-индуктора (в т.ч. речевых и невербальных) в отношении ребенка и родителя-мишени (которого отчуждают от ребенка).

В исполнительном производстве (ИП) с участием привлеченный специалист психолог знакомится с историей взаимоотношений родителей и ребенка непосредственно в день совершения исполнительных действий. В этой связи методы исследования психолога зачастую ограничены беседой и наблюдением.

На основе проведенного анализа поведенческих тактик и стратегий отчуждения представленных в литературе (Kelly J., Johnston J., 2001; Kruk E., 2018; Lorandos D. et.al., 2013), нами была составлена карта наблюдения (16 показателей) для фиксации в ходе ИП наличия или отсутствия определенных поведенческих актов родителей и/или других родственников.

Обобщение данных применения карты наблюдения в ходе практического опыта (на примере материалов 14-ти заключений психолога по итогам привлечения в ИП за период 2021–2024 г.г. с участием 15-ти несовершеннолетних от 4 до 15 лет, средний возраст – 8,9 лет, 60% мал., 40% – дев.) показывает, что в поведении сторон ИП наиболее часто фиксируются следующие поведенческие акты, выступающие как признаки отчуждающего поведения родителя-индуктора в отношении ребенка:

1. Со стороны совместно проживающего родителя преобладают обвинительные речевые акты, вовлечение ребенка в конфликт, откровенничание с ним, создание образа другого родителя как опасного.

2. Со стороны отдельно проживающего родителя доминируют стратегии принуждения ребенка к выбору путем планирования конкурирующих действий и обещания ценных вещей и привилегий, нарушение времени общения, готовность обвинить другую сторону в проблемной ситуации, конфликте.

Перспективным представляется проведение сравнительного анализа стратегий и поведенческих признаков отчуждения родителями разного пола, другими родственниками, включенными в конфликт с учетом пола и возраста детей.

Литература

1. Gardner R.A. The parental alienation syndrome and the differentiation between fabricated and genuine sexual abuse. Creative Therapeutics, Cresskill, N.J., 1987. P. 314.
2. Kelly J.B., Johnston J.R. The alienated child: A reformulation of parental alienation syndrome [Электронный ресурс] // Family Court Review. 2001. Vol. 39(3). 2001. P. 249–266. doi: 10.1111/j.174-1617.2001.tb00609.x
3. Kruk E. Parental Alienation as a Form of Emotional Child Abuse: Current State of Knowledge and Future Directions for Research [Электронный ресурс] // Family Science Review. 2018. Vol. 22. № 4. P. 141–164. URL: https://www.familyscienceassociation.org/wp-content/uploads/2021/07/2018-22-4-Parental-alienation-as-a-form-of-emotional-child-abuse_-KRUK.pdf (дата обращения: 03.11.2024).
4. Thomas C.C. et all. Parental Alienation: The Handbook for Mental Health and Legal Professionals [Электронный ресурс] // Springfield, IL. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/325514946_PARENTAL_ALIENATION_The_Handbook_for_Mental_Health_and_Legal_Professionals (дата обращения: 03.11.2024).

Психологические рекомендации по реализации запланированной защиты для одаренных детей «группы риска»

Мамедова И.О.

Азербайджанский Государственный Педагогический Университет
(г. Баку, Азербайджан)

Правильно организованная работа с одаренным ребенком позволяет обеспечить его успешную социализацию и предотвратить отклонения в его личностном развитии (негативное изменение характера, психологическую травму или неврологическое заболевание). В настоящее время дети проходят психологическое тестирование для определения уровня их подготовки при поступлении в образовательное учреждение.

В это время также следует применять тесты для диагностики таланта и личности детей.

Занятия с детьми в обучающих группах способствуют развитию их социально значимых качеств и умений, формируют психологическую устойчивость личности, в результате чего ребенок становится менее чувствительным к негативному воздействию окружающей среды. Работа с одаренными детьми ведется также в групповой форме. Опыт коллективных действий, обучения, игр, конкурсов и выставок помогают не только выявить особенности детей, но и развить их социальные навыки.

Комплексный подход к выявлению талантов детей не гарантирует отсутствие ошибок. Кроме того, суждения о том, «талантлив» или «бездарен» ребенок, могут стать весьма негативным фактором дальнейшего развития его личности. У одаренных детей часто развивается социальная дезадаптация. Это связано с эгоцентризмом ребенка и неспособностью принять точку зрения другого человека. В частности, дезадаптация более выражена в следующих случаях: партнеры по коммуникации интеллектуально слабее ребенка; нелюбовь к школе, когда учебная программа скучна и неинтересна; отставание в физическом развитии от сверстников; отсутствие культуры диалога и нежелание общаться; если во время разговора собеседник допускает логическую ошибку или подчеркивает неправильные слова, то возникает желание перебить и поправить его; всегда желает быть правым в споре из-за отсутствия приспособляемости и компромисса.

Психологические рекомендации по реализации запланированной деятельности для одаренных детей, относящихся к «группе риска», помогают ответить на следующие вопросы:

1. Что такое психологическая работа с одаренными детьми?
2. Почему к работе с одаренными детьми необходимо привлекать как учителей, так и родителей?
3. Какие методы можно использовать для диагностики таланта у детей и в подростковом возрасте?
4. Почему диагностика способностей не может основываться только на одном методе?
5. Если у ребенка есть проблемы с социализацией, какие виды педагогической и психологической поддержки можно использовать?

На основе рекомендаций можно разработать обучающие упражнения для детей 7-10 лет на развитие коммуникативных навыков, подготовить для детей конкурс на проявление своих способностей (например, сочинение, конкурс рисунков и т. д.), определить, с какими проблемами могут столкнуться одаренные дети.

Выявление, поддержка, развитие и социализация одаренных детей становятся одной из приоритетных задач современного образования. Основная цель профилактики – создание условий для обучения детей. Одаренные ученики, как правило, проявляют интерес ко многим предметам и их талант не ограничивается одной сферой деятельности.

Литература

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология Учебное пособие для вузов. 5-е изд. М.: Академический проспект; М.: Альма Матер, 2005. 701 с.
2. Возрастная и педагогическая психология: Учебное пособие для студентов педагогических вузов / Под общей ред. М.В. Гамезо. М.: Педагогическое общество России, 2004. 512 с.
3. Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для студентов вузов педагогических и психологических специальностей. 2-е изд., доп., исп. и пер. М.: Логос, 2005. 383 с.

Онлайн-груминг несовершеннолетних как транснациональная угроза

Медведева А.С.¹, Дозорцева Е.Г.²

¹ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России,

² ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Дети и подростки большое количество времени проводят в цифровой среде и зависимы от социальных процессов, происходящих в ее рамках. Они открывают свои профили, чтобы привлечь к себе внимание других людей и расширить количество контактов. Как следствие, любой человек может вступить с ними в сетевую коммуникацию, чем активно пользуются посягатели на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

Сексуальное домогательство в Сети (онлайн-груминг) наблюдается не только со стороны русскоязычных посягателей, но также представителей стран ближнего зарубежья, не всегда в полной мере владеющих русским языком, или иностранцев, в принципе не говорящих по-русски. Для устранения языковых ограничений они используют онлайн-переводчики. Проблема усугубляется общей тенденцией к упрощению письменной интернет-коммуникации и допустимости формулировки кратких высказываний с (не)намеренными нарушениями в орфографии и пунктуации (Игнатьева Э.А., 2011).

Онлайн-груминг имеет транснациональный характер, что обуславливает необходимость понять, каким образом иностранные посягатели могут преодолевать языковой барьер и манипулировать своими жертвами. В то же время важно изучить способность детей и подростков распознать сексуальное домогательство со стороны иностранца и вовремя пресечь контакт с ним. С этой целью были проанализированы двадцать переписок мужчины, не владеющего русским языком, с мальчиками от 9 до 16 лет. Цель посягателя заключалась в стремлении получить от несовершеннолетних их сексуализированные изображения.

Для достижения своей цели иностранец притворился маленькой девочкой, имел соответствующий этому образу онлайн-профиль. Его коммуникация на русском языке осуществлялась благодаря онлайн-переводчику, вследствие чего наблюдались

характерные особенности: 1) обращение к ребенку в рамках одной переписки происходило как на «ты», так и на «вы»; 2) не соблюдались падежные формы слов, в каждой фразе присутствовали ошибки, перевод часто осуществлялся некорректно (например, вместо «Договорились» было написано «Мы согласились»). Кроме того, практически треть сообщений посягателя представляла собой адресацию стикеров и эмодзи, усиливающих эмоциональность диалога и, главное, заменяющих собой слова. Ведущим манипулятивным приемом была демонстрация мальчикам своей любви, которую необходимо оправдать. Если ребенок недостаточным образом проявлял ответное чувство, не подкреплял его отправкой сексуализированных изображений, посягатель писал о страдании, провоцировал чувство вины, побуждая несовершеннолетнего менять свое осторожное поведение на более раскрепощенное. Мальчикам льстило внимание и любовь со стороны собеседника, которого они считали девочкой. Они не придавали большого значения наличию в его коммуникации многочисленных ошибок, в том числе потому, что сами активно их допускали. Стикеры и эмодзи, которые были им отправлены, воспринимались с интересом и благодарностью. Мальчики старались не огорчать «собеседницу», поэтому поддерживали переписку с ней и направляли свои сексуализированные изображения.

Важно работать с доверием детей и подростков к онлайн-пользователям, информировать о возможной ложности создаваемых ими образов и неискренности. Кроме того, следует обучать несовершеннолетних приемам проверки собеседников. Например, попросить рассказать смешной или печальный случай из жизни; отказ собеседника сделать это, не следование заявленному жанру и (или) ошибки должны стать поводом для подозрений.

Литература

1. Игнатъева Э.А. Выявление уровня сформированности коммуникативных умений виртуального общения // Психологическая наука и образование. 2011. Том 3. № 4. С. 1–8.

Предупреждение экологических правонарушений по отношению к несовершеннолетним в контексте реализации права на экологическую безопасность

Морозов А.А.

Северо-Западный филиал

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Несовершеннолетние граждане как специальная категория субъектов правоотношений в определенной мере ограничены в возможности самостоятельно реализовать и защищать свои права. Государство гарантирует расширенные меры

поддержки несовершеннолетних, обеспечивая образовательный и воспитательный процесс в более позитивном ключе. Однако, в современном обществе сохраняются серьезные угрозы, связанные с экологической безопасностью, жизнью и здоровьем детей, приводящие к негативным последствиям для реализации их нарушенного права.

Определенно, ребенок наиболее уязвимо реагирует на последствия экологических изменений и катастроф, детский организм быстрее усваивает вредные вещества, что серьезным образом влияет на его физическое и психологическое состояние здоровья (Юн Л. В., 2023).

Одним из наиболее актуальных видов экологических правонарушений, негативным образом влияющих как на физическое, так и на психологическое состояние ребёнка, является нападение собак. По статистике Министерства здравоохранения, за период 2023 год от укусов собак пострадали около 77 тысяч детей, из них несколько случаев имеют смертельный исход, что в сравнении с показателями за 2021-2022 годы, наблюдается превышение показателей совершения данной категории экологических правонарушений. При этом ряд случаев, повлекших легкий вред здоровью, остаются незафиксированным. Данная ситуация послужила основанием для разработки мер воздействия, направленных на снижение уровня причинения вреда от нападения животных и обеспечение экологической безопасности как несовершеннолетних граждан, так и всего населения в целом, содержащихся в законопроекте № 630564-8 О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

В судебной практике представлено значительное количество примеров, связанных с данной категорией споров. Сильный болевой и эмоциональный шок повлиял на психологическое состояние ребёнка: появился страх при виде собак, нарушение сна. Дискуссионным остается вопрос относительно восстановления таким образом физических и нравственных страданий потерпевшему. Позиция научных деятелей, подробно изучающих данный механизм возмещения вреда, такова, что компенсационная выплата, по сути, только сглаживает факт наличия вреда, однако от последствий потерпевшему избавиться довольно трудно (Морозов А.А., 2024).

З. Х. Мажитова отмечает, что «в последнее время вызывает беспокойство высокая частота диагностируемых психических расстройств и более низкая успеваемость в школе у детей, проживающих на территориях с экологически нестабильной обстановкой» (Ерохина Е.В., Летута Т.В., Шагивалеева И.З., 2020). Конечно, неблагоприятная экологическая обстановка остро влияет на здоровье несовершеннолетнего, что объясняется повышенной чувствительностью детского организма.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно заключить, что отмечаются проблемные аспекты обеспечения надлежащей безопасности экологических прав несовершеннолетних. С целью предупреждения экологических правонарушений по отношению к детям, надлежащей защиты их прав и интересов, предполагается провести комплекс мероприятий, направленных на совершенствование механизма обеспечения экологической безопасности несовершеннолетних граждан.

Литература

1. Ерохина Е.В., Летута Т.В., Шагивалеева И.З. Право на экологическую безопасность несовершеннолетних. Вопросы защиты и профилактики нарушений // Закон и право. 2020. № 3. С. 23–28.
2. Морозов А.А., Машеро Я.П. Компенсация морального вреда, причиненного несовершеннолетнему // Образование и право. 2024. № 4. С. 317–320.
3. Юн Л.В. Актуальные проблемы реализации права ребёнка на благоприятную окружающую среду // Московский юридический журнал. 2023. №3. С. 46–55.

Роль психолога в исполнении решений по порядку общения отдельно проживающего родителя с ребенком

Новикова Е.Р.

Московская коллегия адвокатов «Швырева и партнеры»

(г. Москва, Россия)

Актуальность темы исполнения решений по порядку общения отдельно проживающего родителя с ребенком обусловлена сложившимся противоречием. С одной стороны, имеется законодательная база, регулирующая порядок общения ребенка с отдельно проживающим родителем. С другой стороны, отдельно проживающие родители месяцами, а то и годами не видят своих детей, не могут принимать участие в их воспитании. Таким образом, не соблюдается баланс между охраной прав и исполнением обязанностей.

Вопрос исполнения судебных решений о порядке общения отдельно проживающего родителя с ребенком является одной из наиболее актуальных и сложных тем в семейном праве. Несмотря на наличие правовых механизмов, на практике возникают многочисленные сложности, связанные с реализацией прав родителей и защитой интересов ребенка.

Успешное исполнение судебных решений по порядку общения отдельно проживающего родителя с ребенком требует строгого соблюдения принципов исполнительного производства, учета интересов ребенка, его возрастных особенностей, эмоционального состояния и эффективного взаимодействия между судебными приставами, родителями, опекунами, психологами и другими участниками процесса. При этом особое внимание должно уделяться созданию благоприятных условий для ребенка, минимизируя возможные стрессовые ситуации и обеспечивая ему комфортное взаимодействие с обоими родителями.

К основным трудностям в исполнительном производстве по порядку общения относятся: сопротивление исполнению решения суда, психологическое давление на ребенка стороны исполнительного производства, недостаточная подготовка судебных приставов, отсутствие эффективных мер воздействия, невозможность принудительного исполнения, пробелы в правовом поле.

В случае необходимости судебные приставы-исполнители привлекают психологов (ст. 61 ФЗ-229), для оценки влияния принудительных мер на ребенка и оценки индуцирования.

Привлечение психолога к участию в таких исполнительных действиях необходимо из-за острого конфликта между родителями, когда стороны часто сознательно вовлекают ребенка в конфликт и настраивают его против друг друга. В этих условиях возрастает риск психологической травмы для ребенка во время исполнения решений.

Привлечение психолога имеет ряд проблем. Например, расходы по привлечению специалиста возлагаются на должника (п.3 ст. 61 ФЗ-229). При этом закон не оговаривает стоимость услуг психолога, и тогда стоит вопрос об адекватности стоимости услуг привлеченного специалиста.

У ФССП России по г. Москве существует соглашение с органами опеки о привлечении психологов государственных бюджетных учреждений для обеспечения независимости специалиста и привлечения его бесплатно. Но в настоящее время психологи ГБУ из-за частых жалоб и угроз в их адрес со стороны недовольных участников исполнительного производства, отказываются участвовать в исполнительных действиях и подписывать какие-либо документы.

Практика автора показывает другую проблему – в регионах привлечение психолога реализуется крайне тяжело. При отсутствии у родителя знаний о его правах в исполнительном производстве судебные приставы-исполнители не спешат ему помочь, отказывают в привлечении психолога, а родители не знают, куда обращаться в поиске специалиста.

Одним из самых сложных случаев является отказ самого ребенка от встреч, при этом исполнение решения суда становится почти невозможным. Принудительное исполнение может усугубить ситуацию, вызывая у ребенка стресс и страх. Важным аспектом является баланс между правом родителя на общение с ребенком и соблюдением интересов самого ребенка, его эмоционального и психологического благополучия. Отказ ребенка от встреч с отдельно проживающим родителем – это вопрос, который требует учета множества факторов, как юридических, так и психологических.

Таким образом, необходимо повышать информированность приставов и других участников процесса, чтобы они принимали во внимание психологическое состояние ребенка и работали над тем, чтобы создать условия для восстановления отношений между родителем и ребенком.

Специфика судебных психологических экспертиз в спорах о детях между кровными и приемными родителями

Пешкова Н.В.¹, Гольцова Н.А.²

¹Центр психологического развития «ПРОактивность»,

²Московская коллегия адвокатов «Перспектива»

(г. Москва, Россия)

Начиная с 1996 года, в РФ развивается институт замещающих семей [1,2], что привело к реорганизации детских домов. Замещение институциональных форм устройств детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обосновывалось необходимостью обеспечения каждому ребёнку возможности воспитываться в семье. Для реализации права ребёнка воспитываться в семье была предусмотрена реабилитационная работа с родителями, ограниченными в родительских правах или лишёнными родительских прав. Однако в реальности реабилитационная работа, направленная на возвращение детей в семьи, практически не ведётся. Право детей на воспитание в семье считается реализованным в полном объёме и при воспитании в приёмной семье и в рамках разновозрастной группы детей в учреждении для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые также называются «семья».

Процесс восстановления в родительских правах часто затягивается на срок до года. Ребёнок, проживающий в это время в приёмной семье, неизбежно привязывается к приёмным родителям. В связи с тем, что приёмные родители также привязываются к ребёнку или изначально берут его в надежде усыновить/удочерить, они часто препятствуют воссоединению ребёнка с кровными родителями, пытаются лишить их родительских прав, доказывая, что ребёнку у них лучше.

Таким образом замещающие родители искажают понятие «право ребенка воспитываться в семье», подменяя его на несуществующее право ребенка воспитываться в «лучшей» семье, т.е. в семье опекуна. Для разрешения споров между кровными и замещающими родителями назначается часто судебная психологическая экспертиза, но отдельно разработанной методологии для её объективного проведения не существует. За основу проведения подобных экспертиз берется алгоритм, разработанный Ф.С. Сафуановым и его коллегами для исследования ситуации спора о ребёнке между родителями. Фактически такая экспертиза предполагает сравнение того влияния, которое оказывает на ребёнка приёмные родители, с которыми ребёнок проживает, и кровные родители, которые могут быть лишены общения с ребёнком или иметь кратковременные встречи несколько раз в месяц. При таком сравнении кровный родитель почти всегда оказывается в проигрышном положении.

Во-первых, при исследовании индивидуально-психологических особенностей приёмный родитель, который проходил специальное обучение и предварительный отбор, смотрится «выгоднее» кровного, который был ограничен в родительских правах.

Во-вторых, ребенок особенно в малолетнем возрасте при постоянном проживании у опекуна наращивает эмоциональные связи с ним, часто с подачи опекуна считает приёмную семью своей родной.

В-третьих, приёмный родитель зачастую имеет негативные установки в отношении кровных родителей и сам эмоционально привязывается к ребенку, принимая роль «спасателя от кровных родителей». Воспитание в таких условиях приводит к психологическому индуцированию ребенка.

В-четвертых, часто проблема лежит в механизме подбора приемной семьи. Дети без статуса на усыновление попадают в приёмные семьи, первоначальным запросом которых был запрос именно на усыновление. Такие приёмные родители целенаправленно строят отношения с ребёнком как со своерожденным, не только ограничивают его во встречах с кровным родителем, но и скрывают информацию о его кровной семье, пытаясь полностью заменить собой кровного родителя.

Анализ подобных случаев требует одновременной работы в юридическом и психологическом поле. Важно юридически закрепить приоритет кровной семьи, а также разработать методические рекомендации по проведению судебных психологических экспертиз данной специфики.

Литература

1. Об опеке и попечительстве [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24.04.2008 N 48-ФЗ: последняя редакция // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/193182/?ysclid=m31m28c9vg555172435> (дата обращения: 03.11.2024).
2. О приемной семье [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 17.07.1996 N 829: последняя редакция // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/5425728/?ysclid=m31lwht7k7975945309> (дата обращения: 03.11.2024).

Использование следователем специальных психологических знаний при работе с несовершеннолетними.

Плахина А.А.

Управление процессуального контроля за расследованием отдельных видов преступлений Следственного комитета Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

В последние годы количество заявлений, рассматриваемых в территориальных следственных отделах, о совершении преступлении против несовершеннолетних в целом растет. Так, следственными подразделениями ГСУ СК России по Московской области за 9 месяцев 2024 года направлено в суд на 3,4 % уголовных дел больше, чем за тот же период прошлого года данной категории.

Особую сложность представляет проверка сообщений о совершении преступлений о половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Необходимо отметить, что по данной категории выявляется и большое число оговоров со стороны детей и подростков, которые заявляют о совершении в отношении них сексуального насилия. Однако последствия заявленных обвинений в совершении особо тяжких преступлений в полной мере понимают не все.

Именно поэтому следователь, получивший такой материал проверки или уголовное дело в производство, должен быть внимательным ко всем деталям. Эффективность установления истины зависит и от умения наладить доверительные отношения с допрашиваемым. Высшая степень профессионализма следователя – это убеждение допрашиваемого в своей проницательности.

Также важно отразить, что для более эффективного проведения работы следователю необходимо стремиться получить сведения первым. Безусловно, первыми обладателями значимой информации становятся лица из ближайшего окружения. С учетом сложившейся практики, следователю важно не допустить каких – либо иных лиц, желающих также поучаствовать в получении значимых сведений у несовершеннолетнего, а оперативно приступить к выполнению своих профессиональных обязанностей.

Зафиксирован ряд случаев, когда законные представители, желая получить дополнительную помощь и подтверждение достоверности сообщения ребенком информации, одновременно с заявлением в правоохранительные органы, обращались к различным психологам, которые активно брались за оказание такой помощи, расспрашивая ребенка о значимых событиях. Только лишь благодаря имеющимся видеозаписям следователям в последующем удавалось установить каким образом формировались показания ребенка.

С 2022 по 2023 гг. проведены исследования, в которых приняли участие следователи (32 человека) и 2 группы детей, в возрасте 6–9 лет. Работа с первой группой детей заключалась в том, чтобы по «неприятной» ребенку ситуации с ним работал один следователь на протяжении 3-х недель. В другой группе следователи, встречаясь с каждым ребенком, чередовались, обсуждая «неприятную» для ребенка тему. Исследования показали, что дети из первой группы в 100% признавались во лжи «своему» следователю, рассказывая произошедшие события, свое виновное поведение и причины «вранья» (в случае если имелись данные факты), и дети, которые настаивали на своих показаниях, вспоминали детали события. То есть давали ту дополнительную информацию, позволяющую следователю проверить сообщенные сведения. По окончании эксперимента дети из первой группы желали продолжать встречаться со «своим» следователем, полагая, что следователь, «он мой друг», «ну ты сама подумай, разве следователю можно врать, он все равно узнает, он же следователь». Во второй группе следователи чередовались, при этом ребенок при каждом разговоре общался с новым следователем. Дети дублировали сведения ранее сообщенные, но сведения превращались из первоначального рассказа в сообщение из

«двух предложений». Для продолжения разговора следователю приходилось дополнительно задавать вопросы, на которые дети отвечали: «не помню», «ну я уже говорил», при этом у некоторых детей отмечалось раздражение и утомление. Все дети из второй группы отказались в дальнейшем встречаться со следователями.

Данное эмпирическое исследование позволяет утверждать, что следователю необходимо находиться с несовершеннолетним в непрерывном контакте, поддерживать его и углублять. Для этого следователь должен обладать умениями и навыками коммуникационного процесса с разными категориями граждан, в первую очередь с несовершеннолетними.

Литература

1. Васкэ Е.В., Леоненко Е.Е., Минаева Е.В., Плахина А.А., Секераж Т.Н. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних: опрос несовершеннолетнего, назначение судебно-психологической экспертизы: практическое пособие. СПб: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2023. 132 с.
2. Плахина А.А. Участие психолога в следственных действиях: пределы компетенции и ответственность // Юридическая психология. 2024. № 1. С.11–14.
3. Плахина А.А. Эффект домино // Журнал Следственного комитета Российской Федерации «Записки следователя». 2024. № 4. С.34–39.

Ресоциализация вернувшихся из СИЗО воспитанников учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Семина Е.В., Позняк О.Ю., Посыпанова О.С.

ГБУ Калужской области «Центр содействия семейному воспитанию
имени В.Т. Попова»
(г. Калуга, Россия)

Проблема ресоциализации подростков, вернувшихся из следственных изоляторов (СИЗО), является актуальной и значимой для психологов, педагогов и социальных работников.

Если ресоциализацию несовершеннолетних исследовали многие авторы (Ананьев О. Г., Александров Б. В., Щербаков Г. В., 2021; Белоусова А.Н., 2021; Бухарова М.В., 2010; Зритнев В.В., 2008; Леус Э.В., Соловьев А.Г., 2012 и др.), то ресоциализация сирот после мест лишения свободы и СИЗО – открытое поле для исследований и практических действий.

Проблема делинквентного поведения подростков остро стоит в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, поскольку воспитанники таких учреждений до прибытия в них, как правило, проживали с родственниками, характеризующимися аддикциями и девиациями.

В Государственном бюджетном учреждении Калужской области «Центр содействия семейному воспитанию имени Попова В.Т. (в прошлом – Азаровский детский дом) проводится большое количество акций и мероприятий по профилактике делинквентного поведения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Но невозможно полностью изменить личность и привычки воспитанников, особенно тех, кто поступил в Центр в подростковом возрасте. Имеются воспитанники, которые совершили преступления и содержались под стражей. В связи с этим возникла необходимость в создании программы психологического сопровождения и реабилитации данных воспитанников.

Мы рассматриваем ресоциализацию как восстановление индивида в качестве полноценного члена общества. Выделяем **пять направлений** ресоциализации сирот после пребывания в СИЗО: социальная адаптация, социальная интеграция, формирование социально-психологической идентичности, кризисная интервенция и профилактика рецидивов преступлений.

Целью программы стало недопущение повторных правонарушений, предупреждение кризисных состояний и корректировка личностных особенностей, представлений и принципов сирот, вернувшихся из СИЗО.

Методами работы являлись: работа в сенсорной комнате, работа с тренажером функциональной активности мозга ТММ «Мираж», мозарт-терапия, песочная терапия, логотерапия, когнитивно-поведенческая терапия, элементы коучинга.

Педагоги-психологи еженедельно проводили индивидуальные коррекционно-развивающие занятия с каждым участником программы (N=5). Продолжительность программы – со дня выхода воспитанника из СИЗО до дня его выпуска из Центра. Программа включала в себя работу по 4 блокам: психодиагностический блок, психопросветительский и психопрофилактический блок, психокоррекционный блок и консультативный блок.

Обсуждение результатов реализации программы. Воспитанники осознали социальную и правовую опасность своих преступлений. В ходе финальной рефлексии они отмечали, что исключают свое криминальное будущее и повторные преступления. У них появились положительно ориентированные жизненные планы и профессиональные намерения, произошло формирование самокритичности и самоанализа. Воспитанники научились прогнозировать последствия своих действий.

Наиболее важный результат программы – снижение потребности сирот в самоутверждении посредством демонстративного девиантного поведения. Уровень тревожности участников программы снизился в среднем на 7,3%, уровень агрессивности – на 8,6 %, суицидальные намерения – на 13,3 %, а уровень самоконтроля повысился на 12,6 %. На данный момент двое из пяти участников программы находятся на СВО.

Литература

1. Белоусова А.Н. Проблемы и перспективы ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступления // Вестник Пермского института ФСИН России. 2021. No 2(41). С. 12–20.
2. Посыпанова О.С., Позняк О.Ю., Мельникова Р.И. Социализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (из опыта работы педагогов-психологов ГБУ КО ЦССВ имени В.Т. Попова) // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Психология личности в эпоху изменений: социализация, ценности, отношения», Калуга, 30-31 мая 2024г. С. 362–372.

Противоправная сексуальная активность несовершеннолетних с использованием интернет-технологий

Терехина С.А.

ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России,
(г. Москва, Россия)

Правонарушения против половой неприкосновенности детей и подростков относятся к группе наиболее тяжких преступлений, пагубные последствия которых трудно переоценить. Цифровизация различных областей современной жизни привела к тому, что традиционные виды преступной активности, которые раньше совершались в реальности, сопровождаясь физическим взаимодействием между преступником и жертвой, в настоящее время в значительной степени переместились в виртуальное пространство. По данным МВД, каждое четвертое из пяти правонарушений за первую половину 2024 года были совершены с применением современных информационных технологий (официальный сайт МВД, 2024). Сочетание постоянного прироста такого рода преступлений, крайне низкого процента их раскрываемости (достигающей 14,8% по категории дел с использованием средств мобильной связи), а также значительного вреда, который они причиняют здоровью и благополучию несовершеннолетних, ставит перед исследователями задачу по изучению условий и механизмов формирования отклоняющегося сексуального поведения в сети.

Подавляющее число исследований по проблемам сексуального домогательства, кибергруминга, изготовления и распространения порнографических материалов с участием несовершеннолетних посвящено анализу факторов риска и протективных факторов виктимизации детей и подростков-жертв правонарушений, либо изучению особенностей взрослых лиц, осуществляющих преступную деятельность сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних (Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., 2022; Медведева А.С., 2023; Wolak J, Finkelhor D., 2013). Вместе с тем зачастую в поле зрения правоохранительных органов оказываются подростки, совершившие сексуальные деликты с использованием современных информационных технологий.

Число исследований в области сексуальной противоправной активности несовершеннолетних в онлайн среде следует признать недостаточным, при том, что уже выполненные работы касаются в большей степени контактных сексуальных правонарушений.

Противоправную сексуальную активность несовершеннолетних в сети Интернет следует рассматривать в более широком контексте, связанном с трансформацией процессов взросления в современном обществе. Так, в сфере полового и гендерного формирования современные технологии позволяют расширить возможности субъективно более безопасного познания собственной сексуальности и экспериментирования при построении психосексуальной идентичности, облегчают поиск знакомств с привлекательными партнерами, создают комфортные условия для получения опыта в установлении и поддержании взаимоотношений с представителями противоположного пола. В то же время, существенное дополнение, а порой и полная замена традиционных видов социализации несовершеннолетних ее цифровыми формами, создает множество проблем, связанных с высоким риском нарушений психосексуального развития личности (Карабанова О.А., Молчанов С.В., 2018).

Сложно организованная информационно-коммуникационная среда оказывает значительное влияние на саму криминальную активность, приводя к заметным изменениям на всех ее этапах. Наблюдается постепенное стирание границ между контактными и бесконтактными видами сексуальных деликтов с преобладанием смешанных форм с точки зрения использования современных средств связи. Анализ экспертной практики демонстрирует неоднородность группы подростков-сексуальных правонарушителей, различающихся особенностями своего психического развития, состоянием психического здоровья, мотивацией совершения противоправных действий, наличием/отсутствием склонности к асоциальным формам поведения. Дальнейшее изучение сексуальных правонарушений несовершеннолетних в сети Интернет предполагает описание и анализ различных траекторий развития несовершеннолетних, включая вопросы экспертной оценки таких подростков, а также подходов к профилактике подобных форм отклоняющегося поведения.

Литература

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] / URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/55225633/> (дата обращения 16.10.2024).
2. Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г. Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306
3. Карабанова О.А., Молчанов С.В. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и

- подростков // Национальный психологический журнал. 2018. №3(31). С. 37–46. doi: 10.11621/npj.2018.0304
4. Медведева А.С. Виктимизация несовершеннолетних в процессе кибергруминга: гендерная и психосексуальная специфика [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 83–94. doi:10.17759/psylaw.2023130407
 5. Wolak J., Finkelhor D. Are crimes by online predators different from crimes by sex offenders who know youth in-person? // Journal of Adolescent Health. 2013. Vol. 53(6). P. 736–741. doi: 10.1016/j.jadohealth.2013.06.010.

К вопросу о первичной психолого-педагогической реабилитации несовершеннолетних потерпевших

Тудупова Т.Ц.

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»
(г. Улан-Удэ, Россия)

Основная цель ювенальной юстиции - создать такую систему, которая будет учитывать особенности несовершеннолетних лиц, и обеспечивать их реабилитацию, а не только наказание.

Проблема несовершеннолетних потерпевших, особенно в контексте половых преступлений, является серьезной психосоциальной и правовой проблемой. Отсутствие качественных и доступных реабилитационных мер для таких детей может приводить к множеству негативных последствий как для самих потерпевших, так и для общества в целом. Прежде всего, это отсутствие поддержки. Несовершеннолетние потерпевшие часто сталкиваются с психологическими травмами, и отсутствие специализированной помощи может привести к долговременным психологическим проблемам, девиантному поведению. Во-вторых, это социальная изоляция. Имеется в виду, что такие дети могут испытывать стыд и страх, что приводит к социальной изоляции. Это может ухудшить их социальные навыки и сделать их более уязвимыми к дальнейшим травмам. В-третьих, это необходимость комплексного подхода: для успешной реабилитации несовершеннолетних потерпевших требуется комплексный подход, который включает медицинскую, психологическую и социальную помощь, а также программы по повышению правосознания и адаптации в обществе.

Последний аспект обуславливает актуализацию вопроса о комплексном подходе, который включает не только представителей судебных и правоохранительных органов, но и других специалистов. Данные специалисты, помимо проведения экспертизы, могут разрабатывать индивидуальные психокоррекционные программы, которые помогут несовершеннолетним лицам еще на этапе следствия и судебного разбирательства адаптироваться и изменить своё поведение. Работа с потерпевшими должна включать в себя создание безопасного

пространства, где они могут выразить свои чувства и переживания, а также поддержку в восстановлении психического здоровья.

Создание службы первичной психолого-педагогической реабилитации несовершеннолетних потерпевших может стать важным шагом в укреплении ювенальных судов и улучшении общего состояния детского и подросткового населения в России. Ключевые аспекты, которые могут быть полезны для реализации данной идеи:

1. Модели взаимодействия: служба может функционировать в тесном сотрудничестве с ювенальными судами, правоохранительными органами и образовательными учреждениями. Важно разработать четкие протоколы взаимодействия, чтобы гарантировать, что несовершеннолетние жертвы быстро получают необходимую помощь.

2. Подбор кадров: для успешной работы службы необходимо наличие у специалистов (психологов, психиатров, педагогов) специальных знаний и навыков, связанных с работой с детьми, пережившими травму. Это может включать обучение методам психолого-педагогической реабилитации, а также практике работы с уязвимыми группами детей.

3. Индивидуальный подход: важно учитывать индивидуальные особенности и потребности каждого несовершеннолетнего, так как реакции на травматичные события могут сильно различаться.

4. Обучение и поддержка семей: важным аспектом реабилитации является работа с семьями несовершеннолетних. Обучение родителей и опекунов методам поддержки и понимания травмы может значительно улучшить процесс восстановления ребенка.

5. Мониторинг и оценка: служба должна иметь механизмы для оценки эффективности своей работы.

Таким образом, служба первичной психолого-педагогической реабилитации сможет внести значительный вклад в поддержку и защиту несовершеннолетних, способствуя созданию более безопасной и заботливой среды для несовершеннолетних потерпевших.

Литература

1. Малинина Ю.Ф., Тудупова Т.Ц. К вопросу о перспективах развития судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних на современном этапе // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. №4 (24). С. 231–235.

Психологические последствия в поведенческой сфере у подростков, пострадавших в результате боевых действий

Ульянина О.А., Александрова Л.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

До настоящего момента проблематика дезадаптации в контексте переживаемого старшими подростками травматического опыта остается недостаточно изученной. В исследовании, призванном восполнить этот пробел, приняли участие обучающиеся 9-11 классов и их родители из трех групп регионов: освобожденные территории N=1209 (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области), приграничные территории N=979 (Курская, Белгородская, Брянская области) и контрольная группа N=1112 (Республики Алтай и Башкортостан). Исследование проводилось весной 2024 г., на базе онлайн платформы AnketologBox.

Проанализированы данные 1) скринингового обследования подростков (инструмент разработан, апробирован и стандартизирован специалистами ФКЦ МГППУ), направленного на оценку состояния проявлений дезадаптации различной степени тяжести в связи с проживанием на территории боевых действий (Ульянина О.А., Александрова Л.А., Дмитриева С.О., 2024); 2) анкетирования родителей обучающихся на основе родительской анкеты направленной на оценку симптомов ПТСР ребенка (Тарабрина Н.В., 2001), и двух списков психотравмирующих событий, являющихся частью инструмента скрининга: а) связанных б) не связанных с последствиями боевых действий.

При анализе результатов использованы: для анализа различий – критерий согласия χ^2 Пирсона, непараметрический критерий Краскела-Уоллеса, корреляционный анализ.

По результатам изучения пережитого за последние два года травматического опыта выявлено, что наиболее распространенными среди подростков в приграничных регионах являются следующие варианты: слышал взрывы – 77%, прятался в убежище – 38%, находился в зоне обстрела – 35%, видел взрывы – 16%, пережил гибель близких/знакомых – 6%, вынужденный переезд – 5%. В освобожденных регионах это (также в порядке убывания): слышал взрывы – 49%, находился в зоне обстрела – 15%, прятался в убежище – 9%, пережил гибель близких/знакомых – 7%, вынужденный переезд – 5%. Обращает на себя внимание, что подростки из контрольной группы также сталкивались с опытом потери близких/знакомых – 6%. Результаты статистического анализа подтверждают, что суммарный опыт переживания психотравмирующих событий у подростков из приграничных и освобожденных территорий значительно обширнее, чем у контрольной группы ($p < 0,001$), при этом наибольшей травматизации, по данным опроса родителей, подвергаются подростки из приграничных территорий.

Во всех рассматриваемых группах регионов у подростков преобладают легкие (67-72%) и умеренные (16-25%) проявления дезадаптации, однако в приграничных

регионах уровень выраженности дезадаптации в поведенческой сфере выше, чем в двух других.

Проведенный анализ показывает, что чаще всего у подростков встречаются такие поведенческие нарушения, как отказы от выполнения домашних обязанностей и поручений педагогов, вербальная агрессия и использование ненормативной лексики, неспособность довести начатое до конца, необдуманные поступки, опасные для жизни и здоровья, физическая агрессия и высокая конфликтность. Причем, подростки из приграничных регионов сообщают о них существенно реже.

Данные корреляционного анализа показывают, что травматический опыт, обусловленный вовлеченностью территории проживания в последствия боевых действий, выраженность проявлений дезадаптации в поведенческой сфере, связаны между собой статистически значимыми прямыми корреляционными связями в группах из приграничных и освобожденных территорий. В контрольной группе подобные связи между проявлениями поведенческой дезадаптации, признаками ПТСР и травматическим опытом получены только для показателя, отражающего универсальный список психотравмирующих событий, не связанных с вовлеченностью региона в последствия боевых действий.

Полученные результаты свидетельствуют об острой необходимости оказания психологической помощи несовершеннолетним на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий, в том числе, с целью профилактики развития поведенческих нарушений.

Литература

1. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
2. Ульянина О.А., Александрова Л.А., Дмитриева С.О. Особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 171–189. DOI: 10.17759/sps.2024000001.

Безопасность образовательной среды: возможности и вызовы

Ульянина О.А., Файзуллина К.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Научно-методические основы организации психологически безопасной образовательной среды в новых территориях Российской Федерации», рег. № 1024032600321-6-5.1.1 (соглашение № 073-03-2024-005/2 от 27 августа 2024 г.).

Образовательная среда представляет собой открытую систему, включающую тенденции и специфические особенности социальной среды, часть из которых способны представлять угрозу для безопасности образовательной среды, например, ценностная деформация в обществе, вербовка в асоциальные деструктивные группы, дестабилизация межкультурного взаимодействия и др. В связи с этим социальные вызовы требуют мобилизации возможностей образовательной среды для обеспечения психологической безопасности участников образовательных отношений.

Противоречие между актуальными социальными вызовами и возможностями образовательной среды по обеспечению психологической безопасности будет решено через реализацию одной из национальных целей развития России – «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» (Указ Президента Российской Федерации, 2024), цели Концепции развития системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования в Российской Федерации на период до 2030 года – «развитие целостной комплексной системы психолого-педагогической помощи участникам образовательных отношений...» (Письмо Минпросвещения России, 2024).

Реализации приведенных целей в условиях образовательной организации возможно через формирование психологической безопасности образовательной среды, способствующей личностно-эмоциональной защищенности участников образовательных отношений, актуализации их внутренних ресурсов для наиболее успешной реализации социально-ролевых функций и др.

Возможности образовательной среды по развитию психологической безопасности заключаются в комплексной реализации деятельности с участниками образовательных отношений по психопрофилактике, психопросвещению, психодиагностике, а также включение обучающихся в развивающие и при необходимости коррекционные мероприятия.

Комплексная психолого-педагогическая деятельность будет способствовать формированию знаний, умений, внутренних установок, личностных ориентиров и норм поведения, обеспечивающих сохранение и укрепление физического и психологического здоровья участников образовательных отношений. Содействовать психологической безопасности также будет обеспечение познавательного и эмоционального развития каждого обучающегося, достижение ими планируемых результатов освоения основной образовательной программы, а также развитие культуры безопасного поведения. Для обеспечения психологической безопасности образовательной среды важно создать организационно-содержательные основы для своевременного реагирования на кризисные и чрезвычайные ситуации, в результате которых существует риск для жизни и здоровья участников образовательных отношений.

Таким образом, практическая реализация возможностей современной образовательной среды будет способствовать формированию ее психологической

безопасности, что позволит повысить качество взаимодействия участников образовательных отношений, улучшить показатели личностного развития обучающихся, содействовать снижению степени влияния различных факторов социального риска на образовательную среду.

Литература

1. О направлении Концепции и плана [Электронный ресурс]: Письмо Минпросвещения России от 01.07.2024 N ДГ-1105/07. URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-razvitija-sistemy-psikhologo-pedagogicheskoj-pomoshchi-v-sfere-obshchego-obrazovanija> (дата обращения: 25.09.2024).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 25.09.2024).

Компоненты мотивации совершения несовершеннолетними имущественных правонарушений

Устинов Д.В.

Республиканская межведомственная
комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав
в Донецкой Народной Республике
(г. Донецк, Россия)

Деактуализация преступных мотивов – действенное направление индивидуальной профилактики имущественных правонарушений несовершеннолетних.

Отечественные теории мотивации противоправного имущественного поведения несовершеннолетних значительную ролью наделяют мотивы самоутверждения на социальном и индивидуальном уровне (Ю.М. Антонян), озорства и содействия товарищам (Г.Г. Шиханцов), удовольствия, страха, биологических нужд (И.А. Горьковая), мести и зависти (Р.А. Севастьянов). Значимы также примитивные мотивы материальной выгоды (И.А. Коновалова, К.Ю. Логинова).

Цель исследования: установление значимости отдельных видов мотивов в структуре мотивации совершения несовершеннолетним имущественных правонарушений.

Основной инструментарий: специализированная проективная методика диагностики мотивов делинквентного имущественного поведения (МДИП) несовершеннолетних (Сафуанов Ф.С., 2023).

Диагностируемые: 82 несовершеннолетних, состоящих на учете в ОВД за совершение преступлений против собственности.

С точки зрения предупреждения правонарушений наибольший интерес представляют несовершеннолетние, имеющие критический и высокий уровень частоты возникновения и силы проявления отдельных видов преступных мотивов.

Наиболее часто (показатель встречаемости) и настойчиво (показатель интенсивности) несовершеннолетние правонарушители проявляли материально ориентированные побуждения. Встречаемость *корыстного* мотива критического и высокого уровней выявлена у 89% диагностируемых (24% и 65%, соответственно). Интенсивность корыстного мотива критического уровня выявлена у 39%, высокого – у 50% диагностируемых.

Мотив *безопасности*. Показатели встречаемости критического уровня выявлены у 8%, высокого – у 66% правонарушителей; показатель интенсивности критического уровня – у 15%, высокого – у 78% диагностируемых.

Ряд потенциальных преступных мотивов, не обладая определяющим влиянием в групповой структуре противоправной имущественной мотивации, доминируют в мотивации отдельных правонарушителей.

Так, показатели *игрового* мотива обозначили критический уровень его встречаемости у 2%, высокий – у 28% диагностируемых; критический уровень интенсивности у 1%, высокий – у 59% диагностируемых.

Мотив *самоутверждения*. Встречаемость критического уровня не выявлена, высокого – у 28% правонарушителей; интенсивность критического уровня у 1%, высокого – у 57% диагностируемых.

Мотив *повышения самооценки*. Встречаемость критического уровня не выявлена, высокого – у 28% правонарушителей; интенсивность критического уровня не выявлена, высокого – у 57% диагностируемых.

Гуманный мотив. Встречаемость критического уровня не выявлена, высокого – у 37% правонарушителей; интенсивность критического уровня не выявлена, высокого – у 32% диагностируемых.

Мотив *мести*. Встречаемость критического уровня не выявлена, высокого – у 18% правонарушителей; интенсивность критического уровня не выявлена, высокого – у 28% диагностируемых.

Мотив *зависти*. Критический уровень встречаемости и интенсивности не выявлен, высокий – выявлен у 20% диагностируемых.

Проявления *физиологического* мотива подтвердили его ситуативность.

Исследование, с одной стороны, показало, что в мотивации противоправного имущественного поведения подростков и юношей представлены все виды преступных мотивов, обозначенные специалистами, с другой – позволило определить значимость отдельных мотивов для формирования индивидуальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей.

Литература

1. Сафуанов Ф.С., Устинов Д.В. Методика диагностики потенциальных мотивов противоправного имущественного поведения несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2023. № 1(62). С. 39-50.

Проблемы психологической экспертной оценки отставания в психическом развитии у правонарушителей

Федонкина А.А.

ФГБУ НМИЦПН им. В.П.Сербского;
(г. Москва, Россия)

При совершении правонарушений несовершеннолетними законодатель применяет по отношению к ним особые условия уголовной ответственности. Однако ст. 96 УК РФ гласит, что в исключительных случаях с учетом характера совершенного деяния и личности суд может применить положения главы 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» к лицам, «совершившим преступления в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, кроме помещения их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа либо воспитательную колонию». Основной сложностью применения в судебной практике данной статьи является то, что в содержании ее текста присутствует формулировка «в исключительных случаях», что законодателем не раскрыто.

В уголовном законодательстве большинства стран представлены четкие нормы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, но также присутствуют и нормы в отношении лиц молодого возраста, достигших совершеннолетия. То есть, суды, в отдельных случаях, при назначении наказания лицам молодого возраста (чаще всего от 18 до 21 года), вправе смягчить его, применив требования закона об уголовной ответственности несовершеннолетних. Основным критерием при принятии такого решения является отставание в психическом развитии, также судом учитываются такие данные, как: социальная среда, образование, семейная ситуация, обстоятельства совершенного противоправного деяния. Кроме того, в некоторых странах молодежный возраст сам по себе является обстоятельством, смягчающим наказание.

Возвращаясь к особенностям российского законодательства, мы вправе задать логичный вопрос, каким образом суд может установить «исключительность» случая и какие критерии для этого использовать. Очевидно, что случаи применения ст. 96 УК РФ единичны, и в настоящее время сложно обобщить опыт и представить четкие нормы по ее использованию. Говоря о практике судебных психологических экспертиз (СПЭ) и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ), важно отметить, что конкретные методологические указания при проведении экспертиз несовершеннолетним подэкспертным, результаты которых может учитывать суд при применении норм ст. 96 УК РФ, отсутствуют. В свою очередь, зачастую

судебно-следственные органы в определении либо постановлении о назначении СПЭ/КСПЭ совершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому, задают вопрос об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством. Эксперты-психологи приравнивают подобные вопросы к нормам ч. 3 ст. 20 УК РФ, которая применяется исключительно к несовершеннолетним лицам, вместе с тем, установление отставания в психическом развитии не противоречит тому, что данное решение может быть вынесено в отношении совершеннолетнего правонарушителя. Вопрос о наличии или отсутствии у подэкспертного отставания в психическом развитии может быть решен и в отношении подэкспертных старше 18 лет. 18-летний возраст в периодизации развития относится к юношескому периоду и в рамках психологического исследования возможно определение соответствия/ несоответствия уровня психического развития подэкспертного нормам именно юношеского периода. Также важно оценивать существенное влияние личностного фактора (индивидуально-психологических особенностей) на криминальное поведение, что значимо для решения вопросов об индивидуализации уголовной ответственности.

Таким образом, важной задачей является уточнение понятия «исключительного случая» в ст. 96 УК РФ, а также выделение критериев экспертной оценки особенностей психического развития лиц, достигших совершеннолетия в практике СПЭ и КСПЭ.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Личностные особенности наркозависимых осужденных как основа для коррекционной работы

Ажимов В.В.

УФСИН России по Удмуртской Республике
(г. Ижевск, Россия)

Целью исследования личностных особенностей наркозависимых осужденных является установление их специфики и дальнейшая разработка психокоррекционной программы.

Исследование было проведено на базе исправительных учреждений и следственных изоляторов УФСИН России по Удмуртской Республике.

Всего обследовано 664 осужденных, из них 336 с наркотической зависимостью и 328 без наркотической зависимости.

Примененный диагностический инструментарий: «Тест аддиктивных установок (Мак-Маллан – Гейлхар), «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х. Конт), «Методика исследования самоотношения» (С.Р. Пантилеев), Опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус, С. Фолкман), «Оценка склонности к риску» (Т. Элерс).

Зафиксированы значимые различия в уровне аддиктивных установок, психологических защитах личности: «Регрессия», «Компенсация», «Проекция», «Замещение, значения по которым выше в группе наркозависимых осужденных.

Значимые различия выявлены в стратегиях совладающего поведения: «Конфронтативный копинг», Дистанцирование, Самоконтроль, «Поиск социальной поддержки», «Принятие ответственности», «Бегство – избегание».

Зафиксированы следующие значимые различия показателей самоотношения осужденных в группах: «Открытость», «Самоуверенность», «Саморуководство», «Самоценность», «Самопривязанность».

Выявлены значимые различия в группах по показателям субъективного контроля по шкалам: «Общая интернальность», «Интернальность в сфере достижений», «Интернальность в сфере производственных отношений», «Интернальность в сфере межличностных отношений», «Интернальность в сфере здоровья», которые имеют значения выше, чем в контрольной группе.

Проведен корреляционный анализ между методиками в обеих группах осужденных. Выявлены определенные различия в структуре связей, особенно наглядно проявляющихся в связях с показателем склонности к риску.

Склонность к риску наркозависимых осужденных положительно взаимосвязана с «Аддиктивными установками», с «Внутренней конфликтностью» и «Самообвинением», и имеет отрицательные взаимосвязи с «Интернальностью в сфере достижений», «Интернальностью в сфере неудач», «Интернальностью в сфере семейных отношений».

Данные корреляции определяют выборку наркозависимых осужденных как лиц, которые при увеличении аддиктивной потребности склонны к более рискованному поведению в местах лишения свободы, отличаются ростом экстернальности и нарастанием внутриличностных противоречий.

Проведенный кластерный анализ позволил нам разбить группу наркозависимых осужденных на 3 кластера: «Аддиктивно-самоуничжительный», «Целеустремленный», «Переходный».

Наркозависимые осужденные первого кластера «Аддиктивно-самоуничжительный» отличаются более высокими значениями аддиктивных установок, высокими значениями психологических защит личности, преобладанием деструктивных копингов, низким самоотношением с высоким уровнем внутренней конфликтности и самообвинения (отрицательная сбалансированная позиция «Я – никчемный»), ниже среднего показателями интернальности.

Наркозависимые осужденные второго кластера «Целеустремленный» отличаются более низкими показателями аддиктивных установок, низкими показателями психологических защит личности, преобладанием конструктивных копингов, высоким уровнем самоотношения, низкими показателями самообвинения и внутренней конфликтности (положительная сбалансированная позиция «Я – успешный»), имеющих выше среднего показатели интернальности.

Наркозависимые осужденные третьего кластера «Переходный» характеризуются средними значениями всех показателей.

Полученные результаты и представленная типология положены в основу программы для коррекции личностных особенностей наркозависимых осужденных. На данном этапе идет завершение формирующего эксперимента.

Концепция возможных и невозможных Я: потенциал применения в работе с осужденными

Бондаренко М.И., Бусыгина Н.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Идея самопроектирования человека, его агентность или субъектность, находятся в фокусе современных исследований личности. Вопрос ресоциализации людей с опытом тюремного заключения – это в том числе вопрос способности субъекта осуществлять экзистенциальный выбор и планировать свое будущее после освобождения.

Изложение концепции Возможных Я на русском языке можно найти у В.Ю. Костенко. «Возможное Я – это направленный в сферу будущего и возможного компонент Я-концепции, являющийся когнитивным выражением ожиданий, целей, страхов, надежд, стремлений субъекта и выступающий как связующее звено между когнитивной оценкой себя и мотивацией» (Костенко В.Ю., 2016). Возможные Я включают в себя: «Я, которыми мы очень хотели бы стать; Я, которыми мы могли бы стать; Я, которыми мы стать боимся» (Markus H., Nurius P., 1986).

Важны и т.н. «невозможные Я» – образы, которые человек исключает из представлений о себе или считает недостижимыми. Они особенно актуальны для людей, переживших заключение, ставящих под сомнение возможность нормального функционирования, потенциал ресоциализации. «Некоторые испытуемые формулируют и выбирают желаемое возможное «Я» особого типа. Такие респонденты, во-первых, не считают себя способными реализовать свою самую желаемую на данный момент возможность, а во-вторых, крайне низко оценивают объективную вероятность ее воплощения в жизнь. Подобная траектория сопровождалась выраженностью целого ряда негативных показателей: повышенной руминацией, высоким уровнем нейротизма и негативного аффекта, а также выраженной тенденцией к самообвинению» (Гришутина М.М., Костенко В.Ю., 2019).

К методам измерения Возможных Я относят закрытые опросники (Tell us about what is possible for you, Markus, Nurius, 1986); открытые опросники со шкалами (Hooker, Kaus, 1992; Frazier, Hooker, 2006); арт-методы; нарративные методы, например, письмо себе в будущее (Гришина Н.В., 2019). Отмечается, что работа с убеждениями относительно потенциальных версий себя, может быть полезной в психотерапии и для саморегуляции (Bak W., 2015).

Существуют исследования, в которых напрямую рассматриваются Возможные Я осужденных, корреляция Возможных Я и делинквентности. Уже в 1990 году появилась работа про баланс между желаемым и пугающим Я (например, между трудоустройством и страхом безработицы) у делинквентных подростков (Oyserman D., Markus H., 1990). Взаимосвязь между страхами и склонностью к делинквентности описана в статье А. Johnson и С. Corte (2020). В исследовании 2011 года рассматривалась родительская идентичность молодых мужчин в заключении. Возможные Я опрошенных были связаны с трудоустройством и родительством, в то время как *feared selves*, пугающие – с повторными правонарушениями и возвращением в тюрьму (Meek R., 2011).

Т.о., в контексте работы с осужденными, исследование возможных Я способствует обнаружению психотерапевтических мишеней и тех сфер жизни осужденного, которые нуждаются в особом внимании и поддержке.

Литература

1. Гришина Н.В. Психология личности. Пребывание в изменении. СПб.: СПбГУ, 2019. 577 с.

2. Гришутина М.М., Костенко В.Ю. Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструктов // Вестник СПбГУ. Психология. 2019. Т.9. Вып. 3. С. 268-279.
3. Костенко В.Ю. Возможное Я: подход Хейзел Маркус // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. Т. 13. №2. С. 421-430.
4. Bak W. Possible Selves: Implications for Psychotherapy // Int J Ment Health Addict. 2015. May 2;13(5). P. 650-658.
5. Johnson A., Corte C. Possible selves, psychological well-being, and substance use in young men within 12 months post-incarceration // Public Health Nurs. 2020. 37(4). P. 494-503.
6. Markus H., Nurius P. Possible Selves. American Psychologist. 1986. Vol. 41 (9). P. 954-969.
7. Meek R. The possible selves of young fathers in prison // Journal of Adolescence. 2011. Vol.34, Issue 5. P. 941-949.
8. Oyserman D., Markus H. Possible selves and delinquency // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. 59(1). P. 112-125.

Взаимосвязь ностальгии с субъективным благополучием и личностными особенностями женщин, содержащихся в следственном изоляторе

Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В., Барцева К.В.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № №23-18-00142.

Проблема жизнестойкости личности в ситуации изоляции остро проявляется в пенитенциарной системе и является одним из факторов стрессогенности, приводит к развитию деструктивных форм поведения (Пирожков В.Ф., 2012; Blake E., Gannon T. A., 2011). Протективным фактором может быть ностальгия как специфическое состояние личности (Kelley N.J. et.al., 2022; Biskas M. et.al., 2019).

Выборка: 78 женщин от 18 до 67 лет ($M=34.6$, $SD=9.33$), содержащихся в следственном изоляторе г. Санкт-Петербурга. **Методы:** 1. Опросник склонности к ностальгии (Routledge C., Arndt J., Sedikides C., Wildschut T., 2008); авторский опросник содержания ностальгии; большая пятёрка BFI-2-S (в адапт. А.М. Мишкевич, С.А. Щebetenko, А.Ю. Калугин, 2022); темная триада (Paulhus, D. L., 2013; в адапт. М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой, 2015); опросник благополучия (WHO5, Topp C.W., Østergaard S.D., Søndergaard S., Bech P., 2015); методика диагностики субъективного благополучия (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова, 2018); тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (2000); опросник генерализованного тревожного расстройства (Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J. B. W., Lowe B., 2006, адапт. А.А. Золотаревой, 2023); методика диагностики симптомов кризиса (Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А., 2013). 2. Критерий Колмогорова-Смирнова, ранговый

коэффициент корреляции Спирмена, множественный регрессионный анализ.

Процедура. добровольность и конфиденциальность участия.

Результаты. Женщины отмечают *ценность переживания ностальгии* (47%), *склонность к ней* (42%), *значимость воспоминаний из прошлого* (48%). Они обращаются к ностальгии не менее одного раза в день (46%), в одиночестве (61%), связывают ее переживание с грустью (63%). Получены *взаимосвязи* ценности ностальгии с уровнем субъективного благополучия ($r_s=.224$; $p<.05$), локусом-контроля Я ($r_s=.226$; $p<.05$), доброжелательностью ($r_s=.252$; $p<.05$), склонности к ностальгии с уровнем субъективного благополучия ($r_s=.314$; $p<.01$), тревожностью ($r_s=.372$; $p<.05$), нейротизмом ($r_s=.283$; $p<.05$). Проверка *общей гипотезы о вкладе личностных особенностей в особенности проживания ностальгии*: ценность ностальгии и склонность к ней имеют высокую силу связи с личностными особенностями ($R=0.648$, скорр. $R^2=0.18$; $R=0.628$, скорр. $R^2=0.14$ – соотв.), а частота ностальгических воспоминаний – среднюю ($R=0.499$, скорр. $R^2=-0.05$). Предположение о вкладе личностных особенностей в особенности проживания ностальгии справедливо. Проверка *вклада каждого конструкта в особенности ностальгических переживаний* показала: ценность ностальгии выше с ощущением субъективного благополучия ($t=3.090$, $p<.01$), просоциальной и коллективной ориентированностью ($t=2.324$, $p<.05$), убеждением в способности контролировать свою жизнь ($t=-2.005$, $p<.05$), склонность к ностальгии выше с ощущением субъективного благополучия ($t=2.699$, $p<.01$), удовлетворенностью жизнью в настоящем ($t=2.213$, $p<.05$).

Выводы. Результаты подтверждают гипотезу о взаимосвязи ностальгии с личностными особенностями. Вероятно, ностальгия может выступать адаптационным ресурсом личности, что требует дальнейших исследований.

Литература

1. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89. 2012. 704 с.
2. Biskas M., Cheung W.Y., Juhl J., Sedikides C., Wildschut T., Hepper E. A prologue to nostalgia: savouring creates nostalgic memories that foster optimism // *Cognition and Emotion*. 2018. Vol. 33. No 3. P. 417-427. doi:10.1080/02699931.2018.1458705
3. Blake E., Gannon T.A. Loneliness in sexual offenders // S. J. Bevinn (Ed.), *Psychology of loneliness*. Hauppauge, NY: Nova Science. 2011. P. 49-68.
4. Kelley N.J., Davis W.E., Jianning D. et al. Nostalgia confers psychological wellbeing by increasing authenticity // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2022. Vol. 102. doi:10.1016/j.jesp.2022.104379

О состоянии функционирования психологической службы уголовно-исполнительной системы и возможностях её дальнейшего развития

Дебольский М.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Уголовно-исполнительная система (УИС) России продолжает развиваться: принята Концепция её развития до 2030 г., утвержден ряд других концептуальных и нормативно правовых документов по совершенствованию воспитательной работы с сотрудниками, по обеспечению воспитательной, социальной, психологической работы с осужденными, в контексте Закона о службе пробации. Вместе с тем, представляется, что не все принятые нормативно правовые акты, регламентирующие деятельность психологической службы УИС России, достаточно проработаны концептуально и отвечают потребностям практики. Приказ Минюста России № 351 от 29 ноября 2023 г. отменил приказ № 238 Минюста России от 12 декабря 2005 г., которым была утверждена достаточно развернутая Инструкция Об организации деятельности ПС УИС, а новые направления и порядок работы пенитенциарных психологов изложены в 350 приказе Минюста России от 29.11.2023 г. В приложении 2 к данному приказу изложен «порядок осуществления социальной, и воспитательной работы с осужденными», а также порядок «оказания им психологической помощи». В новом приказе не регламентирован порядок работы с персоналом УИС (это естественно, т.к. в нём описана только работа с осужденными). Но главная проблема в том, что интегральные («родовые») понятия «психологическая работа» или «психологическое обеспечение» осужденных, заменены в приказе на более узкий термин «психологическая помощь». В научном плане – это некорректно. Вероятно, использование данного термина как интегрального обусловлено тем, что право осужденных на психологическую помощь закреплено в статье 12 УИК, пункт 6.1. (2003). Далее, разработчики проекта приказа №350 фразу Закона «Участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологическая помощи осуществляется только с их согласия», перефразировали и записали так: «Участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологическая помощи осуществляется на добровольной основе с письменного согласия осужденного (выделено мной - М.Д.). Надо не знать или игнорировать психологические закономерности среды осужденных, чтобы не понимать, что правонарушители всячески избегают, без крайней нужды, писать какие-либо заявления в адрес администрации об оказании им помощи. При заявительном подходе существенно сокращается возможность проводить психодиагностическое обследование вновь прибывших осужденных в исправительное учреждение, оказывать исправительное психологическое воздействие на значительную часть осужденных, осуществлять профилактику суицидов и других противоправных действий, ибо, при отсутствии письменного заявления осужденного, такие действия сотрудников психологической

службы могут рассматриваться как нарушения прав осужденного и нарушение законности.

В сложившейся ситуации целесообразно:

1. приказом Минюста России утвердить Концепцию развития психологической службы УИС до 2030 г., определив основные цели, задачи, направления деятельности, принципы её функционирования с учетом накопленного опыта (проект данной концепции разработан ФКУ НИИ ФСИН России с участием образовательных заведений ФСИН России);

2. в Закон о службе в УИС внести дополнения об основных направлениях психологической работы с работниками УИС, по аналогии с Законом о полиции и других силовых структурах;

3. психодиагностическую, информационно-развивающую и исправительную (психокоррекционную) работу с осужденными осуществлять на тех же принципах, что и воспитательную (не основываясь на заявительном принципе как обязательном);

4. участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи осуществлять с их согласия, при условии, что их психическое состояние и поведение не угрожает жизни и здоровью самих осужденных и окружающих. В любом случае, психологические мероприятия не должны носить принудительный характер, а отказ от участия в них рассматриваться как нарушение режима;

5. проработать вопрос (юридически и психологически) о возможности отнесения психологической работы с осужденными к основным средствам исправления, с учетом всех возможных последствий.

6. подготовить и издать полноценный приказ Минюста России об организации деятельности ПС УИС с учетом современного состояния развития пенитенциарной системы и государства;

7. обновить квалификационные требования к сотрудникам ПС УИС, учитывая многоплановый характер деятельности специалистов и принимая во внимание потребность в психологах различного профиля: юридический психолог, социальный психолог, клинический психолог, педагог-психолог, психология служебной деятельности, психология экстремальной деятельности. Совершенствовать первоначальную подготовку и переподготовку сотрудников психологической службы по различным направлениям деятельности.

Эмоционально-личностные особенности мужчин, страдающих алкогольной зависимостью

Иртегова М.М., Власова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Алкогольная зависимость оказывает существенное негативное влияние на все сферы жизни аддикта и представляет собой угрозу для социума. Так, согласно докладу МВД о состоянии преступности в России за январь-февраль 2024 года, 24,9% преступлений совершается лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения.

Дискуссионным в современных исследованиях является вопрос изучения эмоционально-личностных особенностей аддиктов, в частности, таких феноменов, как алекситимия, эмоциональный интеллект и эмпатия (Власова Н.В., Иртегова М.М., 2024).

Феномен алекситимии трактуется как психологическая характеристика личности, определяемая рядом когнитивно-аффективных особенностей (Бройтигам В., 1999). Конструктом, связывающим эмоциональный и когнитивный компоненты, является эмоциональный интеллект – способность понимать как свои, так и чужие эмоции, умение управлять ими, не нарушая адаптацию (Люсин Д.В., 2004). В контексте взаимодействия определенную роль играет такой феномен, как эмпатия – способность считывать эмоциональный контекст (Гаврилова Т.П., 1975).

Гипотезой исследования стало предположение, что существуют различия между показателями выраженности алекситимии, уровнем эмоционального интеллекта и эмпатии у мужчин, страдающих алкогольной зависимостью в сравнении с группой здоровых мужчин.

Методиками исследования выступили: «Торонтская Алекситимическая Шкала», «Тест Эмоционального Интеллекта» Д.В. Люсина, «Методика Диагностики Уровня Эмпатии» И.М. Юсупова, а также «Мичиганский Алкогольный скрининг-тест» (MAST).

Выборку исследования составили две группы, всего 60 мужчин (средний возраст 35,5). В проблемную группу мужчин (30 человек) вошли пациенты, страдающие алкогольной зависимостью, находившиеся на лечении в НИИ Наркологии им. В.П. Сербского. Контрольную группу составили 30 мужчин, не имеющих склонности к алкогольной зависимости.

По данным сравнительного анализа, было установлено, что для мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, характерна высокая выраженность алекситимии ($U=136,5$, при $p<0,05$), отраженная в трудностях идентификации эмоциональных переживаний. В структуре эмоционального интеллекта были выявлены: трудности понимания эмоций ($U=242$, при $p<0,01$), низкая выраженность показателей межличностного ($U=155$, при $p<0,01$) и внутриличностного эмоционального интеллекта ($U=252$, при $p<0,01$). А также сниженные показатели способности управления эмоциями ($U=382,5$, при $p<0,01$) и эмпатии ($U=380,5$, при $p<0,01$). Данные интерпретированы через призму сформированных дезадаптивных стратегий совладания с эмоциональным напряжением, характеризующихся избеганием, в частности, посредством употребления алкоголя.

Таким образом, понимание различных сторон эмоционально-личностных особенностей, установление их роли в механизме формирования алкогольной

зависимости дают возможность расширить теоретическую и практическую базу для дальнейших исследований.

Литература

1. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина / Пер с нем. Г.А. Обухова, А.В. Бруенка; Предисл. В.Г. Остроглазова. // М.: Гэотар Медицина, 1999. 376 с.
2. Власова Н.В., Иртегова М.М. Коррекция алекситимии как технология профилактики склонности к алкогольной зависимости // Инновационные социально-психологические технологии: от теории к практике. Материалы II Международного научно-практического фестиваля. Минск, 2024. С. 80-85.
3. Гаврилова Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 147 – 158.
4. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: ИПРАН, 2004. С. 29–35.
5. Морогин В.Г., Костина Н.П. Социально-психологическая история алкоголизации России // Медицинская психология в России. 2013. Т. 5. № 5. С. 14.

Методические рекомендации для проведения психодиагностики волевого компонента контроля поведения сотрудников исправительных колоний (на примере сотрудников отделов безопасности и охраны)

Кадочникова И.В.

ГУФСИН России по Челябинской области
(г. Челябинск, Россия)

В многоуровневом строении организации психического в рамках системно-субъектного подхода волевой компонент контроля поведения рассматривается как способность субъекта поддерживать деятельность в условиях ограничений и трудностей (Сергиенко Е.А., 2010). Волевой компонент контроля поведения позволяет сотруднику выстраивать и изменять свое поведение в соответствии с изменениями в окружающей действительности, справляться с возникающими препятствиями и сохранять оптимальный уровень активности в противоречивых условиях.

Для объективного и всестороннего изучения личности с целью выявления и описания ее индивидуально-психологических особенностей, а также предупреждения возникновения профессионально обусловленных деструкций сотрудников УИС целесообразно осуществление углубленной психодиагностики сотрудника.

Волевой компонент в контроле поведения сотрудников предлагается исследовать с использованием психодиагностических методик, представленных в ведомственной компьютерной программе «Автоматизированное рабочее место пенитенциарного психолога», далее – АРМПП): 1. «Опросник способов копинга» (Ways of Coping Questionnaire) (WCQ в АРМПП), С. Фолкман и Р. Лазарус в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой (Крюкова, Куфтяк, 2007); 2. опросник «Оценка уровня волевого самоконтроля» (Е.В. Эйдман, А.Г. Зверков) («ВСК» в АРМПП) (А.Г. Зверков, 1990); 3. опросник «Шкала контроля за действием» (НАКЕМР-90) Ю. Куля в адаптации С.А. Шапкина (в АРМПП не представлена, предполагает обработку результатов вручную) (Шапкин С.А., 1997).

1. WCQ – обращаем внимание на повышение показателей у сотрудников отдела безопасности по шкалам «Дистанцирование», «Бегство-избегание» как нежелание ассимилироваться с реальными условиями служебной деятельности; у сотрудников отдела охраны обращаем внимание на повышение показателей по шкалам «Самоконтроль» и «Принятие ответственности» как факторы риска повышения нервно-психического напряжения.

2. ВСК – у сотрудников отдела безопасности обращаем внимание на понижение показателей по шкалам «самообладание» и «общий самоконтроль», что может свидетельствовать о невысоком самоконтроле непосредственного поведения, а у сотрудников отдела охраны, напротив, – повышение показателей по указанным шкалам, что может указывать на гиперконтроль в служебной деятельности.

3. НАКЕМР-90 – обращаем внимание на повышение показателей у сотрудников отдела безопасности по шкале «контроль за действием при реализации с ориентацией на действие», что может свидетельствовать о повышенной готовности к действию без предварительного обдумывания; у сотрудников отдела охраны по шкале «контроль за действием при реализации с ориентацией на состояние», напротив, может свидетельствовать о неспособности к быстрой перестройке имеющейся программы деятельности, сложностях в принятии решения.

Предложенная стратегия психодиагностического исследования волевой стороны самоконтроля сотрудников достаточно проста в применении и может быть использована с целью нивелирования рисков в служебно-профессиональной деятельности, а также реализовывать прогностические задачи.

Литература

1. Зверков А.Г. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ, 1990. С. 116-126.
2. Крюкова Т.Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93-112.

3. Сергиенко Е.А. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 350 с.
4. Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. 140 с.

Цифровая постпенитенциарная пробация: особенности применения

Кузнецов М. И.

ФКОУ ВО «Академия права и управления ФСИН»

(г. Рязань, Россия)

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года определяет цифровизацию как одно из главных направлений ее развития. Это касается и находящейся в стадии становления в нашей стране службы пробации, особенно одной из ее составляющих – постпенитенциарной пробации. Целью цифровой постпенитенциарной пробации является стабилизация социальных течений, внутренних ресурсов в рядах трудоспособного населения государства. Иными словами, в период адаптации человека, определенное судом время находившегося в изоляции от общества в местах лишения свободы и утратившего социально-полезные связи, государство, используя современные цифровые инструменты, организует обучение, трудоустройство и, при необходимости, временное место проживания члена общества. Инструменты цифровой постпенитенциарной пробации с использованием возможностей искусственного интеллекта аккумулируют информацию точно, либо в глобальном объеме анализируют ситуацию, представляют прогнозы ее развития, критические внутриполитические значения, формы, предлагают оптимальные практические решения, финансовый расчет прогнозируемых действий. Формирование основ цифровой постпенитенциарной пробации в РФ начато с принятием Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации".

Очевидно, весьма эффективной в рамках рассматриваемой деятельности может стать технология исследования цифрового следа человека – анализ огромного и неструктурированного массива данных, который индивидуум оставляет в глобальной информационной сети. Он появляется в результате любого действия и может нести чрезвычайно полезную информацию для сотрудника службы пробации и других заинтересованных органов.

Совокупные исследования сферы цифровой постпенитенциарной пробации, включающие анализ всех цифровых действий бывших осужденных на базе государственных порталов, на личных страницах в социальных сетях, анализ покупательной способности на маркетплейсах, обращений в кредитные и микрофинансовые организации, при прохождении процедуры банкротства, регистрации, продаже транспортных средств, позволяют проанализировать социальную адаптацию индивида. Получение человеком, склонным к девиантному

поведению, доходов нелегальным путем, особенно неожиданно крупных сумм денег, легко выявляются компьютерной программой. Системой ставится режим наблюдения, аналитики возможного латентного криминального поведения, в который входит не только смена риторики в социальных сетях (не обязательный маркер), но и повышение финансового уровня при отсутствии высокооплачиваемой работы.

Развитие цифровой постпенитенциарной пробации, программ с использованием технологий искусственного интеллекта весьма актуально и позволяет регулировать помощь государства в решении проблем создания рабочих мест, направлении целевых грантов для образовательных организаций и частных обучающих платформ, формировании целевых производственных подразделений для возведения объектов автомобильного и железнодорожного сообщения, создании комплексов временного проживания и медицинской помощи и пр.

Литература

1. Кузнецов М. И. Цифровые технологии службы пробации: возможности применения // Информатизация и техническое обеспечение уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: проблемы, решения и перспективы развития: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Тверь: Научно-исследовательский институт информационных технологий ФСИН России, 2023. С. 109-112.
2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апр. 2021 г. № 1138-р // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.09.2024).
3. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003/> (дата обращения: 12.09.2024).

Социально-криминологическая характеристика несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы

Левин Л.М.¹, Бокова Н.В.²

¹ ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»
(г. Мытищи, Россия);

² ФКУ Уголовно-исполнительная инспекция ГУФСИН России по г. Москве
(г. Москва, Россия)

Согласно официальным данным МВД России за последние годы наблюдается снижение количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Вместе

с тем все чаще судами избираются наказания, альтернативные лишению свободы. В связи с этим усиливается роль уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ), реализующих такие приговоры.

С целью выделения социальных и криминологических характеристик подростков, преступивших закон и состоящих на учете в УИИ, нами было изучено 127 личных дел правонарушителей.

Анализ личных дел показал, что в полных семьях живут 64 % подростков, 36 % – в неполных. Семьи, в которых воспитываются подростки, в 62 % случаях можно отнести к средним по уровню благополучия, 14% – к неблагополучным и 24 % – к благополучным. Круг общения в 59% семей узкий, и только 41 % – большой. Доверительные отношения этих подростков складываются чаще только с членами семьи: 53% склонны к доверию матери, 13 % – братьям и 4 % – отцам. Остальные 30% несовершеннолетних не имеют ни с кем доверительных отношений. В 53 % случаев родители оказывают негативное влияние на несовершеннолетнего, положительное – лишь в 47 % случаях. В 50% семьях постоянно происходят конфликты, в 20% – нейтральные отношения, в 30% – доброжелательные. Родители не интересуются жизнью подростка в 65% случаев.

По полученным данным, всего 46% осужденных не имеют вредных привычек, 21% имели опыт употребления психоактивных веществ, 33 % курили табачные изделия.

Почти все осужденные (96 %) имеют среднее неполное образование. Поведение ребенка в учебном заведении со стороны педагогов характеризуется как удовлетворительное в 60% случаев, в 40% – неудовлетворительное. Большинство правонарушителей (57%) относятся к учебе негативно, 13% – положительно и 30% – амбивалентно. Учебные заведения, в которых обучаются подростки, в 68% случаев дают им отрицательную характеристику. У 44 % осужденных имеются на теле татуировки, отражающие их идентичность как с молодежной субкультурой, так и некоторыми криминальными нормами.

Все подростки осуждены за корыстные и корыстно-насильственные преступления: 47 % подростков осуждены за кражи и грабежи; 33 % – за неправомерное завладение автомобилем; 20 % – за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

В 53 % случаев правонарушения были совершены в возрасте 14-16 лет и в 47% случаев в возрасте 17-18 лет. Всего 51 % преступлений совершено в одиночку, остальные преступления – групповые: 35 % совершены в паре, 9 % – в группе 3-4 человек; 5% – в группе. Лидерское положение в группе занимали 70 % осужденных. При этом 83% правонарушителей не знали свою жертву.

В момент совершения преступления 70% подростков находились в измененном состоянии сознания под влиянием алкогольного опьянения или наркотического воздействия. Стоит отметить, что ни один подросток не поддерживает связь с жертвой преступления. Несмотря на это, контакт с жертвами поддерживает часть родителей осужденных. При этом 12% родителей стараются

загладить вину своих детей, а 17% занимают позицию, что их дети не виноваты и их оклеветали. Остальные 71% контакт не поддерживают.

Полностью признают вину и раскаиваются в содеянном 82% подростков. Некоторые осуждённые придерживаются позиции, что их не накажут сурово, мотивируя тем, что они являются несовершеннолетними.

Полученные данные могут использоваться для разработки различных программ по первичной и вторичной профилактике подростковой преступности, а также по ресоциализации несовершеннолетних после отбывания наказания.

Внедрение программы, направленной на повышение уровня самоконтроля у осужденных женщин с рецидивом преступления

Письменная Л.В., Кадочникова И.В.

ГУ ФСИН России по Челябинской области

(г. Челябинск, Россия)

В последние годы вопросы рецидива преступлений часто освещаются в научно-исследовательской литературе, звучат в докладах представителей силовых структур, обсуждаются в средствах массовой информации. Это связано с тем, что количество преступлений, совершаемых повторно, по-прежнему остается высоким. Необратимые либо трудно устранимые негативные изменения психоэмоционального состояния женщины, полученные в условиях изоляции, лишают ее возможности вернуться в общество полноценным членом (Селихова О.Г., 2020). В соответствии с концепцией Ф. Ротбаума, самоконтроль – это способность изменять и адаптировать себя, свою личность, устанавливая оптимальное соответствие между личностью и миром (Гордеева Т.О., 2016).

Доказательную выборку составили осужденные женского пола в возрасте от 33 до 47 лет в количестве 11 человек. Исследование проходило в три этапа. На первом этапе проводилась первичная диагностика, в ходе которой оценивался уровень самоконтроля у респондентов. На втором этапе было проведено психокоррекционное воздействие на группу осужденных. Третий этап включал в себя заключительную диагностику, направленную на определение эффективности психокоррекционной программы.

Цель исследования: доказать эмпирическим путем, что проведение психокоррекционной работы с помощью методов песочной терапии и техник саморегуляции повышает уровень самоконтроля у осужденных женщин-рецидивистов. Оценка эффективности программы проводилась с использованием методов описательной статистики, методов современного математического анализа (SPSS) с использованием непараметрического критерия Т-Вилкоксона. Объект исследования: уровень самоконтроля осужденных женщин с рецидивом преступления. Предмет: эффективность методов песочной терапии и техник саморегуляции для повышения уровня самоконтроля у осужденных женщин-

рецидивистов. Гипотеза: проведение психокоррекционной работы с помощью методов песочной терапии и техник саморегуляции способствует повышению уровня самоконтроля у осужденных женщин-рецидивистов.

При проведении исследования нами были использованы SMS-2 «Шкала социального самоконтроля» (М. Снайдер); УСК-2 «Уровень субъективного контроля (модернизированный)» (Ксенофонтова Е.Г., 1999).

В результате проведения серии психокоррекционных мероприятий нами определены параметры используемого инструментария, по которым были получены статистически достоверные результаты с тенденцией к повышению результатов: «Общая интернальность» ($p=0,001$; $M=56,45$; $61,9$); «Интернальность в сфере достижений» ($p=0,007$; $M=55,45$; $62,45$); «Интернальность в сфере неудач» ($p=0,003$; $M=49,72$; $55,09$); «Готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей» ($p=0,003$; $M=53,9$; $57,36$); «Готовность к самостоятельному планированию, осуществлению деятельности и ответственности за неё» ($p=0,002$; $M=51,18$; 55); «Отрицание активности» ($p=0,001$; $M=45,81$; $41,63$); «Общий уровень социального самоконтроля» ($p=0,001$; $M=52,63$; $57,63$).

На основании полученных результатов целесообразно заключить, что проведение песочной терапии и методов саморегуляции способствует повышению общего уровня самоконтроля у осужденных, что катализирует процессы ответственного отношения к своей жизни и способствует формированию более зрелых паттернов поведения. Повышение самоконтроля осужденных перед освобождением увеличивает вероятность снижения повторного совершения преступлений.

Литература

1. Селихова О.Г. Криминологическая характеристика женской преступности // Криминологический журнал. 2020. № 4. С. 75-78. doi: 10.24411/2687-0185-2020-10079.
2. Гордеева Т.О. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. Т.12. № 2. С.46–58. doi: 10.17759/chr.2016120205.
3. Ксенофонтова Е.Г. Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 2. С.103-114.

Ценностно-смысловое содержание жизненных перспектив осужденных женщин

Ральникова И.А., Степанова П.Е.

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

(г. Барнаул, Россия)

Установлено, что адекватно спланированные жизненные перспективы связаны с особенностями ценностно-смыслового содержания, глубиной планирования будущего и другими сферами личности, являются динамическим образованием, фактором изменений которых может выступать принудительная социальная изоляция (Ральникова И.А., 2012). Нами было проведено эмпирическое исследование ценностно-смыслового содержания жизненных перспектив осужденных женщин, отбывающих наказание в ФКУ ИК-6 ФСИН России по Алтайскому краю. Выборку составили 128 женщин. Методами сбора данных являлись: методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности», Е.Б. Фанталова; тест смысложизненных ориентаций (СЖО), Д.А. Леонтьев. Для обработки данных были использованы математико-статистические методы: описательные статистики, U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ Пирсона.

Тест СЖО выявил общий уровень осмысленности жизни осужденных женщин, выражающийся в наличии целей на будущее, удовлетворенности и насыщенности жизни, а так же двумя аспектами локуса контроля. Результаты свидетельствуют о наличии определенных планов на будущее, и в целом жизнь они воспринимают как эмоционально насыщенную и наполненную смыслом. Продуктивность и результативность своей жизни женщины оценивают достаточно высоко. Они убеждены, что им дано контролировать события своей жизни, но в настоящий момент не имеют для этого ресурсов.

Результаты, полученные с помощью методики «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» выявили ценностные ориентации, лежащие в основе построения планов осужденных женщин на будущее. Данная группа в большей степени ориентирована на семейное благополучие, здоровье, а так же любовь. Не менее значимыми в жизни испытуемых являются уверенность в себе, материально-обеспеченная жизнь, свобода в поступках и действиях, наличие друзей. Наименее важными для осужденных женского пола являются образовательно-трудовая сфера (познание, интересная работа, активная деятельная жизнь). Творческое самовыражение и красота природы занимают самые низкие позиции в иерархии ценностей женщин.

Для выявления различий между значимостью ценностей и их доступностью применен U-критерий Манна-Уитни. В ценностной структуре осужденных женщин наблюдается внутренний конфликт (превышение значимости ценности над ее доступностью) в сфере здоровья, духовной и физической близости с любимым человеком, семьи и материальной обеспеченности. Напротив, активная жизнь, чувства прекрасного и возможность творческой деятельности является для испытуемых более доступной, чем значимой. Такое состояние, когда доступный объект не представляет интереса, показывает наличие внутреннего вакуума.

Используя коэффициент корреляции Пирсона, нами были выявлены статистически значимые связи между ценностными ориентациями, лежащими в основе построения жизненных перспектив осужденных женщин и показателями, характеризующие осмысленность жизни. Так, «Процесс жизни» или иными словами

интерес и удовлетворенность ей отрицательно взаимосвязан с материальной обеспеченностью. «Результативность жизни» взаимосвязана с показателями здоровья, наличием свободы и отсутствием материальных затруднений. «Локус контроля - Я» взаимосвязан с активной и деятельной жизнью женщин, а «Локус контроля - Жизнь» со здоровьем и материальным благополучием. Общий показатель осмысленности жизни так же взаимосвязан с физическим, психологическим и материальным благополучием.

Можем сделать вывод о том, что ценностно-смысловое содержание жизненных перспектив осужденных женщин характеризуется конфликтностью. Женщины не находят высокой продуктивности и возможности контролировать самостоятельно значимые для них сферы жизни.

Литература

1. Ральникова И.А., Гурова О.С., Ипполитова Е.А. Жизненные перспективы личности: риски воспроизводства девиантного поведения: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 286 с.

Особенности психических состояний осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселении на различных этапах отбывания наказания

Тарасова В.А., Дебольский М.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Колония-поселение является местом лишения свободы, однако режимные условия заметно мягче, чем в остальных видах исправительных учреждений, потому осужденные ощущают на себе минимальные требования изоляции. Особенности правового положения осужденных и условия их содержания в колониях-поселениях определены в ст. 129 УИК РФ.

А.О. Прохоров в своей монографии определяет психическое состояние как “отражение личностью ситуации в виде устойчивого целостного синдрома (совокупности) в динамике психической деятельности, выражающегося в единстве поведения и переживания в континууме времени» (Прохоров А.О., 2019). Оно определяет “количественные и качественные характеристики психических процессов, выраженность проявления психических свойств, субъективных проявлений состояния – чувств, переживаний, настроения” (Абрамов В.А., 2017).

Целью исследования является выявление особенностей психических состояний осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселении. В нем приняли участие 59 осужденных из колоний-поселений в г. Москве и Московской области. В выборку исследования включены: осужденные, находящиеся на этапе адаптации (до 1,5 месяцев); на основном этапе отбывания наказания (от 1,5 месяцев); и перед освобождением (за 1,5 месяца до освобождения). Для выявления особенностей

психических состояний использовались опросник САН В.А. Доскина, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шарай и М.П. Мирошникова, опросник самооценки психических состояний Г. Айзенка, а также была разработана авторская анкета.

Полученные результаты показывают, что на этапе адаптации и на основном этапе средние показатели тревожности, агрессивности, фрустрации и ригидности имеют низкие значения. На этапе адаптации среднее значение показателя ригидности имеет более высокий показатель.

Перед освобождением средние значения показателей тревожности, агрессивности и фрустрации находятся в рамках низких значений, данные состояния не выражены среди осужденных. Значение показателя ригидности находится уже в рамках средних. Средние значения агрессивности и ригидности в целом имеют более высокий показатель, чем показатели тревожности и фрустрации как на основном этапе, так и перед освобождением.

Также в результате анализа выявлено, что средние значения самочувствия и настроения на всех этапах находятся в рамках высоких (на этапе адаптации – 4.9; 5.1; на основном – 5; 5.1; перед освобождением – 5.1; 5.7 соответственно). Однако значение активности уже находится в рамках низких показателей (на этапе адаптации – 2.9; на основном – 3.5; перед освобождением – 3.2 соответственно). С одной стороны, это может быть показателем состояния апатии и безразличия, при котором снижен мотивационный компонент (нет желания проявлять активность или та активность, к которой есть интерес, недоступна), а с другой – показателем чувства удовлетворенности или комфорта в текущей сложившейся ситуации, что не будет требовать большой активности.

При сравнении показателей на этапе адаптации и перед освобождением выявлены статистически значимые различия в показателях агрессивности ($p = 0,035$) (используемый метод: U–критерий Манна–Уитни). В целом, можно отметить, что имеется тенденция к увеличению средних значений показателей: состояния фрустрации, агрессивности и ригидности проявляются постепенно и чем ближе к освобождению, тем более явно эти состояния проявляются. Данный результат открывает дальнейшие перспективы исследования данной проблематики.

Литература

1. Абрамов В.А., Воеводина В.С., Пехтерев В.А. Психическое состояние как атрибутивное свойство психики // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2017. № 4(40). С. 5-13.
2. Психология состояний. Учебное пособие / А.О. Прохоров [и др.] – М.: Когито-Центр, 2019. 624 с.

Психологические особенности осужденных женщин, содержащихся в пенитенциарных учреждениях

Телегина Е.Г.

Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в
г. Новороссийске
(г. Новороссийск, Россия)

Одним из важнейших аспектов для раскрытия психологических свойств является признак пола. Определение индивидуально-психологических особенностей осужденных женщин необходимо не только для выявления причин их преступной деятельности, но и для разработки и реализации эффективных психокоррекционных методик и психолого-социального воздействия с целью улучшения морально-психологического климата в исправительной колонии.

Осужденным преступницам важна оценка со стороны других людей. Многим из них свойственна демонстративность. Повышение демонстративного поведения у женщин сочетается со снижением контроля над ним. Демонстративность, определяющая преступные проявления, в том числе агрессивного характера, выполняет защитные функции и служит целям самоутверждения. Потребность в самоутверждении, являясь одним из стимулов человеческих поступков, становится навязчивой, застревающей, существенно влияя на весь образ жизни, и эта потребность, как правило, не охватывается сознанием (Романова Н.М., 2006).

Характерные для осужденных женщин стойкость, застреваемость аффективных, психотравмирующих переживаний и высокая импульсивность приводят к неадекватному восприятию и оценке возникающих ситуаций, дезорганизованности и необдуманности поведения. Им присущи стремления к изменению существующего положения, которым они не довольны, в социально-позитивном направлении.

Для всестороннего описания психологических особенностей осужденных-женщин, рассмотрим также психическое состояние правонарушителей, отбывающих наказание за насильственные преступления, в ситуации, когда они совершают членовредительство или самоубийство в местах лишения свободы. О связи убийств и самоубийств писали Э. Дюркгейм, К. Герман. Зависимость между этими проявлениями агрессии описаны и в России. Эти зависимости носят устойчивый характер и проявляются во взаимосвязи с преступной средой (Ермолаева Е.Г., 2007). По результатам проведенного исследования, 23,6 % повторно осужденных женщин совершали попытку суицида или акт членовредительства.

Психологическая характеристика неоднократно судимой N. (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Обладает высоким уровнем эмоциональной неуравновешенности, склонна к резким перепадам настроения. Повышенный уровень тревожности. Эгоцентрична. Адаптация затруднена, мнительна. Самооценка и поведение неустойчивы, эмоциональные проявления контрастны, низкий уровень контроля поведения, вспыльчива. Имеет суицидальные намерения.

Суицидальное поведение является специфическим, выражаясь на основе социопсихологических данных, зависит от социума, в котором находится преступник. Психофизические данные таких осужденных включают в себя суицидальные мысли, попытки. Такое поведение проявляется в виде аутоагрессии, аутодеструктивном поведении, аддикции, пренебрежении к своему здоровью. Личности суицидента присущи: негативная эмоциональность; повышенный уровень тревожности и стрессуязвимости; склонность к депрессии, нарушения памяти, что затрудняет исправление осужденных.

Опираясь на результаты исследования психологических характеристик осужденных женщин, можно сделать вывод, что в причинном комплексе их повторной преступной деятельности имеются психические отклонения: шизофрения, умственная отсталость, расстройство личности. Большинство преступниц отличаются повышенной возбудимостью, дефектами социального взаимодействия, неуживчивостью, истеричностью. Тяжкие преступления против личности совершают женщины с мужским типом поведения.

Диагностирование эмоциональной направленности обусловлено большей природной эмоциональностью женщин. Выявлено 10 видов эмоциональной направленности (в-высокий, с-средний, н-низкий уровни) (Кирсанова О.С., 2009):

Коммуникативная: в – 64 %; с – 27 %; н – 8 %;

Альтруистическая: в – 72 %; с – 20 %; н – 8 %;

Глорическая: в – 23 %; с – 39 %; н – 38 %;

Прагматическая: в – 67 %; с – 30 %; н – 3 %;

Пугническая: в – 11 %; с – 41%; н – 48%;

Романтическая: в – 23 %; с – 54 %; н – 23 %;

Гностическая: в – 47 %; с – 38 %; н – 15 %;

Эстетическая: в – 35 %; с – 36 %; н – 29 %;

Гедонистическая: в – 30 %; с – 50 %; н – 20 %;

Акзигитивная: в – 37 %; с – 29 %; н – 34 %.

Знание половозрастных психологических особенностей осужденных необходимо для разработки профилактических мер, направленных на устранение негативных факторов, свойственных их психике.

Литература

1. Ермолаева Е.Г. Суицид и преступность: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 20.
2. Кирсанова О.С. Типология и психологическая характеристика женщин, осужденных к лишению свободы, по содержанию криминальной мотивации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 6. С. 32–36.
3. Романова Н.М. Социальные и социально-психологические факторы женской преступности // Вестник Саратовского социально-экономического университета. Саратов, 2006. № 2. С. 25.

Личностные особенности осужденных женщин, имеющих детей, и их учёт при разработке и проведении социально-психологического тренинга в исправительной колонии

Туманова Е.П.

ГБУ «Московский исследовательский центр»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – М.Г. Дебольский

Проблема женской преступности и исполнение наказаний активно изучается в современном обществе.

Рассмотрим выборку респондентов, с которой было проведено исследование – 40 осужденных женщин, имеющих детей в доме ребенка при исправительной колонии УФСИН № 5, средний возраст респонденток 25 лет. Хочется отдельно отметить и поблагодарить сотрудников УФСИН № 5 г. Можайска за оказание помощи в проведении исследования.

При тестировании респондентов использовались: методика «Мини-мульти», опросник Г. Шмишека, также предлагались ассоциации к слову «воля».

Рассмотрим показатели по методике «Мини-Мульти». Высокий результат по шкале коррекции свидетельствует о том, что респонденты плохо осознают внутренние причины своего поведения и не замечают негативные сигналы, что приводит к отрицанию наличия проблем. Самые высокие показатели у осужденных в выборке по шкалам: шизоидность, психастения, психопатия и депрессия. Шкалы имеют приблизительно одинаковые показатели.

По данным теста Шмишека, в выборке наблюдается акцентуация характера по экзальтированному типу. Люди с этой акцентуацией интенсивно реагируют на события, испытывая как депрессивные, так и эйфорические состояния попеременно.

Рассмотрим положительные корреляции между шкалами опросника «Мини-мульти» и опросником Шмишека. Личности с шизоидным типом и возбудимостью обладают повышенной напряженностью и раздражительностью, эти черты сопровождаются приступами гнева. Такие личности эгоцентричны, боятся стать объектом насмешек.

Личности с возбудимым типом и ипохондрией имеют склонность к нахождению у себя симптомов болезни (которой нет), повышенной тревожности. Такие личности испытывают сложности с самоконтролем реакций и поведения в целом, чаще всего следуют своим сиюминутным импульсам, не взвешивая принятие решения и не обдумывая последствия.

Личности с возбудимым типом и параноидальностью могут часто переживать конфликты и тревожные мысли о том, что их окружение замышляет против них, что может породить большую возбудимость, из-за чего может проявляться тревожное ощущение и трудности в адаптации к обществу и социальной среде.

Личности с педантичным типом и гипоманией могут характеризоваться острыми способами реагирования на внешние раздражители, высокими требованиями к окружающим людям и обстановке.

Рассмотрим ассоциации у осужденных к слову «воля», которое употреблялось при подготовке к освобождению. Это слово «счастье» – является часто встречаемым, но пугающим осужденных женщин. Данное слово хотят применить, но формы и выражения не находят. Вероятно, сам факт освобождения – это уже счастье для осужденных. Слова «любовь», «будущее» и «неизвестность» также часто ассоциируются у осужденных женщин со словом «свобода». Если первые два слова ассоциируются с надеждой, то слово «неизвестность», указывает на тревогу, неопределенность, нерешенность ряда важных жизненных проблем. Хотя слова-ассоциации и абстрактны, но у каждой женщины они имеют свой личностный смысл, что подтверждает дальнейшие индивидуальные беседы с осужденными.

Вышесказанное подтверждает, что при подготовке к освобождению важно формировать у осужденных уверенность в своём будущем, необходимо учитывать личностные особенности и скорректировать самовосприятие и поведение осужденной женщины в обществе.

Наши наблюдения и анализ научной литературы показывают, что ребенок в колонии часто воспитывается женщиной-матерью больше интуитивно, на основе своего жизненного опыта с отсутствием четкой стратегии воспитания (Жихарева Л.В., 2006; Кусакина Е.А., 2019). Частые карантинные в доме ребенка при колонии ведут к тому, что детско-родительские отношения оказываются не сформированными, у многих детей отсутствует привязанность к матери. Значимым взрослым для детей продолжает оставаться воспитатель.

В ходе проведения исследования в колонии нами разработана и апробирована программа СПТ, направленная на ресоциализацию личности осужденной с учетом её психологических особенностей и жизненного пути, а также на освоение культурных норм и ценностей материнства, понимания психологии ребенка и развития детско-родительских отношений.

Литература

1. Жихарева Л.В. Теория привязанности, теоретические и практические аспекты // Перспективы науки и образования. 2013. №4. С. 144-154.
2. Кусакина Е.А. Возможности педагогической технологии формирования материнских чувств осужденных женщин (на примере ФКУ ИК-32 ГУФСИН России по Пермскому краю) // Международный журнал психологии и педагогики служебной деятельности. 2019. №3. С. 100-104.

Социально-демографическая характеристика лиц, совершивших членовредительство в условиях следственного изолятора

Чеботарев И.В.

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

(г. Мытищи, Россия)

Научный руководитель – Т.И. Шульга

Одним из направлений профилактики членовредительства среди лиц, помещенных под стражу, является выявление потенциальных аутоагрессантов и проведение с ними индивидуальной профилактической работы. Главным способом их выявления является проведение психодиагностической работы. Однако в условиях пенитенциарных учреждений достоверность результатов психодиагностики можно считать достаточно низкой. Это может быть следствием восприятия заключенными ситуации тестирования как влияющей на дальнейшие условия пребывания, что приводит к повышению социально-желаемых ответов, так и к их низкой вовлеченности в процесс тестирования из-за враждебного отношения к мероприятиям, проводимым сотрудниками администрации. При этом определенные социально-демографические характеристики индивида коррелируют с его психологическими особенностями и особенностями социализации, то есть анализ социально-демографической характеристики аутоагрессантов может выявить детерминанты самоповреждающего поведения, а также «группы риска», на которые необходимо обратить повышенное внимание при профилактике членовредительства.

Для выявления социально-демографических особенностей аутоагрессантов проведен анализ личных данных 138 аутоагрессантов, совершивших членовредительство в следственном изоляторе органа УИС Центрального Федерального округа в период 2020-2022 гг. Рассмотрены показатели возраста (на момент совершения акта членовредительства), семейного положения, уровня образования, трудовой деятельности до заключения. Пол аутоагрессантов не рассматривался в силу специфики учреждения, а именно, содержание женщин предусмотрено исключительно при нахождении в больнице на излечении.

Абсолютное большинство аутоагрессантов (65,9 %) находились в возрасте до 35 лет, что соотносится с рядом иных исследований, в том числе, более ранних исследований членовредительства заключенных (Чеботарев И.В., 2018). Данную закономерность можно объяснить, как влияние личностного инфантилизма на формирование аутоагрессивного поведения как стратегии адаптации. Сравнение возрастной структуры аутоагрессантов с возрастной структурой заключенных в целом с помощью критерия Хи-квадрат показало значимые различия в распределении возраста в данных группах.

Выявлено преобладание среди аутоагрессантов лиц со средним (в т.ч., средне-специальным) уровнем образования (81,9 %), не состоящих в браке (71,0 %), не имевшими до заключения постоянной занятости (83,3 %). Однако какие-либо значимые различия, по сравнению с заключенными в целом, отсутствовали.

Учитывая, что наличие семьи, высокий уровень образования, постоянная занятость могут являться факторами, ограничивающими противоправную деятельность (Устинов А.А., 2017), следует рассматривать данные характеристики как факторы девиантного поведения в целом, разновидностями которого являются делинквентное и аутоагрессивное поведение. Также данные особенности можно рассматривать как нарушения социализации, имевшие место до заключения.

Таким образом, по результатам анализа социально-демографической характеристики аутоагрессантов можно сделать вывод о таких детерминантах членовредительства лиц, помещенных под стражу, как личностный инфантилизм и нарушения социализации индивида, имевшие место до заключения.

Литература

1. Устинов А.А. Социально-демографическая и криминологическая характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах (на примере ГУФСИН России по Пермскому краю) // Вестник Пермского института ФСИН России. 2017. № 2(25). С. 66-69.
2. Чеботарёв И.В. Психологический анализ ситуаций членовредительства подозреваемых, обвиняемых, осужденных в условиях СИЗО [Электронный ресурс] // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии 21-24 мая 2018 года. М.: МГППУ. С. 237-240. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/jurpsyconf2018/jurpsyconf2018.pdf>

Образ своего будущего у осужденных условно

Штефан Е.Ф.¹, Сучкова Е.Л.²

¹ ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН»
(г. Вологда, Россия)

² ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Лица, осужденные условно, являются самой многочисленной группой граждан, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. При всех очевидных достоинствах и преимуществах данного вида наказания, к сожалению, не все осужденные условно в полной мере осознают и правильно оценивают то доверие, которое им было оказано. Среди причин совершения ими повторных преступлений можно выделить отсутствие мотивации к изменению привычной модели поведения, в связи с чем крайне актуальными становятся вопросы, связанные с поиском новых подходов к работе, направленной на ресоциализацию данной группы граждан и их успешную адаптацию к жизни в социуме. Организация эффективного психологического сопровождения осужденных условно должна включать в себя

оказание им помощи в конкретизации жизненных устремлений и составлении реалистичных планов своего будущего.

Образ будущего играет ключевую роль в мотивации и достижении целей, вдохновляя человека на действия, направленные на их реализацию. Конструирование своего будущего рассматривается как целостный процесс, связанный с психологической перспективой, способностью сознательно мысленно представить себя в будущем (Шебаршова В.О., Неяскина Ю.Ю., 2024). Это своего рода ориентировочная основа жизни (Михеева Е.В., 2024). Для изучения того, как сами осужденные условно воспринимают образ своего будущего, нами было проведено эмпирическое исследование на базе ФКУ УИИ УФСИН России по Архангельской области. В нем приняли участие 40 осужденных условно (20 женщин и 20 мужчин), для сбора эмпирических данных использовались методика «Временной перспективы» Ф. Зимбардо, методика «Изучения образа возможного будущего» В.Н. Петрова (на данном этапе в исследовании участвовала К.Д. Иванова).

Изучение образа возможного будущего у осужденных условно показало, что у них наблюдаются низкие показатели смысловой жизненной перспективы, что проявляется в отсутствии мотивации к позитивным изменениям, трудностях с определением смысла жизни, чувстве безнадежности. У них присутствуют определенные трудности с признанием собственных ошибок, наблюдается низкая готовность к профессиональному самоопределению. Осужденные условно ориентируются на получение удовольствия и удовлетворения в настоящем моменте, что может привести к готовности к отказу от долгосрочных целей ради удовлетворения сиюминутных желаний. Осужденные женщины чаще строили реалистичные и позитивные прогнозы на будущее, выражая желание изменить свою жизнь, найти работу, в то время как у мужчин преобладал пессимизм и неверие в возможность положительных изменений. Женщины демонстрировали большую заинтересованность в своем будущем, в то время как мужчины чаще оставались «застрявшими» в прошлом, сосредоточиваясь на своем негативном опыте и не видя реальных перспектив для улучшения существующих жизненных обстоятельств. Гендерные различия в образе будущего необходимо учитывать при выборе стратегий и методов работы с осужденными. Особое внимание следует уделять конструированию у осужденных мужчин позитивного образа будущего, мотивации к социальной адаптации и развитию их внутренних ресурсов, а осужденным женщинам оказывать психологическую поддержку в реализации намеченных жизненных решений.

Литература

1. Шебаршова В.О. Неяскина Ю.Ю. Особенности конструирования будущего у лиц с различным уровнем субъектности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2020. №2 (36). С.66-77.

2. Михеева Е.В. Сравнительный анализ психологического содержания понятий «временная перспектива», «образ будущего» и «цель» // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2022. Т. 19. № 3. С. 5-22. doi: 10.17673/vsgtu-pps.2022.3.1.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Криминалистический профайлинг в расследовании преступлений

Арефинкина Е.Г.

ФГАУО ВО «Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы»
(г. Сочи, Россия)

Криминалистический профайлинг или, как его еще называют, криминалистический или следственный анализ преступления, изначально возник на стыке психологии и криминалистики и на сегодняшний день представляет собой процесс установления неизвестного преступника путем анализа места преступления и соотнесения полученной информации с закономерностями человеческого поведения, что позволяет получить описательные и поведенческие характеристики наиболее вероятного преступника и некоторые рекомендации относительно методов расследования (Бакшанский П.В., 2021). В основе этого метода лежит теория о том, что поведение отражает особенности личности, а раз так, то, изучив его особенности, следствие может определить тип человека, совершившего преступление. Следует согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что криминалистический портрет – это информационная модель, представляющая собой систему установленных и предполагаемых данных о биологических, социальных и психических свойствах личности неустановленного преступника, определяемых на основании совокупности имеющейся по делу криминалистически значимой информации в целях сужения круга поиска лиц, причастных к криминальному деянию либо их серии, а также выработки практических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений (Комиссарова Я.В., 2016).

Криминалистический профайлинг заставляет более вдумчиво наблюдать и анализировать окружающую обстановку, поведение людей, искать подозрительные признаки и устанавливать причинно-следственные связи, нестандартно подходить к решению возникающих в следственной работе проблем. Безусловно, данный метод может помочь правоохранным органам в раскрытии сложных преступлений, но не заменяет собой следственные и иные действия в рамках расследования уголовного дела. Его задача – использовать достижения психологии в сфере юриспруденции для борьбы с наиболее опасными типами преступников. Однако стоит помнить, что психология, как и любая другая социальная наука, оперирует вероятностями. Поэтому криминалистический профайлинг представляет собой только эклектический метод, для которого нет исчерпывающего перечня правил. Опытный психолог, изучивший материалы уголовного дела, никогда не заменит грамотного правоохранителя, ведь результаты расследования во многом зависят от

аналитических умений юриста и понимания того, как применить полученные психологические заключения на практике.

Так как криминалистический профиль носит гипотетический характер, то необходимо, чтобы он был обоснован и базировался на фактических данных о преступлении; обладал полнотой и в то же время лаконичностью, доступной пониманию не только психологов, но и юристов; отвечал требованиям логичности и конкретности. Данная деятельность лежит вне рамок уголовного процесса, является разновидностью работы по выдвижению криминалистических версий (Цветков В.Л. и др., 2021). Ее результаты могут оформляться в виде справки – криминалистического портрета, не имеющего процессуального статуса, относящегося к числу иной (не доказательственной) информации, находящейся в распоряжении органов уголовного преследования на определенный момент расследования.

Литература

1. Бакшанский. П.В. Роль методов прикладной психологии в повышении эффективности деятельности правоохранительных органов, перспективы их развития // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал (Российская Федерация). 2021. №4(44). С. 66-69.
2. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / А.Г. Бедризов, Т.С. Волчецкая, Н.В. Галяшин [и др.] / Отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. 224 с.
3. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел / В. Л. Цветков, А. Г. Караяни, Т. А. Хрусталева [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 264 с.

Формирование предварительной схемы когнитивного интервью с очевидцем при расследовании пожара

Белых С.Л.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Основой тактики когнитивного (процессуального) интервью – опроса свидетелей (очевидцев происшествия) является «умственное (когнитивное) восстановление, актуализация ранее воспринятого события» (Шмыков В.И., 2018. С. 467), направленное на максимально более полное воссоздание этого события во всех деталях, без искажений, которые свойственны человеческой психике.

Мы считаем, что когнитивное интервью для достижения качественного результата требует от следователя умения находить в рассказе очевидца не только искажения (Галишев М.А. и др., 2021), но и «белые пятна». Исследования причинно-следственных связей при любом расследовании «...требуют установления как можно большего числа последствий (признаков) совершенного преступного деяния», при этом ...поиск доказательств и основное направление (вектор) такого поиска

двигаются от следствия к причине, от явления (признаков) к сущности» (Бахтеев Д.В., 2019. С. 259). Для этого следователю необходимы соответствующие знания и опыт, которые можно частично компенсировать грамотно составленной предварительной схемой опроса, опирающейся на базовый список признаков, сформированный на основе системного анализа расследуемых событий, особенно если это расследование пожара, которое соединяет правовые вопросы и физику/химию горения, то есть это как минимум двухслойный процесс, очень сложный для расследования.

По мнению Л.Я. Драпкина, в технике ведения опроса свидетелей проявляются особенности криминалистического мышления (мышления следователя), это «...не только и не столько качественно отличающийся от мышления обычных людей феномен, сколько комплекс определённых навыков, умелое оперирование которыми позволяет эффективно разрешать следственные задачи» (Цветкова А.Д., 2023. С.500), то есть Л.Я. Драпкин придавал большое значение не только аналитическим способностям, но и различным функциональным механизмам, вырабатываемым в процессе деятельности, запас которых обогащается с опытом (Драпкин Л.Я., 2018), либо может быть частично компенсирован предварительной схемой.

В учебных пособиях и методических рекомендациях есть список лиц, которые могли оказаться очевидцами пожара (Галишев М.А. и др., 2021), однако нет списка общих для всех пожаров вопросов и общих признаков процесса возгорания и горения. Аналитический обзор и изучение опыта расследования пожаров позволил нам кратко сформулировать 7 обобщенных пунктов: 1) этапы, время, место возгорания, границы, масштаб, интенсивность и характер течения пожара; 2) визуальные, аудиальные, запаховые и другие эффекты; 3) связь процессов горения с климатическими условиями; 4) все объекты, связанные с происшествием; 5) действия всех людей и животных; 6) мнение и знания очевидцев о состоянии объектов с места происшествия; 7) схема пожара.

Далее предполагается детализация списка признаков и уточнение предварительной схемы опроса очевидцев (а возможно, и создание когнитивной модели) на основе анализа документов, а также опроса пожарных и специалистов по технической экспертизе.

Литература

1. Бахтеев Д.В. Причинность и случайность как объекты восприятия в структуре криминалистического мышления // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Том. 13. № 2. С.252–261. doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).252-261.
2. Драпкин Л.Я. Логические, эвристические и интуитивные механизмы мышления следователя в процессе раскрытия и расследования преступлений: монография. Екатеринбург: Изд. дом УрГЮУ, 2018. 104с.
3. Галишев М.А., Бельшина Ю.Н., Дементьев Ф.А. и др. Расследование и экспертиза пожаров: учебник / Под общ. ред. Б.В. Гавкалюка. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2021. 440с.

4. Цветкова А.Д. Роль когнитивного подхода к криминалистике в совершенствовании следственной деятельности сквозь призму научных трудов Л. Я. Драпкина // Вопросы Российской юстиции. 2023. № 27. С.494-505.
5. Шмыков В.И. Психология в юридической практике – когнитивные аспекты допроса (опроса) // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С.495-501.

Возможности использования новостного видеоконтента массмедиа в психологической работе с сотрудниками госавтоинспекции

Борисова С.Е.

ФГКОУ ВО

«Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
(г. Москва, Россия)

Констатируемый период информационной эпохи оказывает влияние на значимые сферы социальной жизни, в том числе функционирование сотрудников Госавтоинспекции, нередко выступающих в центре публичного внимания и освещения результатов их служебной деятельности.

В этой связи интересными видятся данные, согласно которым формирование психологических установок полицейских зависит от сведений средств массовой информации (далее – СМИ), транслирующих некие ролевые модели и способных изменять смысл тех или иных образов. Планомерно выстраиваемое массмедиа информационное поле в некоторой степени обволакивает психику субъекта воздействия, вызывая у него определенные поведенческие реакции и изменения в мировоззрении (Ермолаев В.В. и др., 2022).

Предполагаем, что в Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) реально предпринять попытку создания информационного поля, выступающего альтернативой деструктивным оповещениям массмедиа, в том числе путем использования разнородных новостных репортажей, заимствованных из проверенных официальных источников.

Сформулированное предложение соотносится с представлениями об информационно-психологической безопасности, трактуемой как защищенность психической сферы от негативного влияния информационной среды и обеспечиваемой не только внешними, но и внутренними условиями – переживаниями, мировоззрением, ценностями (Воронин А.Ю., 2021).

Одновременно отметим роль так называемого экспертного медиаконтента, востребованного целевой аудиторией информационно-центричных СМИ и дополняющего журналистский дискурс авторитетными суждениями просветительского характера (Каминская Т.Л., Ерохина О.В., 2023).

Ввиду сказанного разумно сформулировать рекомендацию о включении в новостные репортажи комментария, исходящего от сотрудников Госавтоинспекции, и позволяющего объективировать познание зрителем освещаемых обстоятельств и

официальных действий, сопряженных с реализацией принципов законодательства. Подчеркнем, что одним из элементов механизма информационно-психологического воздействия в данном случае выступает транслируемый консонанс позиций привлекаемых экспертов и СМИ.

Подобные видеосюжеты, с одной стороны, благотворно влияют на правосознание людей, расширяя их представления о недопустимости деликтов, а также иллюстрируя факт привлечения правонарушителей к юридической ответственности. С другой, – создание подобных видеоматериалов стоит расценивать как способ опосредованного конструктивного воздействия на сознание полицейских. При этом резонно наладить взаимодействие психологов, сотрудников подразделений пропаганды безопасности дорожного движения Госавтоинспекции и сотрудников, осуществляющих полномочия в сфере информационного сопровождения деятельности МВД России в СМИ и среди общественности.

Таким образом, видится целесообразным обращение к новостным видеоматериалам массмедиа как актуальным сведениям, используемым в психологической работе с сотрудниками Госавтоинспекции.

Литература

1. Воронин А.Ю. Ценностные ориентации студенческой молодёжи как фактор психологической безопасности в условиях информационной среды // Педагогический ИМИДЖ. 2021. Т. 15. № 4 (53). С. 522–535. doi: 10.32343/2409-5052-2021-15-4-522-535.
2. Ермолаев В.В., Воронцова О.Ю., Четверикова А.И., Насонова Д.К. Вектор управления организационной культурой органов внутренних дел: психические состояния и «картина мира» сотрудников в динамике социальных страхов пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 189–208. doi: 10.17759/sps.2022130112.
3. Каминская Т.Л., Ерохина О.В. Экспертный медиаконтент: создание и использование в современных медиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 1. С. 24–40. doi: 10.17150/2308-6203.2023.12(1).24-40.

Основные направления психологической работы с подростками, склонными к аддиктивному поведению

Голенков А. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Москва, Россия)

Аддиктивное поведение подростков представляет собой одну из наиболее актуальных проблем современного общества, поскольку оно оказывает разрушительное влияние на физическое, психологическое и социальное развитие

молодежи (Минюрова С.А., 2022). Различные формы аддикции негативно сказываются на учебной деятельности, межличностных отношениях и общем качестве жизни подростков (Агирбова Д.М., Хубиева К.Ш., 2024). Проблема аддиктивного поведения подростков усугубляется влиянием множества факторов, а также недостаточностью профилактической и коррекционной работы (Кубекова А.С., 2021; Швецова И.Ю., 2012).

Рассмотрим основные направления психологической работы с подростками, склонными к аддиктивному поведению.

1. Диагностика склонности к аддиктивному поведению.

Одним из ключевых направлений психологической работы является ранняя диагностика предрасположенности подростков к аддиктивному поведению. Для этого психологи используют различные методы, в том числе:

- психодиагностические тесты;
- анкетирование и интервью.

Ранняя диагностика позволяет на начальном этапе выявить подростков, находящихся в группе риска.

2. Коррекционная работа с подростками.

Основная цель коррекционной работы заключается в изменении проблемного поведения подростка и создании новых моделей поведения, альтернативных аддикции. В этом направлении психологи преимущественно используют несколько методов:

- когнитивно-поведенческая терапия (КПТ);
- мотивационное консультирование;
- арт-терапия и другие творческие методы.

3. Работа с семьей подростка.

Окружение подростка играет ключевую роль в формировании его поведения. Психологическая работа с семьей включает:

- семейное консультирование;
- психопросветительская работа с родителями.

Важно научить родителей эффективно поддерживать подростка и формировать здоровую атмосферу в семье.

4. Групповая работа и социальные программы.

Групповые методы работы часто оказываются эффективными в психологической поддержке подростков. В группах поддержки подростки могут делиться своими переживаниями, учиться справляться с трудностями через обмен опытом, получая положительные примеры. Важными элементами являются:

- тренинги по развитию навыков управления стрессом и самоконтроля;
- групповая психотерапия.

5. Профилактическая работа.

Профилактика аддиктивного поведения – одно из важнейших направлений деятельности психолога и включает:

- психопросветительскую работу в школах;
- программы раннего вмешательства, направленные на тех подростков, которые находятся в группе риска.

6. Развитие позитивных интересов и увлечений.

Одной из задач психолога является помощь подростку в развитии здоровых альтернатив аддикции. Психолог может помочь подростку найти интересы и увлечения, которые станут источником положительных эмоций и самореализации через:

- развитие творческих и спортивных способностей;
- организацию поддержки подростка посредством социальных проектов.

Вывод. Работа психолога с подростками, склонными к аддиктивному поведению, требует комплексного и многоуровневого подхода. Важно не только помочь подростку справиться с уже существующей проблемой, но и предпринять профилактические меры для предупреждения развития зависимостей. Успешная психологическая работа строится на взаимодействии с самим подростком, его семьей и социальной средой, что позволяет не только корректировать проблемное поведение, но и создать условия для успешной социализации и личностного развития подростка.

Литература

1. Агирбова Д. М., Хубиева К.Ш. Психологические особенности формирования аддитивного поведения среди подростков // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 106-2. С. 120-122.
2. Кубекова А.С. Факторы, способствующие развитию аддиктивного поведения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 8-2(76). С. 77-79.
3. Минюрова С.А., Кружкова О.В., Воробьева И.В., Матвеева А.И. Аддиктивное поведение подростков и юношей в системе образования: обзор психолого-педагогических исследований // Образование и наука. 2022. № 6. С. 84–121.
4. Швецова И. Ю. Факторы формирования аддиктивного поведения в контексте структуры индивидуального жизненного опыта подростка // В мире научных открытий. 2012. № 9-3(33). С. 329-342.

Копинг-стратегии у курсантов вузов МВД России с разной выраженностью эмоционального интеллекта

Карбачева Д.А., Коноплева И.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Профессиональная деятельность сотрудников МВД имеет ряд отличительных характеристик, а именно повышенный уровень психических и физических

возможностей, эмоциональная устойчивость, приспособление к постоянно изменяющимся условиям среды, ненормированный рабочий день, все это способствует увеличению стресса. Поэтому курсантам следует формировать профессионально важные качества в процессе учебно-служебной деятельности, а также развивать индивидуальные характеристики.

Среди индивидуальных характеристик эмоциональный интеллект дифференцируют как наиболее важное качество. Это связано с тем, что он способствует стремлению оценить способности человека понимать свои и чужие эмоции, управлять ими, эмоционально взаимодействовать с окружающими, а также с возможностью предсказывать результативность в различных видах деятельности. На основе теоретического анализа литературы эмоциональный интеллект исследуется с помощью таких типологий, как эмоциональная компетентность, эмоции и эмоциональная грамотность. Наиболее существенным критерием типологий выступает убеждение, что эмоциональный интеллект – это умение улавливать и воспринимать собственные эмоции, а также координировать их, используя комбинацию эмоций и разума. Проблема изучения эмоционального интеллекта находит свой интерес в трудах отечественных и зарубежных ученых (И.Н. Андреева, Д. Гоулман, Л.Д. Камышникова, Д. Карузо, Д.В. Люсин, Дж. Мэйер, П. Сэловей, Е.А. Сергиенко, Е.В. Сидоренко и другие).

В научных исследованиях отмечается, что люди, имеющие более высокий уровень эмоционального интеллекта, способны правильно распознавать, выражать и регулировать свои эмоции и тем самым обеспечивать их гармоничную интеграцию в межличностную систему. И наоборот, низкий его уровень способствует тому, что человек не способен правильно понимать собственные эмоции и эмоции других людей, поэтому он не может построить конструктивные отношения с окружающими, что приводит к поведенческим трудностям.

Целью нашего исследования является выявление особенностей использования копинг-стратегий курсантами образовательных учреждений МВД России с разной выраженностью эмоционального интеллекта.

В западной психологии проблема преодоления трудных жизненных ситуаций описывается понятием «копинг-поведение». Основная цель копингов – помочь справиться с трудностями и стрессами, с которыми сталкиваются курсанты, и преодолеть их без ущерба для здоровья и благополучия.

Проблема копинг-стратегий рассматривалась такими отечественными учеными, как: А.И. Анцыферова, Е.Е. Вахромов, Р.М. Грановская, Л.А. Китаев-Смык, Т.Л. Крюкова, С.К. Нартова-Бочавер, Н.М. Никольская, Н.А. Сирота, Е.В. Сухова, В.М. Ялтонский и другие. В зарубежной психологии данной проблеме посвящены исследования: Д. Амирхана, Р. Лазаруса, Дж. Роттера, Н. Селье, Р. Плутчика, С. Фолкман.

Теоретический анализ исследований в области копинга показывает, что способность справляться с трудностями и стрессом может быть врожденной или приобретенной в результате обучения и опыта. Существует множество стратегий

преодоления, включая решение проблем, планирование, психологическое преодоление и поиск поддержки. Важно отметить, что эффективность стратегий преодоления зависит от конкретной ситуации, личных особенностей и ресурсов человека.

Таким образом, становится важным уже на этапе обучения курсантов в общеобразовательных учреждениях МВД уделять внимание развитию эмоционального интеллекта и использованию копинг-стратегий, поскольку они помогают подстраиваться под обстоятельства, преодолевать стрессовые ситуации и выступают как профессионально значимые качества.

Психологический портрет студентов-юристов

Клепцов Н.Н., Клепцова Е.Ю.

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Основной задачей современного образования является выпуск молодых конкурентоспособных специалистов на рынок труда. За время обучения студент должен получить определенный набор компетенций, профессиональных качеств, навыков, знаний, необходимых ему для выполнения своих профессиональных функций.

Можно выделить гражданско-правовой, уголовно-правовой, государственный профили в обучении студентов-юристов. На основе экспертной оценки с помощью экспертов составлен первый набор психологических характеристик студентов-юристов.

Студенты, обучающиеся на гражданско-правовом профиле – это универсальные специалисты в мире юриспруденции. Им необходимо помнить огромное количество информации, поскольку частное право, гражданское в отдельности, представляют собой набор из самых разнообразных норм семейного, жилищного, наследственного, интеллектуального и пр. Основных положений больше, чем в других профилях, судебная практика разрознена, требуется мониторинг отслеживания принимаемых нормативно-правовых актов. Востребована внимательность, объем памяти, возможно эмоциональное выгорание из-за сложных клиентов, задержек в судах, непонимания с государственными органами и пр.

Студенты уголовного профиля должны уметь подбирать весомые аргументы для убеждения судей, присяжных, адвоката противоположной стороны. Критическое мышление позволяет им оценивать, анализировать различные точки зрения, пространствовать свои контраргументы. Анализируя сильные и слабые стороны своего дела, предвосхищая аргументы противоположных сторон, юристы могут разработать убедительные юридические теории, представить аргументированную доказательственную базу. Для студентов уголовного профиля остро встает проблема постоянного контакта с маргинальными личностями. Они чаще студентов других

профилей сталкиваются с человеческими пороками, жестокостью, постоянно находятся в напряжении. Профессиональная деформация у будущих следователей, прокуроров, адвокатов, наступает раньше. Стресс даже в процессе изучения уголовно-правовых дисциплин может породить эмоциональное выгорание, а случаи из практики могут привести к психологическим проблемам, криминализации мышления и сознания будущего юриста. Внимание к деталям принципиально для студентов уголовно-правового профиля, знание законов, умение ими пользоваться, выявлять ключевые фрагменты информации важно независимо от того, ищет ли студент-практик доказательства в поддержку своего дела или вычитывает юридический документ, где упущенная деталь может изменить весь ход дела.

Студенты юридических специальностей должны быть гуманными. Особенно это касается юристов государственно-правового профиля, для которых понимание повседневных проблем людей имеет важное значение. Юристы работают с людьми, принимаемые решения влияют на жизнь населения, несут определенные последствия для государства в целом. В результате студент-юрист государственного профиля должен обладать спецификой работы всей правовой и государственной системы, быть ее надежным звеном, понимать социальные запросы общества. Юристам нужны отличные коммуникативные навыки, умение вести переговоры, уверенность, ораторские навыки.

Таким образом, несмотря на специфику отдельно взятых профилей, студенты-юристы обладают повышенным чувством справедливости, непредвзятости, мотивированы обеспечивать надлежащее функционирование правовой системы, стремятся исправить социальную несправедливость, бросить вызов дискриминации, обеспечивать равные права граждан. Отстаивая принципы справедливости, равноправия, юристы играют решающую роль в поддержании целостности правовой системы.

Правоохранительная деятельность в условиях геополитических рисков

Ковальчишина Н.И.¹, Рядинская Е.Н.²

¹ Филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

в г. Минске

(Республика Беларусь),

²Донбасская аграрная академия

(ДНР, Россия)

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 23-18-00848 «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков».

В настоящее время, в ситуации геополитической напряженности, возникшей вследствие международных противоречий, нестабильности политических и экономических отношений, террористических угроз деятельность правоохранительных органов приобретает особую значимость и требует новых эффективных форм ее реализации.

Как известно, многие авторы рассматривают геополитические риски в контексте опасности для государства потерять свою территориальную целостность (Бек У., 2009; Делягин М., 2010; Ильичева Л.Е., Лапин А.В. 2021; Калинина Н.А., 2014 и др.).

Сегодня наблюдается жесткое противостояние Российской Федерации и некоторых западных держав (Англия, Германия, США, Франция и др.), выражающееся в ограничении экономической и любой другой деятельности России на международной арене. Борьба идет, безусловно, за изменение векторного геополитического пространства России, с переписыванием истории и реформированием массового сознания, изменением системы традиционных ценностей, стремлением уничтожить страну.

В последнее время в России обострились также и миграционные процессы. Мигранты, в основном выходцы из Средней Азии, часто совершают противоправные действия в отношении исконного русского населения. Как известно, в современном глобализирующемся мире миграция является одним из ключевых игроков в формировании и развитии международных преступных организаций. Например, за последние десять лет на долю иностранцев приходится около 2 % от общего числа регистрируемых в России преступлений (Сухаренко А., 2013). Анализ сложившейся ситуации свидетельствует о том, что динамика и интенсивность преступности трудовых мигрантов в России приобретают угрожающий характер, способствуя переходу количественных показателей преступности в качественные (Черепашкин А.С., 2015).

Важным моментом является и тот факт, что легкость вербовки мигрантов может в короткий срок сформировать из них радикальные вооруженные группы, деятельность которых при участии спецслужб ведущих мировых держав будет направлена на свержение существующей государственной власти. Все эти негативные явления, естественно, требуют от правоохранителей повышенной концентрации внимания и усиленной профессиональной подготовки, особенно в условиях специальной военной операции, участившихся террористических атак различных экстремистских организаций, активной деятельности спецслужб на территории России и т.п. (Ковальчишина Н.И., Рядинская Е.Н., 2022).

Однако действия правоохранительных органов не должны ограничиваться только лишь карательными мерами. Необходим комплекс предупреждающих и профилактических мероприятий, который будет способствовать выявлению и пресечению противоправной деятельности различных преступных субъектов (агентов иностранных спецслужб, экстремистских идеологов, организаций, финансирующих сепаратистскую и террористическую деятельность и т. п.) (Хажироков В.А., 2016).

Литература

1. Ковальчишина Н.И., Рядинская Е.Н. Использование метафоры при консультировании сотрудников полиции, переживающих кризис // Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием «Коченовские чтения «Психология и право в современной России». М.: МГППУ, 2022. С. 157-159.
2. Сухаренко А. Миграция и преступность // Эж–Юрист. 2013. № 13. С. 4-6.
3. Хажироков В.А. Особенности реализации правоохранительной функции Российского государства в условиях глобализации // Философия права. 2016. №3 (76). С. 24-28.
4. Черепашкин А.С. Преступления экстремистской направленности в условиях миграционных процессов. Наука ЮУрГУ. Сб. мат. 67-й научной конференции. 2015. С. 1668-1673.

Деонтологический профиль личности как инструмент изучения надежности сотрудников силовых структур

Коноплева Е.А¹., Ларионова С.В².

¹ ГКУ СО «Территориальный центр мониторинга и реагирования на чрезвычайные ситуации в Свердловской области»
(г. Екатеринбург, Россия)

² Центр опережающей профессиональной подготовки по направлению «Социальная сфера» Свердловской области
(г. Екатеринбург, Россия)

Морально-нравственные качества – это комплексный показатель перечня качеств личности в различных сферах жизнедеятельности человека. Возможность оценки уровня сформированности этих качеств личности – одна из важных проблем современности. Методика «Деонтологический профиль личности» представляет собой тестовый психодиагностический инструментарий, направленный на оценку морально-нравственной сферы личности, развитости ее деонтологических качеств (Коноплева Е.А., Ларионова С.В., 2022). Итоговый показатель рассчитан на основе оценки уровня развития личностных качеств морально-нравственной сферы личности, объединенных в 7 отдельных блоков по направленности.

Для проверки надежности использовали метод оценки внутренней состоятельности/согласованности теста (*Internal-Consistency Method*) или метод расщепления теста (однократное тестирование) (*Split-Half Method*). Валидизация методики проводилась в 2 направлениях: оценка конструктивной (Л. Кронбах) и ретроспективной валидности. Эмпирическую базу исследования составили студенты 5 образовательных организаций высшего образования г. Екатеринбурга (164 чел.);

курсанты образовательных организаций МВД и МЧС России (240 чел.); сотрудники ОВД четырех регионов УрФО (434 чел.). Общий объем выборки составил 838 чел.

Согласно результатам исследования, критерий адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО) составил 0,929, что позволяет отметить безусловную адекватность выборки. Коэффициент надежности определен путем расчета коэффициента расщепления ($гн\ расщ=0,785$). Для коррекции оценки надежности использована формула Спирмена-Брауна. Значение коэффициента надежности ($гн=0,88$) позволяет сделать вывод о надежности/согласованности тестового материала (Разработка понятий..., 2018). При оценке конструктивной валидности рассматривались корреляции между результатами, полученными с использованием данной методики и «Методики многомерного исследования нравственности» (ММИН) В. Подоляк. Значимые корреляции ($p<0,01$) получены между шкалами методики («Коллективистские качества», «Гуманистические качества», «Цели морального регулирования», «Особенности морального регулирования», «Идейно-нравственные и морально-политические качества», «Морально-деловые и морально-экономические качества», «Морально-прагматические качества») и соответствующими шкалами ММИН («Моральная честь и нравственные убеждения», «Гуманизм и человечность», «Коллективизм и войсковое товарищество», «Добросовестность и трудолюбие», «Самоконтроль и самодисциплина», «Чувство интернационализма»). Наличие корреляций результатов измерений с внешними критериями свидетельствует о валидности теста. При оценке ретроспективной валидности в качестве основного критерия использован выбор будущей профессиональной деятельности (выбор образовательной организации) – деонтологический/недеонтологический. По всем изучаемым параметрам были получены значимые корреляции ($p\leq 0,01$) умеренной силы (0,3-0,5 по шкале Чеддока). Наличие корреляций между анализируемыми результатами испытуемых подтверждает валидность теста.

Результаты исследования позволяют отметить высокую надежность методики, валидность подтверждена расчетом конструктивной и ретроспективной валидности. Полученные данные позволяют рекомендовать методику для оценки морально-нравственной сферы, развитости деонтологических качеств при оценке надежности персонала в системе морально-психологического обеспечения.

Литература

1. Коноплева Е.А., Ларионова С.В. Деонтологический профиль личности: метод. руководство. Екатеринбург: Изд-во ЕДУ, 2022. 53 с.
2. Разработка понятий современной психологии / отв. ред. Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2018. 702 с.

Тревожность как фактор продуктивности деятельности личности

Косыгина С.В., Федюкина Е.И.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

(г. Москва, Россия)

Эмоциональные состояния влияют на эффективность профессиональной деятельности человека. Положительные эмоции, хорошее настроение способствуют повышению продуктивности и успешности в любом деле. А негативные переживания, повышенная личностная тревожность понижают результативность в служебной деятельности и мешают сопротивляться стрессам.

Тревожность – это эмоциональная реакция, связанная с неконтролируемыми навязчивыми мыслями ожидания неудачи и скорого наступления опасности.

З. Фрейд был первым, кто пытался объяснить природу возникновения тревожного состояния. Оно сильно дезорганизует психоэмоциональную сферу человека. Проявляется недостаточная гибкость в поведении, ригидность в установках и отношениях. Адаптация затруднена или имеет затяжной характер.

Личность с выраженными чертами тревожности, отмечает Ч.Д. Спилбергер, склонна воспринимать окружающий мир как заключающий в себе угрозу и опасность в значительно большей степени, чем личность с низким уровнем тревожности (Забродин Ю.М., Бороздина Л.В., Мусина И.А., 1989).

Целью исследования являлось изучение влияния тревожности на продуктивность деятельности личности. Важно было рассмотреть и понять, в каких случаях тревожность оказывает отрицательное, а в каких положительное воздействие на жизнь человека, а именно в профессиональной сфере.

В исследовании участвовали курсанты первого и второго курса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в возрасте 18-20 лет (40 человек). Использовалась шкала тревоги Спилбергера-Ханина (STAI) (Батаршев А.В., 2005).

По результатам исследования установлено, что 50% первокурсников имеют умеренный уровень ситуативной и личностной тревожности. Высокий уровень ситуативной и личностной тревожности показали 20% респондентов. 30% участников исследования отметили высокий уровень личностной тревожности. У 20% респондентов второго года обучения – высокий уровень ситуативной тревожности и 40% личностной. Умеренным уровнем ситуативной тревожности обладают большинство – 65%, личностной тревожностью того же уровня – 55%. И наконец, низкий показатель ситуативной тревожности обнаружен у 15% обследованных, а личностной – у 5%.

Хотя большинство респондентов показали умеренный уровень ситуативной и личностной тревожности, однако есть и отрицательная тенденция – заметно возрос уровень личностной тревожности у второкурсников – на 20%.

Как правило, у обучающихся первого курса больше сложностей в процессе адаптации и приспособления к новым требованиям вуза. Первокурсники попадают

в неизвестную среду, где обретают новую социальную роль. Это может сопровождаться стрессом и тревожностью.

На наш взгляд, увеличение уровня ситуативной и личностной тревожности у респондентов второго года обучения может быть связано со спецификой образовательного процесса в ведомственном вузе, преобладанием в учебной группе представительниц женского пола, отличающихся склонностью к тревоге и беспокойству и др.

Тревога – часть нашего повседневного опыта, адекватная реакция организма на стресс. С отрицательной стороны тревожность проявляется в дискомфорте, потере сил и излишним страхе совершить ошибку. Однако есть и положительные аспекты – тревожные мысли могут стимулировать к действию и помогать находить верные и продуктивные решения.

Литература

1. Батаршев А.В. Базовые психологические свойства и самоопределение личности: Практическое руководство по психологической диагностике. СПб.: Речь, 2005. С. 44-49.
2. Забродин Ю.М., Бороздина Л.В., Мусина И.А. К методике оценки уровня тревожности по характеристикам временной перцепции // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 5. С. 87-94.

Психологические аспекты наследственного планирования

Макаров С.Ю.

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина»

Федеральная палата адвокатов Российской Федерации
Адвокатская палата
Московской области
Центр медиации при РСПП
(г. Москва, Россия)

Одним из перспективных направлений оказания юридической помощи ныне является **наследственное планирование** – система решений и действий будущего наследодателя для определения лиц, которым он предполагает передать принадлежащие ему активы, долевого распределения активов (при наличии нескольких наследников) и порядка передачи активов.

Таким образом, наследственное планирование – это сочетание интеллектуальной и эмоциональной деятельности будущего наследодателя.

Необходим рефрейминг наследственного планирования по участвующим лицам.

В настоящее время наследственное планирование воспринимается прежде всего как явление, полностью зацентрированное а) лично на наследодателе и б) исключительно на наследодателе.

Очевидно, что для *исполнимости* принятых наследодателем в порядке наследственного планирования юридически значимых решений и действий нужна коммуникация наследодателя с теми людьми, которых это так или иначе касается:

1. потенциальные наследники – а) назначенные наследодателем, и б) отвергнутые наследодателем;
2. сособственники имущества наследодателя (прежде всего – партнеры по бизнесу).

Согласование или как минимум информирование наследодателем предполагаемых им наследников о том, как он собирается распорядиться в их пользу своим имуществом, будет способствовать тому, что наследники выскажут свои пожелания, а наследодатель, если сочтет это возможным, учтет их.

Наследственное планирование априори рассматривается как правовое явление, относящееся исключительно к бизнес-сфере. Однако необходимо расширить рамки и выработать общие принципы наследственного планирования.

Рефрейминг наследственного планирования предполагает выход этого института на принципиально иной уровень – с дополнением его коммуникацией с заинтересованными лицами.

Однако это неизбежно увеличивает сферу психологических аспектов наследственного планирования, поскольку осуществление его будущим наследодателем предполагает общение (коммуницирование) с широким кругом весьма разных лиц (сособственники, наследники).

Отдельно отметим некоторые важные психологические проблемы, выявленные при работе по данному направлению:

- нежелание граждан заниматься наследственным планированием;
- неравенство между наследодателем и предполагаемыми наследниками, выражающееся в субординации между ними;
- проблема глобального перехода бизнесов в России от создателей и учредителей к их преемникам, прежде всего – детям.

Вечная проблема «отцов и детей» имеет весьма острое современное наполнение, обусловленное тем, что в силу глобального информационного ускорения «дети» уже значительно опередили «отцов», и такими, как «отцы», они уже не будут, что не устраивает «отцов».

Поэтому исключительно необходима коммуникация между такими учредителями бизнеса и их возможными преемниками – прежде всего сыновьями – для налаживания диалога. Адвокатам, медиаторам, нотариусам необходимо иметь соответствующую подготовку для эффективной организации этого диалога и участия в нем.

Девиантное поведение в сфере профессионального спорта

Мартынова А.Д., Коноплева И.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время в спорте происходят изменения, связанные с повышением возрастных границ для получения спортивного разряда, участия в определенных соревнованиях. Так, например, после Олимпиады 2022 года международный союз конькобежцев проголосовал за поднятие минимального возраста для участия во взрослых соревнованиях до 17 лет. Причиной этому решению послужили многочисленные споры на тему психологического и физического здоровья спортсменов – многие юные спортсмены вынуждены заканчивать свои карьеры раньше достижения совершеннолетия из-за большего количества травм, полученных в результате интенсивных тренировок.

Ни для кого не секрет, что ведение здорового образа жизни и участие в спортивных состязаниях на любительском уровне может способствовать формированию здоровой самооценки, нравственности, оказывает положительное воздействие на организм в целом. Однако нечестная игра, употребление запрещенных веществ, злоупотребление медицинскими препаратами и другие неэтичные формы поведения, которые вызывают проблемы в повседневной жизни, в спортивных кругах, где превыше всего ставится именно результат, часто игнорируются. Такое смещение ценностей отражается как на поведении, так и на общем психологическом состоянии спортсмена, особенно в подростковом возрасте.

В нашей работе хотелось бы сделать акцент именно на особенностях психологического состояния юных спортсменов. Так, вспыхнувший на той же олимпиаде скандал с участием российской спортсменки, не достигшей возраста 16 лет, связанный с употреблением запрещенных веществ, затронул не только тему самого факта применения запрещенных препаратов несовершеннолетними спортсменами, но и вопрос о том, какое влияние подобные ситуации оказывают на юных спортсменов, на психологическое состояние и как действовать в сложных случаях. Вопреки мнению о том, что спортивная дисциплина «закаляет» характер и воспитывает «сильных духом» людей, нельзя отрицать, что высокая конкуренция, плотный график тренировок и давление со стороны родителей/тренеров, а также особенности развития в подростковом возрасте негативно сказываются на психическом состоянии спортсменов и могут провоцировать различные проявления отклоняющегося поведения. Так, например, одной из самых освещаемых тем в СМИ не так давно стало исчезновение 16-летней фигуристки, которая, как выяснилось впоследствии, сбежала из дома. Реакция общественности на этот поступок показывает, что многие люди не имеют представления о том, с какими психологическими трудностями могут сталкиваться юные спортсмены, и, более того,

в некоторых случаях имеют идеализированное представление о профессиональном спорте.

Для оценки взаимосвязей между тревогой, профессиональным выгоранием и склонностью к проявлениям девиантного поведения было проведёно исследование проявлений девиантного поведения у подростков в сфере профессионального спорта.

Исследование проводилось при участии 30 профессиональных спортсменов в возрасте от 14 до 16 лет, имеющих спортивные звания от первого взрослого разряда до мастера спорта. В исследовании приняли участие спортсмены, профессионально занимающиеся такими видами спорта, как фигурное катание, конный спорт, горные лыжи, плавание.

Для проведения исследования использовались следующие методики: Определение склонности к отклоняющемуся поведению (СОП), Шкала выгорания спортсмена (Athlete Burnout Measure, ABM), Шкала тревоги Бека (Beck Anxiety Inventory, BAI).

Результаты проведённого исследования указывают на тесную связь между тревожностью, профессиональным выгоранием и девиантным поведением у спортсменов подросткового возраста. Подростки, занимающиеся спортом на профессиональном уровне, могут испытывать высокий уровень тревожности из-за стресса, конкуренции и высоких ожиданий, что впоследствии приводит к развитию профессионального выгорания, которое проявляется в обесценивании собственных достижений, снижении спортивной мотивации, эмоциональном и физическом истощении. Профессиональное выгорание и тревожность могут провоцировать спортсменов к девиантному поведению, преимущественно к аддиктивному и самоповреждающему. В целом, наше исследование может послужить основой для разработки конкретных мероприятий и программ, направленных на снижение девиантного поведения у спортсменов подросткового возраста и повышение их общего благополучия.

К вопросу об особенностях антисоциальной креативности в профессиональном и социально-политическом контекстах

Мешкова Н.В.¹ Бочкова М.Н.²

¹ФГБОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

²Независимый исследователь
(г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № 23-28-00236

В теориях креативности в общем, и антисоциальной креативности, в частности, уделяется большое внимание контексту. При этом понятие «контекст» неоднозначно трактуется различными авторами. В целом под контекстом понимаются

стимулирующие или подавляющие креативность факторы окружающей среды, включающей в себя ситуацию, в которой происходит взаимодействие; социальное окружение (семья и группа), культуру, международную среду и т.д. (см. Мешкова Н.В. и др., 2024, в печати). Мы понимаем под контекстом социально-политические условия, отличающиеся от ситуационных факторов по длительности воздействия (Мешкова Н.В., 2023), и предполагаем, что в разных социально-политических условиях существуют как особенности, так и закономерности в проявлении антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред посредством лжи, черного юмора, мести.

Исследование осуществлялось в несколько этапов: в 2018 г. проходило обследование кадетов, в 2023 г. – курсантов и студентов-психологов, в 2024 г. – подростков одной из школ г. Москвы. Общее число участников – 397 человек. Сравнение выборок проводилось по следующим переменным: черты Согласие (Согл) и Добросовестность (Добр), враждебность (Вр), антисоциальная креативность (АК) (для всех выборок); моральная идентичность (МИ) (в выборках 2023-2024 гг.)

Согласно результатам One-Way ANOVA и пост-хок теста по критерию Тьюки, склонность к проявлению АК в поведении, наносящем вред другим людям, выше, а черты Большой пятерки ниже у подростковой части генеральной совокупности по сравнению с юношеской частью, причем у представителей, не имеющих отношения к силовым структурам, антисоциальная креативность выше, а согласие и добросовестность – ниже по сравнению с кадетами и курсантами.

Регрессионный анализ в генеральной совокупности показал, что 39% дисперсии значений АК объясняется Вр, 14% добавляет физическая агрессия, 5% - МИ ($\beta = 0.458; 0.394; -0.319; p < 0.01$, соответственно), 1% - Согл ($\beta = -0.169; p < 0.05$). В выборке подростков 2024 г. 26% дисперсии значений АК объясняется МИ ($\beta = -0.669; p < 0.01$).

Линейная регрессия показала, что сила связи между переменными АК, Согл и МИ в выборках кадетов/курсантов отличается от силы связи между этими переменными в гражданской части выборки подростков/студентов-психологов.

Полученные результаты подтвердили гипотезы о том, что в разных социально-политических условиях существуют закономерности и особенности проявления АК в поведении, наносящем вред в межличностном взаимодействии.

Были сделаны следующие выводы:

1. Склонность к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред, в большей степени свойственна подросткам, чем юношам. Такая тенденция сохраняется в разных социо-политических (до-ковидный период 2018 г. и период СВО 2023-2024 гг.) и профессиональном контекстах (силовые структуры – гражданское население).

2. Уровень антисоциальной креативности ниже у тех, кто имеет отношение к силовым структурам. У не имеющих отношение к силовым структурам существуют особенности связей антисоциальной креативности с личностными характеристиками

таким образом, что АК опосредуется моральной идентичностью в большей степени, а чертой Согласие в меньшей степени по сравнению с кадетами и курсантами.

Привлечение профессионального контекста в исследование, ориентированное на поиск особенностей антисоциальной креативности в разных социально-политических условиях, дает возможность выявить тенденции феномена антисоциальной креативности и направления профилактических мероприятий и интервенций для подростков и людей гражданских профессий.

Литература

1. Мешкова Н.В. Социальная креативность и социальный контекст: перспективы исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 1. С. 100–108. doi:10.17759/jmfr.2023120111.
2. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Бочкова М.Н., Мешков И.А. Особенности антисоциальной креативности и ее профилактики у подростков в современном социально-политическом контексте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. (в печати).

Исследование значимости конституционных прав и свобод студентов юридических специальностей

Молотова В.В.¹, Молотов А.В.²

¹ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
(г. Москва, Россия)

²ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
(г. Барнаул, Россия)

Значимость прав и свобод является одной из содержательных характеристик ценностного компонента правосознания личности. Правосознание личности соотносится с объективной системой права – отраслями права и конкретными видами правоотношений, которые находят отражение в Конституции РФ. Конституционные нормы и принципы официально закрепляют общечеловеческие ценности, а то, в какой степени субъект солидарен с ценностями, отражает содержание когнитивного и ценностного компонентов правосознания.

Цель нашего исследования заключалась в оценке выраженности отдельных характеристик когнитивного и ценностного компонента правосознания студентов юридических специальностей, в частности:

- 1) уровня осведомленности о базовых конституционных правах и свободах человека (личных, политических, социальных, культурных, экономических);
- 2) степень значимости различных категорий конституционных прав и свобод (личных, политических, социальных, культурных, экономических).

В исследовании приняли участие студенты младших курсов Юридического института Алтайского государственного университета (N=150) и курсанты Барнаульского юридического института (N=150).

В качестве диагностической методики использовался личностный шестифакторный опросник значимости прав и свобод В.В. Молотовой, позволяющий оценить уровень осведомленности и степень значимости существующих конституционных прав и свобод, инструмент прошел процедуру эмпирической валидизации и проверку на психометрические свойства (Молотова В.В., Молотов А.В., Каширский Д.В., Сабельникова Н.В., 2020).

В результате исследования наиболее высокие показатели респонденты продемонстрировали в осведомленности о личных, социальных и политических правах, меньшую осведомленность – об экономических и культурных правах.

Высокий уровень значимости личных прав и свобод продемонстрировали 54,4% испытуемых, готовность соразмерно ограничить личные права и свободы (средняя значимость) продемонстрировали 39,6% испытуемых, 5,8 % испытуемых готовы полностью отказаться от реализации своих личных прав и свобод (низкая степень значимости).

Высокую значимость социальных прав и свобод продемонстрировали 58,8% испытуемых, среднюю степень значимости – 33,6%, низкую степень значимости – 7,48%.

Стоит отметить, что высокую значимость экономического права свободно владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом продемонстрировали 59,7% испытуемых, среднюю степень значимости – 45,4%, низкую – 4,7%. Таким образом, право собственности по своей степени значимости для испытуемых оказалось выше, чем другие права и свободы (в том числе право на жизнь и здоровье).

Испытуемые продемонстрировали средний уровень значимости политических прав и свобод, готовность ограничить свои политические права и свободы при обеспечении достойного уровня жизни выразили 61% испытуемых, не готовы отказаться от своих политических прав и проявления гражданской активности 27,12 % испытуемых, готовы полностью отказаться от реализации политических прав и свобод 19,1 % испытуемых.

56% опрошенных не готовы ограничить свои культурные права и свободы и демонстрируют высокую степень значимости данной категории, 32,8 % испытуемых готовы на соразмерные ограничения данной категории прав и свобод (средняя степень значимости) и 11% испытуемых демонстрируют низкую значимость культурных прав и свобод выражая готовность полностью отказаться от их реализации.

Полученные данные позволяют сделать выводы о качественных характеристиках правосознания будущих юристов и могут быть полезны в междисциплинарных исследованиях правосознания личности.

Литература

1. Molotova V., Molotov A., Kashirsky D., Sabelnikova N. Survey of assessment of a person's legal consciousness: Development and Preliminary Validation // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10. No 5. P. 87. doi: 10.3390/bs10050089.

Современные тенденции психологического обеспечения профессий особого риска

Николаева Н.В.

Научно-информационный центр А.Р.Т.

(г. Москва, Россия)

Профессии особого риска, такие как пожарные, полицейские, военнослужащие, медики и работники в области ядерной энергетики, требуют не только высокой физической подготовки, но и значительных психологических ресурсов. Психологическое обеспечение этих профессий становится все более актуальным в условиях современного общества. Рассмотрим ключевые тенденции в этой области.

1. Увеличение стресса и его последствий.

Современные реалии, такие как глобальные угрозы, террористические акты и природные катастрофы приводят к увеличению уровня стресса у работников профессий особого риска. Исследования показывают, что высокий уровень стресса может привести к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), депрессии и других психических заболеваний (Николаева Н.В., 2024). В связи с этим возникает необходимость в разработке программ психологической поддержки и профилактики.

2. Психологическая подготовка и тренинги.

Современные организации начинают осознавать важность психологической подготовки своих сотрудников. Тренировки по управлению стрессом, эмоциональной устойчивости и командной работе становятся стандартной практикой. Использование симуляторов и ролевых игр позволяет работникам на практике отрабатывать навыки, которые могут пригодиться в экстремальных ситуациях.

3. Психологическая поддержка и консультирование.

Создание систем психологической поддержки для работников профессий особого риска становится необходимым элементом их работы. Это включает в себя как регулярные консультации с психологами, так и создание групп поддержки. Такие инициативы помогают снизить уровень стресса и предотвратить развитие психических заболеваний (Николаева Н.В., 2024).

4. Использование современных технологий.

Современные технологии играют важную роль в психологическом обеспечении. Виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) используются для создания тренировочных симуляций, которые помогают работникам подготовиться к экстремальным ситуациям. Также развиваются приложения для

мобильных устройств, которые помогают отслеживать уровень стресса и предоставляют рекомендации по его снижению (Гараганов А.В., 2024).

5. Индивидуальный подход.

Каждый работник уникален, и подход к психологическому обеспечению должен учитывать индивидуальные особенности личности. Психологи начинают применять персонализированные методы работы, основываясь на анализе личных данных и предпочтений сотрудников. Это позволяет более эффективно решать проблемы и повышать уровень удовлетворенности работой.

6. Превентивные меры.

Систематическое внедрение превентивных мер, таких как тренинги по управлению стрессом, программы физической активности и здорового образа жизни становятся неотъемлемой частью работы организаций. Эти меры способствуют укреплению психического здоровья работников и повышению их общей эффективности.

В заключение необходимо отметить, что современные тенденции в психологическом обеспечении профессий особого риска подчеркивают важность интеграции психологии в рабочие процессы. Эффективное управление стрессом, индивидуальный подход и использование современных технологий становятся ключевыми аспектами в обеспечении психологического благополучия работников. Эти меры не только способствуют улучшению качества жизни сотрудников, но и повышают общую эффективность организаций, работающих в условиях повышенного риска.

Литература

1. Гараганов А. В. Влияние интеллектуальных технологий на обучение и развитие мозга: возможности нейросоциального интеллекта // Вестник ГГУ. 2024. № 3. С. 172-190.
2. Николаева Н. В. Фундаментальные исследования современных технологий оказания превентивной психологической помощи // Современное образование: традиции и инновации. 2024. № 3. С. 112-115. doi: 10.51623/23132027.2403.112.

Психологические особенности восприятия личности потерпевшего

Никонова О.Е., Воронова Ю. В.

ФГКОУ «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

В процесс реализации профессиональной деятельности у следователя формируются образы участников предварительного расследования, в том числе потерпевшего. Это безусловно оказывает влияние на то, как строятся

взаимоотношения с потерпевшим в процессе проведения процессуальных действий.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей восприятия личности потерпевшего как участника предварительного расследования и эмоционального отношения к нему сотрудников следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации. Выборку составили 160 сотрудников, состоящих на службе в должностях следователя, следователя по особо важным делам, а также сотрудников криминалистических подразделений (криминалистов, сотрудников, выполняющих функционал полиграфолога, психолога).

Респондентам было представлено два списка: индивидуально-психологические характеристики личности (28 характеристик) и эмоции/чувства (36 эмоций). В соответствии с первым списком нужно было выбрать те характеристики, что присущи потерпевшему, в соответствии со вторым – выбрать те эмоции и чувства, которые они обычно испытывают к потерпевшим.

По результатам исследования было выявлено, что в качестве индивидуально-личностных характеристик чаще всего потерпевшим приписываются следующие: беспомощный, глуповатый, добрый, доверчивый, недоверчивый и человечный. Наиболее часто респонденты из этой выборки указывали следующие характеристики, свойственные личности потерпевшего: беспомощный – 49% и доверчивый – 36%.

Сотрудники склонны испытывать к личности потерпевшего следующий эмоциональный спектр: жалость, интерес, равнодушие, сожаление, сочувствие. Эмоции и чувства, которые чаще всего испытывают сотрудники к личности потерпевшего: сочувствие – 34% и жалость – 33%.

Таким образом, у сотрудников подразделений Следственного комитета Российской Федерации сформировался образ личности потерпевшего как виктимной личности, виктимность которой основана на таких качествах, как доверчивость и беспомощность. Жалость и сочувствие как основные эмоции, которые переживают респонденты по отношению к потерпевшему, свидетельствуют о развитой эмпатийности, которая необходима следователю для решения профессиональных задач.

Телесные модификации (татуировки) как маркер фактора риска девиантного поведения при профессиональном психологическом отборе на службу в органы

внутренних дел

Обиочная Т.В.

ФКУЗ «Медико-санитарная часть Министерства внутренних дел России по г. Москве»

(г. Москва, Россия)

Телесные модификации, в частности, татуировки в последние годы получили широкое распространение. По данным ряда исследований установлена взаимосвязь

между татуировками и различными формами отклоняющегося поведения (Галкина Е.А., Дегтярев А.В., 2015; Бабин Ю.М., 2019). Доступность татуировок для объективного наблюдения позволяет широко использовать этот поведенческий индикатор в целях первичного выявления лиц с повышенным риском дезадаптации. С 2012 года при профессиональном психологическом отборе на службу в органы внутренних дел выявляется фактор риска девиантного поведения: склонность к совершению суицидальных действий. К суицидальным действиям, помимо прочего, относится нанесение самоповреждений. Целью данной работы являлось установление взаимосвязи между нанесением татуировок и самоповреждающим поведением. Гипотеза исследования: респонденты с татуировками по степени выраженности индивидуально-психологических особенностей отличаются от контрольной группы и не отличаются от лиц с аутоагрессивным поведением.

В исследовании приняли участие 163 человека из числа кандидатов на службу в ОВД, проходившие профессиональный психологический отбор. Все кандидаты были разделены на три группы. В первую группу были отобраны 45 человек (14 мужчин и 31 женщина), имеющие самоповреждающее поведение в анамнезе. Вторую группу составили 56 человек (30 мужчин и 26 женщин), имеющие две и более татуировки и не имеющие самоповреждений в анамнезе. В контрольную группу вошли 62 человека (33 мужчины и 29 женщин) без татуировок и без самоповреждающего поведения. Средний возраст респондентов по группам составил: «Самоповреждающее поведение» - $21 \pm 3,6$ год, «Модификации тела» - $23,2 \pm 3,5$ года и в контрольной группе - $21,1 \pm 3,7$ год. Методики исследования: личностный опросник агрессивности Басса-Перри (BPAQ-24), шкала импульсивности Барратта (BIS-11), шкала самоуважения М. Розенберга (RSES).

В результате исследования установлено, что лица с самоповреждающим поведением имеют более высокий уровень импульсивности ($p=0,011$) и более низкий уровень самоуважения ($p=0,007$), чем респонденты контрольной группы. Кандидаты с татуировками, так же, как и лица с самоповреждениями, обладают более высоким уровнем импульсивности ($p=0,004$), но, кроме этого, имеют и более выраженную агрессивность в форме гнева ($p=0,008$). Также в качестве тенденции можно отметить более низкий уровень самоуважения ($p=0,091$) у татуированных лиц по сравнению с контрольной группой. При сравнении выраженности показателей в группах «Модификации тела» и «Самоповреждающее поведение» значимых различий выявлено не было.

Таким образом, лица с татуировками по своим индивидуально-психологическим особенностям отличаются от нормативной группы и имеют сходство с респондентами, имеющими самоповреждения в анамнезе. Полученные результаты могут быть использованы при профессиональном психологическом отборе на службу в органы внутренних дел. Так, наличие татуировок у кандидата может рассматриваться как один из маркеров фактора риска девиантного поведения.

Литература

1. Бабин Ю. М. Роль бодимодификаций при выявлении девиантных форм поведения // Известия Российской военно-медицинской академии. 2019. Т. 38. № S1-1. С. 21-25.
2. Галкина Е.А., Дегтярев А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Т. 5. № 1. С. 90-107. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2015_n1/76156 (дата обращения: 26.09.2024)

Психологические аспекты прокурорской деятельности

Реутова В.И.

НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» трактует функции органов прокуратуры, среди которых ведущей является надзорная функция за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Важными психологическими аспектами прокурорской деятельности являются знания и понимания прокурорами человеческой природы и психики, управления, межличностного взаимодействия, так как по роду деятельности сталкиваются с разными преступлениями, нарушениями общественных интересов, личных прав граждан, сохраняя при этом объективность и беспристрастность.

Необходимо признать, что к прокурорскому работнику предъявляются высокие требования как со стороны профессиональной среды, требующей высокой эффективности деятельности, так и со стороны общества, желающего видеть в представителях власти высокообразованных, морально-нравственных членов общества.

Существующие требования к профессиональному поведению позволяют определить необходимые психологические особенности, сформулировать личностные индивидуально-психологические характеристики, способствующие успешному выполнению профессиональных обязанностей, учет которых позволяет осуществлять прогнозирование профессиональной успешности (Реутова В.И., 2020).

Невозможно осуществлять профессиональную деятельность и не учитывать те внешние условия, требования к деятельности и окружение, с которыми приходится сталкиваться при выполнении служебных задач (Реутова В.И., 2018).

Прокурорская деятельность формирует направленность личности, следование правовым нормам и не может не воздействовать на поведение сотрудника и потребности, определяющие его личностные качества, к которым необходимо

отнести: высокий уровень интеллекта, правосознания, эмоционально-волевых и коммуникативных качеств, а также ответственности, честности, добросовестности и исполнительности.

В настоящее время профессиональная деятельность требует умений работать с большим объемом сложной, многообразной информации в условиях дефицита времени и информации, большим количеством контактов с различными людьми.

В этой связи активная мотивация преодоления трудностей, отношение к стрессам как к возможности приобретения личного опыта возможны при благоприятном социально-психологическом климате в коллективе, общих интересах и целях. Ни один коллектив не преуспеет в деятельности без стремления внести свой вклад в достижение целей подразделения. Именно поэтому важно устанавливать межличностные взаимоотношения, во многом определяющие социально-психологический климат в коллективе для более эффективной и результативной деятельности.

Таким образом, деятельность прокурора относится к числу профессий, предъявляющих повышенные требования к личностным индивидуально-психологическим качествам. Профессия предполагает для решения сложных и ответственных задач наличия большого объема профессиональных знаний, с учетом специфики деятельности также знаний, базирующихся на психологических закономерностях и особенностях.

В современных условиях успешному прокурору необходимы знания психологии человека, управления, межличностного взаимодействия. Именно психологическая компетентность способствует успешному осуществлению функций управления. Использование в деятельности современных методов, базирующихся на знании психологии, способствует повышению эффективности деятельности как отдельных подразделений, так и ведомства в целом.

Литература

1. Реутова В. И. Психологическая диагностика в прогнозировании профессиональной успешности руководителей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2020. 24 с.
2. Реутова В.И. Сущность и содержание профессиональной успешности руководителя ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2(73). С.13–17.

Технологии виртуальной реальности в психотерапии

Русецкая Д.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Виртуальная реальность в настоящее время используются не только для развлечений, а также становится популярным инструментом в различных областях, в том числе и в психологии. Виртуальная реальность (VR) – это компьютерная технология, которая создает симуляцию реального мира или полностью вымышленного пространства, в котором пользователь может взаимодействовать с объектами и людьми, которые находятся в этой симуляции.

Существует множество исследований, подтверждающих эффективность использования виртуальной реальности в качестве терапии, рассмотрим основные области применения VR технологий в психотерапии:

1. Для психологической коррекции психологических расстройств: тревожные расстройства, в основе работы с которыми лежит экспозиционная терапия (Psious, Virtually Better); посттравматическое стрессовое расстройство – VR технологии помогают клиентам выйти из своей травматической зоны комфорта и научиться управлять своими эмоциями (Virtual EMDR, Bravemind, Virtually Better, Bravemind); депрессия – VR технологии помогают снять стресс и сосредоточиться на присутствующем моменте (SPARX, Mindfulness VR, Guided Meditation VR); аутизм – VR поможет улучшить коммуникативные навыки и социальное взаимодействие (ARORA).

2. Для работы со страхами и фобиями. Клиент рассказывает свой страх перед VR стимуляцией, которая наглядно и реалистично исполняет его во время процесса терапии. Затем с помощью VR симуляции клиент оказывается в самом центре событий, где может полностью прочувствовать свой страх или фобию и под присмотром психолога может справиться с этим (Fearless, Virtually Better).

3. Улучшение психоэмоционального состояния. Программы позволяют уменьшить напряжение и улучшить настроение, погрузиться в глубокое состояние расслабления и уединения: медитации (Calm, FlowVR, Nature Trek VR, National Geographical VR, Mindfulness VR, Guided Meditation VR); расслабляющие игры и программы для снижения стресса и тревожности (Tilt Brush, Keep Talking and Nobody Explodes, Stress and Anxiety Relief VR, Fearless VR).

4. Для лечения других расстройств и заболеваний – с помощью VR клиенты могут изучать свои привычки, чувства, мотивы и работать над их изменениями: зависимость от наркотиков и алкоголя, клиенту предоставляют возможность пережить ситуации искушения и соблазна, где ему необходимо различные стратегии поведения для того, чтобы избежать соблазна (Oculus Health & Safety).

5. Обучение и тренировка социальных навыков позволяет клиентам практиковать различные ситуации общения с виртуальными персонажами, моделируя реальные социальные ситуации (Social VR, AltspaceVR, VRChat).

В России рынок приложений не такой большой, как за рубежом, и находится в стадии развития, однако можно отметить популярные и перспективные приложения:

1. Снижение тревоги и стресса (PsyVR, PsyRelaxation, Лиминальные, Счастливое место, Бинауральная одиссея, Спокойное место, Bridge Trek, Мир дыхания);

2. Работа со страхами и фобиями (Bridge Trek);
3. Повышения настроения (TRIPP, Альков);
4. Обучение и тренировка социальных навыков (Комната отдыха, Страх публичных выступлений и социальная тревога);
5. Для работы с ПТСР (Возвращение, ТООР EFFECT).

VR технологии в психологии представляют собой мощный инструмент, благодаря которому возможно создавать контролируемые и безопасные симуляции различных ситуаций, что будет способствовать улучшению психического здоровья.

Обстоятельства получения лицом первой информации о преступлении

Свободный Б.Ф.

Западное межрегиональное следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

Основной задачей исследования с применением полиграфа (ИПП) является ответ на вопрос «Какой информацией о преступлении обладает испытуемый?» (Холодный Ю.И., 1998), однако сам факт информированности лица о преступном событии не является достаточным основанием для определения «причастности/непричастности» испытуемого к преступлению.

Предполагается, что косвенно указать на «степень причастности» испытуемого к преступлению могут обстоятельства получения им первой информации о преступлении.

Получение первой информации о преступлении рассматривается нами как событие, которое 1) может являться неотъемлемой частью преступления; 2) может иметь смежный с преступлением характер и происходить параллельно с ним; 3) может быть самостоятельным событием, произошедшим после совершения преступления.

Термин «обстоятельства» можно понимать как «совокупность условий, сопутствующая какому-либо явлению» (Ушаков Д.Н., 2014). Среди обстоятельств получения человеком первой информации о преступлении мы, в первую очередь, выделяем источник, время, место и способ получения информации.

Соответственно можно операционализировать три модели «причастности» человека к преступлению. Модель «А» – человек, «причастный к подготовке/совершению преступления» (заказчик, исполнитель) – характеризуется следующими обстоятельствами получения первой информации о преступлении: источник – собственное наблюдение за процессом подготовки/совершения преступления; время – до/в момент совершения преступления; место – место подготовки/совершения преступления; способ – «увидел» событие преступления.

Модель «Б» – человек, «причастный к наблюдению» за событием преступления (потерпевший, очевидец) – характеризуется следующими обстоятельствами

получения первой информации о преступлении: источник – собственное наблюдение за процессом совершения преступления; время – момент совершения преступления; место – место совершения преступления; способ – «увидел» событие преступления.

Модель «В» – человек, «причастный к последствиям» события преступления (свидетель, следователь) – характеризуется следующими обстоятельствами получения первой информации о преступлении: источник – другие люди, СМИ; время – после совершения преступления; место – любое место, кроме места совершения преступления; способ – «услышал»/«прочитал» о преступлении.

На основе описанных моделей автором были разработаны «тесты» для выявления в ходе ИПП обстоятельств получения лицом первой информации о преступлении: «Источник первой информации», «Время получения первой информации»; «Место получения первой информации», «Способ получения первой информации» (Свободный Б.Ф., Свободный Ф.К., 2024). Проведена экспериментальная проверка данных тестов в ходе реальных ИПП, которая показала их высокую эффективность.

Литература

1. Свободный Б.Ф. Свободный Ф.К. Экспериментальная валидизация «полиграфного теста» на выявление способа получения лицом первой информации о событии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 2(97). С. 184-189.
2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
3. Холодный Ю.И. Полиграфы ("детекторы лжи") и безопасность. М.: Мир безопасности. 1998. 96 с.

Актуальность психологической службы для адвокатов и её практическое значение

Семенина М.В.

Московская коллегия адвокатов «Защита»

(г. Москва, Россия)

В системе МВД РФ, ФСИН РФ на протяжении многих лет работает психологическая служба. В современной российской адвокатуре такого направления нет. Вопрос о психологическом состоянии юристов, и в особенности адвокатов, впервые был поднят в США из – за перманентно увеличивающихся обращений представителей данной специальности за психологической помощью (Морозов А.В. и др., 2019).

Представляется, что вопрос разработки специального проекта: «Психологическая служба для адвокатов», направленного на формирование психологической культуры, получения специальных знаний и решения целого ряда

профессиональных задач (при активном взаимодействии с психологами), весьма актуален в настоящее время для адвокатов и имеет свое практическое значение.

Адвокаты в свою очередь уже на протяжении нескольких лет активно обсуждают представленный вопрос и на практике видят важность получения дополнительных специальных знаний и профессиональной психологической помощи. В 2012 году Л.А. Скабелина обратила внимание, что решение психологических задач, сопутствующих деятельности адвоката, должна взять на себя специально организованная для этих целей психологическая служба (Скабелина Л.А., 2012).

Наблюдения и опросы среди российских адвокатов показали, что в настоящее время наблюдается повышенный интерес в получении помощи психолога (депрессии, тревожные расстройства, конфликты в семье, с доверителями, коллегами, разные виды зависимости, неспособность справиться со стрессом и т.д.).

Кроме этого, адвокаты часто взаимодействуют с психологом в судебном процессе. Формирование вопросов для судебной экспертизы, анализ экспертного заключения, подготовка свидетеля и подзащитного к судебному процессу – это только часть профессиональных вопросов, для решения которых адвокат обращается к психологу. При этом не всегда удается вовремя найти нужного профессионала для решения конкретной задачи.

Вместе с тем, как показывает практика, психологи активно изучают особенности нашей профессии и готовы к сотрудничеству. Активные и разнообразные формы взаимодействия будут способствовать развитию науки и профессиональной деятельности как адвокатов, так и психологов. Так, например, ученые Тверского государственного университета отмечают, что психологическое сопровождение профессиональной деятельности и профессионального развития, оказание эффективной помощи специалисту в области юриспруденции – развивающееся направление современной психологической практики (Демиденко Н.Н., Югова Е.А., 2022).

«Психологическая служба для адвокатов» поможет своевременно и на высоком уровне решать важные профессиональные задачи и сохранить психологическое здоровье, что в итоге положительно отразится на повышении эффективности адвокатской деятельности, имидже самого адвоката, его профессии и всего сообщества в целом.

Литература

1. Демиденко Н.Н., Югова Е.А. Обобщенная схема работы психолога со специалистами в области юриспруденции, имеющими и не имеющими маркеры невротизации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и Психология. 2022. №4 (61). С. 49-57.
2. Психология профессиональной деятельности адвоката / Морозов А.В. [и др.]. (Электронный ресурс) // Психология и право. 2019. Том 9. №2. С. 84-94. doi: 10.17759/psylaw. 2019090206.

3. Скабелина Л.А. Психологические аспекты адвокатской деятельности: монография. М.: Федеральная палата адвокатов, 2012. 229 с.

Креативность и профессиональное выгорание психологов ОВД РФ

Сиворонова М.С.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

(г. Москва, Россия)

Сегодня проблема профессионального выгорания специалистов «помогающих профессий», в т.ч. психологов органов внутренних дел, не теряет своей актуальности, ведь данные субъекты труда включены в решение разноплановых, ответственных задач, психоэмоциональное общение, не говоря уже о выполнении служебных обязанностей по ООП и ООБ в повседневных и особых условиях. Это неизбежно влечет развитие у них профессионального выгорания.

В рамках проводимого нами исследования по выявлению психологических особенностей профессионального выгорания психологов органов внутренних дел одной из целей исследования было выделение факторов, которые препятствуют развитию профессионального выгорания, т.е. являются «факторами антивыгорания» (Водопьянова Н.Е., 2014), «иммунитетом к профессиональному выгоранию» (Берндт К., 2022). Среди них ученые выделяют творческий потенциал, на взаимосвязи которого с профессиональным выгоранием мы и остановимся в данной работе.

В эмпирическом исследовании приняли участие 162 психолога подразделений МПО мужского и женского пола. Применялись *Методика диагностики профессионального выгорания* (Maslach С., 2001) и *Тест «Диагностика личностной креативности»* (Фетискин Н.П., 2002).

Перейдем к полученным результатам. Применение коэффициента корреляции позволило выделить следующие взаимосвязи: «Эмоциональное истощение» обратно связано с «любопытностью» (-0,41), «воображением» (-0,32), «сложностью» (-0,44) и «склонностью к риску» (-0,38); «Деперсонализация» обратно связана с «любопытностью» (-0,41), «воображением» (-0,37), «сложностью» (-0,33), «склонностью к риску» (-0,45); «Редукция профессиональных достижений» прямо связана с «любопытностью» (0,43), «воображением» (0,19), «сложностью» (0,55), «склонностью к риску» (0,40), т.е. показатели профессионального выгорания находятся во взаимосвязи с креативностью психологов (чем больше выгорание, тем меньше проявляются воображение и любопытность, и ярче выражена шаблонность в решении профессиональных задач).

Помимо этого, в рамках нашего исследования был проведен факторный анализ, позволивший выделить факторы, препятствующие развитию у психологов органов внутренних дел профессионального выгорания. Одним из таких факторов оказался фактор «*Креативность*», который позволяет психологам обеспечивать готовность к незнакомым обстоятельствам, творчески подходить к решению стоящих перед ними

задач, а в затруднительной ситуации помогает оптимально выстраивать стратегию поведения, сохраняя психику и здоровье от негативного воздействия.

На основе полученных результатов была составлена авторская Программа по профилактике профессионального выгорания (Костина Л.Н., Сиворонова М.С., 2023), одной из задач которой было развитие творческих способностей и гибкости мышления, навыков продуцирования нестандартных идей, чувствительности к необычным деталям, выхода за пределы известного. По результатам реализации Программы отмечено не только снижение выгорания, но и статистически значимый рост показателей креативности, что говорит о развитии творческих способностей и гибкости мышления.

Литература

1. Берндт К. Устойчивость: как выработать иммунитет к стрессу, депрессию и выгоранию. М.: Изд-во Эксмо, 2022. 352 с.
2. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Изд-во Питер, 2014. 384 с.
3. Костина Л.Н., Сиворонова М.С. О разработке и экспериментальном применении программы психологического тренинга по профилактике профессионального выгорания психологов органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3(99). С. 243-249.
4. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002. 339 с.
5. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M.P. Job burnout // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 397-422.

К вопросу о способах преодоления последствий травматических переживаний в условиях повышенных рисков

Соловьева А.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время в современном обществе сложились беспрецедентные обстоятельства: в повседневную жизнь граждан вошли такие вызовы социальной действительности, как пандемия COVID-19 и сменившая ее специальная военная операция, предопределившие, в конечном счете, развитие в обществе высокого уровня тревожно-депрессивной симптоматики. В связи с этим слова Ф. Ницше: «все, что нас не убивает, делает нас сильнее», – приобретают сегодня особую популярность. В то время как современными работами доказывается существование прямо противоположного конструкта: «то, что нас не убивает, чаще всего делает нас травмированными». Таким образом, более всего факты убеждают в том, что для

здоровья человека длительное психоэмоциональное напряжение имеет долгосрочные последствия, поскольку травматическое переживание, в случае если человек не сможет переработать и интегрировать полученный травматический опыт, имеет тенденцию к возобновлению. В наиболее общем виде, речь идет о мощнейшей перегрузке нервной системы, накладывающей глубокий отпечаток на эмоциональное состояние человека, на фоне которого у него утрачивается вера в возможность контролировать собственную жизнь.

Первые попытки осмысления психической травмы в основном были связаны с изучением воздействий войны на солдат. Однако более поздние психологические исследования свидетельствуют, что для встречи с травмой принимать участие в боевых действиях совсем необязательно. Так, было установлено, что по уровню психоэмоционального напряжения гражданское население не особо сильно отличается от непосредственных участников боевых действий. Речь здесь идет о так называемой вторичной травме или травме свидетеля (негативном эмоциональном состоянии, развивающемся у человека при наблюдении за страданиями других), которая сегодня на фоне современного уровня развития СМИ, способных распространять новости за доли секунды, а также их ориентированности на усиление тревоги и катастрофизацию, представляет собой объективно существующую реальность. Поэтому задача поиска наиболее эффективных способов нивелирования вредоносных последствий травматических переживаний, а также улучшения социального самочувствия на фоне снижения общей напряженности в обществе в целом, а не только у непосредственных участников боевых действий, становится в современных условиях насущной необходимостью. Тем более что с точки зрения трансгенерационной концепции последствия неразрешенной травмы могут иметь негативное влияние, в том числе и на следующие поколения, поскольку закрепившись, непроработанное травматическое переживание начинает влиять на генетический код человека и, в конечном счете, передается по наследству.

Думается, что к числу наиболее продуктивных способов преодоления последствий психической травмы можно отнести работу с телесной составляющей травматического опыта, так как именно в теле генерируется вся та энергия, которая позволяет человеку активизировать борьбу за выживание, но будучи неостребованной в нужный момент в нем же и блокируется. Строго говоря, чем меньше энергии, сгенерированной для выживания, было израсходовано, тем больше вероятность того, что в будущем у человека разовьется травматическая симптоматика. Поэтому работа с телом представляет собой крайне необходимую часть процесса исцеления от травмы. А поскольку гораздо раньше, чем словами, человек научился выражать свои чувства при помощи движения, то наиболее перспективные возможности не только для самоисцеления, но и для профилактики негативных последствий, открывает человеку двигательная разрядка накопившейся в теле избыточной энергии, начиная от доступных для широких масс населения видов физической активности, таких как прогулки, езда на велосипеде, плавание, танцы,

физические упражнения и др., и заканчивая структурированными практиками телесно-ориентированной терапии.

К вопросу об анализе цифрового следа в рамках психологического профилирования личностей с девиантным поведением в социальных сетях

Стародумова А. Б.

ООО «Центр эмоциональной коррекции и психотерапии»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Цифровые следы (ЦС) в профиле пользователя соцсети – высокоинформативный массив данных, потенциально подлежащий психодиагностической интерпретации для построения проспективного психологического портрета личности с девиантным поведением, при надлежащем законодательном и этическом регулировании процесса.

Активный ЦС, продуцируемый пользователем с целью самовыражения, по составу представляет собой набор продуктов деятельности, закрепленный в форме знака (текстовые посты, комментарии, статусы), образов (фото, видео, аудиофайлы) и предусмотренных механикой сайта действий, выражающих одобрение, согласие, предпочтения и другие «социальные поглаживания» (лайк, репост), в связи с чем технология психологического профайлинга по ЦС может реализоваться при помощи синтеза методов анализа продуктов деятельности (самопрезентаций в социальных сетях), психолингвистического анализа текстового материала и контент-анализа.

Утвержденного унифицированного клинико-психологического протокола по интерпретации продуктов деятельности пользователя соцсетей не существует, как и стандартизированного, валидизированного, надежного инструментария для анализа текстовой компоненты или трактовки карт визуальных и аудиальных образов-метафор в структуре ЦС. При этом автоматизированный сбор и анализ ЦС, идентификация их вербальной и невербальной конгруэнтности становится эффективным способом процессинга текстовых массивов информации благодаря применению искусственного интеллекта и технологии машинного обучения (Ледовая Я.А. и др., 2017). Отслеживая связи между содержательными единицами текстового, визуально-образного, аудиального контента пользователей, а также особенностями их поведения в соцсети (степенью активности, паттернами реагирования) и заданными психологическими параметрами, возможно выстраивать предсказательные модели (психологические профили). С опорой на публично доступный текстовый контент: лексемы, темы (кластеры семантически близких слов) или эмоциональные валентности, служащие маркерами конфликтности, социальной фрустрации, агрессии, антисоциальной реактивности, имеющие эмпирически подтвержденную связь со сниженным уровнем психологического благополучия, можно идентифицировать эмоционально неустойчивых лиц с повышенным риском возникновения состояний возбуждения, напряжения, склонных к катарсическому

отыгрыванию негативной аффективности вовне (Логунова О.А., Дворянчиков Н.В., 2019). На основании лингвистических проявлений (языковых единиц, эмоциональной валентности) и частотности их присутствия в поле вербальной саморепрезентации пользователя можно предположить наличие определенных индивидуально-личностных особенностей, характеристик эмоционально-волевой и когнитивной сфер, доминирующей мотивации. Последовательный автоматизированный поиск и учет лингвистических коррелятов (от частоты написания постов и комментариев, вариативности словаря до специфических лексем, эмоциональной валентности и тематических кластеров слов) психологических черт владельцев профилей в соцсетях позволит заложить основу для построения их вероятностного портрета. Принцип применим и к визуально- /аудиально-образной составляющей ЦС, характеристики которых возможно подвергнуть корреляционному или регрессионному анализу для выявления взаимосвязей с чертами личности пользователей.

Литература

1. Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н. Социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. № 3. С. 193–210.
2. Логунова О.А., Дворянчиков Н.В. Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 1. С. 54–70. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2019_n1/97331 (дата обращения: 10.10.2024).

Актуальные направления работы по совершенствованию психологии правосознания руководителей территориальных органов МВД России

Сучкова Е.Л., Бурцев А.О.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»

(г. Москва, Россия)

Психологическая сторона правосознания (психология правосознания) представляет собой совокупность оценочных отношений и социальных установок в правовой сфере, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях. В органах внутренних дел эффективность работы во многом зависит от личности руководителя, его ценностей и подхода к управлению. Особое значение имеет уровень развития правосознания руководителя, которое оказывает непосредственное влияние на атмосферу в коллективе, психологическое самочувствие сотрудников и, как следствие, на результаты их работы. В 2024 году на базе Академии управления МВД России было проведено эмпирическое исследование по изучению психологических особенностей правосознания руководителей

территориальных органов МВД. В нем приняли участие 169 сотрудников полиции, являющихся руководителями территориальных органов МВД и обучающихся по различным направлениям подготовки в Академии управления МВД России.

Проведенное исследование показало, что большинство руководителей территориальных органов внутренних дел МВД России ориентируются на правовые нормы при принятии решений в различных ситуациях, но эти взгляды могут ситуативно меняться в зависимости от конкретных ситуаций и обстоятельств, также как и представления о допустимости противоправных поступков. Уважительное отношение к нормам права и личная готовность следовать правовым нормам поведения тесно связаны с мотивацией на продолжение службы в органах внутренних дел. Руководители, не заинтересованные в продолжении службы в правоохранительных органах, критично оценивают существующие правоприменительную практику, полагают, что существует различные варианты поведения, позволяющие избежать ответственности за нарушение законодательства.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что работа по совершенствованию психологии правосознания руководителей должна быть комплексной. Приоритетным направлением является развитие мотивации служебной деятельности и профилактика возникновения и развития синдрома эмоционального выгорания. Высокая нагрузка на эмоциональную сферу способствует тому, что у человека со временем появляется желание отстраниться от происходящих событий, снижается вовлеченность в выполняемые обязанности. Эмоциональное истощение приводит к редуцированию персональных достижений и утрате ощущения смысла своей служебной деятельности. Психологическая помощь должна быть направлена на предотвращение возникновения подобных состояний и своевременное оказание поддержки сотрудникам, находящимся в ситуации профессионального выгорания.

Сотрудники полиции постоянно находятся под пристальным вниманием общественности к результатам работы органов внутренних дел. Далеко не всегда люди объективно оценивают усилия правоохранителей и это приводит к появлению у сотрудников ощущения того, что все их старания напрасны. Руководители особенно уязвимы в подобных ситуациях, так как несут ответственность не только за свои действия, но и за поступки подчиненных. На этом фоне в психологии правосознания уменьшается значимость таких важных ее составляющих, как моральные ценности и представления о справедливости в правовом контексте. Считаем целесообразным проведение с руководителями территориальных органов МВД практических занятий по разбору и анализу сложных ситуаций, возникающих в профессиональной деятельности, для разрешения которых требуются не только правовые знания, но и ориентация на моральную составляющую рассматриваемых проблем и нормы справедливости. Полученные руководителями в ходе обучения знания в области справедливого управления будут способствовать улучшению социально-психологической атмосферы в служебных коллективах.

Профессиональная идентичность судей

Федорова Е.М.

ФГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

(г. Москва, Россия)

Профессиональная идентичность является подструктурой личности, элементом ее социальной идентичности и формируется, в основном, в процессе профессионального образования и профессиональной деятельности. Вопросы формирования профессиональной идентичности в разных профессиональных группах, в том числе судей, исследовали в своих работах такие ученые, как А.А. Аксенов, Т.М. Буякас, Е.П. Ермолаева, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, С.Е. Кучеренко, Ф. Мэйл, Е.Н. Осин, Н.С. Пряжников, Ю.П. Поваренков, Е.В. Резников, А.М. Рикель, Э.Э. Сыманюк, Л.Б. Шнейдер, Б. Эшфорд и мн. др. Профессиональная идентичность определяется как объективное и субъективное единство с делом, профессиональной группой, которое обуславливает преемственность профессиональных характеристик личности, таких, как цели, статусы, роли, нормы, идеалы, ценности, традиции и др. (Шнейдер Л.Б., 2001).

Нужно отметить, что профессиональная идентичность судей исследована в наименьшей степени, так как это профессиональное сообщество характеризуется высокой степенью закрытости, социальной изолированности (Резников Е.В., 2015). На процесс профессиональной идентификации комплексно влияют условия профессиональной деятельности, особые требования, предъявляемые к судьям (высокий уровень профессиональной подготовки, принципы профессиональной деятельности, личностные качества и др.), нормы поведения в обществе (в том числе вне службы), традиции, ритуалы, принятые в судейском сообществе и др. Так, например, особенный правовой статус судьи, принятие присяги, ношение специальной формы одежды, требования судейской этики, закрепленные в целом ряде нормативных правовых актов, также являются неотъемлемыми и необходимыми элементами отождествления себя с судейским сообществом, а, соответственно, и формирования профессиональной идентичности. В свою очередь, наряду с другими факторами, профессиональная идентичность обеспечивает стабилизацию профессиональной деятельности судей, а также их постоянное профессиональное развитие и совершенствование.

В связи с этим необходимо подчеркнуть назревшую необходимость более глубоких научных исследований профессиональной идентичности судей в целях целенаправленного развития этой подструктуры личности, в том числе в процессе дополнительного профессионального образования и повышения квалификации кадров судебной системы.

Литература

1. Резников Е.В. Правовая идентичность личности: от теоретических основ формирования и развития к профессиональной идентичности судьи: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 248 с.
2. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: монография. М.: МОСУ, 2001. 272 с.

Основные приемы разрешения конфликтных ситуаций с участием следователя и защитника при производстве допроса

Чебуренков А.А.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им.

Н.П. Огарёва

(г. Саранск, Россия)

Производство допроса как следственного действия, основанного на личном взаимодействии следователя с иными участниками расследования, нередко осуществляется в условиях противостояния конкретных субъектов, их конфликта. Здесь распространены так называемые конфликтные ситуации, характеризующиеся как особое состояние межличностных отношений участников уголовного судопроизводства, имеющих противоположные или несовпадающие интересы и стремящихся к достижению различных целей в условиях информационной неопределенности относительно планов и намерений соперничающих сторон (Драпкин Л.Я., 1987).

Конфликтные отношения в ходе допроса могут складываться не только между следователем и допрашиваемым, но и при участии адвоката-защитника. Здесь конфликты следователя с защитником (разной степени остроты) чаще всего возникают: при срыве допроса по вине защитника или следователя; при злоупотреблении следователем или защитником предоставленными им процессуальными правами; когда защитник пытается неоднократно подсказывать допрашиваемому ответы на поставленные следователем вопросы и т.д.

Учитывая логический процесс развития конфликта, следователь должен стремиться предотвратить любой надвигающийся конфликт. Если это не удалось, то перед ним встает задача преодоления возникшей конфликтной ситуации. Принципиальный подход к решению данной задачи основывается на необходимости уважения личности защитника, признания значимости выполняемой им функции, целесообразности выстраивания с ним оптимальной системы коммуникаций и т.п. При этом недопустимы какие-либо командные приемы (следователь не вправе «приказать защитнику замолчать», «удалить его из кабинета» и т.п.), отношения между следователем и защитником в ходе допроса должны носить правовой характер, получать реализацию не в командах, а в правоотношениях между ними (Шейфер С.А., 2009).

На практике для разрешения рассматриваемых конфликтных ситуаций рекомендуется использовать следующие психологические приемы.

1. Благоприятствование свободному развитию конфликта и завершению реакции (так, при лавинообразном и взрывном развитии конфликта целесообразно дать защитнику возможность выговориться, завершить эмоциональную вспышку, а затем в спокойной форме постараться убедить его в ошибочности занятой позиции).

2. Пресечение конфликта (требование к защитнику изменить свое поведение на нормальное или же объявление временного перерыва следственного действия).

3. Передача защитнику дополнительной информации, которая способна стать основанием для принятия им решения, снимающего конфликт (об установлении новых смягчающих ответственность обвиняемого обстоятельств, о приобщении к делу материалов, предоставленных защитником, и т.д.).

4. Углубленное раскрытие сущности конфликта, шансов, возможностей линии поведения, которой придерживается сторона защиты (убеждение допрашиваемого и его защитника в том, что занятая ими позиция может принести вред, что поставленная цель не может быть достигнута, что она ошибочна).

5. Заключение компромисса (например, убеждение защитника в целесообразности изменения позиции по делу в обмен на реализацию в отношении обвиняемого уголовно-правовых норм поощрительного характера).

6. Посредничество в конфликте третьего лица (прокурора, руководителя следственного органа и др.).

Преодолевая конфликтную ситуацию, следовательно важно не упускать инициативы, умело пользоваться своими полномочиями, внимательно наблюдать за реакцией допрашиваемого и его защитника, правильно оценивать эту реакцию, делая для себя тактически значимые выводы.

Литература

1. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 168 с.
2. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. 240 с.

Социальная коммуникативная компетентность в профессиональной деятельности работников аэропорта

Янкович З.И., Войтко О.К.

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
(г. Минск, Республика Беларусь)

Социальная коммуникативная компетентность рассматривается как обладание коммуникативными знаниями, умениями и навыками, обеспечивающими эффективность и результативность общения, достижение поставленных целей и

получение ожидаемых результатов в разнообразных профессиональных ситуациях (Петровская Л.А., 2007).

В профессиональной деятельности сотрудников аэропорта, отвечающих за безопасность пассажиров, проявление достаточного уровня сформированности социальной коммуникативной компетентности особенно значимо и проявляется в способности распознавать по вербальным и невербальным сигналам асоциальные намерения личности.

Проанализировав исследования (Петровская Л.А., Сидоренко Е.В., Петрушин С.В., Муравьева О.И., Фетискин Н.П., Емельянов Ю.Н.), можно заключить, что социальная коммуникативная компетентность является интегративной характеристикой личности, которая включает в себя способность устанавливать и поддерживать коммуникативный контакт, определять цели и стратегии коммуникативного контакта, оценивать коммуникативную ситуацию, правильно интерпретировать невербальную информацию, а также определять эмоциональное состояние собеседника (Муравьева О.И., 2003).

Профессиональная деятельность специалистов правовой сферы, медицины, образования, авиации непосредственно связана с общением и межличностным взаимодействием, следовательно, требует от профессионалов готовности к межличностному общению и стрессоустойчивости.

В исследовании приняли участие сотрудники аэропорта в количестве 80 человек (36 мужчин и 44 женщины).

Для диагностики уровня социальной коммуникативной компетентности работников аэропорта были использованы следующие методы: тест коммуникативных умений Л. Михельсона (адаптация Ю.З. Гильбуха), тест социальной коммуникативной компетентности Н.П. Фетискина, тест социального интеллекта Дж. Гилфорда.

В результате обработки данных было выявлено, что испытуемые в большинстве обладают выше среднего и высоким уровнем социальной коммуникативной компетентности, что позволяет им легко устанавливать и поддерживать эффективное взаимодействие с другими людьми, ясно и логично выражать свои мысли, учитывать реакцию собеседника, адекватно реагировать на ее изменения. При этом уровень социального интеллекта по результатам диагностики оказался средний и ниже среднего. Можно заключить, что в общении испытуемые в большей степени ориентируются на вербальное содержание сообщений.

Развитие социальной коммуникативной компетентности личности осуществляется при помощи различных методик и технологий. Эффективные результаты в формировании социальной коммуникативной компетентности дают методы активного обучения: дискуссии, ролевые и деловые игры, диспуты, семинары, круглые столы. Также на развитие социальной коммуникативной компетентности профессионала влияют курсы повышения квалификации, самообразование, социально-психологические тренинги.

Для развития и успешного применения навыков наблюдения, анализа, интерпретации невербального поведения, что имеет особое значение для профессионалов гражданской авиации, а также правовой сферы, целесообразно использовать психологический тренинг с применением технологии профайлинга. Профайлинг – это использование совокупности психологических методов и методик оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных частных признаков, характеристики внешности, эмоционального состояния, вербального и невербального поведения (Ветрова Т.В. и др., 2023).

Таким образом, овладение личностью знаниями и нормами коммуникации, а затем реализация этих коммуникативных знаний в практической деятельности являются показателем сформированности у специалиста определенного уровня социальной коммуникативной компетентности. Высокий уровень развития социальной коммуникативной компетентности работников социэкономических профессий определяет уровень их профессионализма, позволяет находить индивидуальный подход к субъектам профессионального взаимодействия, успешно достигать профессиональных целей.

Литература

1. Ветрова Т.В., Курындин П.А., Ветрова Е.Г. Профайлинг в организации обеспечения безопасности функционирования общественных учреждений: монография. М.: Проспект, 2023. 192 с.
2. Муравьева О.И. Стратегии общения в структуре коммуникативной компетентности: учебник. Томск: Томский государственный университет, 2003. 118 с.
3. Петровская Л.А. Общение – компетентность – тренинг: избранные труды. М.: Смысл, 2007. С. 53-57.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И РИСКИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

К проблеме классификации онлайн девиантного поведения

Богданович Н.В., Делибалт В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В современном мире интернет-технологии, с одной стороны, уже стали обыденностью (Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., 2020; Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В., 2022; Дворянчиков Н.В., Рубцова О.В., 2022; Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В., 2023), но с другой стороны, с каждым годом проявляется и их темная сторона: возможность экспериментировать приводит к отклоняющемуся или правонарушающему поведению (Богданович Н.В., Делибалт В.В., Азыркин П.Д., 2024), некоторые формы которого уже классифицируются как преступления (Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., 2024). В связи с этим в последние годы все больше проводятся исследования таких форм поведения, особенно за рубежом. Возможно именно с этим связано огромное количество терминов, заимствованных из англоязычных источников, что затрудняет научную коммуникацию, так как трудно сразу понять, в чем заключается данный феномен. В данном исследовании предпринимается попытка перевода основных терминов, связанных с отклоняющимся онлайн поведением.

В отечественной девиантологии существуют различные классификации девиантного поведения, однако все они в основном рассматривают оффлайн-реальность и фокусируются на таких видах девиантного поведения как агрессивное, суицидальное и аддиктивное. Это в полной мере не отражает специфику данной проблемы. Более полная классификация девиантного поведения представлена в Навигаторе профилактики (Богданович Н.В., Вихристюк О.В., Дворянчиков Н.В., М.Г., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г., 2022), опираясь на которую можно выделить такие виды девиантного поведения в онлайн как киберагрессивное, киберпреступное, киберсамоповреждающее, киберзависимое и киберрискованное, а также особую форму поведения жертвы – кибервиктимное поведение. К каждому из данных видов онлайн поведения можно отнести тот или иной термин, используемый как в научных исследованиях, так и в практико-ориентированных работах.

Однако необходимо отметить, что поведение как в реальном мире, так и в интернет-пространстве часто имеет полидевиантный характер (то есть его можно отнести к нескольким видам девиантного поведения) (Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2024). Кроме того, стоит вопрос о том, насколько то или иное поведение нарушает нормы, ведь сами они мало где прописаны (кроме тех, которые

отмечены в различных правовых документах (начиная с уголовного кодекса заканчивая правилами поведения в различных интернет-группах).

Возможно, поэтому большая часть терминов, нуждающихся в переводе относятся к агрессивному поведению (например, кибертравля (кибербуллинг), киберпровокация (троллинг), киберразжигание (флейминг), киберзлословие (хейтинг), внутриигровой кибервандализм (гриффинг), киберразглашение (доксинг), кибервыманивание (аутинг), киберклевета (дениграция), киберсамозванство (имперсонация), киберподлог (фрейпинг), киберпреследование (сталкинг), видеоконференционный вандализм (зумбомбинг), видеопубликация избиений (Harpy slapping).

Некоторые феномены уже отнесены к киберпреступному поведению, например, ложный вызов (сваттинг), кибервыуживание (фишинг), кибервзлом (хакерство), кибердискриминация, участие в деструктивных (экстремистских, запрещенных) группах.

Следующий вид девиантного поведения – киберзависимое поведение. Здесь выделяют интернет-зависимость, игровая зависимость, зависимость от устройств (гаджетов), игнорирование окружающих (фаббинг), одержимость онлайн новостями (думскроллинг), киберотлынивание (киборлафинг).

Намного меньше феноменов относится к другим видам девиантного поведения. Так, к кибервиктимному можно отнести онлайн-домогательство (груминг), распространение материалов сексуального характера (секстинг), онлайн сексуальное вымогательство, а к киберрискованному поведению – создание шокирующих материалов (шок-контента), маргинальный видеотрансляция (трэш-стриминг), рискованный онлайн-заработок, опасный фото автопортрет (сэлфи).

Интересно, что в рамках киберсамоповреждающего поведения меньше используются иностранные термины, хотя само такое поведение обозначают часто как селфхарм. Но можно выделить еще разные подвиды: самоповреждение (self-harm), цифровое самоповреждение, киберсамоубийство, участие в группах, посвященных диетам, участие в деструктивных группах («группы смерти»).

Как видно, не всегда перевод на русский может быть дословным, поскольку англоязычный термин может непрямо отражать специфику девиантного поведения. Так, хэппислэпинг можно перевести как “счастливое похлопывание”, но суть его заключается именно в избиении на камеру.

В качестве перспективы исследования предполагается сделать экспертные оценки предложенных переводов с целью определения наиболее точной терминологии.

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 101–115. doi: 10.17759/pse.2020250309

2. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 98–108. doi: 10.17759/chp.2020160410
3. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 2. С. 45–66. doi: 10.17759/psylaw.2024140204
4. Дети и преступления с использованием интернет-технологий: монография / Под ред. В.Д. Бадмаевой, Е.Г. Дозорцевой. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2024. 207 с.
5. Навигатор профилактики. Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся [Электронный ресурс] / Богданович Н.В., Вихрстюк О.В., Дворянчиков Н.В., М.Г., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г.: МГППУ, 2022. URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour (дата обращения: 03.11.2024).
6. Отклоняющееся онлайн-поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях [Электронный ресурс] / Учебное пособие под ред. Дворянчикова Н.В., Рубцовой О.В. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 100 с. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022 (дата обращения: 03.11.2024).
7. Подросток в Интернете. Методические рекомендации по оценке рисков отклоняющегося поведения в Интернете в рамках сети подростковых центров «Подростки России» [Электронный ресурс] / сост. Н.В. Богданович, В.В. Делибалт, П.Д. Азыркин. М.: Федеральный центр развития программ социализации подростков, ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 120 с. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ti2024> (дата обращения: 03.11.2024).
8. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. М.: Акрополь, 2022. 356 с.
9. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Киберагрессия и цифровая культура: представления подростков, молодежи и родителей. М.: Из-во Московского института психоанализа, 2023. 288 с.

Представления об опасном человеке у педагогов

Васильева И.В.

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ

(г. Тюмень, Россия)

В условиях развития цифровизации разных систем общества, помимо той несомненной пользы, которая планируется и достигается, члены социума несут риски. В частности эти риски связаны с тем, что взаимодействие в интернет-пространстве легко анонимизировать, а персону коммуникатора – модифицировать. Статистика показывает, что частыми жертвами телефонных мошенников, использующих методы социальной инженерии, становятся педагоги школ, вузов, детских садов. Возможно, это также связано с тем, что человек вовремя не распознает коммуникатора как опасного человека, не заслуживающего доверия. Изучение представлений об опасном человеке позволит понять содержание обыденного сознания по отношению к этому феномену (Бовина И.Б. и др., 2022) и впоследствии уточнить содержание профилактических мероприятий.

Было проведено исследование представлений об опасном человеке у педагогов школ и вузов. В опросе приняли участие 91 человек, из них 78 женщин и 13 мужчин. Возраст: от 25 до 65 лет ($M=45,1$, $SD=9,38$). В качестве метода сбора данных использовался метод свободных ассоциаций. Участников просили дать ассоциации на словосочетание «опасный человек», по 3 прилагательных, существительных, глагола. В итоге был получен массив из 819 слов. Далее этот массив был обработан частотным анализом. Для содержательного анализа отбирались только группы ассоциаций, встречающиеся не менее 9 слов (1% от общего массива данных); те ассоциаты, которые не достигли 1% встречаемости, не были включены в содержательный анализ.

Были получены группы ассоциаций, которые были объединены в укрупненные группы ассоциаций по смысловой близости. В результате сформировались 4 укрупненные группы ассоциаций на словосочетание «опасный человек»: преступные роли опасного человека: мошенник, грабитель, преступник, вор, убийца, террорист, враг (109 семантических единиц); характеристики опасного человека: злой, хитрый, агрессивный, коварный, жестокий (89); эмоции, которые вызывает опасный человек: страх, ужас, обман (86); действия опасного человека: нападает, вредит, нарушает, убивает, угрожает (66).

Полученные результаты указывают на то, что педагоги распознают опасного человека тогда, когда он прямо обозначает намерение нанести вред, когда он открыто проявляет худшие качества и реакции (злость, агрессию, коварство), не скрываясь, угрожает, нападает, вредит. Однако в реальности, те же телефонные мошенники активно маскируют свои намерения, сообщая своим коммуникаторам о том, что они якобы стремятся предотвратить ущерб, который может наступить. Добросовестные участники коммуникации не готовы к тому, что им будут вредить, не готовы к замаскированной агрессии (Власова Н.В., Буслаева Е.Л., 2022). Такая ситуация тяжело переживается педагогами как представителями профессии в которой важны доверительные отношения.

Перспективы исследования состоят в том, чтобы уточнить существование универсальности или специфичности представлений об опасном человеке в разных возрастных, профессиональных группах. Это позволит проводить профилактическую

и просветительскую работу, направленную на предупреждение виктимности населения от действий мошенников, более точно.

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 8–25. DOI: 10.17759/sps.2022130302

Пути профилактики цифровой зависимости в подростковом возрасте

Гребень Н.Ф.

ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья»
(г. Минск, Республика Беларусь)

По мнению, как зарубежных, так и отечественных психологов подростки являются одними из наиболее активных участников онлайн-деятельности и представляют поколение, сформировавшееся в цифровую эпоху. Для них цифровые сервисы и технологии – это неотъемлемая бытовая часть жизни. Они не только «не видят разницы между реальным и виртуальным», но и не мыслят себя вне цифровой среды. Согласно исследованиям, поколение Z более образовано, чем все предыдущие, а их основной ценностью является поиск истины (Кондрашкин А.В., 2013; Стиллман Д., Стиллман И., 2018).

В силу гиперподключенности к сети Интернет и тесному взаимодействию с цифровыми устройствами, а также с учетом возрастных особенностей, подростков относят к группе риска в развитии цифровой зависимости. Последнее предполагает проведение своевременных профилактических мероприятий, направленных на предотвращение психических и поведенческих нарушений.

Цель работы состояла в том, чтобы с опорой на результаты проведенного исследования, выработать наиболее важные пути профилактики цифровой зависимости у подростков.

Материал и методы исследования. Выборку исследования составил 171 подросток, обучающийся в профессионально-техническом колледже. Средний возраст: 16,33±1,05 лет; распределение по полу: 156 юношей (91,2 %) и 15 девушек (8,8 %). Были применены опросный метод и психологическое тестирование.

Результаты исследования. Установлено, что около 40 % учащихся проводят за экранами цифровых устройств больше 5-ти часов в сутки. Доминирующей формой цифровой активности являются видеоигры, в несколько меньшей степени – просмотр сериалов, фильмов. Цифровое время подростков детерминировано такими переменными как удовлетворенность жизнью и уровень психологического стресса. Чем больше подросток удовлетворен жизнью, тем меньше проводит время за экраном цифрового устройства в выходные дни. Время за экраном как в будни, так и

выходные увеличивается, если подросток испытывает более высокий уровень психологического стресса (Гребень Н.Ф., 2024).

На основании полученных результатов исследования, а также с учетом возрастных и психологических особенностей современных подростков, можно обозначить следующие пути профилактики цифровой зависимости:

1. создание безопасных локаций для свободного времяпрепровождения подростков, общения вне дома и вне образовательных учреждений (например, кафе для подростков);

2. поощрение здоровой деятельности, увлечений, хобби вне сети Интернет и наличие соответствующих возможностей (спортивные секции, тренажерные залы, объединения по интересам в рамках программ дополнительного образования детей и молодежи и т. п.);

3. предоставление подросткам рабочих мест на неполную занятость для обеспечения возможности самостоятельных заработков;

4. со стороны родителей – это вовлечение подростков в семейные мероприятия, досуг и общественную жизнь, что расширит границы их мира;

5. обучение подростков методам психической саморегуляции, в частности, методом совладания с психологическим стрессом;

6. формирование у подростков цифровой культуры и навыков цифровой безопасности.

В заключение хотелось бы отметить, что в этой публикации очерчены не все возможные направления профилактики цифровой зависимости. Здесь обозначены прежде всего те, которые имеют доказательную эмпирическую базу.

Литература

1. Гребень Н.Ф. Психологические аспекты цифрового поведения подростков, получающих профессионально-техническое образование // Адукацыя і выхаванне. 2024. №5. С. 48–58.
2. Гребень Н.Ф. Проблемное цифровое поведение и его предикторы в подростковом возрасте // Адукацыя і выхаванне. 2024. №9. С. 20–26.
3. Кондрашкин А.В. Интернет в развитии современных подростков / А.В. Кондрашкин // Психологическая наука и образование. 2013. Т. 5, № 2. С. 114–134.
4. Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / Пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 273 с.

Психологические и правовые аспекты пропаганды идеологии чайлдфри как экстремистской деятельности

Деулин Д.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Статистические данные показывают отрицательную динамику рождаемости в России. Имеются зарубежные прогнозы, согласно которым к концу века рождаемость в РФ упадёт до 1,41 ребёнка на женщину. Большинство англоязычных публикаций не раскрывают объективных факторов снижения рождаемости в мире, объяснение сводится к демагогии «о сознательном отношении к экологии», «заботе о природе», «ответственном родителстве», «саморазвитии» и др. В некоторых современных публикациях прямо указывают на то, что бум рождаемости якобы негативно влияет на экономический рост и крайне неэффективно встраивается в механизм шестого технологического уклада, в котором из-за автоматизации и цифровизации возникает проблема «избыточного населения» (Schwab K., Malleret T., 2020).

В мире форсируется распространение технологий социально-психологического (пропаганда гомосексуализма), медицинского (свободный доступ к вазэктомии и стерилизации), экономического (инфляция, рецессии и др.) и другого характера, направленных на снижение мотивации к созданию семьи и деторождению.

Одной из таких технологий является «субкультура чайлдфри», которая распространяется через социальные сети. Технология чайлдфри формирует модель репродуктивного поведения, при которой доминирует установка отказа от рождения ребенка. Представители «чайлдфри» отличаются выраженными шкалами гедонизма и эгоизма. Чайлдфри порождает множество отрицательных последствий: жизнь в одиночестве, потеря следующего поколения, утрата семейного бизнеса, невозможность ухода за несостоявшимися родителями, утрата моральных ценностей и др. (Zuhriah E., Rahmawati E. S., Aprilyanti M., Chaidaroh U., 2023).

С опорой на Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» чайлдфри может выражаться в пропаганде исключительности и превосходстве лиц, не имеющих детей по отношению к лицам, имеющим детей.

Кроме того, очевидно, что пропаганда чайлдфри противоречит Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Пропаганда «субкультуры чайлдфри» в этом разрезе главным образом направлена на культивирование эгоизма, девальвации семьи, многодетности и демонтажу традиционных ценностей. Кроме того, такая деструктивная агитация представляет угрозу демографической ситуации в стране.

В этой связи интересным являются исследования, которые демонстрируют роль индивидуальных предрасположенностей и контекстуальных факторов в радикализации и склонности к экстремизму. Основными предикторами такой

экстремисткой деятельности является взаимосвязь эмоционального компонента групповой депривации (гнев, презрение и отвращение) с «темной триадой» (макиавеллизм, субклиническая психопатия и нарциссизм) (Тупикова В.А., 2022).

В связи с вышеизложенным отнесение пропаганды «чайлдфри» к экстремистской деятельности является психологически и юридически оправданным и обоснованным шагом.

Литература

1. Тупикова В.А. Теория социальной идентичности в изучении формирования экстремистских групп: обзор релевантных исследований // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12. С. 88-92. doi: 10.24158/tipor.2022.12.13
2. Schwab K., Malleret T. Covid-19: The Great Reset [Электронный ресурс] / Forum Publishing. 2020. 280 p. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf> (дата обращения: 03.11.2024).
3. Zuhriah E., Rahmawati E. S., Aprilyanti M., Chaidaroh U. Childfree, the Digital Era, and Islamic Law: Views of Nahdlatul Ulama, Muhammadiyah, and Gender Activists in Malang, Indonesia // Jurnal Hukum Keluarga dan Hukum Islam. 2023. Vol. 7(3). doi:10.22373/sjhh.v7i3.17753

Деструктивные технологии влияния, применяемые в преступных мошеннических действиях

Ефимова И.В.

НИИ ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
(г. Москва, Россия)

В современной реальности очень многие сферы жизнедеятельности, социальные процессы реализуются в киберпространстве, практически любое взаимодействие можно осуществить дистанционно. В связи с этим обостряется проблема дистанционных хищений, преступных действий мошеннического характера посредством информационно-психологического воздействия на граждан. Манипулятивные технологии дистанционного влияния постоянно совершенствуются, появляются креативные, ранее неизвестные схемы посягательств на персональные данные (фишинг, хакерство) и денежные средства граждан (Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2024).

Например, ранее распространенные звонки с просьбой о помощи, о государственных социальных выплатах, о пролонгации договора на услуги мобильной связи, о выигрыше с уплатой налога сменяются звонками от медицинских организаций с предложением пройти обследование или продлить действие полиса медицинского страхования, от правоохранительных органов, имеющих информацию о фактах государственной измены, пособничестве экстремизму, финансовой поддержке украинского режима (Белоусов А.Д., 2024).

Несмотря на разнообразный спектр мошеннических схем и изменчивость сценариев, можно выделить технологии влияния, оказывающие негативное воздействие, выгодное мошенникам:

1) внезапность звонка (человеку, находящемуся в стрессовой или трудной жизненной ситуации, ранее утреннее/позднее вечернее время звонка);

2) отсутствие непосредственного контакта «глаза в глаза», общение с «официальным представителем» в незнакомой ситуации взаимодействия;

3) значимость сообщаемой информации, формирование чувства доверия (от «попадания в факты») у собеседника;

4) яркая эмоциональная окраска вербализованной информации (ее содержания) и паралингвистических характеристик речи;

5) побуждение к снижению критичности мышления, узкий канал восприятия информации, туннельное мышление, предельная концентрация на теме разговора;

6) следование приказам, командам, руководящим фразам, произносимым директивным тоном;

7) подкрепление действиями выдвинутых требований;

8) настойчивость и неотступность мошеннической атаки.

Следовательно, ключевыми элементами в технологии деструктивного дистанционного влияния является захват и удержание внимания, управление мышлением и возникающими эмоциональными состояниями, побуждение к выполнению конкретных действий.

Таким образом, информирование граждан о преступных схемах уже не так действенно в связи с их многообразием, поэтому целесообразно раскрывать ход мыслей, цели, мишени воздействия и применяемые деструктивные технологии влияния. Следует формировать у граждан психологическую готовность к возможности вынужденного взаимодействия с лицами, совершающими мошеннические действия, а также навыки информационно-психологической безопасности и нейтрализации угроз.

Литература

1. Белоусов А.Д. Телефонное мошенничество: психологический анализ и технологии развития устойчивости. М.: Проспект, 2024. 136 с.
2. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 2. С. 45–66. doi: 10.17759/psylaw.2024140204

Цифровое самоповреждающее поведение в подростковом возрасте

Кастальская-Бороздина А.А.

ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России

(г. Москва, Россия)

Цифровое самоповреждающее поведение (digital self-harm) является относительно новой и малоизученной формой онлайн-активности, при которой происходит распространение в интернете оскорбительной, негативной информации о себе анонимно, либо под вымышленным именем (Erreygers S., Symons M., Vandebosch H., Pabian S., 2020). В отличие от классического кибербуллинга, в роли агрессора и жертвы здесь выступает один человек.

Согласно данным эмпирических исследований, цифровое самоповреждающее поведение (ЦСП) связано с психическим нездоровьем, в особенности тревожно-депрессивными симптомами, а также другими формами проблемного поведения, среди которых самоповреждающее (СП) и суицидальное поведение (Erreygers S., Symons M., Vandebosch H., Pabian S., 2020; Wang J., Wei Z., Jia L., Yu J. et al., 2024). Также показано, что многие несовершеннолетние с ЦСП являлись жертвами буллинга (Patchin J.W., Hinduja S., 2017).

В исследовании более 5000 студентов китайских колледжей было продемонстрировано, что ЦСП отмечалось в 10,83% случаев (Wang J., Wei Z., Jia L., Yu J. et al., 2024). Одновременное выявление ЦСП и СП с большей вероятностью было связано с суицидальными тенденциями в сравнении с группой учащихся, которые наносили себе только физические повреждения. Вместе с тем, среди участников, сообщавших о СП, в 30,11% случаев отмечалось ЦСП. В исследовании популяции подростков в США также было выявлено, что распространявшие о себе оскорбительную информацию несовершеннолетние в 9-15 раз чаще предпринимали попытки покончить с собой и в 5-7 раз чаще задумывались о самоубийстве (Patchin J., Hinduja S., Meldrum R., 2023).

При анализе исследований мотивационной структуры ЦСП значимая роль отводится социальным аспектам (привлечение внимания; получение одобрения, поддержки или помощи; желание оценить реакцию близких; демонстрация собственной способности противостоять кибербуллингу; желание развеселить окружающих; провокация конфликта и др.), также ЦСП может рассматриваться как способ эмоциональной разрядки (Patchin J.W., Hinduja S., 2017; Soengkoeng, R., Moustafa, A.A., 2022). В своем исследовании J.W. Patchin и S. Hinduja говорят о том, что оскорбительные высказывания о себе в цифровом пространстве могут быть не только способом получения поддержки или внимания, но и проявлением негативного самоотношения, ненависти к себе. Исследователи из Китая также дополнительно выделяют мотив самонаказания и поиска острых ощущений, которые значимо связаны с суицидальными тенденциями (Wang J., Wei Z., Jia L., Yu J., et al., 2024).

В заключение можно сказать, что цифровое самоповреждающее поведение является относительно новой формой проблемной онлайн активности, требующей

дальнейших исследований для формирования более глубокого понимания структуры этого феномена и его механизмов, а также разработки методов профилактики.

Литература

1. Erreygers S., Symons M., Vandebosch H., Pabian S. Fictitious online victimization: Exploration and creation of a measurement instrument // *New Media and Society*. 2020. doi:10.1177/1461444820960079
2. Patchin J.W., Hinduja S. Digital Self-Harm Among Adolescents // *Journal Adolescent Health*. 2017. Vol. 61(6). P. 761-766. doi: 10.1016/j.jadohealth.2017.06.012
3. Patchin J., Hinduja S., Meldrum R. Digital self-harm and suicidality among adolescents // *Child and Adolescent Mental Health*. 2023. Vol.28(1). P. 52-59. doi: 10.1111/camh.12574
4. Soengkoeng R., Moustafa A.A. Digital self-harm: an examination of the current literature with recommendations for future research // *Discov. Psychol.* 2022. doi:10.1007/s44202-022-00032-8
5. Wang J., Wei Z., Jia L., Yu J., Wang Y., Meng Y., Feng Y., Chen R. Can digital self-harm relate to suicidal thoughts and behaviors beyond physical self-harm? // *Acta Psychiatr. Scand.* 2024. Vol.149(3). P. 256-266. doi: 10.1111/acps.13658

Террористический акт как фактор виктимизации личности (на примере террористического акта в Москве в Крокус Сити Холле)

Котова У.М., Варфоломеева Е.А.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета
Российской Федерации»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Актуальность исследования обусловлена тем, что с помощью Всемирной сети люди очень быстро узнают различные новости о событиях в мире, причём источником данной информации выступают не только СМИ, но и родственники, знакомые и так далее. При сочетании «широкого круга» информаторов и скорости распространения информации, осуществить цензуру данных на ранних этапах распространения информации практически не представляется возможным, вследствие этого в интернет попадают различные жестокие кадры совершенных преступлений (Мкртычян А.А., 2011).

В нашем исследовании мы опирались на классификацию К.В. Вишневецкого, он выделил четыре уровня виктимизации, с учётом как параметров виктимизации личности, так и социальных групп. Выборка исследования формировалась из испытуемых четвёртого уровня виктимизации, который предполагает существование негативных последствий совершения преступления для целого региона или всего общества.

Цель нашего исследования – изучение влияния поступления информации о террористическом акте на психоэмоциональное состояние личности. В исследовании были использованы следующие психодиагностические методики: «Самочувствие-активность-настроение», «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина», «Определение актуального состояния», анализ результатов произведён с помощью t-критерия Стьюдента. Исследование проводилось в два этапа – 23.03.2024 и 04.06.2024. Выборку составили 20 испытуемых женского пола, разделённых на две группы согласно возрастной периодизации Э. Эриксона – группу ранней зрелости и группу средней зрелости. Такое деление определено тем, что мы предполагаем, что испытуемые, относящиеся к группе средней зрелости, имеют более обширный опыт в преодолении как бытовых стрессовых ситуаций, так и в переживании «трансляции» сведений о совершенном массовом преступлении, в рамках данного исследования – террористического акта.

Анализируя данные, полученные с помощью психодиагностических методик, было выявлено, что значения, полученные при первичном тестировании двух возрастных групп различны. Группа раннего зрелого возраста продемонстрировала более негативное психологическое состояние, чем группа среднего зрелого возраста.

Диагностический анализ был проведён с помощью t-критерия Стьюдента и показал, что:

1. в методике «Самочувствие – активность – настроение» в группе раннего зрелого возраста присутствует достоверное статистическое различие между показателями, а в группе среднего зрелого возраста – отсутствует;

2. в методике «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина» в группе раннего зрелого возраста присутствует достоверное статистическое различие между показателями «ситуативной тревожности» и отсутствует между показателями «личностной тревожности», в группе среднего зрелого возраста статистически значимое различие отсутствует в обеих шкалах;

3. в методике «Определение актуального состояния» статистически значимые различия в группе раннего зрелого возраста присутствуют во всех шкалах, а в группе среднего зрелого возраста – отсутствуют.

Таким образом, нами было выявлено, что лица раннего зрелого возраста действительно более негативно реагируют, на информацию о совершённом массовом преступлении, чем лица среднего зрелого возраста. Данный факт необходимо учитывать для всех возрастных групп при подачи негативной информации средствами массовой информации. Полученные данные исследования могут помочь более грамотно формировать коммуникационные стратегии при освещении негативных событий, а также разработать меры по снижению негативного воздействия информации и травматизации общества.

Литература

1. Мкртычян А.А. Терроризм и средства массовой информации: эмоциональное воздействие сцен насилия / Социология образования. Труды по социологии

образования: Сборник научных статей / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2011. С. 234-247.

Психологические последствия травли для жертвы гонения

Кочеткова Т.Н.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Травля (от англ. «bullying») – негативное социально-психологическое явление, часто встречающееся в коллективах, различающихся по возрасту, структуре, выполняемым задачам и пр. Суть буллинга заключается в сознательном и продолжительном насилии, исходящем от одного или нескольких людей, нацеленных на самоутверждение через деморализацию и расчеловечивание преследуемого человека.

Согласно данным ВОЗ 2014 г., жертвами постоянной или эпизодической школьной травли выступают от 20 до 50% учеников. Чаще жертвами притеснения становятся дети 13–16 лет, реже – 9–12 (Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серёгина В.В., 2017). Предикторами травли могут выступать: психологический климат в коллективе, стили семейного воспитания и управления, личностные особенности (например, интровертированность, тревожность, заниженная самооценка) и т.п. К.С. Шалагинова, Т.И. Куликова, С.А. Черкасова описали несколько типов адаптации детей и подростков к буллингу: активное сопротивление, пассивное сопротивление, отказ от сопротивления, бегство от жестокого обращения, псевдоактивное сопротивление (Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Черкасова С.А., 2014).

Современный уровень развития цифровизации привел к переводу травли из реальной действительности в виртуальную, превратившись в кибербуллинг. К его особенностям стоит отнести: анонимность, круглосуточность психологического террора, молчание жертвы, высокий уровень агрессии гонителей (Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серёгина В.В., 2017). Данная форма издевательств оказалась более деструктивной для поколения «цифровых аборигенов»: опасаясь утратить выход в Интернет, дети не сообщают родителям о своих проблемах, что значительно ухудшает их положение. Желание найти друзей в сети чревато новыми опасностями – грумингом (сексуальным онлайн-домогательством), вербовкой в деструктивные группировки, вступлением в виртуальные группы смерти и пр. (Бойкина Е.Э., 2019; Ганузин В.М., 2021; Голованова Н.А., 2019, Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серёгина В.В., 2017).

Жертвы онлайн-буллинга, в сравнении с пострадавшими от «традиционной» травли, имеют более выраженные проявления тревоги, депрессии, социальной дезадаптации, негативно сказывающихся на психическом здоровье (Голованова Н.А., 2019). Столкнувшись с жестоким обращением, уже в 7–12 лет дети могут проявлять

признаки деструктивного поведения, связанного с членовредительством, суицидальными мыслями, обусловленными социальной изоляцией, аутоагрессией, самообъективацией, кажущейся бессмысленностью жизни и пр. (Ганузин В.М., 2021). Долгий опыт насилия преобразуется в виктимность, из-за которой человек продолжает сохранять позицию жертвы и во взрослой жизни.

Литература

1. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 127–140. doi: 10.17759/psylaw.2019090310
2. Ганузин В.М. Психологическая опасность образовательной среды для жизни и здоровья детей и подростков (обзор) // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2021. Том 21. № 3. С. 99–107.
3. Голованова Н.А. Новые формы онлайн-преступности за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 42–57. doi: 10.12737/jflcl.2019.3.4
4. Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серёгина В.В. Онлайн-риски и проблема психологического здоровья детей и подростков // Академический вестник. 2017. № 3(5). С. 29–37.
5. Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Черкасова С.А. Теоретико-методические основы деятельности педагога-психолога по предотвращению буллинга в школах Тульского региона: гендерно-возрастной аспект / под общ. ред. К.С. Шалагиновой. Тула: Изд-во «ГРИФ и К». 2014. 237 с.

Кибербезопасность: основы разработки программ профилактики в среде несовершеннолетних

Мялицина Д.Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Е.Э. Бойкина

Научное осмысление проблемы влияния новых информационных технологий на процессы социального развития личности ещё только начинается. Из наиболее значимых можно отметить работы Е. П. Белинской, А. Е. Войскунского, А. Е. Жичкиной, А. В. Мудрика, А. В. Плешакова, В. С. Собкина. Однако, согласно результатам исследований последних лет, виртуальная реальность имеет значимое влияние на развитие личности несовершеннолетнего, а новая информационная среда наряду с традиционными факторами (условия семейного воспитания, общение со сверстниками и т.п.) является одним из факторов социализации (Федонкина А. А., Терехина С. А., 2023).

В сети Интернет несовершеннолетний интериоризирует нормы и правила социума, что в итоге оказывает влияние на процесс формирования мировоззрения, на способность социализироваться (Гурьева И.И., 2024).

С интенсивным развитием высоких технологий и средств коммуникаций в Российской Федерации существенно изменился характер противоправной деятельности несовершеннолетних в сети Интернет. Их профилактика по-прежнему остаётся одной из важнейших задач.

Исходя из вышесказанного, в нашем исследовании поставлена следующая задача: изучить опыт профилактических программ рисков вовлечения несовершеннолетних в противоправную активность в сети Интернет с целью выявления критериев эффективности программ.

Методы исследования: теоретический анализ (профилактических программ), сравнение и обобщение (результатов методологических, теоретических и эмпирических разработок), систематизация (полученной информации).

Подводя итог теоретического анализа профилактических программ по профилактике вовлечения несовершеннолетних в противоправную активность в сети Интернет, получены следующие выводы:

Противоправная активность несовершеннолетних в сети Интернет — это совокупность кибердеяний, совершаемых в сети Интернет с помощью или посредством компьютера и иных средств доступа к киберпространству. Среди них - правонарушения, совершаемые самими несовершеннолетними, а также взрослыми лицами по отношению к детям.

В результате проанализированы пять профилактических программ по формированию основ кибербезопасности у несовершеннолетних. По результатам анализа профилактических программ можно выделить следующие компоненты, влияющие на их эффективность: теоретический подход (базовые знания кибербезопасности несовершеннолетних, в т.ч. с учетом потенциальных угроз); организация участия несовершеннолетнего в программе (вовлечение детей в программу); объем программы (курса); эффект от деятельности (обратная связь от участников, закрепление результатов, оценочный момент полученных знаний; возраст детей, участвующих в программе).

В качестве результата теоретического анализа выделены также следующие критерии построения авторской профилактической программы: необходимость формирования медиаграмотности у несовершеннолетних в системном подходе с применением обязательного компонента в образовательной программе. Формирование и развитие кибербезопасности должно давать несовершеннолетним навыки не только необходимые, но и востребованные в настоящее время, а также отвечающие на прогнозируемые риски.

Литература

1. Гурьева И. В. Интернет-преступность несовершеннолетних: российский и зарубежный опыт противодействия // Актуальные исследования. 2024. №5 (187). Ч.II. С. 12-16.
2. Федонкина А. А., Терехина С. А. Психологические особенности несовершеннолетних, совершающих правонарушения против половой неприкосновенности с применением Интернет-технологий // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2023): сб. статей IV Международной научно-практической конференции. 16–17 ноября 2023 г. С. 524–532.

Binge-watching и проблема зависимости от просмотра потокового контента

Натурина Д.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Потоковое или стриминговое вещание представляет собой технологию доставки контента (видео, аудио) от интернет-провайдера к пользователям в режиме реального времени. Стриминговые платформы произвели революцию в потреблении медиа, предоставив пользователям быстрый и удобный доступ по запросу к обширной библиотеке фильмов, телесериалов, музыки, игровых трансляций и другому медиаконтенту.

Несмотря на то, что стриминговые платформы предлагают удобство и развлечения своим пользователям, существуют некоторые опасения, связанные с потенциальной зависимостью от просмотра контента.

В зарубежной литературе выделяют такое понятие как «запойный просмотр» (binge-watching), который заключается в чрезмерном просмотре потокового контента, например, когда человек может посмотреть несколько эпизодов одного и того же сериала за один сеанс (De Feijter D. et al, 2016, Tukachinsky, R., Eyal K., 2018). С появлением стриминговых сервисов произошли кардинальные изменения в том, как люди потребляют предлагаемый им контент. Например, сочетание дешевого и легкого доступа к практически неограниченному количеству контента, а также возможность смотреть сериалы и фильмы не только дома, но и на мобильных устройствах во время поездок на работу или в путешествиях может способствовать чрезмерному потребительскому поведению (Ort, A., 2021).

Действительно, многие люди сообщают, что чувствуют себя вынужденными смотреть одно конкретное телешоу или смотреть "еще один" эпизод перед сном. В связи с этим, некоторые зарубежные авторы описывают потенциальную аддикцию от просмотра медиаконтента по запросу, которая демонстрирует схожие

феноменологические характеристики с другими поведенческими зависимостями, такими как потеря контроля над временем просмотра (Flayelle M. et al., 2019).

Более того, эмпирические исследования показывают, что люди сообщают о трудностях в ограничении времени, затрачиваемого на просмотр потокового контента. Другие научные работы подтверждают эту оценку и отмечают положительную взаимосвязь между степенью вовлеченности людей в "запойный просмотр" и дефицитом самоконтроля, импульсивностью, а также склонностью к немедленному удовлетворению потребности в просмотре (De Feijter D. et al, 2016, Tukachinsky, R., Eyal K., 2018)

Таким образом, стриминговые платформы существенно изменили и упростили доступ пользователей к медиаконтенту, однако чрезмерное и неконтролируемое потребление может приводить к формированию признаков поведенческой зависимости. Данный феномен требует дальнейшего эмпирического изучения с целью разработки эффективных мер профилактики и коррекции, чтобы предотвратить негативные последствия избыточного просмотра медиаконтента.

Литература

1. Assessing binge-watching behaviors: Development and validation of the “Watching TV Series Motives” and “Binge-watching Engagement and Symptoms” questionnaires / M. Flayelle et al. // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 90. P. 26-36. doi: 10.1016/j.chb.2018.08.022
2. Confessions of a 'guilty' couch potato understanding and using context to optimize binge-watching behavior / D. de Feijter et al. // Proceedings of the ACM International conference on interactive experiences for TV and online video. 2016. P. 59-67. doi: 10.1145/2932206.2932216
3. Is binge-watching addictive? Effects of motives for TV series use on the relationship between excessive media consumption and problematic viewing habits/ A. Ort, et al. //Addictive Behaviors Reports. 2021. Vol. 13. P. 100325. doi: 10.1016/j.abrep.2020.100325
4. Tukachinsky R., Eyal K. The psychology of marathon television viewing: Antecedents and viewer involvement //Mass Communication and Society. 2018. Vol. 21. №. 3. P. 275-295. doi: 10.1080/15205436.2017.1422765

Возможности использования видеоигр как инструмента психокоррекции (на примере исследования буллинга)

Пономарева Е.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Проблема изучения видеоигр в психологии актуальна ввиду их растущей популярности и благодаря развитию индустрии видеоигр в целом. Одна из тем, привлекающая внимание исследователей, – наличие позитивных эффектов впоследствии увлеченности видеоиграми, среди которых описываются улучшение когнитивных показателей, моторики, социальных навыков, эмоциональной компетентности и другие. Часто указанная тема пересекается с рассмотрением возможности использования видеоигр как инструмента для психокоррекционной и развивающей работы. В более широком контексте это соотносится с включением игр или их элементов в различные виды деятельности и с внедрением геймификации, в рамках которой неигровая деятельность организуется по принципам гейм-дизайна. Указанные методы часто обсуждаются в контексте организации практической работы с буллингом (Moukram Y.A. et al., 2022).

В качестве примера использования игры в психологической коррекции буллинга рассмотрим исследование С. Багес и ее коллег. В своей статье авторы, пользуясь положениями концепции социального научения, обосновывают эффективность использования ролевых игр живого действия и описывают результаты эмпирического исследования. В рамках экспериментальной программы использовались 3 разработанных авторами сценария развития ситуации буллинга. В ходе одной сессии респонденты принимали на себя разные роли, предполагаемые сценарием, а после завершения сессии анализировали полученный игровой опыт. Реализованная программа способствовала повышению уровня эмпатии, а также снижению уровня агрессии и склонности инициировать ситуации буллинга. В качестве перспективных направлений исследований авторы указали возможность изучения эффективности использования видеоигр жанров RPG и MMORPG (Bagès C., Hoareau N., Guerrien A., 2021).

Особенности видеоигр заключаются в том, что игровая ситуация, правила и образы игровых объектов жестко заданы. В соответствии с точкой зрения Г.Г. Кравцова и Е.Е. Кравцовой их можно отнести к играм по правилам. Они требуют от играющих развитой игровой деятельности, что выражается в наличии сформированной способности занимать двусубъектную позицию.

Генезис игровой деятельности проходит в дошкольном возрасте в несколько этапов. В течение этого процесса правила выходят на первый план и начинают детерминировать воображаемую ситуацию, в то время как на ранних этапах воображаемая ситуация детерминирует слабо осознаваемые правила. Подчеркивается важность прохождения всех этапов в соответствующей логике. При ее нарушении игровая деятельность не реализуется и не формируется.

Использование игры в психокоррекции требует сформированной игровой деятельности, так как в этом случае она включается в более комплексную деятельность, а двусубъектная позиция, инициируемая в игре, позволяет создать условия для рефлексии разрешаемых проблем (Кравцов Г.Г., Кравцова Е.Е., 2017).

В заключение отметим, что у видеоигр есть потенциал в рамках психокоррекционной работы. Но следует подчеркнуть, что это требует способности

реализовывать игровую деятельность, учитывая специфику психокоррекционной работы, а также для успешной реализации игр по правилам, к которым относятся видеоигры.

Литература

1. Кравцов Г.Г., Кравцова Е.Е. Психология игры: культурно-исторический подход. М.: Левь, 2017. 338 с.
2. A Systematic Review of Gamification as a Playful Strategy to Prevent Bullying / Y.A. Moukram [et al.] // Environment and Social Psychology. 2022. Vol. 7. No 2. P. 38–50. doi: 10.18063/esp.v7.i2.1566
3. Bagès C., Hoareau N., Guerrien A. Play to Reduce Bullying! Role-Playing Games Are a Useful Tool for Therapists and Teachers // Journal of Research in Childhood Education. 2021. Vol. 35. No 4. P. 631–641. doi: 10.1080/02568543.2020.1810834

Направления профилактики преступлений и правонарушений экстремистской направленности в Республике Беларусь через призму экспертной практики

Семёнов В.Н., Поляк С.А.

Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь

(г. Минск, Республика Беларусь)

Активное развитие цифровой среды предоставляет разнообразные инструменты (сетевые платформы) для скоростного обмена информацией между пользователями. Такая скорость передачи информацией между пользователями в виртуальной среде не может не отражаться на ее качестве.

Специфика цифровой коммуникации, отличающая ее от реальной коммуникации, образует благоприятные условия для экстремистских противоправных действий. Некоторая часть подобных пользователей в последующем искренне удивляется тому, что их коммуникативные действия, воспринимаемые ими как выражение личного мнения (отношения) к тем или иным событиям повседневной жизни, могут быть квалифицированы в качестве экстремистских.

Часть таких действий, включенных в понятие «экстремизм», относится к коммуникативным. Из этого может вытекать известное заблуждение, связанное с их возможной правовой недооценкой. Указанные действия в сознании многих граждан (за редким исключением) не ассоциируются даже с правонарушением. В подобных условиях может возникать скептицизм к правовой системе, формироваться превратное представление о целях ответственности.

При активной работе, направленной на противодействие экстремизму, недостаточное внимание уделяется профилактике подобных действий. Сам факт привлечения к ответственности, предусмотренной законодательством, вряд ли может считаться эффективным средством предупреждения экстремизма. Учитывая коммуникативную природу отдельных экстремистских действий и сложности в понимании их общественной опасности требуется проведение специфических

профилактических мер, направленных главным образом на проведение широкой информационно-разъяснительной работы в обществе и установление этапности в наступлении правовых последствий за их совершение. При таких обстоятельствах, когда коммуникативный экстремизм путается с выражением мнения особое внимание граждан должно быть обращено на то, что законом запрещаются публичные или массовые высказывания о каких-либо социальных группах, в которых данные группы не только негативно оцениваются, но и рассматриваются в качестве объектов совершения различных агрессивных, деструктивных либо дискриминационных действий, такой же запрет налагается и на пропаганду (включающую демонстрацию) нацистской символики и атрибутики и реабилитацию нацизма в различных его проявлениях. Распространение таких текстов, выражение согласия с ними в условиях публичной либо массовой коммуникации также относится к проявлениям коммуникативных экстремистских действий.

Информационно-разъяснительная работа должна быть направлена на формирование адекватного представления об общественной опасности любых форм экстремизма. Проведение подобной работы в перспективе существенно снизит количество подобных противоправных действий.

Еще одной мерой, способствующей эффективной профилактике проявлений коммуникативного экстремизма в обществе, должна стать плановая декриминализация тех составов преступлений экстремистской направленности, основное содержание которых сводится к коммуникативным действиям в случае отсутствия тяжких последствий от их совершения. В ходе административного процесса до граждан доводится суть их противозаконного действия. Такой подход к правовой оценке отдельных экстремистских действий реализован в Российском уголовном законодательстве и получил соответствующее одобрение общественности.

Таким образом, комплексная реализация указанных выше профилактических мероприятий будет способствовать формированию правильного правового представления об общественной опасности коммуникативных (речевых) экстремистских действий и о возможных правовых последствиях их совершения, что в свою очередь должно способствовать снижению уровня экстремистских преступлений коммуникативного характера.

Ресурсы психодрамы в работе с родителями киберзависимых подростков на основе опыта деятельности родительского клуба «Оковы и крылья материнской любви»

Симакова Т.А.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний»

(г. Рязань, Россия)

В настоящее время родители, обращающиеся за помощью к профессиональным психологам, достаточно часто называют киберзависимость детей в качестве причины обращения. Мы разделяем утверждение Н. П. Петровой (Петрова Н. П., 2002) о том, что киберзависимость является следствием комплексных проблем личности, возникающих в качестве результата полного или частичного неудовлетворения естественных потребностей развивающейся личности в онтогенезе. Детско-родительские отношения являются первопричинами возникновения киберзависимости у детей и подростков в качестве дефицитарного способа восстановления самооценности в процессе неограниченного поиска интернет-сообществ (Симакова Т. А., 2024). Низкая способность родителей препятствовать росту киберзависимости подростков основывается на следующих причинах: дефицит общепринятых гигиенических, психологических, социальных и правовых критериев дифференциации нормы и девиантного, делинквентного поведения подростков в киберонтологической среде; фрагментарное участие института образовательных организаций в профилактике киберзависимости; рост невротизации обучающихся из-за возрастания учебных нагрузок; нравственная дезориентация подростков, утрата духовных ценностей, включающих экзистенциальные ценности индивидуальной жизни и персонального времени.

Основная цель деятельности родительского клуба заключалась в оптимизации роли родителя (матери) киберзависимого подростка. Поставленная цель была достигнута посредством решения следующих задач: выявление и нормализация сложных эмоциональных состояний из родительской роли; расширение ролевого репертуара в сложных ситуациях взаимодействия с подростком; определение ресурсов и персональных способов самоподдержки.

Использование психодрамы, особенно таких ее форм, как сказкопсиходрама, открывает возможность оптимального осознания феномена утраты сопричастности с собственным ребенком.

Построение структуры деятельности родительского клуба было сфокусировано на развитии родительской роли матери подростка в изменяющихся условиях современного социума, претерпевающего процессы цифровизации. Оптимизация ролевого поведения имела первостепенное значение, поскольку в родительство пришло поколение, выросшее в постперестроечный период. Одним из наиболее важных направлений работы было восстановление сопричастности в детско-родительских отношениях на основе определения конгруэнтности и принятия сложных переживаний, распознавания психологических защит и восстановления основных психодраматических оболочек роли родителя.

Встречи участников клуба включали самопрезентацию актуального состояния, психодраматические разогревы, работы по индивидуальным запросам родителей, ассимиляцию полученного опыта в ходе занятий, комментарии по домашнему заданию. Психодраматические упражнения ориентированы на анализ природы детско-родительских отношений и выявление внутренних и внешних противоречий,

распознавание подавленных переживаний и ресурсов для реконструкции позитивной родительской заботы.

Литература

1. Петрова Н.П. Тренинги для победителя. Самоменеджмент эпохи интернет. СПб.: Речь, 2002. 216 с.
2. Симакова Т.А. Опыт оказания психологической помощи родителям подростков, имеющих склонность к киберзависимому поведению // Проблемы и перспективы психологической науки в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 22 марта 2024г. Севастополь: ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», 2024. С. 122–127.

Эмоционально-личностные особенности интернет-зависимых подростков, склонных к суицидальному поведению

Фролова С.В.

ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»

(г. Москва, Россия)

Актуальность выбранной темы обусловлена в нашей стране возрастанием значимости Интернета как информационного, коммуникативного, смыслового, и игрового пространства. Недостаток времени из-за учебы для встреч с друзьями приводит к общению с ними при помощи Интернета – различных социальных сетей. Наряду с позитивным влиянием, обусловленным удобством использования ресурсов Интернета, становится всё более оформленной проблема интернет-зависимого поведения. Исходя из особенностей суицидального поведения, интернет-зависимые подростки со склонностью к суицидальному поведению должны в большей степени быть подвержены различным рискам использования интернета, например, становиться жертвами набирающей сейчас популярность пропаганды суицидов в интернете. При этом имеющиеся на данный момент исследования интернет-зависимости не рассматривают данный феномен в совокупности с суицидальным поведением, что является серьезным пробелом в рассматриваемой области научного знания (Горбушина А.В., Власов А.С., 2021).

В основу работы легло предположение о том, что существуют различия в психоэмоциональных особенностях подростков в соответствии с наличием интернет-зависимости, проявляющиеся, в степени выраженности и различных вариантах суицидального поведения, а также во взаимосвязи симптомов интернет-зависимости, различных форм суицидального поведения и особенностей восприятия интернета с эмоциональным состоянием подростка. Для детального изучения проблемы были использованы шкала интернет-зависимости С. Чен (шкала CIAS) в адаптации В.Л. Малыгина и К.А. Феклисова и опросник суицидального риска (модификация

Т.Н. Разуваевой), а также методы математической и статистической обработки: выявление различий в уровне исследуемого признака (критерий Крускала-Уоллиса), ранговая корреляция (коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена). В исследовании приняли участие 147 подростков в возрасте 13-14 лет.

Анализ полученных результатов исследования показал, что у 25% подростков из выборки присутствует интернет-зависимость, 33% подростков относятся к группе риска, что может свидетельствовать о высокой вероятности скорого появления интернет-зависимости, 42% подростков в нашей выборке не проявили признаки интернет-зависимого поведения ($p=0,000$).

Высокий уровень интернет-зависимости связан с отнесением себя подростком к сетевой субкультуре ($p=0,002$), нецеленаправленным поведением ($p=0,008$) и потребностью в сенсорной стимуляции ($p=0,004$), мотивацией использования интернета для общения ($p=0,014$) и преобладание таких последствий зависимости, как одушевление интернета ($p=0,001$), искажение восприятия пространства в интернете и стремление перенести нормы виртуального мира в реальный ($p=0,001$). К тому же, зависимые от интернета подростки с большей вероятностью используют интернет для общения в социальных сетях и считают себя зависимыми от них.

У группы интернет-зависимых подростков наиболее проявленными являются факторы аффективности (79%) и социального пессимизма (79%). Подростки данной группы мало склонны к демонстративности (21%), идеям о собственной исключительности (7%) и несостоятельности (14%), а также к поиску культурных ценностей и нормативов, оправдывающих суицидальное поведение (7%), и вовсе не склонны к инфантильному максимализму ценностных установок (0%). Кроме того, большая часть данной группы не склонна к неспособности конструктивного планирования будущего (71%), а фактор снижения суицидального риска проявлен ровно у половины группы.

Таким образом, анализируя результаты нашего исследования, можно сделать заключение, что чем выше уровень зависимости от интернета, тем более подросток будет склонен к антивитальным действиям, тревожным руминациям, и тем более будет вероятно наличие у такого подростка микросоциального конфликта в жизни, особенно семейного.

Литература

1. Суицидальное поведение подростков: диагностика и профилактика: учебное пособие / Горбушина А.В., Власов А.С. Киров: Изд-во МЦИТО, 2021. URL: https://mcito.ru/Uchebnoe_posobie_Suitsidalnoe_povedenie_podroستkov_diagnostika_i_profilaktika.pdf

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Травма-информированный подход в работе кризисного консультанта и юридического психолога, оказывающего помощь женщинам, пострадавшим от насилия – участникам уголовного процесса

Великодворская Е.В.¹, Дукорский В.В.²

¹ ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

² Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь
(г. Минск, Республика Беларусь)

Доля женщин, потерпевших от супружеского насилия по зарегистрированным преступлениям в разные годы составляет от 85% до 91% (Щепельков В.Ф., 2022). Социально-психологическая помощь предполагает их априорную поддержку в восстановлении нарушенных преступлением прав и возможности обращения за компенсацией физического и морального ущерба (ст. 151 ГК РФ).

Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2022 года № 4356-р, определяет ряд задач, направленных на защиту женщин. Решение таких задач непосредственно связано с системной подготовкой психологов, которые будут оказывать помощь на разных этапах процесса реабилитации женщины, в том числе в ситуации защиты прав в суде, а именно:

1. Оказывать первую психологическую помощь (ППП) и проводить кризисную интервенцию (КИ), ориентированную на создание комплексного плана безопасности для женщины, обратившейся в кризисные службы вскоре после пережитого насилия (профессиональная роль – кризисный консультант).

2. Сопровождать женщину в роли потерпевшей во время следственных действий и в уголовном процессе (профессиональная роль – юридический психолог).

И первое, и второе требуют специальных знаний и навыков и существенно отличаются по продолжительности. Особый подход к работе с людьми, пережившими психотравмирующий опыт, носит название **травма-информированного подхода (ТИП)** (trauma-informed practice / care / approach) в международной практике оказания помощи (Yi-Chin Chu et al., 2024). ТИП развивается, начиная с 2000-х годов, вместе с углублением научного понимания нейробиологической, поведенческой и социальной природы психической травмы (Спаллетта и др., 2023).

Необходимость для потерпевших в целях защиты прав воспроизводить детали совершенного преступления часто конфликтует с естественным защитным поведением избегания вспоминания психотравмирующей ситуации и рассказа о ней.

Проблема усиливается незнанием граждан о существовании возможности денежной компенсации перенесенных психических страданий (Дукорский В.В, 2024). Психолог, практикующий травма-информированный подход и владеющий общими знаниями об организации и этапах следственных действий и судебного процесса («правовая осведомленность»), работающий совместно с адвокатом, может внести существенный вклад в защиту конституционных прав женщин, пострадавших от насилия.

Создание адаптированной к российской правовой системе и культурным особенностям модели травма-информированной практики юридического психолога, ее внедрение в программы подготовки в ВУЗах, видится одним из приоритетных направлений развития современной юридической психологии, этическая основа которой – конституционный запрет насилия и иного жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения. В докладе прозвучит как теоретическое обоснование ТИП в практике юридического психолога, так и практический опыт работы СПб РОО «ПОЛИНА. Кризисный центр для женщин»), оказывающего с 1992 года психологическую и юридическую помощь женщинам, пострадавшим от насилия.

Литература

1. Детская травма и психические расстройства / Под ред. Дж. Спаллетты [и др.]; Пер. с англ. И.В. Олейчика. М., ГЭОТАР-Медиа, 2023. 408 с.
2. Защита прав и законных интересов потерпевших с психической травмой / О.А. Скугаревский [и др.] // Медицинский журнал. 2024. No 3. С. 50–55. doi: 10.51922/1818-426X.2024.3.50.
3. Щепельков В.Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы // Криминалистика. 2022. No 2(39). С. 95–103.
4. Outcomes of trauma-informed care on the psychological health of women experiencing intimate partner violence: A systematic review and meta-analysis / Y.-C. Chu [et al.] // Journal of Psychiatric Mental Health Nursing. 2024. Vol. 31. No 2. P. 203–214. doi: 10.1111/jpm.12976.

Традиционная игра в работе с семьями участников СВО

Ряшина В.В.

АНО «Центр инновационных стратегий и медиаресурсов в образовании»

(г. Москва, Россия)

Теплова А.Б., Чернушевич В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Семья в современной России находится в зоне антропологического кризиса. Индикаторами этого являются число разводов супружеских пар, количество абортов; число детей, брошенных родителями и детей-сирот, масштаб детского алкоголизма.

Кризисное состояние современной российской семьи делает ее особенно уязвимой в ситуации такого глобального вызова, какой является начало Специальной военной операции (СВО). Прежде всего, это касается семей участников СВО.

Многие авторы отмечают, что сложившаяся постмодернистская практика немедицинской психологической помощи в данной ситуации не является достаточно адекватной в силу своей нечувствительности к духовно-нравственным аспектам, и высказываются в пользу духовно-психологического или антропологического подхода (Шувалов А.В., 2023).

По нашему мнению, одной из эффективных практик психологической помощи семьям участников СВО в русле антропологического подхода может стать практика, основанная на традиционной игре. Методологической основой этой практики является понятие детско-взрослой со-бытийной общности (Антропологический подход в развитии воспитания, 2019), которая может быть воссоздана в традиционной игре как особой модели телесно-душевно-духовных отношений участников. Основными причинами семейного разлада, по нашему мнению, является неспособность членов семьи учитывать состояние и потребности других членов семьи и делать их приоритетными для себя и семьи в целом. Этому способствует разрушение семейного уклада, иерархии отношений в семье, преобладание эгоустановок, культивируемых инородной идеологией, противостоящей традиционным ценностям (Чернушевич В.А., 2019)

Традиционная игра, выпестованная традиционной культурой, в своей основе христианской, предлагает участникам войти в традиционные отношения и дает такую возможность. Есть два необходимых при этом условия: использование правил традиционной игры (культурной формы) и не менее важное условие - наличие носителей традиционной культуры, которые могут показать, как в живой игре реализуются традиционные ценности, свойственные человеческой природе. Это позволяет участникам на уровне своего эмоционального опыта почувствовать различие переживания от реализации эго установок и присущему им удовольствию, и установок альтруистических, с присущей им радостью за радость Другого. Именно в этом опыте в традиционной игре восстанавливается ценность самоотверженности, милосердия, претерпевания ради Другого, ради других, рождается переживание со-бытия. И если игра семейная, то рождается чувство семьи, чувство «Мы» (супружеское и детско-родительское), которого так не хватает для семейной жизни, особенно для семей участников СВО, поглощенных, прежде всего, своими личными переживаниями этой ситуации. Для участников СВО открытие радости семейных отношений может благотворно влиять на последствия переживания стрессовых ситуаций на фронте и препятствовать деструктивности поведения в мирной жизни.

Литература

1. Зверев С.М., Леонтович А.В., Рябцев В.К., Ряшина В.В., Слободчиков В.И., Теплова А.Б. Антропологический подход в развитии воспитания и

- социализации детей и молодежи: монография / Под ред. Рябцева В.К. М.: ФГБНУ «ИИДСВ РАО», 2019. 488 с.
2. Чернушевич В. А. Народная игра как ресурсный носитель традиционных ценностей // Проблемы профилактики социально опасного поведения среди подростков и молодежи: сборник статей и методических материалов для педагогов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 14 ноября 2019 г. / Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. С. 459–465. URL: https://arz.unn.ru/files/nauka/izdaniya/201912_prob.pdf?ysclid=m31nw3rdjd464871396 (дата обращения: 03.11.2024).
 3. Шувалов А.В. Современные антропологические тенденции: от эгоцентризма к деструктивности // Народное образование. 2023. № 4. С.33–49.

Методология традиционной игры

Чернушевич В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Средства анализа и управления практикой традиционной игры необходимы для коррекционно-профилактической работы с девиантным, отклоняющимся поведением и игровой подготовки специалистов.

Некоторая противоречивость видится уже в определении объекта нашего рассмотрения. «Игровая деятельность», с одной стороны, – «игра», а, с другой стороны, – «деятельность». Ценность цели ведет к технологизации деятельности и вытеснению значения человеческого фактора, самого подвижного, неустойчивого компонента деятельности. Игра же по определению ценна своим процессом и в ней главной ценностью являются участники, их состояние и изменения их состояния. Т.е. «игра» и «деятельность» по понятию принципиально разные явления, имеющие разные ценностные основания! В игре - ценность БЫТЬ, а в деятельности – ИМЕТЬ (Э. Фромм).

Ключевые характеристики игры, выделены исследователем традиционной игровой культуры в 1895 году. Первая – ценность процесса: «всякая игра, а в том числе и детская, не задается никакой предвзятой целью, а наоборот сама по себе составляет и цель, и действие, и наслаждение» (здесь и далее Покровский Е.А., 1994). Вторая характеристика игры, как особого явления, выделенная Е.А. Покровским – игра является активностью «как бы специально приспособленной и совершающейся в силу внутренних, физиолого-психических потребностей и побуждений, наиболее свойственных молодому организму». Т.е. игра естественно привлекательна для участников. Это – свободная, а не вынужденная внешними факторами активность, какой является целесообразная деятельность. «Игра, по существу своему, есть свободное выражение душевных и физических сил ребенка, работающих со всей

энергией». В этом формирующие, развивающие ресурсы игры. Ребенок всеми силами старается уподобиться тому действию и переживанию, которые его привлекают в игре, старается воспроизвести, испытать их в игре.

Предмет нашего рассмотрения – игра народная традиционная. Она принципиально отличается от свободной сюжетно-ролевой игры, сюжеты которой берутся ребенком из самостоятельного наблюдения за жизнью окружающих его людей. Традиционная же игра предлагается как модель культуры, воплощающая традиционные ценности. Включаясь в нее, ребенок погружается в традицию, что особенно важно, получает игру из рук в руки, традиционным путем от носителя игры и культуры через пример игровой активности, правила которой выступают всего лишь культурной формой (Чернушевич В.А., 2023). И происходит это путем эмоционального заражения и подражания. Это второе принципиальное отличие традиционной игры. Еще одно принципиальное отличие – равенство всех участников относительно правил. Этими особенностями решается проблема управления свободной игрой. Взрослый включается на равных. Таким образом, в традиционной игре осваивается не окружающая реальная жизнь, засоренная инородными ценностями, а реальные традиционные отношения участников, моделируемые в игре значимым взрослым.

Основные этапы освоения традиционных ценностей, являющиеся и этапами коррекционно-профилактической работы таковы: 1) освоение игровых правил, как условия участия в естественно привлекательной игровой активности; 2) освоение правил взаимодействия в игре, границ возможной совместной импровизации относительно строгих правил (шалости); 3) освоение культуры общения в игре, бескорыстной игры для Другого. Это основные этапы освоения отношений самоотверженности, милосердия, терпения, свойственных традиционной культуре человеческих отношений.

Литература

1. Покровский Е.А. Детские игры. Преимущественно русские. СПб.: Историческое наследие, 1994. С. 9-23.
2. Чернушевич В.А. Народная игра как феномен инкультурации современного ребенка [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С.119–134. DOI: 10.17759/psylaw.2023130309

ПРАКТИКИ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДЕТСТВА: ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Некоторые особенности взаимодействия сотрудников органов внутренних дел и субъектов системы профилактики по предупреждению проявлений буллинга в школах

Анисимова Н.А.

ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»
(г. Воронеж, Россия)

На сегодняшний день в российских образовательных организациях существует проблема распространения буллинга.

На основании исследований было выявлено, что психологический буллинг распространен больше, чем физический, который реализуется посредством обзываний, насмешек, отрицательных комментариев, угроз. Стоит отметить, что проявление вышеуказанного девиантного поведения среди учащихся школ зависит от возраста учеников. Чем старше школьники, тем ниже распространенность психологической травли.

Профилактика буллинга в подростковой среде носит комплексный характер. Наряду с сотрудниками полиции, в деятельности по профилактике агрессивного поведения задействованы образовательные организации, а именно учителя, социальные педагоги, классные руководители, психологи, и, конечно же, родители и законные представители. Поэтому при разработке и реализации спектра мероприятий, важно сделать акцент на разграничении сфер ведения и полномочий компетентных в данном вопросе лиц.

К числу первоочередной задачи для сотрудников органов внутренних дел (Тамбовцева Г.М., Малыхина Т.А., 2015) следует отнести установление причин, в связи с которыми несовершеннолетние осуществляют травлю своих одноклассников и не допустить распространение буллинга в образовательной организации.

С целью получения своевременной информации о проявлениях девиантного поведения и фактах буллинга в школе, сотрудникам подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел необходимо установить своевременный обмен информацией с администрацией образовательного учреждения.

Профилактика буллинга в образовательных организациях подразумевает реализацию психолого-педагогических программ, которые направлены на снижение агрессивных и враждебных реакций, нормализацию межличностных отношений, формирование навыков конструктивного решения споров и конфликтов, развития у обучающихся толерантности.

В рамках компетенции сотрудникам органов внутренних дел, а именно подразделениям по делам несовершеннолетних, совместно с администрацией школы, а также социальным педагогом, психологом, на наш взгляд, необходимо:

– участвовать в просветительской работе с родителями и законными представителями несовершеннолетних по формированию умений, знаний и навыков, направленных на пресечение буллинга;

– проводить информационно-просветительскую работу с несовершеннолетними по привитию знаний в области юридической ответственности за девиантное поведение;

– осуществлять встречи с несовершеннолетними, которые непосредственно участвуют в буллинге, а также их родителями и законными представителями, делая акцент на то, какими способами защитить себя или своего ребенка от травли со стороны одноклассников и др.

Отметим, что методы профилактической работы с несовершеннолетними, должны определяться в соответствии с возрастными особенностями. Например, с учащимися средней и старшей школы на классном часе можно посмотреть социальный ролик или презентацию, после чего обсудить ее и выслушать мнение зрителей. В то же время с учениками начальной школы, целесообразнее посмотреть мультфильмы на тему профилактики буллинга.

Таким образом, профилактика буллинга занимает сегодня приоритетное направление деятельности сотрудников органов внутренних дел и администраций образовательных организаций. Успешное решение задач возможно при организованном и строгом соблюдении методик в этой сфере, а также высоком уровне взаимодействия.

Литература

1. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел Российской Федерации: учебное пособие / авт.- сост. Г.М. Тамбовцева, Т.А. Малыгина. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2015. 120 с.

Психофизиологические аспекты адаптации студентов первого курса

Анфилова О.Р., Власова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

С первых дней обучения в ВУЗе у студентов начинается адаптационный процесс. Адаптация включает в себя различные аспекты, в том числе психофизиологический (Лагеров В.В., 1991). Адаптационные процессы имеют прямую связь с производительностью, качеством усвоения знаний и формированием важных, для дальнейшего профессионального пути, качеств (Глебов В.В., 2013). Невозможность полноценно адаптироваться к новым условиям влечет у молодых

людей усугубление стресса, конфликты с окружающими, а в некоторых случаях девиантное и противоправное поведение.

В связи с этим, целью настоящего исследования является выявление психофизиологических особенностей в процессе адаптации студентов к обучению в вузе.

Для реализации цели были применены следующие методики: корректурная проба (Тест Бурдона); САН (Самочувствие, активность, настроение), авторы: В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шарай, М.П. Мирошников; методика «Диагностика социально-психологической адаптации», авторы: К. Роджерс, Р. Даймонд; опрос, направленный на диагностику общего самочувствия. Опрос включал несколько подгрупп вопросов, которые направлены на самооценку работы когнитивных функций, эмоционального состояния, физического здоровья, качества сна и состояния иммунитета.

В исследовании приняли участие 55 студентов первого курса МГППУ. Возраст студентов варьировался от 18 до 23 лет.

Настоящее исследование было выстроено с учетом границ начального (до 3-х месяцев) и окончательного (после 6-ти месяцев) периодов адаптации студентов 1 курса к обучению в вузе. По результатам исследования было выявлено, что на начальном этапе адаптации к обучению в вузе у студентов отмечается: сниженная концентрация внимания ($p=0,005$); активности ($p=0,025$) и настроения ($p\leq 0,001$) а также значительно снижается уровень эмоционального комфорта ($p=0,010$).

Вместе с этим по результатам проведенного опроса респонденты на начальном этапе адаптации отмечают у себя повышенную утомляемость (91%), сложности с запоминанием информации (75%), вялость и сонливость после пробуждения (91%), плаксивость (75%) и головные боли (51%).

Таким образом, полученные результаты указывают на то, что процесс адаптации у студентов к обучению в вузе вызывает значимые снижения в психофизиологических особенностях и негативно влияет на общее физическое самочувствие.

Перспективой данного исследования является дальнейшее изучение дополнительных психофизиологических показателей с помощью других психодиагностических и аппаратных методов. Также планируется разработка программы тренингов, которые будут включать в себя развитие когнитивных функций: внимание и память. Вместе с этим планируется формирование навыков совладания со стрессом, что безусловно повысит уровень самоконтроля, дефицит которого испытывают студенты во время адаптации, являясь одной из причин пониженного самочувствия, активности, настроения и эмоционального комфорта и провоцируя появление жалоб на утомляемость, плаксивость, головные боли и вялость после пробуждения.

Литература

1. Глебов В.В. Уровень психофизиологической адаптации студентов на начальном этапе обучения // Вестник РУДН. 2013. № 5. С. 18–23.
2. Лагерев В.В. Адаптация студентов к условиям обучения в техническом вузе и особенности организации учебно-воспитательного процесса с первокурсниками. М.: НИИВО, 1991. 48 с.

Личностные особенности, определяющие сексуальное поведение юношей

Бажанова И.С., Лаврешкин Н.В

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Период юности характеризуется как переход от детства к взрослости, от позиции ребёнка к позиции родителя. И условно делится на раннюю и позднюю юность: школьники старших классов в возрасте 15-17 лет относятся к ранней юности, лица 17-21 года – к поздней. Это обосновано физиологическими изменениями и психологическими новообразованиями: формированием самосознания, изменением стиля взаимодействия с окружающими, развитием личностного восприятия моральных норм, профессиональным самоопределением и началом процесса сепарации. Именно это объясняет симбиоз детских черт и взрослых желаний, требований и интересов.

В юношеский период развиваются основные жизненные позиции и система оценочных суждений, которыми подросток руководствуется в поведении. Будучи младше, он действовал больше по указаниям старших, теперь ценности приобретают собственные принципы. Формирование его личности зависит от приобретенного нравственного опыта..

В своих трудах В.Н. Мясищев пишет: «Личность – это система ее отношений, в которых она проявляется во всей полноте и целостности». Основываясь на его суждениях, под личностью мы понимаем высшее понятие, характеризующее системой отношений к окружающей действительности, ее определяющее – отношение к людям, являющееся одновременно взаимоотношениями (Рубинштейн С.Л., 2006).

Такие личностные характеристики как: самооценка, уровень нейротизма, присутствие антисоциальных тенденций являются устойчивыми коррелятами сексуальной активности. Большинство исследований личности и сексуальности не учитывали связь с ВИЧ-инфекцией (Краусс Н., 2012). Импульсивность и сексуальный самоконтроль предопределяют модели сексуального поведения, которое соотносится с риском ВИЧ-инфекции.

Склонность к риску может способствовать рискованному сексуальному поведению. Одним из личностных факторов, способствующих риску, является поиск ощущений, который ассоциируется с повышенной вероятностью передачи ВИЧ.

Цукерман определил поиск ощущений как тенденцию к получению новых, возбуждающих и оптимальных уровней стимуляции и активации (Рубинштейн С.Л., 2006). Поиск ощущений - многомерный личностный конструкт, включающий склонность испытывать скуку, авантюризм, стремление к впечатлениям и новизне и избегание вреда.

Исследования показывают, что потребности, удовлетворяемые подростками через сексуальную активность, включают стремление к новым знаниям и опыту, получению удовольствия, самоутверждению и взаимной любви. Часто ранняя половая активность обусловлена нехваткой любви и понимания в отношениях с родителями, а также травмами, связанными с личными границами, что приводит к неспособности отвергать и говорить «нет».

Сексуальная инициация значима для личности: она обусловлена потребностью и стремлением к самоактуализации; однако, решение о начале сексуальной активности имеет место только в случае добровольности со стороны подростка и обоюдности желания получить подобный опыт (Леонтьев, А.Н. 1983; Леонтьев, Д.А. 1987).

Принятие маскулинности юношей связано с ранним началом половой активности, которое является одобряемым в кругу сверстников и зачастую синонимизируется с самоактуализацией. Мотивацией для получения первого сексуального опыта служит стремление к социальному одобрению, что может привести к искажению восприятия, смещению мотивов и целей, и негативным последствиям в дальнейшем.

Литература

1. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т.2. М.: Педагогика, 1983. 320 с.
2. Леонтьев Д.А. Развитие идеи самоактуализации в работах А. Маслоу // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 8.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 720 с.
4. Krauss H. et al. Sexual initiation of youths in selected European countries compared with their sexual and contraceptive knowledge // Annals of Agricultural and Environmental Medicine. 2012. Vol. 19 (3). P. 587–592. URL: https://www.researchgate.net/publication/231609878_Sexual_initiation_of_youths_in_selected_European_countries_compared_with_their_sexual_and_contraceptive_knowledge (дата обращения: 03.11.2024).

Диагностическая модель личностных факторов социальных рисков в учреждениях системы профилактики для подростков с деструктивным и антисоциальным поведением

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

К учреждениям системы профилактики для подростков с деструктивным и антисоциальным поведением относятся в том числе специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого и открытого типа (далее СУВУ). Специфика учреждений заключается в том, что они представляют собой одну из форм организации восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних.

Специалисты указанных учреждений в своей работе используют разнообразные программы, связанные с ресоциализацией подростков, учитывая работу с семьями, профориентацией, включая такие формы работы как наставничество, медиация и др. Для оценки эффективности работы СУВУ была предложена диагностическая модель личностных факторов социальных рисков в учреждениях системы профилактики для подростков с деструктивным и антисоциальным поведением.

В основе модели лежит концепция жизненной позиции подростков по С.В. Бонкало (Бонкало С.В., 2012). В этом ключе жизненная позиция подростков является интегральной характеристикой личности, которая раскрывается в системе отношений к себе, к другим людям и к окружающему миру в целом. Жизненная позиция имеет взаимообусловленные и взаимосвязанные структурные компоненты, включающие когнитивный (целостное представление о мире), аксиологический (система ценностных ориентаций, мотивов и потребностей), эмоциональный (система отношений к себе и к другим), экзистенциальный (представление о смысле своего бытия), поведенческий (направленность поступков и деятельности), акмеологический (жизненные цели, профессиональное самоопределение).

С учетом содержания указанных компонентов был проведен экспертный подбор соответствующих диагностических инструментов для оценки рисков в учреждениях системы профилактики для подростков с деструктивным и антисоциальным поведением, а также для анализа результатов исследования эффектов программ воспитания и психологической профилактики, используемых в системах СУВУ.

В рамках психодиагностического исследования предполагается получить многоуровневый анализ актуальной жизненной позиции подростка по следующим критериям: по степени осознания (осознанная/неосознанная), по степени сформированности (устойчивая/ситуативная), по направлению деятельности (просоциальная, антисоциальная, личностно-центрированная, по эмоциональному регулированию (нарциссическая, изолирующая, позитивная, депрессивная), что в свою очередь сформирует понимание собственно характера жизненной позиции

подростка, а именно является ли она конструктивной (социально приемлемой) или деструктивной.

Предложенная нами диагностическая модель исследования жизненной позиции подростка позволит выявить риски и мишени воздействия в личностной сфере подростка, а также позволит составить целостный психологический портрет учащегося в СУВУ.

Литература

1. Бонкало С.В. Социально-психологические технологии формирования конструктивной жизненной позиции делинквентных подростков (на примере воспитанников специальных образовательных учреждений закрытого типа): автореф. дисс... канд. психол. наук. М., 2012. 26 с.

Апробация модели профессионально-личностного сопровождения несовершеннолетних, совершивших правонарушения и находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях

Горина А.Л., Сидоренко З.М., Чиркина Р.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Значимый взрослый в жизни подростка, который находится в институциональных условиях, это непереносимое условие выравнивания искаженной социальной ситуации, в которой у ребенка нет семейного тыла и моделей социального поведения. Но роли значимого взрослого определяются зачастую теми условиями, в которых воспитывается ребенок. Кто он, этот взрослый? Старший друг, воспитатель, тренер, курирующий психолог учреждения, пишущий сообщения и приезжающий в гости родственник, приходящий волонтер? У всех этих людей с разной степенью профессиональной подготовки будут разные способы и ситуации общения с подростком, решающим разные жизненные задачи. Какие же модели такого индивидуального сопровождения могут решать комплексные задачи взросления трудного подростка без семейного тыла?

Одна из таких моделей – МЕНТОРИНГ (технология индивидуально-личностного профессионального сопровождения подростка в учреждениях институционального воспитания) с 2020 года апробируется в рамках целого ряда проектов факультета юридической психологии МГППУ (Семья Г.В., Иванников В.А., Чиркина Р.В., 2021).

Примером успешного сотрудничества, благодаря которому удалось зафиксировать влияние менторинга на трансформацию жизненных стратегий и других качественных изменений у воспитанников ЦССВ, стало использование технологии менторинга в совместном проекте МГППУ, Федерации психологов

образования России и Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы «Экосистема детства: модель многоуровневой системы профилактики отклоняющегося поведения», реализованном на базе четырех ЦССВ г. Москвы. Третичный уровень профилактики обеспечивал индивидуальное профессионально-личностное сопровождение подростков с множественными рисками по программе менторинга с участием специалистов и волонтеров проекта «Экосистема детства», сотрудников ЦССВ и самих воспитанников (Горина А.Л. и др., 2021).

В настоящее время в рамках проекта МГППУ «Доказательное исследование эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков, применяемых в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» проходит адаптация авторской модели Менторинга как технологии профессионально-личностного сопровождения несовершеннолетних, совершивших правонарушения и находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях (СУВУ).

Подопечными ментора становятся дети (подростки), у которых есть ряд сложностей в поведении, учебе или в общении с социумом, часто подверженные аддикциям и имеющие тенденцию к отклоняющемуся поведению, но при этом в целом обладающие внутренними ресурсами и мотивацией к самоизменениям.

Целью менторинга является помощь в изменении внутренних установок подопечного путем личного взаимодействия и решение конкретных запросов подопечного.

Задачами данного процесса будут:

1. Разработка опытной модели менторинга в СУВУ путем постепенного интегрирования элементов технологий, применяемых специалистами СУВУ в настоящее время в учреждении с обязательными интервизиями;
2. Обучение специалистов СУВУ базовым принципам и методам менторинга;
3. Создание опытной модели менторинга в СУВУ;
4. Апробация опытной модели менторинга на площадках СУВУ;
5. Мониторинг реализации проекта и оценка социального эффекта, обобщение и анализ полученного опыта;
6. Подготовка отчетности по результатам апробации опытной модели менторинга в СУВУ.

Базовыми принципами менторинга являются:

- уважение к себе, своей работе, коллегам и подопечному (это является основой для всех остальных принципов);
 - соблюдение принципа субъектности ребенка в процессе реабилитации.
- Подросток-подопечный — полноценный активный участник проекта, имеющий право на свое мнение;

- добровольность участия. Ментор и подопечный участвуют в программе добровольно, так как практика директивного участия полностью обесценивает весь процесс, во многом делая его бессмысленным;
- ответственность. Все участники ситуации несут ответственность за свои действия и слова, что позволяет выстраивать работу, исходя из медиативного, восстановительного подхода, который кажется нам более эффективным, чем концепция наказания;
- конфиденциальность (кроме случаев, напрямую угрожающих жизни и здоровью подопечного и/или окружающих);
- профессионализм. Менторы обязаны регулярно посещать супервизию и интервизию, повышать свою квалификацию.

Настоящий проект “Доказательное исследование эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков, применяемых в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних” реализуется на базе 4 СУВУ из разных регионов РФ, и стал результатом совместной работы Министерства Просвещения РФ (Госзадание Минпросвещения № 073-00037-24-01 от 09.02.2024 г. на 2024 г.), МГППУ и Федерации психологов образования России.

Литература

1. Горина А.Л., Луньков Д.Р., Сергеева Е.С., Трусович Н.В. Опыт реализации авторской концепции направления «Менторинг: индивидуальное личностно-профессиональное сопровождение подростков группы риска», осуществляемого в рамках проекта «Экосистема детства» [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 4. С. 78–87. doi: 10.17759/bppe.2021180408.
2. Профилактика и коррекция девиантного (аддиктивного, противоправного) поведения несовершеннолетних: проблемы, методы, технологии / авторы-составители: Н.Л. Хананашвили, Р.В. Чиркина. М., 2016. 80 с.
3. Семья Г.В., Иванников В.А., Чиркина Р.В. К вопросу обоснования системной модели профилактики социальных рисков в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 3. С. 7–9. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2021/n3/from_editor.shtml (дата обращения: 10.10.2021).

Новые вызовы для воспитательных программ закрытых учебно-воспитательных учреждений Российской Федерации

Куливар И.С., Бойкин И.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Исследования, проведенные российскими учеными среди подростков, находящихся в закрытых учреждениях системы образования ФСИН России (ВК, СУВУ), выявили неожиданные результаты. Работа ученых фокусировалась на взаимосвязи между физической и социальной остракизацией, субъективным опытом отвержения, мотивами аффилиации (стремления к общению и принадлежности) и смысложизненными ориентациями подростков. Ожидалось, что подростки, по факту исключенные из привычного социума и пребывающие в условиях депривации, будут демонстрировать более высокие показатели субъективного ощущения одиночества, отвержения и исключенности. Однако полученные данные опровергли эту гипотезу. Выяснилось, что несовершеннолетние, подверженные значительной социальной и физической субъективно ощущали себя менее отвергнутыми и игнорируемыми, чем их сверстники, находящиеся в более благоприятных условиях и имеющие широкие социальные контакты за пределами учреждения. (Бойкина Е.Э. и др., 2023).

Полученный результат бросает вызов традиционным представлениям о связи между объективной социальной изоляцией и субъективным опытом одиночества. Возможные объяснения этого парадокса требуют более глубокого изучения. Одним из возможных объяснений может быть формирование специфической внутригрупповой динамики в условиях ограниченного социального окружения. В закрытых учреждениях подростки вынуждены взаимодействовать в тесном пространстве с ограниченным кругом сверстников, что, как правило, приводит к созданию более сплоченных, хотя и замкнутых, социальных групп, в рамках которых уровень принятия и взаимопомощи может быть выше, чем в более крупных и разрозненных коллективах. Другое возможное объяснение связано с адаптационными механизмами: длительное пребывание в условиях изоляции может привести к снижению чувствительности к социальному отвержению и развитию более стойкого отношения к одиночеству. Кроме того, результаты могут быть связаны с особенностями методики исследования.

Полученные результаты подчеркивают необходимость критического переосмысления традиционных представлений о связи между объективной и субъективной социальной изоляцией и подчеркивают важность разработки индивидуализированных подходов к работе с данной категорией подростков. Кроме этого результаты исследования вводят новую проблематику для сотрудников закрытых учреждений: к каким новым условиям жизни необходимо готовить их воспитанников, какими новыми характеристиками должен обладать воспитанник такого учреждения, если принять объяснительную гипотезу авторов указанного выше исследования о серьезной аномии современных подростков и молодежи.

Наша гипотеза предполагает, что, во-первых, необходимо провести комплексное исследование в системе «жизненной позиции» воспитанников закрытых учреждений с целью построения детального «портрета» выборки, а во-вторых, в ходе формирующего эксперимента получить достоверные данные об эффективности воспитательных технологий, реализуемых в ВК, СУВУ (восстановительные практики, медиативные технологии, менторинг, РКТ и др.) (Путинцева Н.В., Власова Н.В., 2021). Дальнейшие исследования будут направлены на эмпирическую проверку данной гипотезы и разработку рекомендаций по внедрению рассматриваемых технологий в практику работы закрытых образовательных учреждений для несовершеннолетних Российской Федерации.

Литература

1. Бойкина Е.Э., Радчиков А.С., Романова Н.М., Пярых Г.А., Киселев К.А. Подросток в закрытых учреждениях системы образования и ФСИН России: субъективная остракизация, одиночество, мотивы аффилиации и смысложизненные ориентации [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2023. Том 20. № 4. С. 106–118. doi:10.17759/bpre.2023200410
2. Путинцева Н.В., Власова Н.В. Восстановительная программа «Круг сообщества» в профилактике девиантного поведения подростков в условиях ЦССВ [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 3. С. 10–17. doi:10.17759/bpre.2021180301

Нетрудные дети: участие членов психолого-педагогических консилиумов образовательных организаций в региональном проекте Уполномоченного по правам ребёнка в Челябинской области на базе Подросткового центра «РОСТ» Миасского городского округа

Майорова Е.В.

Уполномоченный по правам ребёнка в Челябинской области университет»

(г. Челябинск, Россия)

Жукова Г.Н.

МКУ Миасского городского округа «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи»

(г. Миасс, Россия)

Проблема распространения деструктивного поведения в детско-юношеской среде не утрачивает своей актуальности. Очевидна потребность в разработке действенных профилактических мер, в помощи специалистам в сфере предупреждения деструктивного поведения детей и молодежи. В связи с этим, работникам образовательных организаций необходимо обладать высоким уровнем

девиантологической компетентности, навыками проектирования и реализации профилактических программ. С целью оказания методической помощи специалистам общеобразовательной организации, а именно членам психолого-педагогического консилиума организации в разработке программы профилактики, в Миасском городском округе с 2021 года МКУ МГО "ЦППМСП" реализуется практика "Деятельность психолого-педагогического консилиума общеобразовательной организации в профилактике правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних".

Деятельность ППк общеобразовательной организации в профилактике правонарушений и безнадзорности организуется и реализуется посредством внеплановых заседаний ППк, где инициатором заседания может стать учитель/классный руководитель, родитель (законный представитель) или направленное в образовательную организацию постановление/решение органов системы профилактики муниципального уровня. При повторном заседании ППк анализируются результаты выполненных рекомендаций, результаты диагностического периода, эффективность принятых мер, а также принимается решение о привлечении в работу ППк специалистов системы профилактики межведомственного взаимодействия. К субъектам профилактики деструктивного поведения детей относят: самих детей, семью, образовательные организации, органы управления образованием, учреждения из сферы культуры, физической культуры и спорта, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, аппараты уполномоченных по правам ребенка и др.

Так, в 2022г. Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка М.А.Львовой-Беловой была инициирована Стратегическая программа «Подростки России», которая направлена на поддержку и защиту подростков, создание для них позитивных возможностей самореализации, альтернативных девиантному, противоправному и деструктивному поведению. В 2023 году при инициировании и поддержке Уполномоченного по правам ребёнка в Челябинской области Е.В.Майоровой на территории Миасского городского округа был открыт Подростковый центр «РОСТ» на базе МКУ Миасского городского округа «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи».

С 2024 года Подростковый центр «РОСТ» Миасского городского округа стал площадкой реализации регионального проекта Уполномоченного по правам ребёнка в Челябинской области Е.В.Майоровой «Социальный театр для НЕтрудных детей». Членами команды по реализации проекта, в том числе стали педагоги-психологи образовательных организаций, являющимися членами психолого-педагогических консилиумов организаций, чьи дети являются участниками проекта.

Таким образом, коллаборация аппарата Уполномоченного по правам ребёнка в Челябинской области и членов психолого-педагогических консилиумов образовательных организаций, участников проекта «Социальный театр для НЕтрудных детей» на территории Подросткового центра «РОСТ» Миасского городского округа содействуют эффективности профилактических мер в отношении

несовершеннолетних, состоящих на различных видах учёта, усиливая профилактику социальных рисков, а именно профилактику неуспешности не только в достижении образовательных результатов, но и в профилактике развития успешной личности.

Характеристика социальных рисков в новых субъектах Российской Федерации

Малыхина Т.П., Малыхина О.А.

ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет»

(г. Бердянск, Россия)

В условиях интеграции новых субъектов Российской Федерации, вопрос о необходимости формирования психологически безопасной среды является особенно важным. Активное влияние внешних агентов не давало возможности Украине самостоятельно действовать в собственных интересах и привело к ряду антинародных реформ, что не могло не повлиять на безопасность психологической среды молодёжного сообщества. Период с 2014 года по 2022 год характеризовался крайне агрессивной политикой Украины по отношению к Российской Федерации, что и привело к трудностям интеграции населения новых регионов, и, в частности, подрастающего поколения в социальное пространство Российской Федерации.

Социальная ситуация, связанная со специальной военной операцией, повлекла за собой кризисные и экстремальные проявления у населения новых субъектов Российской Федерации. Период после начала специальной военной операции большая часть населения восприняло как чрезвычайную ситуацию – ситуацию, характеризующуюся сверхсильным внешним воздействием, которая, в свою очередь, породила кризисные и экстремальные ситуации для каждого, как его внутренние состояния. Население новых субъектов РФ в какой-то период оказалось в ситуации растерянности и неопределенности, что определило для них эту ситуацию как проблемную. В отличие от экстремальных и кризисных трудные или проблемные ситуации характеризуются признаком «предельности» индивидуальных возможностей переживания. Вызванные внешними причинами трудные и проблемные ситуации, так же как экстремальные и кризисные, прежде всего, сопряжены с особым внутренним состоянием человека, хотя эти состояния объединяет опасность психической травматизации, что особенно опасно в подростковом и юношеском возрасте.

Психическая травма – это событие, выходящее за пределы нормального человеческого опыта, которое воспринимается человеком как угроза его существованию, нарушает его нормальную жизнедеятельность, становится для него потрясением, переживанием особого рода, вызывает страх, ужас, беспомощность (Михеева А.В., 2009; Черепанова Е.М., 1997). Основу травмы составляют единичный «сверхстрессогенный» опыт или длительная стрессовая ситуация, такая как проводимая на территории Украины с 2014 года антитеррористическая операция или

внезапно начавшаяся специальная военная операция с 2022 года, что не могло не отразиться на подрастающем поколении, которое воспитывалось в ненависти к братскому народу.

В период с февраля 2022 года по декабрь 2023 года, в новых субъектах Российской Федерации активно велись террористические акции именно лицами не достигших 18 лет, что было обусловлено большим влиянием на их неокрепшую психику, поскольку именно эта возрастная категория подвержена большему влиянию со стороны через мессенджеры, игры, а также внутреннюю позицию семьи.

Литература

1. Михеева А.В. Психическая травма в определениях и понятиях современных ученых // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2009. №2. С. 142 – 148.
2. Черепанова Е. М. Психологический стресс: Помоги себе и ребенку. Книга для школьных психологов, родителей и учителей. 2-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 1997. 96 с.

Родительские установки в профилактике социальных рисков детства

Маштакова С.В., Рынгач Е.В.

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»
(г. Мариуполь, Россия)

Родительские установки исследовали А. Бандура, А.Е. Личко, Э. Эриксон, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Бойко, А.С. Спиваковская. Природу психологических установок изучали З. Фрейд, Д.Н. Узнадзе, Э. Берн и др. Социальные риски детства исследовали И.Ф. Дементьева, Д.И. Фельденштейн, О.А. Карбанова и др. Социальными рисками детства (локальными, региональными, глобальными) являются неблагоприятные социальные процессы, негативно влияющие на развитие детей.

В данном случае мы рассматриваем возможное влияние негативных родительских установок на социальные риски детства в контексте глобальных событий (военных событий — региональных и локальных). Территория новых регионов, где недавно происходили вооруженные конфликты, наполнена боеприпасами и снарядами (потенциальной угрозой здоровью, жизни). Одни дети обходят места, где могут быть риски, а другие – исследуют подобные территории и взрывоопасные предметы (ВОП). Возникает вопрос: какие родительские установки, заложенные в детей, ими движут? И по каким причинам дети подвергают риску свое здоровье, жизнь? Примечательно, что юридическая сторона вопроса тут не значима и уступает психологической.

Мы составили список родительских установок, основанный на работе Э. Берна о 12 популярных посланиях родителей (Берн Э., 1992; Берн Э., 2002). Примерами

социальных рисков детства могут быть родительские установки в контексте рассмотрения их через призму склонности к ситуациям неосторожного обращения с найденным ВОП:

- не живи (не существуй): активная заинтересованность в поиске и исследованию опасных территорий, боеприпасов и прочих угроз для жизни;
- не будь собой: стремление родителей переделать ребенка может вызвать сопротивление, привести в опасную ситуацию с риском жизни, здоровью;
- не будь взрослым: высокий уровень активной заинтересованности в поиске и исследованию опасных территорий, боеприпасов и прочих угроз для жизни и здоровья (которые могут остановить процесс взросления ребенка);
- не будь ребенком: высокий уровень активной заинтересованности в поиске и исследованию опасных территорий, боеприпасов и прочих угроз для жизни (получение увечий, инвалидности и «прощание с детством», переход во взрослую жизнь, как можно раньше);
- не думай (не принимай решения): протесты, стремление самоутвердиться через попадание в опасные жизни ситуации;
- не чувствуй: недоверие себе и своим чувствам, что может стать причиной попадания в опасную ситуацию;
- не будь значимым: ребенок чувствует, что его желания не важны родителям, что может привести к желанию доказать «вам нельзя трогать боеприпасы, а мне – можно»;
- не достигай: если у ребенка есть интерес к опасностям, риску, то адреналиновая зависимость приводит к неуклюжести в опасный момент, приводя к непоправимым последствиям;
- не принадлежи: когда отрицается род отца или род матери ребенка, то может появиться стремление физически избавиться от части себя (потеря конечностей вследствие попадания в рискованную ситуацию);
- не будь здоровым: средний уровень заинтересованности в поиске и исследованию опасных территорий, боеприпасов и прочих угроз для жизни;
- не делай: сопротивление тому, что ребенка «тормозят» в развитии, может привести к интересу к опасным для жизни и здоровья ситуациям;
- не будь близким: если я не нужен маме, то я один в этом мире – высок риск попасть под деструктивное влияние и опасную ситуацию.

Исследование родительских установок и их влияния на профилактику социальных рисков детства создает предпосылки для снижения уровня безнадзорности, правонарушений среди несовершеннолетних и ситуаций неосторожного обращения с найденным ВОП. Необходимо продолжать изучение данного вопроса, но уже в прикладном аспекте.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди и люди, которые играют в игры. Екатеринбург: ЛИТУР, 2002. 576 с.

2. Берн Э. Трансактный анализ и психотерапия. СПб.: Братство, 1994. 224 с.

Редакторские практики в условиях заключения: журнал *Desatadas*

Рубин М.Х.

Университет Буэнос-Айреса, факультет философии и литературы

(г. Буэнос-Айрес, Аргентина)

Переводчик – Воронкова А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Представляем шестилетний опыт издания журнала "*Desatadas. Lanzate a volar*" в Университетском центре, расположенном на территории пенитенциарного комплекса Эзейза IV, где проходит программа UBAXXII «Высшее образование в тюрьмах» Университета Буэнос-Айреса (UBA). С 2019 года в проект Групповой издательской мастерской создание этого журнала входит как дополнительный предмет в рамках Программы преподавания в тюрьмах (PEC) факультета философии и литературы UBA (Delfino, S. and Parchuc, J. P., 2017).

В этом контексте мастерская - пространство открытого доступа для сообщества женщин, проживающих в этом учебном заведении, которые, таким образом, могут получить доступ к университетскому центру без необходимости проходить курс обучения. Этот и другие семинары служат мотивацией к получению высшего образования для людей с различными образовательными траекториями, зачастую незавершенными (Bustelo C., 2017).

В течение 4 месяцев готовится к изданию один журнал *Desatadas*. *Есть* редакционный коллектив: то есть решения о концептуализации и графическом дизайне издания принимаются совместно, через социализацию идей и диалог между студентами в пространстве мастерской. Студенты и близкие им люди, которых они приглашают или приглашали к участию, сами определяют содержание, принимая на себя роль авторов и беря ключевые задачи по координации редакционной работы. Мы, преподаватели, выпускники факультетов литературы, издательского дела и графического дизайна, сопровождаем и направляем эту работу, применяя наши профессиональные знания и используя роль педагогов для обмена знаниями (Gaudio, A. et al., 2013).

За годы работы мастерской мы выпустили четыре номера журнала. В настоящее время мы работаем над подготовкой и изданием пятого номера. За это время мы наблюдали изменения в составе редколлегии, столкнулись с новыми вызовами. Одним из главных преобразований последнего времени стал доступ в мастерскую большего числа студентов, который начал реализовываться в 2022 году. Это достижение, над которым мы работали вместе со студентами-бакалаврами,

координирующими работу университетского центра в тюрьме, подразумевало переосмысление нашей работы.

В журналах можно увидеть, как начиная с четвертого номера, вышедшего в декабре 2023 года, на обложку была добавлена надпись «новое поколение» - решение, принятое авторами и редакторами, которые хотели наглядно показать трансформацию по сравнению с первыми тремя номерами. В первых трех номерах больше представлены литературные, публицистические и художественные жанры (Бахтин, М., 2012), такие как рассказ, поэзия, публицистика, хроника, рисунок и живопись. Это результаты аудиторной работы в расслабленной, приятной, но в то же время относительно упорядоченной атмосфере класса вместе со студентами бакалавриата, имеющими опыт работы в университетской аудитории.

В 2023 году преобразования, начатые в 2022 году, наложили свой отпечаток на журнал: мастерская стала больше пространством для встреч, отдыха и развлечений, в котором параллельно создается журнал. Как педагогам, нам приходится внимательнее прислушиваться к разговорам, которые ведутся параллельно или в стороне, чтобы направлять учебную практику, производство и дизайн журнала. Начиная с четвертого номера, текстовые жанры стали больше выглядеть как короткие предложения, фрагменты песенных текстов, любовные письма к близким и родным, а также письма с выражением привязанности и поддержки друзьям по мастерской. Это выглядело уже как множество коротких текстов, которые требовали особых концептуальных и дизайнерских усилий, поскольку из них невозможно было сделать журнал, который мы издавали до этого. Мы выбрали журнал «для нового поколения» *Desatadas*, который несет черты интимного дневника или коллективной записной книжки, где почерк, краткая запись и голографическая подпись занимают центральное место.

Литература

1. Bajtin, M. *Estética de la creación verbal*. M.: Siglo Veintiuno Editores, 2012.
2. Bustelo, C. *Experiencias de formación en contextos de encierro. Un abordaje político pedagógico desde la perspectiva narrativa y (auto) biográfica*. M.: Tesis de doctorado. Facultad de Filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires, 2017.
3. Delfino, S. y Parchuc, J. P. *Experiencias pedagógicas en contextos de encierro*. En A. Gerbaudo, & I. Tosti (Eds.), *Nano-intervenciones con la literatura y otras formas del arte*. M.: Facultad de Humanidades y Ciencias, Universidad Nacional del Litoral, 2017.
4. Gaudio, A., Gude, F., Manoukian, T., Pujol, A., & Schmied, A. *Lógicas horizontales en el encierro. El Taller Colectivo de Edición*. M.: Seminario Taller sobre Educación Universitaria en Cárceles. De las buenas intenciones a las buenas prácticas. Facultad de Derecho, Universidad de Buenos Aires, 2013.

Prácticas editoriales en contextos de encierro: la revista *Desatadas*

Rubin, M. J.

Universidad de Buenos Aires, Facultad de Filosofía y Letras
(Buenos Aires, Argentina)

Este trabajo propone considerar una experiencia de seis años que continúa hasta la fecha: la edición de la revista *Desatadas. Lanzate a volar* en el Centro Universitario Ezeiza, ubicado dentro del Complejo Penitenciario Ezeiza IV, pero dependiente del programa UBAXXII de Educación Superior en Cárceles de la Universidad de Buenos Aires (UBA). La revista se edita desde 2019 en el Taller Colectivo de Edición, un curso extracurricular que se dicta en el marco del Programa de Extensión en Cárceles (PEC) de la Facultad de Filosofía y Letras de la UBA (Delfino, S. y Parchuc, J. P., 2017).

En este contexto, el taller se ofrece como un espacio de acceso abierto a la comunidad de mujeres en la institución, que pueden acceder así al centro universitario sin necesidad de estar cursando una carrera de grado. Este y otros talleres operan así como puerta de acceso a un espacio de estudios superiores para personas con diversas trayectorias educativas, muchas veces incompletas (Bustelo C., 2017).

La propuesta del taller es editar durante un cuatrimestre un número de la revista *Desatadas* constituyendo un colectivo editor: es decir que las decisiones en torno a la conceptualización y el diseño gráfico de la publicación se toman de manera conjunta, mediante la socialización de ideas y el debate de las estudiantes en el espacio del taller. Los contenidos son producidos por las estudiantes y también por personas allegadas, a las que ellas invitan o convocan a participar, asumiendo el rol de autoras pero también tomando a su cargo tareas clave de la coordinación editorial. Las docentes, graduadas de Letras, Edición o Diseño Gráfico, acompañamos y guiamos la tarea desde nuestro conocimiento técnico y profesional, y desde nuestro rol de educadoras que habilitamos un espacio de toma de la palabra y de intercambio de saberes (Gaudio, A. et al., 2013).

Durante los años que hemos llevado adelante el taller en este espacio, hemos editado cuatro números de la revista. Actualmente nos encontramos trabajando en la producción y edición del quinto número. En este tiempo, hemos observado cambios en la composición del taller que supusieron nuevos desafíos para la práctica editorial que desarrollamos las docentes como profesionales y educadoras. Una de las principales transformaciones recientemente fue el acceso al taller de un mayor número de estudiantes extracurriculares, que comenzó a materializarse en 2022. Esto, que fue un logro por el que trabajamos junto con las estudiantes de carreras de grado que coordinan el centro universitario, también implicó repensar nuestro trabajo en el aula del taller.

En las revistas puede observarse cómo, a partir del cuarto número, publicado en diciembre de 2023, se incorpora a la tapa la leyenda “la nueva generación”, una decisión tomada por las autoras y editoras que quisieron plasmar con claridad una transformación respecto de los primeros tres números. En aquellas tres primeras ediciones puede observarse una mayor representación de géneros discursivos (Bajtín, M., 2012) literarios, periodísticos y artísticos, como cuentos, poesía, notas de opinión, crónicas, dibujo y pintura. Estos

resultados del trabajo en el aula tenían como correlato un espacio de taller distendido y agradable, pero también relativamente ordenado, habitado por estudiantes de carreras de grado con experiencia en el género de la clase universitaria.

En 2023, la transformación iniciada en 2022 dejó su huella en la revista: el aula del taller acentuó sus características como un espacio de encuentro, un momento de ocio y diversión que convive con la producción de la revista. Como educadoras, esto nos reclama un mayor trabajo de escucha de las conversaciones que ocurren en paralelo o de manera dispersa, para orientar la práctica en el aula, pero también para acompañar la producción y el diseño de la revista. A partir del cuarto número, los géneros textuales mutaron a una mayor presencia de frases breves, fragmentos de letras de canciones, cartas de amor a compañeros afectivos y familiares, de cariño y apoyo a compañeras y amigas del taller. En términos materiales, esta producción se nos presentó como un gran número de pequeños textos que requirió un esfuerzo conceptual y de diseño particular, ya que no era posible formular a partir de estos textos el mismo tipo de revista que habíamos editado hasta el año anterior. Consensuamos entonces una revista de la nueva generación de *Desatadas* que recupera rasgos de un diario íntimo o de un cuaderno de notas colectivo, donde la letra manuscrita, la nota breve y la firma ológrafa ganaron protagonismo.

Литература

1. Bajtin, M. Estética de la creación verbal. M.: Siglo Veintiuno Editores, 2012.
2. Bustelo, C. Experiencias de formación en contextos de encierro. Un abordaje político pedagógico desde la perspectiva narrativa y (auto) biográfica. M.: Tesis de doctorado. Facultad de Filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires, 2017.
3. Delfino, S. y Parchuc, J. P. Experiencias pedagógicas en contextos de encierro. En A. Gerbaudo, & I. Tosti (Eds.), Nano-intervenciones con la literatura y otras formas del arte. M.: Facultad de Humanidades y Ciencias, Universidad Nacional del Litoral, 2017.
4. Gaudio, A., Gude, F., Manoukian, T., Pujol, A., & Schmied, A. Lógicas horizontales en el encierro. El Taller Colectivo de Edición. M.: Seminario Taller sobre Educación Universitaria en Cárceles. De las buenas intenciones a las buenas prácticas. Facultad de Derecho, Universidad de Buenos Aires, 2013.

Практика создания образов/фотографий на занятиях в местах лишения свободы

Ана Лаура Камарда

Университет Буэнос-Айреса, УБА, Аргентина

Переводчик – Воронкова А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»
(г. Москва, Россия)

Представляем проект по созданию фотографий в условиях заключения. Всем известно, что пользоваться фотокамерами в местах лишения свободы запрещено. В результате чего общество не знает, что на самом деле происходит в тюрьмах, и, как второе следствие, люди считают, что существующие мифы о тюрьмах говорят правду.

В нашем проекте предусмотрено исследование фотографий, которые действительно производятся в тюрьмах, а также рассматривается влияние на них условий, в которых они снимаются. Есть две большие группы: фотографии, сделанные профессиональными фотографами с использованием специального оборудования, и те, что сделаны на мастер-классах заключенными с помощью самодельных фотоаппаратов-стенопов.

Этот проект и это исследование проводятся в рамках Программы преподавания в тюрьме факультета философии и литературы Университета Буэнос-Айреса. Наша программа считает, что сочетание преподавания в аудитории, за стенами университета и исследований - это способ, с помощью которого университет создает знания, отвечающие потребностям общества. Именно благодаря сочетанию этих трех элементов все, кто вовлечен в эту практику, создают знания на коллективной основе.

В рамках программы проводится множество мероприятий, фото-мастер-класс — одно из них. Мы объединяем концепции, характерные для фотографии, с контекстом, динамикой и последствиями тюремного заключения. Время - мера наказания в тюрьме. Время также является важнейшим понятием в фотографии, и оно еще более важно в стеноп-фотографии, потому что для того, чтобы сделать такой снимок, нужно много времени (длинная выдержка). Время — что-то тяжелое, когда вы думаете о сроке в тюрьме, но оно может стать легче, когда вы начинаете думать о нем как об инструменте для создания изображения.

То же происходит с правом принимать решения, которое отнимается при попадании в тюрьму: вам вдруг говорят, что носить, когда или что есть, когда принимать душ. Это право возвращается к человеку, когда он создает фотографию-обскуру, потому что ему нужно тщательно выбрать ракурс, чтобы создать картину, которую он задумал.

Исследования позволяют нам задуматься о том, как новая динамика, привносимая творческими процессами, может изменить восприятие себя в тюрьме, поскольку эта динамика идет вразрез с той, которую навязывает тюремная система.

Литература

1. Berger, John. Usos de la fotografía. En Mirar. Buenos Aires: De la flor, 1998.
2. Butler, Judith. Marcos de guerra. Las vidas lloradas. Buenos Aires: Paidós, 2010.
3. Caimari, Lila. Apenas un delincuente. Crimen, castigo y cultura en la Argentina, 1880-1955. Buenos Aires: Siglo XXI, 2012.
4. González, César. El fetichismo de la marginalidad. Lomas de Zamora: Sudestada, 2021.
5. Parchuc, Juan Pablo Prison writing. Creating Literature and Community Organization. En Joe Lockard y Sherry Rankins-Robertson, Prison pedagogies.

- Learning and teaching with imprisoned writers. Syracuse: Syracuse University Press, 2018.
6. Rodríguez, Alejandra. El mismo pedacito de cielo. En Yo soy Año 2, N° 2, 2015, pp. 18 y 21.
 7. Sontag, Susan. Ante el dolor de los demás. Penguin: edición en formato digital, 2011.
 8. Tinta revuelta. Cuando el tiempo de espera cambia las formas. En Yo soy Año 2, N° 2, 2015, pp. 18-25.
 9. Toranzo, Pablo. Tras la cuarta reja. Fotografías desde adentro de los muros. X Seminario Internacional Políticas de la Memoria. Centro cultural de la memoria Haroldo Conti. Disponible en: http://conti.derhuman.jus.gov.ar/2018/01/seminario/mesa_17/toranzo_mesa_17.pdf. Último acceso: 13/01/2021, 17:14.
 10. Cabrera, Liliana. Iluminaciones. Buenos Aires: Yo no fui. Cabrera, Liliana; Celeste Moyano, Ana Fernández. Compilado por Alejandra Marín y Constanza Cantero, coordinado por María Medrano, con prólogo de Eduardo Jozami y María Medrano. Iluminaciones. Fotografía en la cárcel de mujeres (Catálogo CC Haroldo Conti), 2015.
 11. Rancho Aparte. Cajas rebeladas. Buenos Aires: Rancho aparte, 2016.
 12. Taller Luz en la piel. Luz en la piel. CABA: La luminosa, 2012.

Reflexiones en torno a la toma y producción de fotografías en contextos de encierro punitivo

Ana Laura Camarda

University of Buenos Aires, UBA, Argentina
(Buenos Aires, Argentina)

A lo largo de esta presentación me propongo conversar sobre la producción de fotografías en contextos de encierro. Uno de mis principales puntos de investigación es que, dado que las cámaras fotográficas están prohibidas en las cárceles, una de las principales consecuencias de esa prohibición es que la sociedad suele ignorar lo que realmente sucede adentro de las prisiones y, por dicha razón, la gente suele creer que lo que las ficciones sobre cárceles muestran es la realidad.

Entre las ideas que me propongo comentar se encuentran los efectos de las fotografías producidas dentro de las cárceles y también sus condiciones de producción. Podemos mencionar dos grupos: aquellas tomadas por fotógrafos profesionales, con equipo fotográfico y aquellas producidas en talleres con cámaras estenopeicas fabricadas por personas privadas de la libertad.

La perspectiva desde la cual desarrollo estos análisis es la que desarrolla el Programa de Extensión en Cárceres de la Facultad de Filosofía y Letras de la Universidad de Buenos Aires. Nuestro programa cree que combinando la docencia, la extensión y la investigación es el modo a través del cual la Universidad construye conocimiento que responde a las

necesidades de la sociedad. Es mediante la combinación de estos tres elementos que quienes estamos involucrados en todas estas actividades construimos conocimiento colectivamente.

Si bien son múltiples las actividades que el programa desarrolla, en esta presentación compartiré mis investigaciones en torno a la fotografía producida en cárceles. Para estos desarrollos combino conceptos propios de la teoría fotográfica en diálogo con las investigaciones en torno a las dinámicas y los efectos de la prisión:

A modo de graficar brevemente el propósito de esta presentación haré un comentario sobre uno de estos conceptos: el tiempo es la medida de las condenas en la cárcel. Pero también es una variable fundamental en la fotografía y aún más en la fotografía estenopeica porque requiere mucho tiempo de exposición.

Así, mientras en términos de castigo se lo puede vivenciar como algo muy pesado, puede resignificar cuando se lo piensa como una herramienta para la creación de una imagen-

De un modo similar, la posibilidad de tomar decisiones es algo que la cárcel arrebató a las personas privadas de la libertad, cuando, al ingresar, te indican cuándo y cómo vestirse, comer, dormir, etc. Esta posibilidad de tomar decisiones, las personas privadas de la libertad la recuperan al producir fotografías estenopeicas porque es una técnica que exige la toma de muchas decisiones de forma cuidadosa para lograr la imagen que se tiene en mente. La investigación nos permite reflexionar en torno a cómo nuevas dinámicas, aquellas que aportan los procesos creativos, por ejemplo, pueden cambiar el modo en que las personas privadas de la libertad se perciben a sí mismas en prisión porque son dinámicas que desafían aquellas que impone todo el tiempo el sistema carcelario.

Литература

1. Berger, John. Usos de la fotografía. En Mirar. Buenos Aires: De la flor, 1998.
2. Butler, Judith. Marcos de guerra. Las vidas lloradas. Buenos Aires: Paidós, 2010.
3. Caimari, Lila. Apenas un delincuente. Crimen, castigo y cultura en la Argentina, 1880-1955. Buenos Aires: Siglo XXI, 2012.
4. González, César. El fetichismo de la marginalidad. Lomas de Zamora: Sudestada, 2021.
5. Parchuc, Juan Pablo. Prison writing. Creating Literature and Community Organization. En Joe Lockard y Sherry Rankins-Robertson, Prison pedagogies. Learning and teaching with imprisoned writers. Syracuse: Syracuse University Press, 2018.
6. Rodríguez, Alejandra. El mismo pedacito de cielo. En Yo soy Año 2, N° 2, 2015, pp. 18 y 21.
7. Sontag, Susan. Ante el dolor de los demás. Penguin: edición en formato digital, 2011.
8. Tinta revuelta. Cuando el tiempo de espera cambia las formas. En Yo soy Año 2, N° 2, 2015, pp. 18-25.
9. Toranzo, Pablo. Tras la cuarta reja. Fotografías desde adentro de los muros. X Seminario Internacional Políticas de la Memoria. Centro cultural de la memoria Haroldo Conti. Disponible en:

http://conti.derhuman.jus.gov.ar/2018/01/seminario/mesa_17/toranzo_mesa_17.pdf.
Último acceso: 13/01/2021, 17:14.

10. Cabrera, Liliana. Iluminaciones. Buenos Aires: Yo no fui. Cabrera, Liliana; Celeste Moyano, Ana Fernández. Compilado por Alejandra Marín y Constanza Cantero, coordinado por María Medrano, con prólogo de Eduardo Jozami y María Medrano. Iluminaciones. Fotografía en la cárcel de mujeres (Catálogo CC Haroldo Conti), 2015.
11. Rancho Aparte. Cajas rebeladas. Buenos Aires: Rancho aparte, 2016.
12. Taller Luz en la piel. Luz en la piel. CABA: La luminosa, 2012.

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Отношение сотрудников школ к использованию в работе восстановительных практик

Афанасьев Е.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Восстановительный подход к разрешению конфликтов и трудных жизненных ситуаций, возникнув во второй половине XX века в качестве ответа на кризисные явления в системе правосудия ряда государств, последние десятилетия находит всё большее применение в деятельности образовательных организаций.

Как правило, применение восстановительного подхода в школах заключается в создании условий для заглаживания вреда, стремлении понять, что произошло, кто пострадал и как, что необходимо для исправления ситуации и что необходимо сделать, чтобы снизить риск дальнейшего причинения вреда.

Восстановительные практики могут быть более или менее формальными, например, восстановительные конференции или восстановительные (примирительные) встречи, а также могут быть включены в повседневную школьную жизнь в качестве способов коммуникации, в том числе на классных часах, различных советах и общешкольных мероприятиях.

В исследовании (Bevington, 2015) изучался опыт, восприятия и мнения участников образовательного процесса о применении восстановительных практик в школе. В исследовании участвовали шестеро сотрудников начальной школы в центральном районе Лондона. Основной метод исследования – интервью.

Полученные данные указывают на наличие конгруэнтности (соответствия):

1. Конгруэнтность ценностей.

Ценности, которые были сформулированы как ценности школы (например, честность, доверие, ответственность и справедливость), считались воплощенными в восстановительных методах работы.

2. Конгруэнтность практики.

Сотрудникам доверяли осознанно рисковать в работе, а они, в свою очередь, позволяли детям рисковать в процессе обучения.

3. Конгруэнтность результатов.

Точно так же, как восстановительные беседы научили детей быть более рефлексивными в отношении своего поведения, это сделало персонал более вдумчивым и рефлексивным в отношении того, как они взаимодействуют с детьми.

Исследование (Hussain et al, 2022) было посвящено определению связи между восстановительными практиками и школьным климатом с точки зрения сотрудников школ. В качестве гипотезы было предложено утверждение, что существует

статистическая связь между отношением преподавателей к использованию восстановительных практик и психологическим климатом в средних школах Кот-Диджи, Синд, Пакистан.

В результате исследования подтвердилась гипотеза о том, что существует положительная корреляция между применением восстановительных практик и школьным климатом. Кроме того, из ответов респондентов выяснилось, что:

- 1) применение восстановительных практик улучшает школьную среду и отношения между учениками, учителями, персоналом и администрацией;
- 2) позитивная дисциплина эффективнее карательной;
- 3) позитивные подходы к дисциплине помогают учащимся в достижении образовательных целей.

Измеренные переменные в пяти выбранных школах показали положительную корреляцию между применением восстановительных практик и школьным психологическим климатом.

Применение восстановительных практик позволяет сформировать позитивные отношения и создать более эффективную среду обучения. В то же время, остаётся актуальным вопрос о том, чем обусловлены ограничения в использовании восстановительных практик – особенностями конкретной школы или границами применимости восстановительных практик в школах как сложных системах?

Литература

1. Terence J. Bevington. Appreciative evaluation of restorative approaches in schools, Pastoral Care in Education [Электронный ресурс] // An International Journal of Personal, Social and Emotional Development. 2015. Vol 33. N 2. P. 105–115. doi: 10.1080/02643944.2015.1046475
2. Hussain S., Channa W.M., Mukhtar A.A. A Correlational Study Examining the Relationship between Restorative Practices and School Climate in Secondary Schools of Kotdiji [Электронный ресурс] // Sukkur IBA Journal of Educational Sciences and Technologies. 2022. Vol. 1(2). P. 25–34. doi: 10.30537/sjest.v1i2.1028

Рефлексия восстановительного практика: исследовательские вопросы и актуальные темы исследований

Белоногова Е.В.

Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности»

(г. Кемерово, Россия)

Восстановительное правосудие (ВП) и восстановительные практики (ВП-практики) в России за последние 25 лет получили распространение в работе с широким спектром ситуаций, где нарушена нормальная коммуникация между участниками: межличностные конфликты, конфликт несовершеннолетнего с законом

и/или социальным окружением, сложные ситуации в школе и семье, ресоциализация возвращающихся из СУВУ несовершеннолетних или женщин из мест лишения свободы, развод родителей несовершеннолетних детей и др.

Анализ реального опыта реализации программ восстановительного правосудия (ВП-программ) в РФ в отношении ситуаций несовершеннолетних вызывает много вопросов различного характера. Рефлексия данного опыта позволяет поставить проблемы, которые могут стать источником исследований. Представим результат нашей рефлексии в виде последовательного формулирования проблем и актуальных направлений исследований.

Проблема 1: путаница в понятиях, используемых профессиональными сообществами ВП-практиков. Направление исследования: анализ понятийного аппарата и концептуальных оснований ВП-практики в нормативных, методических документах в регионах, на федеральном уровне; сравнительный анализ смысла понятий ВП, употребляемых в разных дискурсах (юридический, конфликтологический, психологический и др.), используемых в источниках РФ и за рубежом.

Проблема 2: Значительное количество вариантов ВП-технологий и практик: схожих по смыслу и процедуре под разными названиями; различных под одним названием. Направление исследования: анализ и систематизация спектра технологий и практик, существующих алгоритмов организации и реализации ВП-работы в различных сферах по различным категориям ситуаций.

Проблема 3: не все применяемые ВП-технологии имеют статус доказательной практики. Направление исследования: исследование социальных и психологических эффектов, юридических последствий от реализации ВП-программ.

Проблема 4: нет понимания необходимых и достаточных организационно-управленческих условий для реализации ВП-программ по различным категориям ситуаций. Направление исследования: анализ управленческих моделей и организационных условий развития ВП-практики в территории, организации, а также рисков в системе управления ВП-практикой, препятствующих развитию и реализации ВП-программ в территории, организации.

Проблема 5: восстановительные медиаторы затрудняются в понимании границ медиабельности при работе со сложными случаями. Направление исследования: исследование условий, границ и рисков медиабельности различных категорий сложных случаев.

Проблема 6: нет понимания психологических механизмов, обеспечивающих эффекты от ВП-программ. Направление исследования: исследование динамики психологических показателей (эмоциональных, личностных, межличностных отношений) у участников и ведущих ВП-программ.

Проблема 7: широкий спектр техник из приёмов ВП-работы, в т.ч. заимствованных из различных практик: что лучше использовать? Направление исследования: исследование инструментов восстановительного медиатора и

выявление наиболее эффективных приёмов и техник для различных этапов процесса восстановительной медиации.

Проблема 8: Дефицит данных о психологических и социальных эффектах работы школьных и территориальных служб примирения. Направление исследования: исследование эффектов деятельности службы примирения: на психологический климат, социальное благополучие участников образовательного процесса; на характер отношений в семье несовершеннолетнего, показатели его социализации.

Реализация данных направлений исследований может иметь значительную прикладную ценность и поможет преодолеть существующие концептуальные и методологические противоречия и дефициты.

Восстановительные практики как инструмент преодоления негативных последствий социального ostrакизма

Бойкина Е.Э., Путинцева Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Антропологи утверждают, что ostrакизм (отвержение, игнорирование и/или исключение) в древнейшие времена был сопоставим с угрозой смерти. В качестве меры противодействия такой угрозе у человека в процессе эволюции развилась так называемая система «раннего оповещения»: мозг человека рефлекторно воспринимает сигнал (иногда и ложный) о наличии угрозы инклюзивному статусу человека в группе. Как следует из модели ostrакизма К.Д. Вильямса, в этот момент начинается стадия когнитивной оценки: действительно ли человека ostrакируют. В случае подтверждения человек реагирует на данный сигнал эмоционально (как правило, негативно), у жертвы фиксируется нарушение ряда фундаментальных потребностей (в самоуважении, принятии, контроле и смысле существования). Далее - этап реагирования. В случае, если опыт ostrакизма переживается человеком длительно, последствия для психики могут быть серьезными, что в итоге может привести к глубокой депрессии и антивитаальным реакциям. (см. по: Бойкина Е.Э., 2019)

В контексте антисоциального реагирования более интересны психологические практики и инструменты, которые эффективно «работают» с восстановлением уровня нарушенных потребностей в контроле и осмысленном существовании. В этой связи, опираясь на таргетированную работу с такими понятиями как «взятие на себя ответственности», «повышение личной значимости», в качестве эффективного метода преодоления негативных эффектов социального ostrакизма и как метод профилактики антисоциального реагирования стоит рассматривать практики восстановительного подхода к разрешению конфликтных и напряженных ситуаций между людьми.

Концепция восстановительного правосудия (и шире — восстановительного подхода) — это система теоретических представлений и набор способов, процедур и приемов работы, используемых в ситуации преступления, конфликта, в обстоятельствах эскалации взаимонепонимания, отчуждения и напряженности в отношениях между людьми и всплеска насилия. Ключевое положение, на котором базируется восстановительная концепция, — это восстановление субъектности: делегирование людям самим разрешать собственные проблемные ситуации/конфликты.

Благодаря использованию восстановительных программ разрешается не только локальная проблема, но и группа берет на себя ответственность за случившееся и за предотвращение подобного в будущем. Например, для профилактики и работы с остракизмом в образовательной среде важно понимать, что «группа» включает в себя не только несовершеннолетних, но и педагогов, и родителей (Путинцева Н.В., 2023). Технологии восстановительного подхода, реализованные на практике, способствуют профилактике деструктивного взаимодействия между участниками образовательного процесса и формированию у учащихся позитивной общности с просоциальными нормами поведения, где нет места травле и остракизму (Коновалов А.Ю., Путинцева Н.В., 2018).

Литература

1. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 3. С. 127-140. doi: 10.17759/psylaw.2019090310
2. Коновалов А.Ю., Путинцева Н.В. Круг сообщества [Электронный ресурс] // Каталог психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде. М.: Общественная организация «Федерация психологов образования России», 2018. С. 191–195. URL: <https://rospsy.ru/sites/default/files/FPOdocuments/Каталог%20психолого-педагогических%20программ%20и%20технологий.pdf> (дата обращения: 27.09.2024)
3. Путинцева Н.В. Система работы в восстановительном подходе по профилактике и в ситуации травли в образовательной среде / Антология остракизма; Учебное пособие под. ред. Е.Э. Бойкиной. М.: ИД «Городец», 2023, с. 247–253.

Зачем восстановительное правосудие юридической психологии

Карнозова Л.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Коченовские чтения принадлежат к числу важнейших событий в жизни юридической психологии, где обсуждаются актуальные вопросы, представленные проблематикой как традиционных областей этой сферы науки и практики, так и складывающихся направлений. К числу последних относится и восстановительное правосудие.

Восстановительное правосудие как методологический подход, концепция и практика стало конструктивным ответом на критические позиции новой криминологии 1960-х–1970-х годов в отношении доминирующей карательной парадигмы уголовного правосудия, а, с другой стороны, – на концептуальную слабость альтернатив, которые предлагались прежде (Walgrave, Aertsen и др., 2013). В основе практики восстановительного правосудия – специально организованная встреча правонарушителя и жертвы, а также иных лиц, задетых преступлением, эмоционально насыщенный диалог, достижение взаимопонимания, признание несправедливости произошедшего, заглаживание вреда, урегулирование отношений, обсуждение будущего.

В России практика восстановительного правосудия развивается с конца 1990-х годов (см.: <https://tj-rus.ru/>) и началась с программ восстановительной медиации между правонарушителем и жертвой. Из программ восстановительного правосудия по уголовным делам выросло движение восстановительных практик, которые используются и в других сферах, где доминируют подходы, ориентированные на поиск виноватых и наказание, стигматизацию и десубъективацию:

- разрешение школьных конфликтов/сложных ситуаций;
- разрешение семейных конфликтов/сложных ситуаций;
- работа по нормализации семейных связей лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, и пр.

В связи с таким расширением мы говорим сегодня о восстановительном подходе в работе с криминальными, конфликтными и иными сложными ситуациями человеческих отношений. В качестве реализационных форм выступают не только восстановительная медиация, но и другие виды процедур – круги сообщества, семейные групповые конференции и их сочетания в сложных ситуациях.

Притом что практика восстановительного правосудия складывается в мире в течение нескольких десятилетий, она остается инновационной. Новизна касается как минимум трех вещей (их последовательность не означает приоритетов, все это – аспекты того, что мы называем «восстановительным подходом»). Во-первых, в институциональном плане речь идет о другой концептуализации уголовного правосудия: принципиально меняется понимание его целей – категория ответственности правонарушителя разотождествляется с наказанием, ответственность состоит в осознании и заглаживании вреда, исцеление пострадавшего ставится во главу угла. Во-вторых, в психологическом плане первой задачей является восстановление субъектности участников – авторской позиции в урегулировании сложных ситуаций. В-третьих, предметом работы специалиста – ведущего восстановительной программы – являются отношения, материализованные «здесь и

теперь» в диалоге и реальных взаимодействиях между людьми (в том числе разделенных на «стороны» в ситуациях преступления или конфликта), в то время как в работе практического психолога господствует индивидуалистическая парадигма. Если речь идет не о преступлении, а о конфликтной или иной сложной ситуации, сохраняется суть подхода – диалог и ответственность всех участников за урегулирование ситуации.

Нередко восстановительный подход понимается как восстановление отношений. В рамках восстановительного правосудия чаще всего речь идет вовсе не о «восстановлении отношений», а об их трансформации в ходе диалога и рефлексии, о поиске и, по выражению К. Дж. Джерджена (Гергена), «развитии новых форм связанности».

Восстановительная парадигма указывает на новый поворот в реализации традиционных и складывании новых областей юридической психологии и открывает интересные перспективы ее развития.

Литература

1. Движение за восстановительное правосудие в России. Создание и поддержка служб примирения: официальный сайт. URL: <https://tj-rus.ru/> (дата обращения: 03.11.2024)
2. Walgrave L., Aertsen I., Parmentier S., Vanfraechem I., Zinsstag E.. Why restorative justice matters for criminology [Электронный ресурс] // Restorative Justice. 2013. Vol. 1(2). doi: 10.5235/20504721.1.2.159

Механизмы возникновения конфликтогенов в межличностной коммуникации

Коваль А.С., Катренко Е.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Концепция конфликта в межличностном общении глубоко укоренилась в когнитивной системе пользователей языка, как это описано В.С. Третьяковой. Конфликт, по ее мнению, существует как когнитивный фрейм, представляющий собой стереотипную ситуацию, которая включает в себя обязательные компоненты, отражающие сам объект конфликта. Этот "конфликтный фрейм" служит ментальной конструкцией, направляющей взаимодействие, часто перерастающей в коммуникативный диссонанс, когда определенные элементы выстраиваются неблагоприятно.

В любом коммуникативном акте люди могут по-разному понимать цели друг друга или сознательно манипулировать ими. Эти расхождения по своей сути являются конфликтогенными, вызывая потенциальные разногласия при взаимодействии собеседников. Конфликтогены – лингвистические триггеры, провоцирующие конфликт – могут проявляться на всех уровнях языка. Наиболее

чувствительными к конфликтам являются просодическая и лексико-семантическая системы недопонимания в коммуникативном процессе (Семенец О.П., 2021).

Конфликтогены – это не просто языковые явления; они также коррелируют с индивидуальными психологическими особенностями. Исследования показывают, что определенные коммуникативные стили существенно влияют на речевое поведение, выявляя предрасположенность человека к конфликтам. В.С. Третьякова предлагает типологию коммуникантов, основанную на их коммуникативных установках, которые способствуют различному уровню конфликтогенного потенциала.

Присутствие конфликтогенных личностей – тех, кто в силу своего психологического склада предрасположен к разжиганию конфликтов, – еще больше усложняет общение. Такие люди, как правило, обладают определенными чертами характера, которые повышают вероятность возникновения конфликтов. Н.В. Гришина выделяет такие качества, как раздражительность, упрямство и агрессивность, как общие черты конфликтных личностей (Комалова Л.Р., 2016). Эти люди часто характеризуются слабой эмпатией, высокой потребностью в одобрении и неспособностью адекватно воспринимать намерения партнера, что усиливает их конфликтогенное поведение.

Конфликтогены можно разделить на три категории в зависимости от их происхождения: системные, обусловленные привычкой и контекстуальные.

Системные конфликтогены возникают из-за присущих языковым единицам свойств, таких как многозначность, при которой множественные значения могут вызывать недопонимание. Например, многозначные слова – лексические единицы с несколькими значениями – являются благодатной почвой для конфликтов. Присущая им двусмысленность часто приводит к различным интерпретациям.

Привычные конфликтогены связаны с частотой употребления определенных слов или выражений, которые со временем могут приобретать непреднамеренные коннотации. Контекстуальные конфликтогены возникают в конкретных обстоятельствах общения, когда контекст сильно влияет на интерпретацию.

Литература

1. Комалова Л.Р. Межличностная коммуникация: От конфликта к консенсусу: монография. М.: РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания. 2016. 180 с.
2. Мищенко В.И. Конфликтогенность личности как предмет психологического исследования [Электронный ресурс] // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2020. № 1. С.89–93. URL: https://files.tgpi.ru/nauka/vestnik/2020/2020_01.pdf (дата обращения: 03.11.2024)
3. Семенец О.П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах [Электронный ресурс] // Сибирский филологический форум. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-lingvisticheskikh-konfliktogenov-i-ih-rol-v-rechevyh-i-psihologicheskikh-konfliktah> (дата обращения: 03.11.2024)

4. Яковлева Э.Б. Межличностная коммуникация: от конфликта к консенсусу [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2017-04-018-komalova-l-r-mezhlichnostnaya-kommunikatsiya-ot-konflikta-k-konsensusu-ran-inion-m-2016-179-s-bibliogr-s-146-158> (дата обращения: 03.11.2024)

**Форма мониторинга служб примирения Москвы как способ анализа
деятельности и постановки исследовательских вопросов**

Коновалов А.Ю., Иванова А.А.

Городской психолого-педагогический центр
Департамента образования и науки г. Москвы
(г. Москва, Россия)

В России с 2000 года развиваются службы примирения в системе образования. В начале службы примирения развивались в рамках общественной инициативы, можно сказать «штучно», по несколько в разных регионах. Это определялось школами, в которых находились активные люди, которые были захвачены идеей и брали на себя роль организаторов у кураторов службы примирения как инновационной модели воспитательной работы. Однако уже в 2004 году появились первые проекты, когда службы примирения стали создаваться и поддерживаться на уровне региона (Пермский край, Волгоградская область и т.д.), в которых службы примирения исчислялись десятками и более. И при массовой практике сразу возник вопрос управления этим процессом, добровольности или не добровольности создания, удержания куратором и сотрудниками службы восстановительных принципов, соблюдения ими качества работы, и в целом понимания развития движения служб примирения в стране. Поэтому с 2009 года в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации (созданной в том же году) был запущен Мониторинг деятельности служб примирения. Фактически люди заполняли его добровольно, поскольку считали важным анализировать свою деятельность. Постепенно мониторинг усложнялся и стал включать четыре блока:

- Количественные данные, отражающие сколько работает служб примирения, сколько участников, источники передачи запросов, число и типы проведены восстановительных программ и т.д.
- Качественные данные, в которых проведенная работа сравнивалась на соответствие с принципами восстановительного подхода
- Обратная связь от участников решенных конфликтных ситуаций
- Организационные условия для работы служб примирения

Данные мониторинга обсуждались на ежегодных межрегиональных конференциях и постепенно становилось понятным, что полученные данные больше

нужны региональным координаторам для выстраивания стратегии работы в своем регионе. И для этого нужны данные фактически по каждой службе примирения. Но в условиях массовости, когда число служб примирения несколько сотен, сбор данных вручную становится малореализуемым, а анализ таких объемов информации – неэффективным.

Поэтому в Москве форма мониторинга служб примирения была оцифрована, и этот формат будет представлен в докладе. Каждая служба примирения в течение года проводит восстановительные программы и в своем рабочем кабинете на сайте <https://gsp.gpprc.ru/> заполняет «чек-лист» самоанализа, который включает как количественные данные, так и рефлексивные вопросы.

В результате кураторы службы примирения и специалисты городской службы примирения видят статус службы («вновь организованная», «на начальном уровне», «активно действующая» и т.д.), что соответствует ежегодному Мониторингу деятельности служб медиации (примирения) Министерства просвещения РФ. Видят инциденты и проведенные по ним восстановительные программы, типы ситуаций (конфликт, буллинг, обращение родителей и т. д.), а также видят сложности, отмеченные ведущими восстановительных программ, решения, принятые по результатам проведенных программ, обратную связь от участников и т.д.

Это позволяет:

- мониторить деятельность служб примирения (например, при возникновении в школе острых конфликтных ситуаций и претензий родителей в вышестоящие организации видеть, что именно сделано службой примирения);

- анализировать понимание специалистами служб примирения восстановительных принципов и реагировать на возникающие пробелы в ходе вебинаров и супервизий;

- ставить управленческие задачи по отношению к процессу становления сети служб примирения (конкретизировать программы переподготовки специалистов, создавать опорные площадки и т. д.);

- ставить исследовательские вопросы для уточнения понятий, прояснения процессов, происходящих в восстановительных программах и в деятельности специалиста службы примирения.

Итоговые данные оформляются в электронной таблице, что делает возможным выявление закономерностей деятельности служб примирения. Полученный материал позволяет также обнаруживать проблемные зоны и формулировать вопросы для научных исследований.

Литература

1. Городская служба примирения Москвы: официальный сайт. URL: <https://gsp.gpprc.ru/> (дата обращения: 03.11.2024).
2. Движение за восстановительное правосудие в России. Создание и поддержка служб примирения: официальный сайт. URL: <https://tj-rus.ru/> (дата обращения: 03.11.2024).

3. Движение за восстановительное правосудие в России: мониторинг деятельности служб примирения: официальный сайт URL: <https://rj-rus.ru/articles/мониторинг-деятельности-служб-прими/> (дата обращения: 03.11.2024).

К проблеме разрешения конфликтов бывших супругов с использованием медиативных технологий

Майорова Е.В., Соболева Н.А., Буслаева Е.Л.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва, Россия)

Актуальность проблемы исследования обусловлена необходимостью поиска и выработки новых способов и форматов работы с бывшими супругами в ситуации высокой эскалации конфликта по вопросам воспитания общих несовершеннолетних детей, а также изучения возможностей коррекции межличностной вражды с использованием восстановительного подхода.

Разрешение сложных конфликтов бывших супругов в процедуре классической медиации оказалось недостаточно эффективным инструментом, поскольку требует не только прояснения позиций, интересов и потребностей на разных уровнях, но и необходимость работы непосредственно с носителями конфликта, в представлении которых сформирован «образ врага». Использование в ходе технологического процесса процедуры восстановительной медиации персонально ориентированной коммуникации, в том числе коммуникационных техник персонификации, способствует преодолению «расчеловечивания и снятия образа врага» (Максудов Р.Р., 2024).

На протяжении последних пяти лет на базе Уполномоченного по правам ребенка в Челябинской области созданы условия для применения процедуры медиации по обращениям граждан Южного Урала в связи с конфликтами и спорами, затрагивающих интересы несовершеннолетних. Работу в данном направлении ведут медиаторы Ассоциации «Лига медиаторов Южного Урала». Ежегодно, в рамках сотрудничества проводится не менее 100 премедиационных консультаций и не менее 35 медиаций. Зафиксирован высокий процент достижения договоренностей между сторонами в процедуре медиации (в сегменте 75–80% ежегодно). При этом за период 2022–2023 года в категории семейных конфликтов выделены 63 обращения, которые не перешли в процедуру медиации. Доминирующей причиной невозможности проведения медиации явилось нежелание стороны (или обеих) участвовать в переговорах. Анализ позволил обнаружить, что наибольшая доля таких случаев проявилась среди бывших или разводящихся супругов по вопросам воспитания общих несовершеннолетних детей. В ходе премедиационной консультации выяснялось, что заявитель и/или второй участник конфликта не нацелены на разрешение спорных вопросов в интересах детей. При прояснении оснований

противоречий участник в большей степени проявлял недоверие ко второму родителю, речь носила обвинительный характер, основная часть негативных эмоций была направлена на личность. Такие ситуации называли сложными, так как склонность родителей к внешнеобвиняющим реакциям и эксплозивность являются преобладающими факторами (Сафуанов Ф.С., Русаковская О.А., 2012).

Цель нашего исследования состоит в расширении способов и форм работы медиатора с «образом врага» в конфликтах бывших супругов, где растут несовершеннолетние дети, с использованием восстановительной медиации.

Эмпирическая часть исследования предполагает получение достоверных данных об эффективности выявленных способов и форм работы с «образом врага» для формирования готовности бывших или разводящихся супругов к конструктивному разрешению конфликтов по вопросам воспитания общих детей. Исследование основано на использовании формирующего эксперимента с применением метода рефлексии.

Практическое применение полученных результатов, на наш взгляд, позволит помочь бывшим супругам выстраивать межличностные отношения через преодоление опыта взаимодействия в браке к сородительству в интересах общих несовершеннолетних детей.

Литература

1. Максудов Р.Р. Реконструкция работы со случаем на основе нового понимания понятий из арсенала восстановительного правосудия, которые можно использовать для работы с конфликтами [Электронный ресурс] // Доклад на семинаре межрегиональной рабочей группы развития восстановительного правосудия. 2024. URL: https://t.me/restorative_justice_R (дата обращения: 03.11.2024).
2. Сафуанов Ф.С., Русаковская О.А. Индивидуально-психологические особенности родителей как предикторы высококонфликтных разводов [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2012. Том 4. № 2. С.1–14. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53468 (дата обращения: 03.11.2024).

О дефицитарности исследований личностных характеристик медиатора

Меньшикова Т.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Возможности медиации как альтернативного вида разрешения споров и конфликтов и востребованность процедур и медиативных практик в разных сферах социальной жизни являются достаточно исследованным процессом. Предметом

рассмотрения становятся проблемы подготовки и переподготовки специалистов для эффективной деятельности в роли независимого посредника в урегулировании споров и возможные ограничения в профессиональной деятельности медиатора специалистов с опытом и профессиональными компетенциями юриста или психолога (Курганская М.Я., 2019). Отмечается высокий потенциал применения медиативных практик в высшем образовании, что ведёт к снижению уровня конфликтов в этой сфере, к сокращению протекания их во времени и снижения негативного влияния на учебный процесс (Вечерина О.П., Путалова И.Б., 2021).

При этом ряд исследователей отмечают, что существует практический запрос в изучении особенностей межличностных отношений сторон – участников медиации и медиатора. Однако работ, раскрывающих социально-психологический аспект медиации, крайне мало, редко рассматривается характер взаимоотношений медиатора и участников медиации (Удавихина У.А., 2022).

Исследуя роль медиатора в процессе урегулирования спора, М.Я. Курганская отмечает, что задачей медиатора является содействие в изменении взглядов сторон, так как стороны в споре имеют фиксированные, жёсткие позиции. В исследовании У.А. Удавихиной обосновано изучение процесса медиации как социально-психологического феномена, включающего различные подходы, стили ведения медиации, уровни эмоционального интеллекта и направленности личности медиатора, а также межличностные отношения медиатора и участников медиации. (Удавихина У.А., 2022).

На данном этапе развития применения и распространения медиации в нашей стране ряд исследователей отмечают назревшую необходимость изменений в образовательных стандартах подготовки медиаторов. Идет формирование законодательной базы, направленной на повышение профессионального уровня медиаторов. Есть запрос от профессионального сообщества, который отвечает современным вызовам развития медиации и потребностям общества и заключается в увеличении количества часов переподготовки и законодательного закрепления магистерского уровня подготовки медиаторов. Особо отмечается необходимость специализации медиаторов и возможность практически отрабатывать профессиональные навыки в разных видах медиации при обучении.

Важность и актуальность исследований личностных характеристик практикующего и/или обучающегося медиатора, а также изучение психологического портрета медиатора представляется нам интересным и новым аспектом исследований по проблематике медиации.

Возможный аспект будущего исследования — это значение, возможности и влияние супервизии как системы профессиональной поддержки специалиста, области непрерывного образования и сопровождения деятельности медиатора на всех стадиях и этапах его деятельности, а также помощи в осмыслении, понимании, рефлексии возникающих затруднений и сложностей. Мы рассматриваем супервизию как необходимую и регулярную практику для повышения эффективности и результативности проводимых процедур, так и в качестве профилактики выгорания и

расширения потенциала развития профессиональных компетенций, повышения уровня самоанализа и увеличения возможностей медиативных технологий для урегулирования сложных споров.

Литература

1. Вечерина О.П., Путалова И.Б. Проблемы профессиональной подготовки медиаторов в России // Современное образование. 2021. С. 1-13. doi: 10.25136/2409-8736.2021.1.34746
2. Курганская М.Я. Профессионально-личностные компетенции медиатора и его роль в процессе внесудебного урегулирования споров // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 7А. С.158 - 169.
3. Удавихина У.А. Социально-психологические особенности профессиональной деятельности медиатора: дис...канд. психол. наук. СПб., 2022. 347 с.

Восстановительные практики и медиативные технологии как инструменты сохранения психологической безопасности детей в дошкольных организациях

Мусатова И.Б., Дворянчикова К.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Данные различных мониторингов в российском образовании показывают, что конфликты в школьной и дошкольной среде сложны и многоаспектны. Они являются серьезной проблемой в системе сохранения и поддержания психологической безопасности в образовании. Научить ребенка уже в детской образовательной организации (далее – ДОО) правильно и грамотно разрешать спор, а не избегать конфликта; не искать компромисс, а уметь договориться так, чтобы не было проигравших – задача современного педагога (Путинцева Н.В., 2023).

Чаще всего дети находятся в ДОО по 12 часов в день пять дней в неделю. Вечером родители торопятся привести ребенка домой. Часто от родителей воспитанников часто можно услышать ответ: «Ой, дети так скучают по своим планшетам, игрушкам – они в своей комнате, мы их и не видим вечером». Как правило темп современной жизни не оставляет время современным родителям и в выходные: не всегда есть возможность и желание собраться всей семьей – обсудить, как прошла неделя: что происходило с тобой, о чем мечтаешь, чего хочешь, чем помочь, что подсказать?

Современный ребенок не всегда получает в семье опыт общения с людьми; не знает, как можно сказать о своих желаниях и чувствах другому человеку; не научен, как договариваться со сверстником в спорной ситуации. В этой связи необходимо, чтобы воспитатель умел осуществлять не только целостный педагогический процесс, создавая развивающую среду для воспитанников, но и владел медиативными технологиями, умел грамотно разрешить любой педагогический конфликт.

«Живые» конфликты могут потребовать от педагога быстрого реагирования, тесного взаимодействия со сторонами. Применение медиативных технологий помогает воспитателю разрешать спорные и конфликтные ситуации. Простые вопросы, ежедневно задаваемые с проявлением эмпатии и внимания каждому воспитаннику, помогут выработать у ребенка привычку прислушиваться к себе, понимать свои чувства и потребности. Компетентный педагог может привести своих воспитанников к пониманию того, что у них всегда есть выбор во всех своих действиях; к умению фокусироваться на том, что для них действительно важно, а также к пониманию того, что «нападение со стороны другого» может быть привлечением внимания и желанием другого ребенка сказать: «Я здесь! Услышь меня, обрати на меня внимание!» Умение договориться так, чтобы не было проигравших, чтобы у каждого из участников конфликта была возможность сказать о своих чувствах и желаниях, необходимо сегодня каждому человеку (Садовникова М., 2019).

Игра является ведущей деятельностью в дошкольном возрасте. В этой связи использование в дошкольном коллективе медиативной игры «Давай дружить!» даёт возможность детям прожить великое множество ситуаций, необходимых для получения коммуникативного опыта и овладения навыками медиативных технологий; создает благоприятные условия для развития у детей умения управлять конфликтом, своими эмоциями и чувствами, развивает в них эмпатию и бережное отношение к себе и другим людям (Мусатова И.Б., 2024).

Введение в ежедневную практику утренних и вечерних кругов для детей, использование медиативной игры по правилам в работе с воспитанниками, проведение родительских собраний в формате «Круга сообщества» – всё это поможет обратить внимание родителей на проблему нехватки общения с ребёнком со стороны взрослых и создаст благоприятную психологическую атмосферу в дошкольной организации.

Литература

1. Мусатова И.Б. Медиация. Молодость. Будущее! // Материалы II Международного фестиваля (г. Ярославль, г. Москва). М.: Канцлер, 2024. С. 71–74.
2. Садовникова М. Школа и медиация. Давайте конструктивно общаться! М.: Издательские решения, 2019. 60 с.
3. Путинцева Н.В. Система работы в восстановительном подходе по профилактике и в ситуации травли в образовательной среде // Антология остракизма / Учебное пособие под ред. Бойкиной Е.Э. М.: ИД «Городец», 2023. С. 247–254.

Качественная стратегия исследований реализации восстановительного подхода

Пастухова Е.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Восстановительный подход представляет собой альтернативный вариант разрешения конфликтов, криминальных ситуаций и иных сложных ситуаций в человеческих отношениях. Реализационные формы этого подхода – восстановительные программы – в отличие от практик осуждения и стигматизации предполагают удовлетворение потребностей всех участников и «восстановление нарушенного порядка вещей», представляя собой конструктивное разрешение сложившейся ситуации (Зер Х., 2002; Карнозова Л.М., 2014).

В России становление восстановительного подхода началось с 1997 года. В настоящее время восстановительные программы реализуются по нескольким направлениям, среди которых урегулирование школьных конфликтов, восстановительная медиация по уголовным делам с участием несовершеннолетних, урегулирование семейных конфликтов и сложных ситуаций (Карнозова Л.М., 2014; Коновалов А.Ю.).

Развивающаяся практика нуждается в исследованиях, в частности, социально-психологических, в которых в силу специфики предмета качественные методы приобрели широкое распространение (Андреева, 2021). Важность такой исследовательской стратегии диктуется актуальными вопросами относительно содержания новой практики: что происходит в ходе восстановительных программ, какое влияние они оказывают как на участников разрешающегося конфликта, так и на социальную группу, где используется восстановительный подход, за счет каких механизмов происходит трансформация участников. Исследования восстановительных практик направлены на углубление нашего понимания механизмов исцеления от травмы и процессов изменения поведения и нацелены на разработку более эффективных технологий работы с людьми в ситуациях нарушенных отношений.

Качественная стратегия предполагает сбор и анализ свободных данных. Качественные данные собираются в естественной обстановке в ходе непосредственного взаимодействия исследователя с респондентом. Таким образом мы получаем живую информацию, которая зачастую наполнена нюансами и может казаться избыточной. Но именно такая стратегия исследования позволяет получить развернутое описание случаев, учесть социальный контекст и повседневный язык представителя социальной группы (Бусыгина Н.П., 2024). В теоретическом плане восстановительный подход имеет развитый категориальный аппарат, но в контексте исследования его реализации представляется важным индуктивный характер вывода данных, который позволяет идти от практики к теории, гипотезы «извлекаются» из материала, а не выдвигаются заранее.

Важно отметить, что, при необходимости, качественная стратегия исследования допускает переход к количественной обработке данных. Качественные и количественные методы сбора и анализа данных не являются противопоставленными (Корнилова Т.В., 2010). Напротив, они могут дополнять друг друга, обеспечивая более полное понимание исследуемого явления. Количественные методы могут дать общую картину, в то время как качественные методы способны раскрыть индивидуальные истории и дать глубинное понимание контекста. Такой путь приводит нас к возможному обращению к «смешанным методам исследования» (mixed methods research), которые предполагают интеграцию качественных и количественных методов, что также отвечает специфике социально-психологического исследования.

Возвращаясь к необходимости исследований высококонтекстной практики восстановительного подхода, можно заключить, что качественная стратегия играет ключевую роль, позволяя всесторонне изучить интересующие нас феномены.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2021. 360 с.
2. Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии: Учебник вузов. М.: Юрайт, 2024. 423 с.
3. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / Пер с англ., под общ. ред. Л. М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.
4. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М.: Проспект, 2014. 264 с.
5. Коновалов А. Ю. Школьные службы примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / Под ред. Л. М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 256 с.
6. Корнилова Т.В. Основные тренды в развитии методов психологических исследований // Экспериментальная психология в России. Традиции и перспективы / Под. ред. В.А. Барабанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 42-46.

Юридикo-коммуникативная компетентность медиатора и его роль в процессе внесудебного разрешения споров

Усманова Е.Ф.

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»
(г. Саранск, Россия)

В современном мире коммуникативная компетентность играет важную роль в профессиональной деятельности не только юриста любой специализации, но и профессионального медиатора. Именно медиатору принадлежит ведущая роль в процессе внесудебного урегулирования споров и именно от него зависит, смогут ли стороны превратиться из противоборствующих в договаривающихся, смогут ли они найти приемлемое для всех решение.

Навык эффективного общения с клиентами, коллегами, умение выявлять глубинные интересы сторон, интерпретировать и передавать информацию, логически и аргументированно излагать свои мысли, контролировать эмоции и не терять спокойствия – всё это является основой успешной коммуникации при решении юридических споров.

Проанализировав коммуникативные навыки медиатора можно отметить, что под юридико-коммуникативной компетентностью медиатора следует понимать системное образование, характеризующееся наличием следующих знаний, умений и навыков: знания в области психологии, конфликтологии, лингвистики, знание правил этикета и умение использовать их в профессиональном общении; владение юридической терминологией; умение воспринимать, анализировать и использовать правовую информацию применительно к конкретной ситуации; владение вербальными и невербальными средствами общения; владение коммуникативной гибкостью; владение речью, которая охватывает профессиональные юридические понятия и категории, содержащей речевые обороты, выражения и конструкции, отвечающие требованиям и правилам речевого этикета и юридической техники, и влияющей на формирование и поддержание эффективного взаимодействия в профессиональной юридической деятельности; умелое профессиональное использование стилей и жанров языка согласно месту, времени, обстоятельствам, статусу и ролевым особенностям собеседника; умение правильно организовывать диалог в различных ситуациях профессиональной деятельности юриста; умение решать коммуникативные задачи в условиях профессионального общения; умение быстро и на высоком уровне оценивать коммуникативную ситуацию, принимать решения и планировать коммуникативные действия; владение основами риторических знаний и умений; владение навыками адекватного реагирования на чужую речь, убедительно отстаивая собственную позицию и соблюдая речевые и этико-психологические правила поведения и др. Кроме этого к личным и профессиональным качествам, влияющим на успешность процедуры медиации относятся: активность, общительность, невыраженная ответственность, импульсивность, абстрактность и закрытость, а также самоконтроль и управление конфликтом (Корнеева Я.А., Шахова Л.И., Сорванова А.К., 2020).

Роль медиатора заключается в содействии сторонам, участвующим в процедуре медиации, при выработке взаимоприемлемого решения, которое будет служить

взаимному удовлетворению спорящих сторон. Перед медиатором стоит задача углубить понимание и повысить ответственность сторон как «собственников» конфликта, которые лучше, чем кто-либо другой, знают путь к его разрешению. Роль медиатора в том и заключается, чтобы помочь сторонам увидеть и осознать, где именно пролегает этот путь (Шамликашвили Ц.А., 2017).

Высокий уровень юрико-коммуникативной компетентности поможет медиатору расположить к себе клиентов, выстроить с ними доверительные отношения, быстро и эффективно разрешить возникший конфликт.

Литература

1. Корнеева Я.А., Шахова Л.И., Сорванова А.К. Профессиональные компетенции медиаторов с различной успешностью проведения примирительных процедур // Психология и психотехника. 2020. № 4. С. 53-77.
2. Шамликашвили Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2017. 77 с.

Исцеление потерпевшего и ответственность правонарушителя при участии в восстановительных программах по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних

Хованская Т.В.

ГБУ Архангельской области для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи,

«Центр психолого-медико-социального сопровождения «Надежда»
(г. Архангельск, Россия)

Восстановительная программа является двусторонним процессом, в котором рассматриваются потребности жертвы и возможности обидчика загладить причиненный вред. Нет цели непременно наказать правонарушителя. На восстановительной программе благодаря диалогу с пострадавшим и его семьей обидчик – с обязательной поддержкой своей семьи или близкого окружения – принимает на себя ответственность за исправление последствий содеянного. Как показывает наша многолетняя практика, такая программа становится для него подлинным уроком.

Сначала проводятся предварительные встречи ведущего восстановительной программы со сторонами по отдельности для прояснения ситуации, отношения к случившемуся и предложения встретиться с другой стороной. На общей встрече сторон ведущий помогает наладить процесс коммуникации между ними. Несовершеннолетние участники конфликта и их законные представители имеют возможность выразить отношение к ситуации, в которую они попали, переживания,

услышать друг друга и осознать последствия совершенного правонарушения, обсудить варианты выхода, загладить причиненный вред.

Например, из Соломбальского районного суда г. Архангельска поступила заявка на проведение восстановительной программы: несовершеннолетний, 16 лет, похитил станцию «Алиса» у девочки 13 лет (ст.158 ч.1 УК РФ).

На предварительной встрече с ведущим правонарушитель описал сложившуюся ситуацию: «Несколько раз видел во дворе девочку с «Алисой». Мне очень хотелось такую вещь, но мама мне отказывала в покупке. В тот день я подошел к скамейке, взял «Алису» и убежал». На вопрос о последующих событиях несовершеннолетний пояснил, что сначала был очень рад, но потом стало плохо на душе, страшно. Похищенное в короткий срок нашли правоохранительные органы, и несовершеннолетний сразу признался, что присвоил эту вещь.

Несовершеннолетняя потерпевшая и ее законный представитель (мать) рассказали, что «Алиса» представляла для девочки особую значимость, так как была подарена родителями за успехи в учебе. Подарок был для неё очень важен, так как подтверждал, что родители ее любят и ценят. После случившегося девочка испытала сильную обиду, долго плакала: «У меня отобрали не какую-то вещь, а живое, любимое, что было мной заслужено тяжелым трудом».

На встрече сторон девочка рассказала о своих переживаниях. В ходе её повествования мальчик покраснел, опустил глаза, прятал руки под стол, за которым сидели все участники встречи. Было видно, что подросток переживает в этот момент сильные эмоции, связанные со стыдом.

Потерпевшей и ее маме было очень важно, что несовершеннолетний сам проявил искреннее желание принести извинения, загладить причиненный вред. Они приняли извинения и признались, что почувствовали облегчение после восстановительной программы.

Законный представитель несовершеннолетнего (мать) была потрясена поступком сына, испытала чувства негодования, злости, стыда и обиды за то, что он сделал. Она сказала, что ей стало страшно за будущее сына. Она принесла извинения за его действия и очень переживала, что, вероятно, где-то недоглядела, а, может, плохо воспитала сына. На что мать потерпевшей успокоила ее, сказав, что мальчик уже исправляется.

Встреча сторон прошла успешно. Стороны подписали примирительный договор. Подросток признался, что не предполагал, насколько дорога была «Алиса» девочке, вообще не задумывался об этом до этой встречи. На вопрос, «что сделать, чтобы подобная ситуация не повторилась», который всегда обсуждается на восстановительных программах, несовершеннолетний сказал, что никогда не будет брать чужого. Решил во время каникул найти подработку. И понял, как важно думать о последствиях своих действий.

Уголовное дело в отношении несовершеннолетнего было прекращено судом по ст. 25 УПК РФ за примирением сторон.

Восстановительные технологии в профилактике деструктивных семейных отношений осужденных женщин

Шестопалова В.В., Дебольский М.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Необходимо отметить важность этапа подготовки к освобождению осужденных женщин. Временная изоляция от общества вносит коррективы в жизнь осужденной женщины, влияет на ее семейные отношения. Особенно остро стоит вопрос в отношении женщин, имеющих детей. В этот момент она лишена возможности полноценного контакта с детьми. Поддержка семьи положительно влияет на психологическое состояние осужденных женщин, помогает сохранить детско-родительские отношения (Царева Е.В., 2011).

С целью изучения семейных отношений и личностных особенностей осужденных женщин, нами было проведено эмпирическое исследование. В нем приняли участие 50 осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Алтайского края (ЛИУ-8, КП-2, ИК-6). В ходе исследования использованы: карта социальных контактов; авторская анкета для выявления семейных отношений; тест Шмишека; шкала семейного окружения. Мы разделили выборку осужденных женщин на три группы: женщины, имеющие детей; имеющие детей, но лишённые родительских прав; не имеющие детей.

Акцентуации характера существенно влияют на выстраивание коммуникаций, в том числе в семейных отношениях. Проведенное исследование показало, что у *осужденных женщин, имеющих детей*, преобладают высокие показатели тревожного типа акцентуаций, а также стремление к положительному изменению (личностному росту) и ориентация на достижение, успех. Можно полагать, что эти личностные качества и само наличие детей, за которых нужно нести ответственность, делает их более ориентированными на достижения. В условиях исправительной колонии это стремление прежде всего к условно-досрочному освобождению. В общении данные лица не склонны к конфликтам. Это подтверждает контент-анализ описания семейных отношений осужденных женщин, имеющих детей, а также тот факт, что 68% женщин этой группы продолжают поддерживать контакты с семьёй.

У *осужденных женщин имеющих детей, но лишённых родительских прав*, преобладают лица с высокими показателями акцентуаций возбуждимого типа. Их гораздо больше, чем среди женщин, не лишённых родительских прав, и в группах не имеющих детей. У них, как правило, разорваны семейные связи, в том числе с детьми. Все женщины, лишённые родительских прав, должны выплачивать алименты на содержание своих детей, но, как правило, уклоняются от этих обязанностей, и 80% таких матерей привлечены также к уголовной ответственности по статье 157 УК РФ (неуплата алиментов). Для них характерны импульсивные проявления, агрессивность в поведении, конфликтность. Можно предположить, что в связи с этим родственники,

воспитывающие детей осужденных женщин, лишенных родительских прав, порой препятствуют общению женщин с их детьми. О том, что родственники не дают им общаться с детьми, осужденные женщины указали в анкете. На вопрос «По какой причине не поддерживаете связь с детьми?» 46 % женщин ответили, что родственники, с которыми проживают дети, не дают общаться. В одних случаях это может быть истиной, в других – самооправданием, проявлением психологической защиты.

На территории Алтайского края при поддержке Министерства труда и социальной защиты с 2018 года реализуется проект «Воссоединение семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, развитие добрососедских отношений с помощью восстановительных программ» (Ковалева Ю.А., 2020). Опыт показывает, что эффективность реализации данного проекта существенно повышается, когда он начинает реализовываться еще на этапе подготовки к освобождению с учетом психологических особенностей жизненного пути осужденных.

Литература

1. Ковалева Ю.А. Восстановительные технологии в Алтайском крае // Вестник восстановительной юстиции. 2018. № 15. С.79-83.
2. Царева Е.В. Поддержание семейных связей как фактор ресоциализации осужденных женщин // Реформирование пенитенциарных учреждений и актуальные вопросы ресоциализации осужденных (в свете требований Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года). Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 24-25 ноября 2011 г.): В 2 ч. Вологда, 2011, Ч. 1. С. 230-233.

СПИСОК АВТОРОВ

Абрахова Ольга Александровна, студентка ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова» (г. Якутск, Россия)

Абросимов Илья Николаевич, ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава России, ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» Минобрнауки России, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Ажимов Василий Владимирович, старший психолог межрегионального отдела психологической работы УФСИН России по Удмуртской Республике (г. Ижевск, Россия)

Алексеева Наталья Валерьевна, медицинский психолог ГБКUZ ЯО «Ярославская областная психиатрическая больница», старший преподаватель кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова» (г. Ярославль, Россия)

Алигаева Нигар Назимовна, преподаватель кафедры ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского» (г. Калуга, Россия)

Андреанов Михаил Семенович, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Анисимова Наталья Андреевна, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», капитан полиции (г. Воронеж, Россия)

Антышева Елена Николаевна, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский университет» Минздрава России, (г. Иваново, Россия)

Анфилова Ольга Родионовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Арефинкина Екатерина Геральдовна, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Сочинского института (университета) ФГАОУ ВО "Российский университет дружбы народов", кандидат юридических наук (г. Сочи, Россия)

Асланова Валерия Самировна, магистрантка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Атаджыкова Юлия Акмурадовна, младший научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья»

Афанасьев Евгений Павлович, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бажанова Инга Сергеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Барцева Ксения Викторовна, младший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Батраков Алексей Владимирович, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Сибирский Государственный Университет путей сообщения» (г. Новосибирск, Россия)

Беликова Алина Александровна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Белоногова Елена Валентиновна, руководитель отдела восстановительных практик, медиации и служб примирения ГОО "Кузбасский РЦППМС", кандидат психологических наук (г. Кемерово, Россия)

Белых Светлана Леонидовна, доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Березянская Юлия Валерьевна, психолог сектора экстренного реагирования и психологического консультирования Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бичевина Дарья Сергеевна, младший научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Богаченкова Дарья Сергеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Богданович Наталья Викторовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бойкина Екатерина Эдуардовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бойко Ольга Михайловна, научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Бокова Наталья Владимировна, начальник отделения психологического обеспечения ФКУ "Уголовно-исполнительная инспекция" УФСИН России по г. Москве (г. Москва, Россия)

Борисова Светлана Евгеньевна, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат психологических наук (Москва, Россия)

Булдыгина Вера Геннадьевна, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», руководитель Лаборатории психогигиены и психопрофилактики ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Бурцев Антон Олегович, начальник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бусарова Ольга Ренатовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Буслаева Елена Леонидовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Вартанян Гаянэ Аршалуисовна, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варфоломеева Елена Алексеевна, доцент кафедры юридической психологии и педагогики ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета

Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Васильева Инна Витальевна, заведующая кафедрой общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет», профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников ОВД «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», доктор психологических наук, доцент (г. Тюмень, Россия)

Васкэ Екатерина Викторовна, доктор психологических наук, кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник РФЦСЭ при Минюсте России, главный эксперт ГБУ г.Москвы «Московский исследовательский центр», профессор кафедры управления следственной деятельности ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», профессор ФГАОУ ВО «НИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского», руководитель Центра юридической психологии (г. Москва, Россия)

Вахнина Виктория Владимировна, заведующая отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Великодворская Елизавета Вячеславовна, старший преподаватель кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Вечерин Александр Викторович, старший преподаватель НИУ «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Власов Иван Владимирович, магистрант факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Власова Наталия Викторовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Войтко О.К., Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (г. Минск, Республика Беларусь)

Волик Анастасия Сергеевна, педагог-психолог Филиал ГБУ Запорожской области «Областной центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» г. Бердянск (г. Бердянск, Россия)

Воложанина Вероника Вячеславовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Воробьева Анастасия Алексеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Воронова Елизавета Алексеевна, студентка Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия)

Воронова Юлия Владимировна, заведующая кафедрой юридической психологии и педагогики ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воронкова Анна Александровна, переводчик сектора объединенной редакции научно-периодических изданий Управления информационными и издательскими проектами ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Воронцова Оксана Юрьевна, научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Ганузин Валерий Михайлович, доцент кафедры педиатрии ИНПО ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет», кандидат медицинских наук, доцент (г. Ярославль, Россия)

Гирфатова Альмира Равиловна, доцент кафедры общей и педагогической психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», кандидат психологических наук (г. Уфа, Россия)

Голенков Алексей Анатольевич, заведующий отделением социальной диагностики ГБУ СРЦ «Возрождение»; аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Гольцова Надежда Александровна, адвокат Московской коллегии адвокатов «Перспектива» (г. Москва, Россия)

Гомелля Юлия Игоревна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Горина Анастасия Львовна, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Гребенников Юлия Леонидовна, доцент кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», кандидат

психологических наук (г. Мытищи, Россия)

Гребень Наталия Федоровна, старший научный сотрудник ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» (г. Минск, Республика Беларусь)

Григорова Зинаида Николаевна, доцент кафедры общей и прикладной психологии ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, кандидат социологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Гриценко Татьяна Викторовна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Ростовский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гурина Оксана Дмитриевна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Дебольский Михаил Георгиевич, профессор кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Делибалт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Денисов Егор Владимирович, старший преподаватель департамента психологии НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Деулин Дмитрий Владимирович, декан факультета экстремальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Диденко Екатерина Дмитриевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дозорцева Елена Георгиевна, профессор кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», заведующая лабораторией психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им.

В.П. Сербского» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Дягилев Александр Викторович, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Егорова Полина Львовна, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский университет» Минздрава России, (г. Иваново, Россия)

Емелин Глеб Дмитриевич, аспирант факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник лаборатории психодиагностики и развития персонала НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (г. Москва, Россия)

Ениколопов Сергей Николаевич, заведующий отделом медицинской психологии ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Ермакова Вера Владимировна, педагог-психолог ГОУ ДПО ТО «Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области» (г. Тула, Россия)

Ефимова Ирина Вадимовна, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ «Университета прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Железнякова София Андреевна, студентка ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Жердева Александра Анатольевна, студентка ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Жирнова Ольга Владимировна, младший научный сотрудник Лаборатории экспериментальной патопсихологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Жодзишская Лидия Николаевна, аналитик ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», магистрантка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Жукова Галина Николаевна, директор МКУ Миасского городского округа «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» (г. Миасс, Россия)

Жукова-Валиковская Светлана Валерьевна, выпускница ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», медицинский психолог (г. Москва, Россия)

Заика Вероника Витальевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Запорожец Дина Валентиновна, старший воспитатель МБДОУ 47, выпускница магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (пос. Эльбан, Хабаровский край, Россия)

Зейгер Маргарита Владимировна, научный сотрудник ФГБУ "Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П.Сербского" Минздрава России, (г. Москва, Россия)

Иванова Алена Алексеевна, сотрудник службы примирения Городской психолого-педагогический центр Департамента образования и науки г. Москвы (г. Москва, Россия)

Ильина Валентина Анатольевна, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук, доцент, юрист 1 класса (г. Иркутск, Россия)

Иртегова Мария Михайловна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Кадочникова Ирина Владимировна, старший психолог психологической службы ГУФСИН России по Челябинской области, кандидат психологических наук (г. Челябинск, Россия)

Калашникова Анна Сергеевна, старший научный сотрудник лаборатории психологии, руководитель отдела коммуникационной и издательской деятельности ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России; доцент кафедры клинической и судебной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Карбачева Дарья Александровна, магистрантка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Карнозова Людмила Михайловна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Кастальская-Бороздина Александра Алексеевна, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, медицинский психолог (г. Москва, Россия)

Катренко Елена Александровна, студентка магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ким Ксения Васильевна, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова», кандидат психологических наук (г. Якутск, Россия)

Ким Лилия Евгеньевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Киселева М.Г., ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова» Минздрава России (Сеченовский Университет), Психиатрическая клиническая больница № 1 имени Н. А. Алексеева (г. Москва, Россия)

Клепцова Елена Юрьевна, доцент департамента клинических, психологических и педагогических основ личности ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» Институт психологии и комплексной реабилитации, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Клепцов Н.Н., ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Коваль Александра Сергеевна, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ковальчишина Наталья Ивановна, доцент кафедры психологии и конфликтологии филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г. Минске, кандидат психологических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)

Колпаков Ярослав Витальевич, доцент кафедры консультативной психологии НОЧУ ВО «Международный университет психолого-педагогических инноваций», Институт практической и клинической психологии, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Кондаурова Ольга Петровна, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Ижевск, Россия)

Коновалов Антон Юрьевич, руководитель Городской службы примирения Городского психолого-педагогического центра Департамента образования и науки г. Москвы (г. Москва, Россия)

Коноплева Елена Александровна, кризисный психолог ГКУ «Территориальный центр мониторинга и реагирования на чрезвычайные ситуации в Свердловской области» (г. Екатеринбург, Россия)

Коноплева Инга Николаевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Косенко Елизавета Юрьевна, студентка магистратуры ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи» (г. Мариуполь, Донецкая Народная Республика, Россия)

Котова Ульяна Максимовна, студентка ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская Академия Следственного Комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Кочеткова Татьяна Николаевна, доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», кандидат психологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Круглова Елена Александровна, доцент ФГБОУ ВО «Ивановский ГМУ Минздрава России», Институт клинической психологии и психического здоровья, кандидат психологических наук, доцент (г. Иваново, Россия)

Кудренко Наталья Николаевна, психолог ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Кузнецов Игорь Владимирович, медицинский психолог кабинета судебной психологии ГБУЗ города Москвы «Психиатрическая клиническая больница №1 им Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

Кузнецов Михаил Иванович, доцент кафедры юридической психологии и педагогики ФКОУ ВО «Академия права и управления ФСИИ», кандидат педагогических наук, доцент (г. Рязань, Россия)

Кулешова Инна Николаевна, доцент ФГБОУ ВО «Ивановский государственный политехнический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Иваново, Россия)

Куливар Ирина Сергеевна, студент магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Кулькова Жанна Геннадьевна, руководитель центра Центра психологической диагностики и консультирования, психолог (г. Челябинск, Россия)

Куприянова Екатерина Анатольевна, психолог учебно-производственной лаборатории факультета юридической психологии, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Лаврешкин Никита Владимирович, психолог

Ларионова Светлана Владимировна, начальник отдела Центра опережающей профессиональной подготовки по направлению «Социальная сфера» в Свердловской области (г. Екатеринбург, Россия)

Левин Леонид Маркович, аспирант ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения» (г. Москва, Россия)

Лиханов Максим Владимирович, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Луковцева Зоя Вячеславовна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Лысенко Михаил Романович, студент Ростовский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Майорова Евгения Викторовна, уполномоченный по правам ребенка в Челябинской области (г. Челябинск, Россия)

Макаревская Юлия Эдуардовна, декан социально-педагогического факультета ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Сочи, Россия)

Макаров Сергей Юрьевич, доцент кафедры нотариата Университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент, адвокат (г. Москва, Россия)

Макарова Тамара Евгеньевна, медицинский психолог ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Малинина Анна Павловна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Малыхина Ольга Андреевна, доцент кафедры психолого-педагогического и эстетического образования ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Бердянск, Россия)

Малыхина Татьяна Петровна, доцент кафедры психолого-педагогического и эстетического образования ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Бердянск, Россия)

Мальцева Виолетта Сергеевна, студентка Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Мамедова Ирана Октай, старший преподаватель кафедры педагогики начального образования, научный руководитель педагогической практики факультета «Начальное образование», Азербайджанский Государственный Педагогический Университет, Ph.D. (г. Баку, Азербайджан)

Мартынова Анна Дмитриевна, студентка ФГБОУ ВО ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мартынова Дарья Андреевна, студентка ФГКАОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Маштакова Светлана Васильевна, студентка ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи» (г. Мариуполь, Россия)

Медведева Анна Сергеевна, старший научный сотрудник ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Медведева Т.И., ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Меньшикова Татьяна Викторовна, студентка магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мешкова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Минников Вадим Константинович, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный политехнический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Иваново, Россия)

Молотова Виктория Викторовна, соискатель кафедры общей психологии и психологии личности института психологии им. Л.С. Выготского ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Россия)

Молотов Александр Владимирович, доцент ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент (г. Барнаул, Россия)

Морозов Андрей Александрович, доцент кафедры гражданского права Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Морозова Марина Валентиновна, старший научный сотрудник, заведующая отделением психологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Мусатова Инна Борисовна, воспитатель ГБОУ Школа № 2051 г. Москва ДК 4, студентка магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мялицина Дарья Юрьевна, студентка магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Назарова Анна Сергеевна, судебный психолог-эксперт ОБУЗ «Областная клиническая психиатрическая больница «Богородское» (г. Иваново, Россия)

Насонова Дина Викторовна, зав. отделом ГБУ Воронежской области «Центр психолого–педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Натурина Дарья Андреевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Небытов Константин Владимирович, судебный психолог-эксперт НП Центр правовой помощи и независимых экспертиз «Надежда» (г. Ставрополь, Россия)

Никитина Любовь Михайловна, студентка магистратуры ФГКВОУ ВО «Военный университет им. князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Николаева Наталья Викторовна, директор научного центра «Научно-информационный центр А.Р.Т.», Московский институт психоанализа, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Никонова Ольга Евгеньевна, студентка ФГКОУ «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новикова Елена Романовна, помощник адвоката Московская коллегия адвокатов «Швырева и партнеры», кандидат экономических наук (г. Москва, Россия)

Ноздрачёв Дмитрий Игоревич, преподаватель НИУ «Высшая школа экономики», сотрудник ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Обиначная Татьяна Владимировна, старший медицинский психолог ФКУЗ «Медико-санитарная часть Министерства внутренних дел России по г. Москве», капитан внутренней службы (г. Москва, Россия)

Олейчик Михаил Игоревич, сотрудник ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Орлова Елена Александровна, профессор кафедры общей психологии НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Пастухова Екатерина Георгиевна, преподаватель кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Пахмутова Ульяна Андреевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Переправина Юлия Олеговна, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Пешкова Наталия Владимировна, руководитель Центра психологического развития «ПРОактивнcоть» (г. Реутов, Россия)

Пимонов Владимир Александрович, доцент кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Плакунова В.В., ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Письменная Людмила Владимировна, начальник психологической лаборатории ФКУ "Исправительная колония № 4 ГУФСИН России по Челябинской области" (г. Челябинск, Россия)

Плахина Анна Анатольевна, старший инспектор отдела процессуального контроля за расследованием преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, управления процессуального контроля за расследованием отдельных видов преступлений Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Погорелова Анастасия Николаевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Позняк О.Ю., ГБУ Калужской области «Центр содействия семейному воспитанию имени В.Т. Попова» (г. Калуга, Россия)

Пономарева Екатерина Сергеевна, преподаватель, аспирант кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Посыпанова Ольга Сергеевна, педагог-психолог ГБУ Калужской области «Центр содействия семейному воспитанию имени В.Т. Попова», кандидат психологических наук, доцент (г. Калуга, Россия)

Пустахайлова Надежда Владимировна, студентка ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Путинцева Наталья Владимировна, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Реутова Валентина Ивановна, ведущий научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Руженская Елена Владимировна, директор института ФГБОУ ВО Ивановский ГМУ Минздрава России Институт клинической психологии и психического здоровья, кандидат медицинских наук (г. Иваново, Россия)

Русаковская Ольга Алексеевна, старший научный сотрудник отдела СПЭ в гражданском процессе, доцент учебно-методического отдела ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, доцент кафедры клинической и судебной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», канд. мед. наук (г. Москва, Россия)

Русецкая Дарья Вячеславовна, научный сотрудник учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Рядинская Евгения Николаевна, заведующая кафедрой психологии ГБОУ ВО "Донбасская аграрная академия", доктор психологических наук (г. Макеевка, Донецкая Народная Республика)

Ряшина Вера Викторовна, методист АНО «Центр инновационных стратегий и медиаресурсов в образовании», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Савина Ольга Феликсовна, старший научный сотрудник лаборатории психологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Савостьянов Иван Васильевич, студент ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы» (г. Уфа, Россия)

Сагалакова Ольга Анатольевна, старший научный сотрудник Лаборатории экспериментальной патопсихологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Сакович Антон Александрович, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Самигуллин Ринат Рафилевич, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы» (г. Уфа, Россия)

Сафуанов Фарит Суфиянович, заведующий лабораторией психологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Сборщик Анна Олеговна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Свободный Борис Феликсович, старший специалист первого отделения отдела криминалистики Западного межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Свободный Феликс Константинович, доцент кафедры управления и психологии следственной деятельности ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Секераж Татьяна Николаевна, начальник отдела психологической экспертизы, главный научный сотрудник ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова Министерства юстиции Российской Федерации», доцент кафедры клинической и судебной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Семенова Марина Вячеславовна, адвокат Московская коллегия адвокатов «Защита» (г. Москва, Россия)

Семёнов Владимир Николаевич, начальник управления судебно-психологических экспертиз – государственный медицинский судебный эксперт-психолог Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат психологических наук (г. Минск, Республика Беларусь)

Семина Елена Викторовна, директор ГБУ Калужской области «Центр содействия семейному воспитанию имени В.Т. Попова» (г. Калуга, Россия)

Сиворонова Мария Сергеевна, старший преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Сидоренко Зоя Михайловна, психолог ГКУ СРЦ «Алтуфьево» (г. Москва, Россия)

Симакова Татьяна Александровна, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат психологических наук, доцент (г. Рязань, Россия)

Смирнова Ангелина Олеговна, студентка ФГБОУ ВО «Сибирский Государственный Университет путей сообщения» (г. Новосибирск, Россия)

Смирнова Софья Владимировна, доцент кафедры психиатрии и медицинской психологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский университет» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Иваново, Россия)

Соболева Наталья Александровна, студентка магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия)

Солдатова Елена Леонидовна, и.о.заведующего кафедрой эргономики и инженерной психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Солдатова Ксения Михайловна, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Соловьева Анна Владимировна, доцент кафедры психологии УНК ПСД ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Стародумова Азия Борисовна, клинический психолог ООО «Центр эмоциональной коррекции и психотерапии» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Степанова Полина Евгеньевна, аспирант кафедры психологии и педагогического образования ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул, Россия)

Сургутский Евгений Денисович, младший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сучкова Елизавета Львовна, главный научный сотрудник ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Тарасова Виктория Алексеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Телегина Елена Геннадьевна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиал ФГБОУ ВО "Кубанский государственный университет" в г. Новороссийске, кандидат юридических наук (г. Новороссийск, Россия)

Теплова Анна Борисовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат педагогических наук (г. Москва, Россия)

Терехина Светлана Алексеевна, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Тимофеева София Евгеньевна, студентка ФГБОУ ВО «Сибирский Государственный Университет путей сообщения» (г. Новосибирск, Россия)

Тихонова Софья Сергеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Толмачева Вера Алексеевна, аспирант ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова» Минздрава России (Сеченовский Университет), Психиатрическая клиническая больница № 1 имени Н. А. Алексеева (г. Москва, Россия)

Труевцев Дмитрий Владимирович, старший научный сотрудник Лаборатории экспериментальной патопсихологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Тудупова Туяна Цибановна, заведующая кафедрой общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», кандидат психологических наук, доцент (г. Улан-Удэ, Россия)

Туйчиева Мадина Дилшодовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Туманова Екатерина Павловна, специалист ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)

Ульянина Ольга Александровна, руководитель Федерального ресурсного центра психологической службы в системе образования Российской академии образования, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Усманова Елена Фанильевна, заведующая кафедрой государственного и административного права ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», кандидат юридической наук, доцент (г. Саранск, Россия)

Устинов Дмитрий Вячеславович, ответственный секретарь, Республиканская межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав в Донецкой Народной Республике (г. Донецк, Россия)

Федонкина Анастасия Александровна, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им.

В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Федорова Анна Викторовна, аспирант ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет» (г. Сочи, Россия)

Федорова Екатерина Михайловна, старший преподаватель кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности ФГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, Россия)

Федотов Никита Сергеевич, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Фролова Светлана Валериевна, доцент кафедры психологии, педагогики и специального образования Московского университета им. С.Ю. Витте, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Хасанов Руслан Рашиатович, следователь-криминалист, Следственный комитет Российской Федерации, Главное управление криминалистики (г. Москва, Россия)

Хованская Татьяна Валерьевна, заведующая отделением медиации Государственного бюджетного учреждения Архангельской области для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи «Центр психолого-медико-социального сопровождения «Надежда» (г. Архангельск, Россия)

Чеботарёв Иван Васильевич, выпускник аспирантуры ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (г. Москва, Россия)

Чебуренков Александр Анатольевич доцент кафедры уголовного права и процесса Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, кандидат юридических наук, доцент (г. Саранск, Россия)

Чернушевич Владимир Анатольевич, заведующий учебно-производственной лабораторией факультета юридической психологии, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чернышева Елена Викторовна, доцент кафедры ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», кандидат психологических наук (г. Екатеринбург, Россия)

Чмыхало Алёна Дмитриевна, студентка ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Чиркина Римма Вячеславовна, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Шестопалова Векира Вальдемардовна, студентка магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Шаронина Варвара Владимировна, выпускница магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Шипитько Олеся Юрьевна, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Шипшин Сергей Сергеевич, заместитель директора ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Штефан Евгений Фаддеевич, начальник кафедры психологии профессиональной деятельности ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат психологических наук (г. Вологда, Россия)

Янкович Зинаида Ивановна, студентка магистратуры Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (г. Минск, Республика Беларусь)

Camarda A.L., University of Buenos Aires, UBA, Argentina (г. Буэнос-Айрес, Аргентина)

Reid S., University of Calgary, PhD (г. Калгари, Канада)

Rubin M.J., Universidad de Buenos Aires, Facultad de Filosofía y Letras (г. Буэнос-Айрес, Аргентина)

Психология и право в современной России. Коченовские чтения
Сборник тезисов участников Всероссийской конференции
по юридической психологии с международным участием

Дизайнер - Е.С. Березовская

Компьютерная верстка - О.Р. Бусарова

Подписано в печать: 07.11.24. Формат: 60x84/16.
Гарнитура «Times». Усл. печ.п. 18,8. Усл.-изд. л. 19,2.
Электронное издание. Печать по требованию.

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29

САЙТ КОНФЕРЕНЦИИ:
<https://thekochenovconf.mgppu.ru/>

ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛ КОНФЕРЕНЦИИ:
<https://t.me/thekochenovconf>

ГРУППА КОНФЕРЕНЦИИ ВКОНТАКТЕ:
https://vk.com/the_kochenov_conference

E-MAIL ОРГКОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ:
confjp@yandex.ru

САЙТ МГППУ:
<https://mgppu.ru/>

САЙТ ФАКУЛЬТЕТА
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ.МГППУ»:
<https://mgppu.ru/project/83>
<http://www.jp.mgppu.ru/>

ГРУППА ВКОНТАКТЕ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ.МГППУ»:
https://vk.com/up_mgppu

КАНАЛ МГППУ ВКОНТАКТЕ:
https://vk.com/mgppu_official

06–08 ноября

Коченовские чтения 2024

Психология и право в современной России